

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
СОЦИОЛОГИЯ**

2020 Том 20 № 3

**Научный журнал
Издается с 2001 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) **Свидетельство о регистрации** ПИ № ФС 77-61214 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF SOCIOLOGY**

2020 Volume 20 No. 3

**Founded in 2001
by the Peoples' Friendship University of Russia**

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: СОЦИОЛОГИЯ

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 22.00.00 — социологические науки и 09.00.11 — социальная философия. Журнал включен в ядро РИНЦ, RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. Журнал индексируется в базе данных Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 20826.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология» — периодическое международное рецензируемое научное издание в области социологических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала: публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам социологической науки, широкий обмен результатами теоретических и эмпирических исследований между специалистами, работающими в различных областях социально-гуманитарного знания. На страницах журнала публикуются материалы по историографии мировой социальной мысли как классического, так и современного периода; статьи по результатам фундаментальных и прикладных исследований по проблематике специальных социологических теорий, по методологии и методике социологических исследований и др. В журнале выступают специалисты, представляющие ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также вузы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность публиковаться в нем представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные. Кроме научных статей публикуются хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/sociology>.

Электронный адрес: socioj@rudn.ru.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

RUDN JOURNAL OF SOCIOLOGY

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. The journal is indexed and abstracted in the Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN Journal of Sociology) is a peer-reviewed international academic journal publishing research in sociology and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal: to publish the results of fundamental and applied research on the topical issues of sociology, and to ensure a broad exchange of the results of theoretical and empirical studies between scientists from different fields of social sciences and humanities. In the journal one can find papers on the historiography of the classical and modern periods of the world social thought; on the results of fundamental and applied research devoted to the problems considered by special sociological theories; on the difficulties in choosing methodological approaches and techniques for the study of complex social phenomena, etc. The journal publishes papers of the authors representing the leading sociological centers, institutes, organizations, and universities in Russia and abroad. The thematic 'repertoire' of the journal presents opportunities for authors from many disciplinary fields (political scientists, historians, economists, etc.) relying on the empirical sociological data in their research. The journal also welcomes book reviews, literature overviews, and conference reports.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/sociology>.

E-mail: socioj@rudn.ru.

Подписано в печать 01.09.2020. Выход в свет 15.09.2020. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 22,1. Тираж 500 экз. Заказ № 619. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, 3

© Российский университет дружбы народов, 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Херпфер К., доктор политологии, профессор университета Вены; директор Института сравнительных социальных исследований «Евразийский Барометр»; президент Исследовательской ассоциации «Всемирное исследование ценностей», Австрия. E-mail: c.w.haerpfer@gmail.com

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Нарбут Н.П., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии РУДН, Россия. E-mail: narbut-np@rudn.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Троцук И.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии РУДН, Россия. E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Бакиров В.С., доктор социологических наук, профессор, ректор Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, академик НАН Украины, президент Украинской социологической ассоциации (Украина)

Гаспаришвили А.Т., кандидат философских наук, доцент, заместитель директора Центра стратегии развития образования МГУ им. М.В. Ломоносова

Голенкова З.Т., доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Горшков М.К., академик РАН, доктор философских наук, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Диас Николас Х., доктор политологии, профессор факультета политических наук и социологии Мадридского университета Комплутенсе (Испания)

Егорышев С.В., доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН

Иванов В.Н., член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, советник РАН

Куропятник М.С., доктор социологических наук, профессор кафедры культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Назрова И.Б., доктор экономических наук, директор Аналитического центра Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Пан Д., доктор социологических наук, профессор Института социологии Шанхайской академии общественных наук (КНР)

Подвойский Д.Г., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Пузанова Ж.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, заведующая социологической лабораторией факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Ротман Д.Г., доктор социологических наук, профессор, директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Хагендорн Л., доктор философии (социальная психология), почетный профессор Утрехтского университета (Нидерланды)

Чамбаликова М., доктор философии (социология), профессор, научный сотрудник Института социологии Словацкой академии наук, заведующая кафедрой социологии и социальной психологии высшей школы Данубиуса (Словакия)

Шафранец К., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии образования и молодежи Института социологии Университета Николая Коперника в Торуне (Польша)

Шнайдер С., доктор философии (социология), профессор Федерального университета Рио Гранде-ду Суль (Бразилия)

Шубрт И., доктор философии (социология), профессор, заведующий кафедрой исторической социологии факультета гуманитарных исследований Карлова университета (Чехия)

Шувакович У., доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Белградский университет (Сербия)

Литературный редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка *Ю.Н. Ефремова*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: socioj@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

HONORARY EDITOR

Haerpfér C., D.Sc (Political Sciences), Professor, University of Vienna; Director, Institute for Comparative Survey Research “Eurasia Barometer”; President, World Values Survey Association, Austria. E-mail: c.w.haerpfér@gmail.com

EDITOR-IN-CHIEF

Narbut N.P., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: narbut-np@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Trotsuk I.V., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Bakirov V.S., D.Sc (Sociology), Professor, Rector of V.N. Karazin Kharkiy National University, Academician of National Academy of Sciences of Ukraine, President of Ukrainian Sociological Association (Ukraine)

Gasparishvili A.T., PhD (Philosophy), Associate Professor, Deputy Director, Center for Educational Development, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Golenkova Z.T., D.Sc (Philosophy), Professor, Head of Center for Social Structure and Social Differentiation, Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Gorshkov M.K., D.Sc (Philosophy), Academician of Russian Academy of Sciences, Head of Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Hagendoorn L., D.Sc (Social Psychology), Professor Emeritus, Utrecht University (Netherlands)

Díez Nicolás J., D.Sc (Political Sciences), Professor, School of Political Sciences and Sociology, Complutense University of Madrid (Spain)

Egoryshev S.V., D.Sc (Sociology), Senior Researcher, Institute of Social and Economic Studies, Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences

Ivanov V.N., D.Sc (Philosophy), Professor, Corresponding Member and Advisor, Russian Academy of Sciences (Russia)

Kuropatnik M.S., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, Saint Petersburg State University (Russia)

Nazarova I.B., D.Sc (Economics), Head of Analytical Center, National Research University “Higher School of Economics” (Russia)

Pan D., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Institute of Shanghai Academy of Social Sciences (China)

Podvoyskiy D.G., PhD (Philosophy), Associate Professor, Sociology Chair, RUDN University (Russia)

Puzanova Zh.V., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociological Laboratory, RUDN University (Russia)

Rotman D.G., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Center for Sociological and Political Research, Belorussian State University (Belorussia)

Schneider S., D.Sc (Sociology), Professor of Sociology of Rural Development and Food Studies, Federal University of Rio Grande do Sul (Brazil)

Szafrańiec K., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Sociology of Education and Youth, Institute of Sociology, Nicolaus Copernicus University in Toruń (Poland)

Čambáliková M., PhD (Sociology), Professor, Researcher, Institute of Sociology of Slovak Academy of Sciences; Head of Sociology and Social Psychology Chair, Higher School Danubius (Slovakia)

Šubrt J., PhD (Sociology), Professor, Head of Historical Sociology Chair, Charles University (Czech Republic)

Šuvaković U., D.Sc (Sociology), Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, University of Belgrade (Serbia)

Review Editor *Konstantin V. Zenkin*
Computer design *Yu.N. Efremova*

Editorial office:

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: socioj@rudn.ru

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at the RUDN Publishing House: 3, Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
+7 (495) 952-04-41; E-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

- Куропятник М.С.** Суперразнообразие: реконфигурация культурной сложности контекстов современности..... 461
- Цвык В.А., Цвык И.В.** Социальная оценка техники и гуманитаризация инженерной деятельности в информационном обществе (на англ.) 471

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

- Данилов А.Н., Ротман Д.Г.** Особенности политического поля «сильной» и «слабой» власти: допустимые пределы 487
- Росьяди Х.** Мистификация высшей власти: индонезийский кейс (на англ. яз.) ... 498
- Проказина Н.В., Алексеенок А.А., Каира Ю.В.** Дифференциация качества жизни населения в региональном пространстве 509
- Ростовская Т.К., Кучмаева О.В.** Трансформация желаемой модели семьи у разных поколений: результаты всероссийского социологического исследования 527
- Архангельский В.Н., Шульгин С.Г., Зинькина Ю.В.** Репродуктивное поведение российских женщин в зависимости от образовательного статуса 546
- Назаров М.М., Иванов В.Н., Кублицкая Е.А.** Медиапотребление в возрастных когортах: ТВ и Интернет 560
- Ефимова Г.З., Семенов М.Ю.** Цифровой детокс молодежи (на примере использования социальных сетей) 572
- Юдина Т.Н., Мазаев Ю.Н., Бабакаев С.В.** Динамика политико-идеологических ориентаций населения России в постсоветский период 582
- Щебланова В.В., Логинова Л.В., Зайцев Д.В., Суркова И.Ю.** Гражданский активизм студентов: риск деструктивных проявлений в Поволжском регионе 595

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

- Нарбут Н.П., Алешковский И.В., Гаспаршвили А.Т., Крухмалева О.В.** Вынужденное дистанционное обучение как стимул технологических изменений высшей школы России 611
- Щербина В.В., Попова Е.П.** Вуз вне системы профессиональной подготовки специалистов как итог многолетних реформ российского высшего образования 622
- Гурулева Т.Л., Бин Ван.** Высшее образование в КНР: институты и механизмы государственного и партийного управления 636

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

Давыдов С.А. Развитие доклассового общества в трактовках эволюционизма 655

Овчинцева Л.А. Метод кейс-стади в исследованиях российской сельской кооперации 669

Диева А.А. Геймификация бизнес-процессов: социологический анализ передовых управленческих практик 681

РЕЦЕНЗИИ

Торкунов А.В. Расширяя пределы социогуманитарного познания мира 694

Троцук И.В. Справедливость как критерий оценки «качества» городского пространства (и счастья его жителей) 704

НАШИ АВТОРЫ 715

CONTENTS

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

- Kuropjatnik M.S.** Superdiversity: reconfiguration of cultural complexity of the contemporary contexts 461
- Tsyk V.A., Tsyk I.V.** Social assessment of technology and humanitarization of engineering in the information society 471

CONTEMPORARY SOCIETY: THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

- Danilov A.N., Rotman D.G.** Features of the political field of ‘strong’ and ‘weak’ power: Acceptable limits 487
- Rosyadi Kh.** Mystification of the highest power: A case of Indonesia 498
- Prokazina N.V., Alekseenok A.A., Kaira Yu.V.** Differentiation of the quality of life in the regional space 509
- Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V.** Transformation of the desired family model in different generations: Results of the All-Russian sociological study 527
- Archangelsky V.N., Shulgin S.G., Zinkina Yu.V.** Reproductive behavior of Russian women as depending on their level of education 546
- Nazarov M.M., Ivanov V.N., Kublitskaya E.A.** Media consumption of different cohorts: TV and Internet 560
- Efimova G.Z., Semenov M.Yu.** Digital detox of the youth (on the example of social networks) 572
- Yudina T.N., Mazaev Yu.N., Babakaev S.V.** Dynamics of the Russian population political-ideological orientations in the post-Soviet period 582
- Shcheblanova V.V., Loginova L.V., Zaitsev D.V., Surkova I.Yu.** Student civil activism: Risk of destructive manifestations in the Volga Region 595

SOCIOLOGY OF EDUCATION

- Narbut N.P., Aleshkovski I.A., Gasparishvili A.T., Krukhmaleva O.V.** Forced shift to distance learning as an impetus to technological changes in the Russian higher education 611
- Shcherbina V.V., Popova E.P.** University outside the system of professional training as a result of many years of reforms in the Russian higher education 622
- Guruleva T.L., Bing Wang.** Higher education in China: Institutions and mechanisms of the state and party management 636

SOCIOLOGICAL LECTURES

- Davydov S.A.** Development of pre-class society in the evolutionist interpretation 655

Ovchintseva L.A. Case-study method in the studies of the Russian rural cooperation	669
Dieva A.A. Gamification of business processes: Sociological analysis of the advanced management practices	681
REVIEWS	
Torkunov A.V. Expanding the boundaries of the social-humanitarian knowledge of the world	694
Trotsuk I.V. Justice as a criterion for assessing the ‘quality’ of urban space (and the happiness of its residents)	704
AUTHORS	715

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-461-470

Суперразнообразиие: реконфигурация культурной сложности контекстов современности*

М.С. Куропятник

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия
(e-mail: kuropyatnik@bk.ru)

Концептуализация социокультурных контекстов XXI века в терминах суперразнообразия подразумевает диверсификацию нынешнего разнообразия, обусловленную меняющимися паттернами глобальной миграции и транснационализации. Концепт суперразнообразия, предложенный С. Вертовеком, выступает в статье как обозначение нового способа описания и анализа современных социальных и культурных процессов. Автор рассматривает три взаимосвязанных аспекта концепта суперразнообразия: дескриптивный, методологический и практический (или политический). Понятие суперразнообразия, как правило, соотносится с новыми иммигрантами, которые перемещаются из множества стран, в том числе не отягощенных прошлым колониальными отношениями с местами притяжения миграционных потоков. Характеристика возникающих контекстов суперразнообразия не исчерпываются признанием роста «разнообразия в терминах этничности» — многомерное измерение суперразнообразия позволяет инкапсулировать паттерны социального неравенства, креолизации и опыт освоения социального пространства, возникающие в условиях диверсификации миграционных каналов и социальных статусов иммигрантов, а также их этнических, гендерных и возрастных характеристик. В новых условиях перманентной мобильности, множественных идентичностей и разнообразных транснациональных практик далеко не все может быть представлено в терминах «мы–они», «большинство–меньшинство», «inside–outside». В этой связи суперразнообразие соотносится не с Другими или меньшинствами, а понимается как новые контекстуальные рамки для всех жителей страны, независимо от их происхождения. При этом в локальных контекстах культурное разнообразие все чаще воспринимается как норма жизни. Таким образом, концепт суперразнообразия сегодня вовлечен в создание нового культурного нарратива современности, вытесняющего устаревшие концепции ассимиляции и мультикультурализма.

Ключевые слова: суперразнообразиие; паттерны миграции; транснационализация; глобализация; интеркультурализм; локальные контексты; культурные нарративы

Если XX век вошел в историю как век миграции, то XXI может стать веком суперразнообразия [11. Р. 43]. Рефлексия реконфигурации «культурной сложности» (Ф. Барт) контекстов современности и стремление разорвать «замкнутый круг» [28. Р. 16] устаревших концепций ассимиляции и мультикультурализма в

---

* © Куропятник М.С., 2020.

Статья поступила 21.03.2020 г. Статья принята к публикации 22.05.2020 г.

первые десятилетия XXI века концептуально закрепились в рамках понятия суперразнообразия. Олицетворяя фундаментальную трансформацию социальных и культурных контекстов, суперразнообразие означает «диверсификацию разнообразия» [21. Р. 1025]. Утверждаемый в логике отмежевания от мультикультурного подхода и смещения смысловых акцентов дискурсов миграции и разнообразия концепт суперразнообразия выступает новым способом [16] понимания социальной сложности современных обществ и своеобразной «линзой» [11. Р. 45], преломляющей ее в новом свете.

Суперразнообразие: концепт и подход

Концепт суперразнообразия был предложен антропологом С. Вертовеком для описания и анализа меняющихся паттернов миграции, наблюдаемых в Лондоне, а затем и Великобритании в целом [21]. Однако, как и многие другие концепты, вскоре он был перенесен в более широкий национальный, социальный и культурный контекст, приобретая глобальный резонанс, где, наряду с изначальным фокусом на новейших паттернах миграции и транснационализации [24. Р. 126], возникают новые аспекты и интерпретации феномена культурного разнообразия.

Концептуализация социокультурных контекстов XXI века в терминах суперразнообразия не сводится к констатации того факта, что в мире становится все больше разнообразия или этничности. Действительно, в социальном дискурсе постоянно обновляются данные, свидетельствующие о стремительном росте присутствия этнических и культурных групп в той или иной стране и крупных мегаполисах. Например, в Лондоне проживают выходцы из 179 стран [21. Р. 1029], в Нидерландах — из 223: более 200 групп разного происхождения насчитывается в таких городах, как Амстердам и Роттердам [8. Р. 2]. Но суперразнообразие — это не вопрос количественных или демографических изменений. В новых контекстах репрезентации таких традиционных измерений разнообразия, как этничность, страна происхождения, религиозная принадлежность и язык, сопровождаются либо указанием на значимые различия внутри каждой из этих категорий, либо демонстрацией нерелевантности прежних разделительных линий, например, по стране происхождения [21. Р. 1031].

Суперразнообразие представлено Вертовеком как результат комбинации множества переменных, меняющихся контекстов и социальных процессов. Концепт суперразнообразия призван инкапсулировать такие конфигурации новых паттернов неравенства и сегрегации, опыта социальных контактов и освоения пространства, новых форм космополитизма, расизма и креолизации [24. Р. 127–130], которые возникают в условиях диверсификации каналов и паттернов миграции, правового статуса иммигрантов, их этнических, гендерных и возрастных характеристик [16. Р. 541]. По мнению Вертовека, именно множественные миграционные каналы и социальные статусы, а также соотносимые с ними права и ограничения — как катализаторы формирования и

социального капитала, и потенциальных барьеров — составляют одно из фундаментальных измерений динамики современного суперразнообразия [21. Р. 1036–1039]. Таким образом, концепт суперразнообразия подразумевает новое видение и многомерное измерение социокультурных ландшафтов современности в «эру постмультикультурализма».

В этой связи Вертовек выделяет три взаимосвязанных аспекта суперразнообразия: дескриптивный — сопряженный с реконфигурацией населения в контексте глобальных миграционных потоков за последние тридцать лет; методологический — подразумевающий поиск новых подходов и инструментов исследования культурного разнообразия, миграции и социальной мобильности; практический, или политический, — предполагающий смещение фокуса политических и социальных проектов с социальных (или этнических) групп [16. Р. 542–543], в том числе сообществ мигрантов и других меньшинств, на создание условий для реализации иммигрантами индивидуальных траекторий, сопряженных с интеркультурализмом [28].

Один из значимых методологических принципов суперразнообразия как нового подхода — отказ от «этнофокальных линз», предполагающих сведение всего разнообразия к этническим характеристикам [16. Р. 542] — сегодня определяет позицию многих социологов и социальных антропологов. Так, по мнению С. Вессендорф, разнообразие относится к множественным модусам социальной дифференциации и фрагментации, которые реструктурируют общество экономически, социально и культурно [26. Р. 20]. Не менее важны и заложенные в данном подходе интенции преодоления дискурса Другого, по-прежнему таящие опасность его экзотизации и демонизации.

Присущий данному подходу фокус не столько на самой миграции и транснационализации, сколько на суперразнообразии как своеобразном результате социальных и культурных процессов во многом созвучен пониманию культуры в сложных обществах, связанному с Ф. Бартом [4. Р. 123]. По мнению Ф. Мейснер и С. Вертовека, процессуальный подход к суперразнообразию ориентирован на восприятие «разнообразия в движении» («diversity on the move») и позволяет осмыслить бесчисленные модусы, результаты и последствия современных паттернов диверсификации [16. Р. 550–552] — одного из ключевых социальных процессов, определяющих наше время. В этом состоит инструментальное значение суперразнообразия как методологического подхода и понятия. Будучи реакцией на реконфигурацию культурной сложности и модусов социальной дифференциации в современном глобализованном мире, суперразнообразие помещается в концептуальный ландшафт, в рамках которого репрезентируются вопросы социальной организации культурных различий [11. Р. 53–54].

Суперразнообразие, как и культура, — концепт «дуальный» [10. Р. 142–143]: с одной стороны, он задает рамки, внутри которых действия и явления обретают определенный смысл; с другой стороны, выступает как свойство социального контекста. Концептуализация суперразнообразия как социального

контекста, несводимого к той или иной модели сосуществования этнических групп, соотносимых с определенной культурой, позволяет избежать ее реификации как самостоятельной сущности [10. Р. 131].

Суперразнообразие и новые паттерны глобальной миграции

Поскольку аргументация Вертовека первоначально основывается на анализе социальных и культурных конфигураций, возникающих в контекстах миграции, то и суперразнообразие локализуется в пространстве миграции, имплицитно сохраняя модус сопряжения с Другими и ассоциируясь с новыми иммигрантами [21. Р. 1027]. В отличие от «старой» постколониальной миграции, во многом определяемой движением населения из бывших британских колоний и стран Содружества в Великобританию или из Средиземноморского региона в Германию, Францию и другие европейские страны [9. Р. 24; 21. Р. 1024], новые иммигранты перемещаются из множества стран, не отягощенных прошлыми колониальными отношениями с местами их притяжения. Это обстоятельство формирует новую повестку для стран, «примирившихся с миграцией из ограниченного числа прежних колоний», в том числе стимулирует переосмысление мультикультурализма [7. Р. 71]. Кроме того, глобальные миграционные потоки становятся смешанными — образуемыми причудливой комбинацией добровольной и вынужденной, внутренней и внешней, нелегальной и легальной, квалифицированной и неквалифицированной, постоянной и циркулярной миграции [23. Р. 2].

Контексты суперразнообразия обусловлены движением большего числа иммигрантов из большего числа мест, которые перемещаются по множественным миграционным каналам, детерминирующим более стратифицированные правовые категории, и сохраняют интенсивные связи как с местами происхождения, так и с диаспорами по всему миру. В процессе этого движения обретает релевантность множество социокультурных различий [21. Р. 1044]. Численность некоторых диаспор, таких как ирландцы, евреи, греки, ливанцы и армяне, может многократно превышать нации [18. Р. 87–88], что подразумевает перемещение ряда значимых паттернов организации культурного разнообразия за рамки национального государства, т.е. в глобальный контекст.

С другой стороны, будучи вовлечены в процессы «перманентной мобильности» (*permo-mobility*), новые иммигранты извлекают выгоду из уже сложившейся структуры диаспор, вытесняя более ранние поколения мигрантов на периферию [19. Р. 32]. Временные, текучие по составу, более социально стратифицированные и менее организованные, вовлекаемые в сложные иерархии иммиграционных статусов социальные образования новых иммигрантов отличаются от прежних миграционных потоков [22. Р. 86].

В условиях «текущей современности» (З. Бауман), когда прежде стабильные и «насыщенные» социальные институты, такие как класс, семья, труд, общество, соседство и национальное государство, замещаются гибкими и постоянно меняющимися институциональными констелляциями, паттерны

миграции также становятся «текучими». Многие мигранты демонстрируют габитус «преднамеренной непредсказуемости»: их представления о будущем неопределенны, место жительства — непостоянно или биллокально, траектории движения — множественны, включая циркулярную и возвратную миграцию [8; 9. Р. 31–36]. Поскольку граница между постоянной и временной миграцией стирается, а правовые статусы иммигрантов не являются «ни полностью временными, ни полностью постоянными» [14], а балансируют между множеством подвижных, переходных состояний, неуклонно растет беспокойство по поводу источников солидарности в мире суперразнообразия. В контексте перманентной мобильности принадлежность к определенному месту (в антропологическом смысле), культуре, социальной группе, стране утрачивает актуальность и как модус идентификации, и как способ репрезентации социальной жизни. Постоянное переосмысление своей культуры и идентичности, переоценка своего опыта, а также перенос культурных и социальных паттернов, усвоенных в одном месте, в другие люди, соотносящими себя с несколькими социокультурными мирами независимо от места их нахождения, стимулирует формирование множественных гибридных идентичностей.

Гибридные, или «дефисные», идентичности, такие как «британо-мусульманская», «черно-британская» или «британо-китайская», поддерживаемые транснациональными диаспорами и не артикулированными прежде коннотациями, подвергают риску ограниченную нацией общую идентичность, заменяя ее множественными идентичностями, которые могут оказываться столь же ограниченными [6. Р. 22] и фиксированными. По мнению Т. Кэнтла, появление более разнообразных обществ означает, что теперь в любом из них формируются социальные и культурные сети, гораздо более влиятельные, чем традиционные формы отношений — внутринациональные, семейные или приходские [6. Р. 11].

Поскольку в мире становится все меньше миграции и все больше мобильности [2. С. 191], а границы между миграционной и немиграционной мобильностью стираются [3. С. 25–26], аналитический потенциал концепта суперразнообразия в исследовании культурной сложности, не ограничиваемой рамками только миграции, становится все более очевиден [16. Р. 547]. Глобальные паттерны миграции, понимаемые как катализатор перемен и начальная точка анализа, формируются не в вакууме, а вплетены в сложную ткань социальных процессов и взаимодействий. Диверсификация жизненных стилей, растущая индивидуализация и паттерны множественной идентичности также определяют возникающие контексты суперразнообразия [11. Р. 47, 51].

Суперразнообразие и смещение контекстов

Глубоко укоренившаяся в европейских обществах практика соотнесения разнообразия с Другими или меньшинствами привела к его устойчивой локализации не в мейнстриме, а на периферии социальной и политической жизни. Как известно, концепции и политики либерального мультикультурализма

ориентированы на иммигрантов — легальных, постоянно проживающих в стране и предположительно лояльных. Граждане национального государства, или национальное большинство, не вовлечены в сферу политики разнообразия ни в рамках мультикультуральной парадигмы, ни с точки зрения ассимиляционистского подхода, что, в свою очередь, подпитывает идеи о разных категориях населения [28. Р. 4–7, 15]. В новых контекстах суперразнообразия — перманентной мобильности, множественных идентичностей и разнообразных транснациональных практик — далеко не все может быть представлено в терминах белого или черного, большинства или меньшинства [17]. В ситуации, когда уже второе и третье поколения мигрантов проживают в Европе, а сама принадлежность к стране происхождения зачастую воспринята ими от родителей, когда большая часть граждан имеет иммигрантское прошлое, инкапсулировать разнообразие в устаревшие структуры представляется проблематичным [28. Р. 2, 15]. Возникающие контексты суперразнообразия являются новыми для всех, независимо от происхождения — филиппинцев, марокканцев, китайцев, эквадорцев, французов, немцев, венгров или итальянцев [28. Р. 6].

Рефлексия контекстов суперразнообразия стимулирует переосмысление национальной истории и идентичности, выходящих за рамки «истории большинства». Так, в условиях массовых миграций из Индии и Ямайки в Великобританию новые смыслы и интерпретации обретает участие индийских солдат в двух мировых войнах [17. Р. 312]. Становится очевидным, что, не принимая во внимание внутреннее, исторически сложившееся разнообразие национальных обществ, интегрирующих культурные формы разного происхождения [15. Р. 1–2], концептуализировать любые новые — или представляемые таковыми — социокультурные феномены бесперспективно.

В этих условиях нерелевантно и аналитическое разделение «inside–outside» как продуцирующее видение реальности в логике сосуществования двух параллельных, культурно гомогенных миров [13. Р. 21]. Образы «культурных островов», имеющих устойчивые пространственные и социальные границы, не соответствуют новому качеству культурного разнообразия и способам его восприятия в социальных науках [20. Р. xvi, xx]. Приверженность паттернам инкапсуляции и реификации исламской культуры в Европе оспаривается сегодня представителями научных кругов, политики и СМИ, имеющими иммигрантские корни и репрезентирующими в публичной сфере множественные культурные референции. Позиция многих иммигрантов в современной Европе, будучи представлена в терминах этничности, происхождения, образования и места проживания, не может быть осмыслена как выражение аутентичной точки зрения о своей культуре или сообществе, сформированной изнутри. Например, нидерландский политик и писательница Айаан Хирси Али, уроженка Сомали, и сикхская писательница Гурприт Каур Бхатти, которая родилась в Великобритании, в своих текстах критически переосмысливают многие культурные паттерны, ассоциируемые с исламским миром, в том числе в сфере гендерных отношений и семьи. Но одновременно

они глубоко переживают любые проявления несправедливости и дискриминации по отношению к «своим» сообществам [13. Р. 22].

Культурные паттерны семейных и родственных отношений, сопрягаемые с иммигрантами и гражданами с иммигрантским прошлым, находятся сегодня в центре дискуссий о культурных различиях, мультикультурализме и пределах толерантности. Концептуализация родственных отношений в логике утверждения их существенных отличий от «западной семьи», наделяемой универсальными характеристиками и тем самым эссенциализируемой, укорена в европейской культуре [12; 13. Р. 18]. Таким образом, эпистемологическая и политическая организация социального дискурса в терминах полярности семьи, сопряженной с западным миром, и родства, ассоциируемого с другими, неевропейскими культурами, воспроизводится теперь в рамках осмысления разнообразия в границах европейских национальных государств.

Однако паттерны репрезентации семьи, понимаемой как «западная», «иммигрантская» или «мусульманская», в логике генерализации их культурных характеристик, воспроизводятся в контекстах миграции, транснационализации и детерриторизации социокультурных феноменов. В этих контекстах и семья, и родство подвержены глубокой трансформации. По данным С. Вессендорф, в Швейцарии итальянцы второго поколения пересматривают традиционное для них понимание семьи [25]. Дискурс «турецкой семьи» сегодня также актуален для Германии, как и для Турции [12. Р. 9]. Взаимная артикуляция локальных (или национальных) паттернов семейных отношений привносит новые смыслы в это понятие, но и традиционное для европейской культуры понятие нукlearной семьи оказывается малопродуктивным инструментом социальной политики в мире неполных семей и однополых союзов, серийной моногамии и таких домохозяйств, где дружеские отношения превалируют над сексуальными, а также в условиях радикальной трансформации родственных отношений под влиянием новых репродуктивных технологий [13. Р. 17–19].

Разнообразие и суперразнообразие понимаются как преимущественно городской феномен [3. С. 112; 27. Р. 156]. В социальном дискурсе мегаполисы — Лондон, Франкфурт, Амстердам или Цюрих — выступают как нельзя лучше воплощающие идею «весь мир в одном месте» [21. Р. 1024]. В двадцати крупных городах в настоящее время проживает более миллиона жителей в каждом, родившихся за границей, т.е. несколько десятков мегаполисов становятся местом притяжения пятой части всех иммигрантов [7. Р. 70], а ситуация численного доминирования мигрантов и их потомков, составляющих более половины населения Брюсселя, Роттердама, Амстердама или Гааги, делает их «городами большинства меньшинств» [11. Р. 45].

На институциональном уровне разнообразие признается одной из движущих сил преобразования публичной культуры города. В этой перспективе разнообразие уподобляется культуре, развиваемой на основе интеркультурной стратегии как инструмента формирования знаний и преодоления взаимных предубеждений [27. Р. 156]. Речь идет не о тривиальном определении

городских контекстов в терминах разнообразия, а об инкорпорации разнообразия в политическую и гражданскую культуру на уровне как институциональных структур, так и рутинных практик [28]. В локальных контекстах разнообразие все чаще понимается как норма жизни. С. Вессендорф концептуализирует этот феномен как «банальное разнообразие» («*commonplace diversity*»), опираясь на результаты своего этнографического исследования социальных отношений в одном из районов Лондона — Хакни, где вследствие долговременной иммиграции к началу XXI века сложилось «диверсифицированное разнообразие», определяемое отсутствием доминирующих меньшинств и значительной диверсификацией внутри групп. В таких контекстах культурное разнообразие становится непременным атрибутом повседневной жизни и не воспринимается местными жителями как нечто особенное [26. Р. 2].

Интеркультурализм как новая парадигма эпохи суперразнообразия

Общественная значимость и растущая популярность интеркультурализма во второй декаде XXI века определяется не только присущим ему новым видением разнообразия, высвобождаемого из объятий эссенциализма [27. Р. 158], но и его усилиями по формированию паттернов «жить вместе в глобализованном и суперразнообразном мире» [6. Р. 2]. Приверженность мультикультурализма репрезентации социокультурной реальности в логике дихотомии «большинства–меньшинства» [7. Р. 70] становится неприемлемой и малопродуктивной в контекстах суперразнообразия. Несмотря на фундаментальное переосмысление отношений большинства, меньшинств мигрантов и коренных народов в ряде национальных контекстов, например, в Канаде [5], парадигма дуальности все же смещается на периферию в постмультикультуральных дискуссиях [7. Р. 83]. Так, в Нидерландах категоризация суперразнообразия в терминах «автохтонный–аллохтонный» или «западный–незападный» признается нежелательной как в научных отчетах, так и в политических дискуссиях [11. Р. 52–53]. В то же время и понятие «мы» наполняется более широкими, диверсифицированными социальными и культурными смыслами — ни один политик теперь не желает соотноситься с миром мультикультурализма [22. Р. 92]. В новых контекстах суперразнообразия культурные практики и притязания многочисленных сообществ уже не признаются *a priori* в русле идей мультикультурализма, а становятся предметом публичного, в том числе весьма критического, обсуждения и согласования их статуса и значений всеми участниками. Иными словами, постмультикультуральный дискурс суперразнообразия подразумевает смещение прежних границ толерантности [28. Р. 4–5].

В отличие от мультикультурализма, основанного в Европе на этнических и религиозных различиях, в ряде случаев соотносимых с «расовыми» группами и наделяемых примордиальными смыслами, интеркультурализм — новая

парадигма разнообразия, или совокупность политик, которые подразумевают значимость всех категорий и сфер различий [7. Р. 69, 83]. Однако ключевой для интеркультурализма выступает артикуляция общности, всего того, что связывает людей, а не демонстрация культурной уникальности, подлежащей признанию и уважению людьми, определяющими друг друга в терминах инаковости. Политические и административные практики категоризации индивидов и групп в терминах разнообразия, инкапсулирующие их в соответствии с определенными признаками — религией, языком, национальной принадлежностью или континентом [27. Р. 157], не способствуют формированию навыков совместных действий по созданию общего публичного пространства. Новый метанарратив, вытесняющий устаревшие идеи и разделяющие концепции мультикультурализма, зарождается в рамках интеркультурализма [7. Р. 85], где «первостепенное место уделяется процессам переговоров и диалога, способным положительным образом преобразовать общественное пространство» [1. С. 156].

Библиографический список / References

- [1] Гидденс Э. Непokoйный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? М., 2015 / Giddens E. *Nesпокоyny i mogushchestvenny kontinent: chto zhdet Evropu v budushchem?* [Turbulent and Mighty Continent. What Future for Europe?]. Moscow; 2015 (In Russ.).
- [2] Парк Р. Избранные очерки. М., 2011 / Park R. *Izbrannyye ocherki* [Selected Essays]. Moscow; 2011 (In Russ.).
- [3] Цапенко И.П., Гришин И.В. (ред.). Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма. М., 2018 / Tsapenko I., Grishin I. (eds.) *Integratsiya inokulturnykh migrantov: perspektivy interkulturalizma* [Integration of Migrants of Different Cultures: Prospects of Interculturalism]. Moscow; 2018 (In Russ.).
- [4] Barth F. The analysis of culture in complex societies. *Ethnos*. 1989; 54 (3–4).
- [5] Bouchard G. What is interculturalism? *McGill Law Journal*. 2011; 56 (2).
- [6] Cante T. *Interculturalism. The New Era of Cohesion and Diversity*. London; 2012.
- [7] Cante T. Interculturalism as a new narrative for the era of globalization and super-diversity. Barrett M. (ed.). *Interculturalism and Multiculturalism: Similarities and Differences*. Strasbourg; 2013.
- [8] Engbersen G. Floating populations, civic stratifications and solidarity: Comment on Will Kymlicka's article "Solidarity in diverse societies". *Comparative Migration Studies*. 2016; 4 (8).
- [9] Engbersen G., Snel E. Liquid migration. Dynamic and fluid patterns of post-accession migration flows. Glorius B., Grabovska-Lusinska I., Kuvic A. (eds.). *Mobility in Transition. Migration Patterns after EU Enlargement*. Amsterdam; 2013.
- [10] Eriksen T.H. The cultural contexts of ethnic differences. *Man*. 1991; 26 (1).
- [11] Geldof D. Superdiversity as a lens to understand complexities. Creese A., Blackledge A. (eds.). *The Routledge Handbook of Language and Superdiversity*. London; 2018.
- [12] Grillo R. Preface. Grillo R. (ed.). *The Family in Question. Immigrant and Ethnic Minorities in Multicultural Europe*. Amsterdam; 2008.
- [13] Grillo R. The family in dispute: Insiders and outsiders. Grillo R. (ed.). *The Family in Question. Immigrant and Ethnic Minorities in Multicultural Europe*. Amsterdam; 2008.
- [14] Kymlicka W. Solidarity in diverse societies: Beyond neoliberal multiculturalism and welfare chauvinism. *Comparative Migration Studies*. 2015; 17 (3).
- [15] Meer N., Modood T., Zapata-Barrero R. A plural century: Situating interculturalism and multiculturalism. Meer N., Modood T., Zapata-Barrero R. (eds.). *Multiculturalism and Interculturalism. Debating the Dividing Lines*. Edinburgh; 2016.
- [16] Meissner F., Vertovec S. Comparing super-diversity. *Ethnic and Racial Studies*. 2015; 38 (4).
- [17] Modood T. Multiculturalism, interculturalism and the majority. *Journal of Moral Education*. 2014; 43 (3).

- [18] Nederveen P.J. Global multiculturalism, flexible acculturation. *Transcience Journal*. 2010; 1 (1).
- [19] Parkes R. People on the move. The new global (dis)order. *Chaillot Papers*. 2016; 138 (June).
- [20] Strathern M. *Partial Connections*. Walnut Creek; 2004.
- [21] Vertovec S. Super-diversity and its implications. *Ethnic and Racial Studies*. 2007; 30 (6).
- [22] Vertovec S. Towards post-multiculturalism? Changing communities, conditions and contexts of diversity. *International Social Science Journal*. 2010; 61.
- [23] Vertovec S. Introduction: Migration, cities, diversities “old” and “new”. Vertovec S. (ed.). *Diversities Old and New. Migration and Socio-Spatial Patterns in New York, Singapore and Johannesburg*. London; 2015.
- [24] Vertovec S. Talking around super-diversity. *Ethnic and Racial Studies*. 2019; 42 (1).
- [25] Wessendorf S. Italian families in Switzerland: Sites of belonging or “golden cages”? Perceptions and discourses inside and outside the migrant families. Grillo R. (ed.). *The Family in Question. Immigrant and Ethnic Minorities in Multicultural Europe*. Amsterdam; 2008.
- [26] Wessendorf S. *Commonplace Diversity: Social Relations in a Superdiverse Context*. London; 2014.
- [27] Zapata-Barrero R. Exploring the foundations of the intercultural policy paradigm: a comprehensive approach. *Identities. Global Studies in Culture and Power*. 2016; 23 (2).
- [28] Zapata-Barrero R. Interculturalism in the post-multicultural debate: A defense. *Comparative Migration Studies*. 2017; 14 (5).

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-461-470

Superdiversity: reconfiguration of cultural complexity of the contemporary contexts*

M.S. Kuropjatnik

Saint Petersburg State University
Universitetskaya Nab., 7–9, Saint Petersburg, 199034, Russia
(e-mail: kuropjatnik@bk.ru)

Abstract. Conceptualization of the social-cultural contexts of the 21st century in terms of superdiversity implies diversification of the current diversity due to the changing patterns of global migration and transnationalization. The concept of superdiversity introduced by S. Vertovec means a new way for describing and analyzing contemporary social and cultural processes. The author considers three interrelated aspects of superdiversity: descriptive, methodological and practical (political). As a rule, superdiversity implies new immigrants who move from a larger number of countries than before, including those that did not have colonial relations with the places attracting immigrants. The emerging contexts of superdiversity are not limited to the growth of “diversity in terms of ethnicity” — a multidimensional approach to superdiversity allows it to reflect patterns of social inequality, creolization and the experience of social contacts determined by diversification of migration channels and social statuses of immigrants, of their ethnic, gender and age characteristics. Under the permanent mobility, multiple identities and diverse transnational practices, not everything can be represented in terms of ‘we–they’, ‘majority–minority’, ‘inside–outside’. Therefore, superdiversity is not related to the Other or minorities but presents a new framework for all residents of the country, regardless of their origin. Moreover, in local contexts, cultural diversity is increasingly perceived as a norm. Thus, the concept of superdiversity contributes to the development of a new cultural narrative that would replace the outdated concepts of assimilation and multiculturalism.

Key words: superdiversity; migration patterns; transnationalization; globalization; interculturalism; local contexts; cultural narratives

---

* © M.S. Kuropjatnik, 2020.

The article was submitted on 21.03.2020. The article was accepted on 22.05.2020.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-471-486

Social assessment of technology and humanitarization of engineering in the information society*

V.A. Tsvyk¹, I.V. Tsvyk^{1,2}

¹RUDN University
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²Moscow Aviation Institute
Volokolamskoe Shosse, 4, Moscow, 125993, Russia
(e-mail: tsvyk-va@rudn.ru; tsvykirina@mail.ru)

Abstract. The article considers definitions of the contemporary technology and its social and moral assessment. In the information society, humanitarization of engineering and technical education in general becomes extremely important together with the social-humanitarian knowledge in the interdisciplinary assessment of the scientific-technological development. Technology Assessment (TA) is a new scientific discipline, a theory of assessing and forecasting the development of technology, and a practice of consulting. Based on the TA, algorithms are developed to identify negative effects of technology and to make scientifically sound decisions. An interdisciplinary dialogue on the social assessment of technology should focus not only on technocratic tasks but also on the social-humanitarian methodological and epistemological foundations of the TA. In recent years, this component of the social assessment of technology has influenced the Western-European academic discourse on Responsible Research and Innovation, which reflects the scientific understanding of the importance of ethical reflection of technical activity. Thus, there is an obvious need for the combination of the social-humanitarian expertise of innovative technological projects with technical, mathematical and applied methods in the information age. Contemporary radical changes determined by the scientific-technological revolution require new approaches, methods and forms of interaction between people and communities, while their global nature determines universal ethical principles of these relationships. The post-modern information development of Russia will be accompanied not only by implementation of information technologies in all spheres of life, but also by the social-moral assessment of technology, humanization and humanitarization of engineering, strengthening personal professionalism and creative abilities.

Key words: technology; technosphere; technogenic civilization; information society; Technology Assessment; Responsible Research and Innovation; engineering; engineering ethics; humanitarization of engineering education

The fast progress of industrial civilization, especially in the second half of the 20th century, has contradictory nature: it provides increasingly more means for satisfying people's growing needs for comfort and safety and determines undesirable consequences of large scale. Technology makes people's lives safer, but technicalization increases people's dependence on technology, makes the man an object of technical transformation. Humanity is increasingly turning into an "accomplice" of evolutionary processes in nature, which raises the question of responsibility for the scientific-technological progress.

---

* © V.A. Tsvyk, I.V. Tsvyk, 2020.

The article was submitted on 31.04.2020. The article was accepted on 10.06.2020.

The transition of a number of the developed countries to the post-industrial stage in the early 21st century did not change the situation. The contradictory nature of the scientific-technological progress determined special social, moral and ethical requirements to scientists and engineers considering the optimal (taking into account many aspects of human life) implementation of the scientific-technological achievements [27. P. 54] and the level of professional competence of specialists, especially in the field of technology. This is primarily due to the multiplication of the human impact on the world, when a professional mistake can lead to the self-destruction of mankind or a part of it, for instance, as a result of an “unauthorized” nuclear conflict or a man-made disaster caused by a man’s mistake leading to a failure of the extremely complex technical system.

Recently, social-ethical aspects have become extremely important due to the increasing social responsibility of the scientist, engineer and designer in the contemporary society. The main goal of technology is to serve people, but without harming other people and nature. Technology can no longer be considered as value-neutral and must meet not only the technical-functional requirements but also be profitable, improve living standards, safety, healthcare, the quality of natural and social environment, etc. Thus, the issue of the social assessment of technology and the general humanitarization of engineering education and activity became a focus of discussions, especially as a theoretical question with practical meaning, which is the conditions for the social assessment of technology in the information society.

Technology: technogenic civilization and technosphere

The concept of ‘technology’ is one of the oldest and most widespread. Until recently, it was used to define some activity or a combination of material forms. The content of the word ‘technology’ has historically transformed reflecting the development of production and tools of labor. The original meaning of the word is art, mastery, i.e. the activity itself and its quality. Then the concept of technology reflected a certain method of manufacturing or processing, when individual crafts were replaced by combinations of techniques and methods passed from generation to generation. Finally, the technology became a definition of manufactured material objects under the machine production — devices for production and its products [28. P. 227]. Today, there are many definitions of technology: craft, art; a set of techniques and rules for their application; activities for satisfying human needs, which lead to changes in the material world; a system of tools and machines; all material conditions necessary for the production; a system of actions for implementing an extra-natural program; a set of the produced material objects; all material means of human life; a system of artificial means of human activity; a collection of mechanical robots for work and production.

In the Philosophical Encyclopedic Dictionary, ‘technology’ has two meanings: (1) “all means created to implement production processes and satisfy non-production needs of society”; “complete or partial replacement of human

production functions in order to facilitate labor and increase its productivity”; (2) “a set of techniques and rules for implementing something” [5. P. 123]. There are various interpretations of technology in different historical periods, but primarily as definitions of “the concept with new shades of meanings that often depend on the theoretical approach or ideological orientation of the whole context in which the concept of technology plays a role” [31. P. 86].

The definitions of technology can be combined into three groups: technology as an artificial material system; technology as a means of activity; technology as certain ways of working. The first meaning identifies one aspect of technology, but not all artificial material forms are technology (for example, products of breeding activity); therefore, the essence of technology is not limited to such definitions for they do not distinguish technology from other artificial material forms. The second definition is also insufficient for technology is interpreted as a tool of labor, a means of production, etc., but tools/means of labor are a broader concept. The third definition interprets technology as ‘technological process’, which, in turn, is an element of technology.

Thus, there are many definitions of technology due to its complex and multifaceted nature. All definitions of technology are useful for they reflect either the level of the scientific-theoretical knowledge of the era, certain material, scientific or social connections of technology, or its cultural context. However, no attempt to define technology can comprehensively reflect its nature due to the relative inexhaustibility of the human mind to use new cognitive means to identify new sides, connections, capabilities and limitations of the technology as the oldest type of human activity that has always been a basis for myth-making. Mythologization of technology has a long history starting from the myth of Prometheus who taught people technical skills, Daedalus and Icarus, who solved the technical task of flying with wings, to contemporary myths about anthropogenic and technocratic civilization, the seizure of power by machines.

The scientific-technological progress has led to significant changes in the nature of activities of designers who create new equipment and technology, production organizers who develop new production processes, economists who solve tasks of raising the technological level in the economic perspective. Contemporary societies are technogenic — based on the dynamics of the scientific-technological progress associated with the growth of scientific knowledge. Technogenic civilization is a special type of social development with the following features: a high rate of social change; intensive historical development; radical restructuring of the foundations of human activity; priority of innovative thinking [14. P. 97].

When the technogenic civilization reached its relatively maturity, the pace of social changes began to increase at a tremendous speed. The extensive development of history is replaced by intensive, spatial existence — by temporary. The growth reserves are no longer cultural — we witness the restructuring of the very foundations of the former ways of life and the formation of fundamentally new

opportunities. The most important and truly epochal global change is the transition from the traditional society to the anthropogenic civilization with a new system of values based on innovations [24]. This civilization emerged in Europe, spread throughout the world and formed a new environment — the technosphere — due to the expansion of science and technology into all types of human activity and to the desire for ‘technicalization’ of all spheres of society. The technosphere has a complex structure, the main components of which are technical facts, knowledge and activity. Technical facts are housing and transportation, tools and objects of labor, irrigation facilities, clothes and furniture, books and decorations, etc. — everything we cannot do without. Moreover, today a significant part of social resources is spent to make these objects of material culture, i.e. engineers occupy an expanding niche in the emerging social-technical reality and play an increasing role in the contemporary society [6. P. 45].

However, technical innovations are ambivalent: on the one hand, the development of engineering and technology allows to solve many problems, ensures the social welfare and serves as a basis of the technogenic civilization; on the other hand, the technological progress leads to an increase in negative consequences that can neither be predicted nor controlled. There are three main aspects in the ambivalence of technology: the subjective aspect — intentions of the subject of technical activity, human mistakes and miscalculations, i.e. anthropological features; the social aspect — the quality of society, its social-economic, political characteristics, confessional, ideological and other contradictions [25. P. 258]; the technical aspect — the level of the technological development and the degree of its relative autonomy.

The contemporary technology has many different features that should be identified on the interdisciplinary basis; therefore, it is necessary to consider epistemological, ontological, social, communicative and moral aspects of the technology research, in particular the social-moral assessment of technology and humanization of its creation and application.

Social and moral assessment of technology

In the information society, issues of humanitarization of engineering and technical education in general come to the fore together with the role of the social-humanitarian knowledge in the interdisciplinary assessment of the scientific-technological development. Scenarios for the development of the anthropogenic civilization and technological future are discussed in science, politics, and society. However, the issue of resources for the development of technology is not on the agenda, while the question is how to control the fast-developing technology. These issues in the Western-European research are defined as the Technology Assessment (TA). Already in the 1990s, this term was used in the English-language literature on the parliamentary consultations on the science and technology policy (a German analogue is *Technikfolgenabschätzung* — “assessment of the effects of technology”).

TA is a new scientific discipline, a theory of assessing and forecasting the development of specific technological cases, and a practice of political consulting. The social aspect of technology plays a key role in the philosophical and interdisciplinary research, and TA allows to develop a kind of algorithms for identifying negative effects of technology and making scientifically sound decisions in the field of the scientific-technological policy in the natural, technical and humanitarian perspective.

In the Western European humanities, there is still no comprehensive analysis of the development of the social assessment of technology — there are either global TA models [9] or its various forms and practices, for example, participatory, real-time, constructive or parliamentary TA [11]. E.V. Seredkin distinguishes two stages in the development of the social assessment of technology: interdisciplinary (since the 1960s) — when it was political consulting at the US Congress, i.e. practical, technocratic; and transdisciplinary (from 2002-2003) — with a new architectonics of participation due to the new social challenges, mainly on the basis of the Western-European program ‘Responsible Research and Innovation’ (RRI) [22. P. 67]. Recently, the concept of RRI has become a focus of serious debates due to the development of roadmaps for innovation clusters. This concept implies ethical reflection related not only to social but also to moral assessments of technology [21. P. 122].

It should be noted that before the 1960s’ emergence of the concept ‘social assessment of technology’, there were serious works on the role of technology in the life of man and mankind [7] due to the opening of new secrets of nature, new ways of influencing it, humanization of the scientific-technical activity and increasing role of its ethical criteria. The scientific-technical activity is to serve the good of man; therefore, it is moral and humane in nature; however, the ethical principles of the scientific-technical activity are determined by the foundations of humanism. For the contemporary and future global scientific community, the further humanization of science and technology, combination of research and value approaches, and development of their ethical foundations is of particular importance [29. P. 146].

Discussions about the values for technology are often confusing mainly due to the fact that the choice of a technical system inevitably imposes certain conditions on human relations. Moreover, there is also the question of how the development of technology can ensure a positive moral assessment, but there are always contradictions between the due and the existing. In the late 19th century, one of the founders of philosophy of technology E. Kapp defined technology as a means of cultural, moral and intellectual improvement and salvation of mankind [15]. It was the time of the indisputable and unconditional belief that the scientific-technological progress promotes the moral progress, that science and technology free man from hard physical work and create conditions for both intellectual and moral improvement. In the 20th century, there was some disappointment in the idea of the scientific-technological progress as contributing to the moral development.

However, D. Johnson believed that technology is undoubtedly value-rich — invention and creation of technology, the scientific-technological progress aim at improving the quality of human life, and if its design or application is spoiled in practice, the responsibility is on the one who invented or applied.

The ideas of Russian philosophers on the moral value of technology were sometimes contradictory. Thus, N.A. Berdyaev emphasized the negative role of technology for human morality for the dominance of technology and technical civilization lead to simplification of the spiritual life, to the dominance of material, utilitarian, selfish attitudes, to the lack of spirituality, to the loss of meaningful attitudes and higher values [2. P. 301]. N.F. Fedorov considered technology as playing a large role in the transformation of society according to moral ideals: he believed that “a virtue is in combining morality with knowledge and art” (technology is art); therefore, it is necessary to consider technology from the point of view of good or evil depending on its goals. He refutes the widespread notion that technology in its modern form (late 19th — early 20th centuries) allows the man to dominate nature: the negative moral value of technology is that it satisfies empty whims, depletes natural resources, increases social discord, and military technology serves the self-destruction of mankind.

Thus, social relations negatively assessed from the moral point of view can and should be replaced by morally positive relations in the course of the technological development. Science and technology that serve the ‘common cause’ would unite the humanity: “The obstacle for creating a moral society is that nothing can absorb the resources of people which are currently spent on hostility; in the whole world history, there is no event that would threaten by the death of society and, thus, would join all forces and cease all strife, all hostility” [3. P. 424]. According to Fedorov, the regulation of nature as a common cause of mankind is invariably carried out with the latest technical achievements; thus, the moral significance of technology is determined by the moral character of the highest goal — to fight death. In understanding the moral aspects of technology, Russian philosophers provide the ethical assessment of both the use of technology and its consequences to solve the task of the fair distribution of the benefits and negative consequences of technology by the moral justification of human efforts and use of natural resources for the development of technology.

Today the interdisciplinary dialogue about the need for the social assessment of technology involves technocratic elites, representatives of social and humanitarian knowledge, which allowed to develop methodological and epistemological foundations of the TA [19]. The social assessment of technology implies three different levels: 1) the social-ecological and social-economic assessment of possible consequences of the new technology, which aims at providing political advice on state support for certain projects; 2) the state expertise and environmental assessment at the regional level; 3) the environmental management and audit of the certain enterprise [30. P. 72]. However, the social

assessment of technology should be considered more broadly, including its social and ethical effects [12]. European scientists have repeatedly noted that today the focus should be not so much on technology as on its relationship with society and ‘creation of technical artifacts’. According to A. Grunwald, the technical is a social construct, and the distinction ‘technical–non-technical’ is not ontological but pragmatic — the result of reflection on the invariance of actions [9. P. 12]. Thus, the technological development does not follow the natural evolution for it is a planned target process. Science is an organic part of social practice. Based on the social assessment of technology, a kind of ‘recognition and action algorithms’ are developed to make scientifically sound decisions in the scientific-technical policy in the natural, technical and social-humanitarian perspective [21. P. 123]. When the influence of engineering becomes global, its decisions are already beyond the narrow professional scope. Although the technical elite continues to be responsible for the scientific-technological development, the final decision become public for no economic or technical feasibility can justify environmental, moral, psychological damage.

The ethical component of the social assessment of technology is presented in the concept “Responsible Research and Innovation” (RRI) recently introduced in the Western-European academic discourse. The very term ‘responsible’ points to the need for ethical reflection of technical activity. A. Grunwald identifies three levels of responsibility in innovative projects that determine the scientific-technological vector of the contemporary social development and constitute the human world: morality, epistemology and management [9]. Thus, the responsible development of technology is a balance between its increasing positive contribution and decreasing negative consequences, which implies a study of application (maximum satisfaction of the needs of man and society) and the moral assessment of potential consequences (negative or unexpected) of the application of technology [17. P. 754].

The moral assessment of technology does not mean its critique and hyperbolization of its negative consequences. The calls to return ‘back to nature’ are more than naive regarding the current level of development. It is unlikely that the man who uses a huge number of technical devices all the time in professional activities and in everyday life would abandon advantages of the contemporary technology. This is also impossible because technology is an essential part of our lives with a decisive impact on social processes including the development of the man (for instance, education or communication).

Does the fight against technocracy mean a denial of the technological development? Actually, today the technical community based on the division of labor more than ever needs relationships of trust and dignity in its supra-individual system, to which every specialist contributes and from which everyone benefits. The man has always used technology, but the question of its meaning is relatively new for we have just realizes that the fast technological development has limitations

and costs. The growth of consumption is limited by the supply of raw materials, which was convincingly and irrefutably argued by the Club of Rome. According to H. Sachsse, there are also spiritual limits: “The rejection of technology and its condemnation are everywhere: love to nature and simple life; need for a clear understanding of the situation; economic estimates of stockpiles and waste management; a sense of justice, which protests against some groups living much better than others, and the desire for changes in the system, which would lead to a fundamental revolutionary transformation of the social structure — all this effects our attitudes to technology” [4. P. 436].

The negative attitude to technology and the desire to put limits for its development has nothing to do with its social and ethical assessment: the moral dimension of technology is a result of the civilizational development, and the personal dimension of technology is the most important means of self-development and self-realization and a tool for mastering cash. The anthropological understanding of technology was provided by T. Adorno: “Whether modern technology brings benefit or harm depends not on technicians or technology itself, but on how it is used by society” [4. P. 381].

In the social assessment of technology, two extremes should be avoided. First, we should not absolutize the power of the purely technical approach to human well-being: certainly, technology contributes significantly to an increase in such well-being, but technological achievements should be considered within the social development. Second, we should avoid absolutization of the social factor in assessing science and technology: no society can eliminate contradictions determined by negative consequences of the scientific-technological progress. Competent social-political decisions can minimize such consequences, so responsibility for technology can be expanded from individual ethics to the social-political sphere.

Thus, the internal relationship between various aspects of technology and other areas of knowledge and practical activity can be examined comprehensively only on the basis of the social assessment with the moral assessment being its integral part. The necessity of the moral assessment of technology is due to unprecedented acceleration of the scientific-technological progress in the information society, which raised the question of the relationship between goals and means of technical activities, humanization of engineering, and moral responsibility of the scientist, engineer and designer who create and use technical systems.

Features of engineering in the contemporary society

Questions of social and other consequences of technology and ethical aspects of engineering were raised at the very moment this profession appeared. Today the ignorance of consequences of introducing new equipment and technology can lead to irreversible negative effects for the humankind and nature; therefore, it is necessary to rethink the very idea of the scientific-technical and social-economic

progress. When the impact of engineering activity becomes global, its decisions cease to be a professional task and become the focus of general discussion, i.e. decisions on technological projects are the prerogative of society. No economic, technical or even state significance can justify their social, moral, psychological or environmental damage. Open discussions on advantages and disadvantages in the media, social expertise, estimates of alternative projects and plans are the most important attribute of today's life, a condition and consequence of its democratization [8. P. 137].

Significant changes in the structure of engineering activity and social mechanisms of its functioning, at least partially, allowed society to control consequences of technical projects in the foreseeable future for the social assessment of technology becomes an integral part of engineering in the information society. Today there is an urgent need for rethinking the relationship between engineering and its products due to the increasing complexity of artificial objects, differentiation of labor, alienation of products from their production, and a new understanding of the ethical component of engineering.

The engineer is a specialist with a higher technical education. Engineering professions are among the most mass professions of highly skilled labor. Engineers work in various fields: factories, construction sites, mines, army, aviation, transportation, research institutes. Initially, engineers were people who control military vehicles. First civil engineers in the 16th century built bridges and roads; first educational institutions for engineers appeared a century later. Today the system of training and professional activity of engineers includes a wide range of specialties: for instance, there are 167 engineering professions in the All-Russian Classifier of Occupations of Workers, Positions of Employees and Tariff Ranks.

The engineering professional community, like any other, has special norms and values that are developed by both the social-professional group and the wider social context. These norms and values form a hierarchy depending on both the logic of the internal development of engineering and the wider cultural context. The hierarchy of professional norms and values of the engineering community is reproduced in special vocational training and corporate self-identification. In Russia, the profession of engineer is one of the most widespread (a third of specialists with higher education): the engineer is a specialist of high culture, an expert in advanced equipment and technologies, economics and organization of production, capable of solving engineering tasks and inventing new technologies. In the contemporary world, there is a twofold tendency in engineering work: on the one hand, it becomes more intellectualized; on the other hand, its creative activities decrease.

The professional activity of the engineer combines the scientific approach with the ability to solve engineering tasks. The scientific approach implies knowledge in certain fields of science and of results of theoretical and experimental studies of physical, social and economic processes, collecting information on technical devices designed for similar functions, materials, production methods, market

conditions, needs of society. In some cases, the main goal is to develop theory, principles and methods of the research; in other cases — to create new technology or develop new production processes based on the scientific knowledge and generalization of engineering practice. Nevertheless, scientific and engineering issues are closely related: the scientific research results provide the engineer with the scientific-methodological basis to make optimal decisions when designing systems and processes; while designing new technology allows us to identify the most promising areas of the research.

Depending on forms of labor and professional requirements, there are different groups of engineering professions: designers of instruments or equipment; technologists involved in processing; economists analyzing and planning economic results; organizers of labor. However, they all should have a sense of responsibility for the rational use of labor and technology depends on its efficient organization, which needs creativity and independence in addition to technical thinking and knowledge.

Ethical regulation of engineering

Until the 20th century, responsibility of scientists, inventors and engineers for negative consequences of technical innovations has not been discussed. The professional ethics of the engineer was corporate, focused on the protection of corporate interests and responsibility to the employer. The engineer was not a so-called ‘free profession’ for he depended on the employer economically and professionally, and, thus, was professionally responsible to him. Later, when first associations of engineers appeared, the engineer was responsible also to his colleagues [23. P. 112]. According to the engineers’ codes of ethics in the 19th — early 20th centuries, the member of the engineers’ association was primarily obliged to protect corporate interests even inconsistent with public interests. An illustration of this is the 1932 expulsion from the American Association of Civil Engineers of B. Jacobson and J. Reina on charges of violating the professional ethics. They were accused of critical press statement exposing the technical miscalculations and low-quality work at the dam construction near Los Angeles. However, despite the fact that their criticism was recognized as fair and helped to prevent a possible catastrophe (the dam could have suddenly collapsed), i.e. to achieve the public good, it was classified as an act deserving the professional-ethical condemnation. One of the most important norms in the Code of the American Association of Civil Engineers forbade any member to publicly criticize their colleagues without their knowledge and prior consent. Violation of this norm served as a formal reason for the expulsion [16. P. 76].

This situation began to change only after the World War II. When the destructive power of the scientific-technological progress became obvious, professional associations of engineers and other technical workers could no longer ignore public interests as the most important guideline for professional activity.

Therefore, since the last quarter of the 20th century, the charters of engineering communities began to declare the public safety and good a value that determines the general ‘vector’ of the professional behavior. For instance, in its Charter of 1984, the Association of American Engineering Unions demanded that their members had to be competent and law-abiding specialists, honestly fulfilling their obligations, and at the same time had to take care of public welfare and ensure the safety of people.

However, these requirements are often declarative, and some countries still practice dismissing those engineers (technicians) who are ethically responsible to society and warn it of possible negative consequences of certain technical projects and solutions. The free market mechanisms often hinder any possibility for the technical worker to be responsible to society and humankind. Therefore, the lack of an effective and universally recognized professional ethical code of the engineer/technician has an objective basis [1]. The resumption of interest to the engineers’ responsibility in the second half of the 20th century was also determined by the terrifying results of the military technology and negative consequences of the anthropogenic impact on nature. Thus, to be responsible means for the engineer to understand and explain the consequences of one’s actions to oneself and other people (future generations).

There are various professional ethical codes that act as external regulators of engineering activity in the contemporary society. Their main requirement is that the engineer should fulfill his professional duties, give priority to the safety, health and well-being of people. The efficiency of these codes (and similar in bioethics, scientific ethics, etc.) is questioned due to their abstract wording. One of their essential requirements is the need to include the understanding of the responsibility for foreseeing and assessing consequences of technical actions, which can be attributed both to the individual moral responsibility of the engineer and to the tasks of engineering associations/commissions on ethics. Anyway, the engineer’s moral responsibility for assessing possible consequences of their activities is necessary but not sufficient prerequisite for the satisfactory solution of the responsibility task in technology.

Today the engineer should listen not only to scientists and technical experts but also to his conscience and public opinion. When making a technical decision, he is morally responsibility for it, especially for its negative consequences, which sometimes implies direct or legal responsibility. The engineer’s moral sense of duty is important for following ethical principles in technical activity, but social mechanisms that ensure moral regulations and ethical standards are even more important. Such mechanisms can work only if there is a developed civil society with an engineering community, i.e. developed public opinion and independent non-governmental organizations which ensure that moral principles are put into practice. All engineers should value the opinion and recommendations of one’s professional community, which is possible if professional and corporate interests do not

contradict public interests. In this case, the engineer can act as a determined 'humanizer' of nature objects to satisfy the needs of society, based on the engineers' ethics that makes an emphasis not so much on the professional perspective as on the social aspects of the scientific-technological development.

Humanitarization of engineering in the information society

The world becomes more complex and diversified due to the increasingly important role of technology and technosphere, which makes the profession of engineer and the engineering activity cover almost all spheres of public life. The public opinion defines the engineer inconsistently — as a creator of new equipment and technology, designer, researcher, production organizer. There are concepts of genetic and social engineering, which allows to claim the 'manufacturability' of a wide range of systems — from traditional technical to biological and social. Therefore, today engineering activities include not only traditional technological calculations and design of complex social-technical systems but also expertise in managerial and political decisions [6].

The growing role of technology in society, new scientific discoveries, blurring borders between countries, academic mobility, changing gender stereotypes and government policies determine the need for changes in the engineering education for the engineer has to solve fundamentally new technical and economic tasks. The engineer professionalism requires not only professional knowledge and skills but also civil maturity, psychological stability, a sense of patriotism and moral reliability [26]. The engineer should follow both the scientific-professional principles and internal and external moral and psychological principles of self-control. Today the life is so dynamic, and science, technology and social life are so interconnected that any technical solution inevitably entail consequences that affect the life, health and safety of people. Therefore, the professional responsibility of the engineer steadily increases and demands that ethical principles in the field of technical activity and a sense of duty should be taught to the future engineers already at the stage of professional training.

Humanization of engineering education is closely related to humanitarization of engineering in general for the ability to socially and ethically assess one's own professional activity is developed during the professional education. Humanitarization of engineering education is an important aspect of the general humanization of knowledge and education at the current post-non-classical stage in the development of science in the information society. Humanitarization implies the scientific research turn to the man and filling educational programs of future engineers with humanitarian content [20. P. 41]. At the same time, humanitarization is a way for learning and understanding the spiritual values in general, not only in profession.

In 1992, the World Congress on Engineering Education made a list of requirements for the graduate of engineering universities: professional competence

(the unity of theoretical knowledge and practical skills, willingness to carry out various types of professional activities within the educational standard); communication competence (ability to communicate within one's professional duties — good command of written and oral speech; ability to read professional literature and discuss professional problems in at least one foreign language; ability to make and understand technical documents, to work on a computer as a confident user with programming skills; knowledge of ethics and psychology of business and personal communication, ability to organize work of a group); ability to be creative in solving professional tasks, non-standard tasks, and willingness to develop and implement a plan of professional actions; awareness of one's responsibility; a sustainable, informed and positive attitude to the profession, focus on life-long professional and personal improvement; mastery of methods for the scientific organization of engineering labor, technical and economic analysis of production to rationalize, optimize, renovate and also to protect nature; understanding of trends in the development of science and technology; ability to conduct research [16. P. 70]. This list exceeds purely professional competencies, which indicates that the efficiency of scientific, technical and innovative activities should take into account social, ethical and environmental aspects that are not always legally classified and have rather a moral nature.

Thus, today researchers, engineers and designers can no longer consider themselves ethically neutral. In the era of high technology and knowledge society, a new ethics of engineer responsibility develops: "For the full development of the engineer's personality, it is necessary that he and his professional world are considered a special area of lifestyle. However, the engineer becomes completely and happily matured only if he developed his ethical and social responsibility" [13. P. 418]. Today the world is so full of technologies that the engineering ethics cannot be limited to moral and ethical issues of engineering and should include the ethical attitude to the use of technology by society and its members. Careless attitude to complex technologies can have disastrous consequences not to mention its usage for other purposes than intended. The ethics of technology serves as an important social means to influence the scientific-technological development not for the active elimination of conflicts but for creating social conditions for their rational resolving. Under the ongoing uncovering of the secrets of nature and developing new ways to influence it, humanization of science and technology is of particular importance. Scientific and technical activities are to serve the good of man; therefore, ethical principles of science and technology (combination of the research and value approaches) should be largely determined by the humanistic interests of the contemporary and, which is even more important, future generations.

***

The internal relationship between various sides of technology and other areas of knowledge and practice can be understood only on the basis of the well-developed

and methodologically verified social assessment for technology together with science plays a decisive role in the social, material and spiritual life of all peoples. For instance, the development of technology makes us reconsider some most important characteristics of science in its relation to technology, in particular, to the successes and capabilities of technology; while technology often has a decisive impact on many important economic, environmental, social, scientific and political decisions. Its social assessment ensures a responsible use of technical systems.

Thus, there is an obvious need for an integral approach combining social and humanitarian expertise of innovative technological projects in the information age. Fundamental changes of the world determined by the scientific-technological revolution demand new approaches, methods and forms of relationships between people and their communities, and the global nature of changes determines the universality of ethical principles of these relationships. The post-modern information civilization implies not only by the development and implementation of information technologies in all spheres of life, but also by the social-moral assessment of technology, humanitarization and humanization of engineering activities, and comprehensive development of the engineer's professionalism and creative abilities by both new moral and ethical factors (socially valuable ideas and individual intellectual preferences) and techno-humanitarian synthesis that would eliminate narrow technocratism.

References

- [1] Al-Ani N.M. *Filosofiya tekhniki: ocherki istorii i teorii* [Philosophy of Technology: Essays on History and Theory]. Saint Petersburg; 2004 (In Russ.).
- [2] Berdyaev N.A. *Tsarstvo dukha i tsarstvo kesarya* [Kingdom of Spirit and Kingdom of Caesar]. Moscow; 1995 (In Russ.).
- [3] Fedorov N.F. *Sochineniya* [Works]. Moscow; 1982 (In Russ.).
- [4] *Filosofiya tekhniki v FRG* [Philosophy of Technology in FRG]. Moscow; 1989 (In Russ.).
- [5] *Filosofsky entsiklopedichesky slovar* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow; 2003 (In Russ.).
- [6] Gavrilina E.A. *Inzhenernoe tvorchestvo v informatsionnom obshchestve: tipologiya, dinamika, kriterii otsenki inzhenernoy kompetentsii* [Engineering Creativity in the Information Society: Typology, Dynamics, Criteria for Assessing Competences]. Moscow; 2011 (In Russ.).
- [7] Gerasimova I.A. Neustranimost neopredelennosti v sotsialnoy otsenke tekhniki [Unavoidable uncertainty in the social assessment of technology]. *Epistemology & Philosophy of Science*. 2012; 2 (In Russ.).
- [8] Gorokhov V.G., Deker M. Sotsialnye tekhnologii prikladnykh mezhdistitsiplinarynykh issledovaniy v sfere sotsialnoy otsenki tekhniki [Social technologies of the applied interdisciplinary research in the social assessment of technology]. *Epistemology & Philosophy of Science*. 2013; 1 (In Russ.).
- [9] Grunwald A. Responsible innovation: Bringing together technology assessment, applied ethics, and STS research. *Enterprise and Work Innovation Studies*. 2011; 7.
- [10] Hahn J., Ladikas M. Responsible research and innovation: Global perspective. *Enterprise and Work Innovation Studies*. 2014; 10.

- [11] Hahn J., Merz C., Scherz C. Identity shaping: Challenges of advising parliaments and society — a brief history of parliamentary technology assessment. *Philosophy of Science and Technology*. 2015; 2.
- [12] Handbuch Technikethik. Grunwald A. (Hrsg.). Stuttgart; 2013.
- [13] Hunning A. Inzhenernaya deyatelnost s tochki zreniya eticheskoy i sotsialnoy otvetstvennosti [Engineering in the ethical and social responsibility perspective]. *Filosofiya tekhniki v FRG*. Moscow; 1989 (In Russ.).
- [14] *Istoriya i filosofiya nauki (Filosofiya nauki)* [History and Philosophy of Science (Philosophy of Science)]. Moscow; 2019 (In Russ.).
- [15] Kapp E. *Grundlinien einer Philosophie der Technik; Zur Entstehungsgeschichte der Kultur aus neuen Gesichtspunkten*. Duesseldorf; 1978.
- [16] *Nauchno-tehnicheskyy progress i eticheskaya paradigma XXI veka* [Scientific-Technological Progress and Ethical Paradigm of the 21st Century]. V.A. Tsvyk (Ed.). Moscow; 2018 (In Russ.).
- [17] Owen R., Macnaghten P., Stigoe J. Responsible research and innovation: From science in society to science for society, with society. *Science and Public Policy*. 2012; 39.
- [18] Rozin V.M. Sushchnost tekhniki [The essence of technology]. *Pravo, mirovozzrenie, filosofiya*. 2004; 1-2 (In Russ.).
- [19] Sadowski J., Guston D. Technology assessment in the USA: Distributed institutional governance. *Journal for Technology Assessment in Theory and Practice*. 2015; 1.
- [20] Seredkina E.V., Chernikova I.V. Gumanitarizatsiya inzhenernogo obrazovaniya i sotsialnaya otsenka tekhniki [Humanitarization of engineering education and social assessment of technology]. *Technologos*. 2015; 2 (In Russ.).
- [21] Seredkina E.V. Otvetstvennyye issledovaniya i innovatsii, sotsialnaya otsenka tekhniki i ustoychivoe razvitiye [Responsible research and innovation, social assessment of technology and sustainable development]. *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*. 2015; 2 (In Russ.).
- [22] Seredkina E.V. Sotsialnaya otsenka tekhniki v povorotnye vremena: vyzovy transdistsiplinarnosti i natsionalnogo [Social assessment of technology in the times of change: Challenges of the transdisciplinary and national]. *Technologos*. 2017; 2 (In Russ.).
- [23] *Sovremennyye filosofskie problemy estestvennykh, tekhnicheskikh i sotsialno-gumanitarnykh nauk* [Contemporary Philosophical Issues of Natural, Technical and Social Sciences]. V.V. Mironov (Ed.). Moscow; 2006 (In Russ.).
- [24] Stepin V.S. *Istoriya i filosofiya nauki* [History and Philosophy of Science]. Moscow; 2011 (In Russ.).
- [25] Tsvyk A.V. Etika politicheskoy otvetstvennosti v mezhdunarodnykh otnosheniyakh [Ethics of political responsibility in international relations]. *RUDN Journal of International Relations*. 2017; 17 (2) (In Russ.).
- [26] Tsvyk V.A., Tsvyk I.V. Professional development in the information society: Challenges and prospects. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (3).
- [27] Tsvyk V.A., Tsvyk I.V. Moral education of the youth in the information society. *Voprosy Filosofii*. 2020; 4.
- [28] Tsvyk I.V. Filosofiya tekhniki: sushchnost, perspektivy razvitiya. [Philosophy of technology: Essence and development prospects]. *Lichnost. Kultura. Obshchestvo*. 2010; 12 (1) (In Russ.).
- [29] Tsvyk I.V. Nravstvennaya otsenka tekhniki [Moral assessment of technology]. *RUDN Journal of Philosophy*. 2014; 2 (In Russ.).
- [30] Tsvyk I.V. Sotsialnaya otsenka tekhniki [Social assessment of technology]. *RUDN Journal of Sociology*. 2011; 5 (In Russ.).
- [31] Voronin A.A. Kontury gumanitarnoy ekspertizy [Contours of the humanitarian expertise]. *Chelovek*. 2014; 1 (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-471-486

Социальная оценка техники и гуманитаризация инженерной деятельности в информационном обществе*

В.А. Цвык¹, И.В. Цвык^{1,2}

¹Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

²Московский авиационный институт
Волоколамское шоссе, 4, Москва, 125993, Россия
(e-mail: tsvyk-va@rudn.ru; tsvykirina@mail.ru)

Статья посвящена определению сущности современной техники, ее социальной и нравственной оценке. Отмечается, что в условиях информационного общества на первый план выходит проблема гуманитаризации инженерного и в целом технического образования, а также роль социально-гуманитарного познания в междисциплинарной оценке научно-технологического развития. Technology Assessment (ТА) — новая научная дисциплина, теория оценки и прогнозирования развития конкретных технологий, а также практика политического консультирования. На базе ТА разрабатываются алгоритмы распознавания негативных последствий техники в целях принятия научно обоснованных решений в сфере научно-технической политики. Подключение к междисциплинарному диалогу о социальной оценке техники помимо технократической элиты представителей социально-гуманитарного знания позволило разработать методологические и эпистемологические основания ТА. Этический компонент социальной оценки техники прослеживается в укоренившемся в западноевропейской академической среде концепте «Responsible Research and Innovation». Очевидна необходимость интегрального подхода, призванного объединить социально-гуманитарную экспертизу инновационных технологических проектов, технаучную парадигму и прикладную этику в информационном обществе. Кардинальные перемены в современном мире, обусловленные научно-технологической революцией, требуют поиска новых подходов, способов и форм взаимоотношений между людьми и общностями, а глобальность перемен обуславливает планетарный характер этических принципов, лежащих в основе этих взаимоотношений. Вхождение России в постсовременную информационную цивилизацию будет сопровождаться не только освоением и внедрением во все сферы жизни информационных технологий, но и социально-нравственной оценкой техники, гуманитаризацией и гуманитаризацией инженерной деятельности, укреплением и развитием профессионализма личности и ее творческих способностей.

Ключевые слова: техника; техносфера; техногенная цивилизация; информационное общество; Technology Assessment; Responsible Research and Innovation; инженерная деятельность; инженерная этика; гуманитаризация инженерного образования

---

* © Цвык В.А., Цвык И.В., 2020.

Статья поступила 31.04.2020 г. Статья принята к публикации 10.06.2020 г.

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-487-497

Особенности политического поля «сильной» и «слабой» власти: допустимые пределы*

А.Н. Данилов¹, Д.Г. Ротман²

¹Белорусский государственный университет
ул. Кальварийская, 9, Минск, 220004, Республика Беларусь

²Центр социологических и политических исследований
Белорусского государственного университета
ул. Академическая, 25, Минск, 220072, Республика Беларусь
(e-mail: a.danilov@tut.by; dgrotman@rambler.ru)

В статье рассматриваются особенности функционирования политического поля «сильной» и «слабой» власти, исследуются социальные институты и структуры, влияющие на трансформационный процесс. Авторы предлагают новое прочтение понятия «политическое поле», где его основными характеристиками выступают статусные роли субъектов, конфигурация пространства, спектр поля, характер взаимоотношений противостоящих сил, методы сохранения приоритетов противоборствующих субъектов. В статье обозначены проблемы взаимодействия власти и оппозиции, механизмы удержания власти, тенденции и перспективы развития процессов в политическом поле «слабой» и «сильной» власти в период кризисов, глобальной нестабильности и ошибок власти, приводящих к кардинальным переменам в общественном мнении. Авторы отмечают, что столкновения на политическом поле по-новому формируют политическое пространство, что обусловлено как особенностями исторического развития, так и социально-экономической и политической ситуацией. Трансформация постсоветского мира еще не завершена, и переход постсоветских стран к устойчивому развитию видится авторам через адаптацию к новым реалиям. Особенность политического поля — постоянное противостояние его субъектов: чем неустойчивее политическое поле, чем выше непредсказуемость событий и роль лидера как носителя высшей власти. В современном государстве опасность дестабилизации присутствует всегда вследствие информационных войн и новых форм воздействия на массовое сознание, ценности и поведенческие установки. Эмпирическая база статьи — мониторинговые социологические исследования Белорусского государственного университета, реализуемые с 1987 года для определения уровня социальной напряженности и политической стабильности, «заполненности» политического пространства, рейтингов политиков и т.д.

Ключевые слова: политическое поле; «сильная» и «слабая» власть; оппозиция; сценарии и механизмы смены власти; «мягкий» и «жесткий» варианты смены власти

---

* © Данилов А.Н., Ротман Д.Г., 2020.

Статья поступила 23.04.2020 г. Статья принята к публикации 10.06.2020 г.

После обретения суверенитета новые независимые государства, еще вчера политически пассивные, резко активизировались, а с ними и весь мир меняет свои привычные очертания. «Этот процесс пошел тяжело, неупорядоченно, болезненно, во многом хаотично. Исчезли старые социальные страты, возникали новые, усиливалось социальное расслоение, менялась социально-профессиональная структура общества» [16. С. 9]. Образцом для выстраивания новой реальности для кого-то стал «витринный» Запад, кто-то обратился к своему прошлому — стратегии власти на новом политическом поле кардинально изменились. Получило новое прочтение понятие «политическое поле» — в условиях разнообразия функций власти появилась возможность характеризовать ее как «слабую» и «сильную».

Социологи Белорусского государственного университета имеют большой опыт изучения ситуации на политическом поле постсоветских стран. В режиме мониторинга с 1987 года проводились исследования общественно-политической и экономической ситуации в Беларуси, а также замеры в период всех электоральных кампаний (предвыборные, экзитполы и послевыборные исследования), начиная с выборов народных депутатов СССР в 1989 году. Эти исследования проводились на основе авторских методик сбора и анализа информации: определение уровня социальной напряженности и политической стабильности, расчет объема «заполненности» политического пространства и рейтингов политиков, изучение мнений труднодоступных респондентов и т.д. [10]. Наши многолетние исследования позволили выявить особенности политического поля и выделить тенденции его развития — возможности возникновения «незаполненного пространства» и точки бифуркации, грозящие неотвратимыми переменами.

Радикальные изменения на постсоветском пространстве вызвали повышенный интерес социологов к трансформационным процессам. На политическом поле стран, образовавшихся на территории бывшего Союза, появились новые политические партии и демократические институты, началась реальная политическая конкуренция и открытая борьба за власть. В экономике приоритетом стали рыночные механизмы, появилась частная собственность, богатые и нищие — началось невиданное ранее расслоение населения. Перемены стали определять ситуацию на политическом поле, и новые структуры и лидеры стали занимать главные позиции на новом политическом Олимпе. Вследствие изменения экономических основ общества кардинальные перемены протерпела и общественная среда, причем не только в сторону либерализации: изменился общекультурный ландшафт, наполняются новым содержанием базовые ценности и социокультурные предпочтения разных социально-демографических групп. Направленность и глубина перемен были обусловлены особенностями исторического развития, так и сложившейся социально-экономической и политической ситуацией, поэтому и степень демократичности установившихся в разных странах политических режимов различна.

Трансформация постсоветского мира еще не завершена и будет длиться до тех пор, пока Запад не признает, что и он должен претерпеть преобразования: пока ни на Западе, ни на Востоке нет четкого ответа на вопрос, как мы собираемся жить дальше. Сын известного американского ученого, автора книги «Новое индустриальное общество», профессор Дж.К. Гэлбрейт уверен, что со временем «произойдет обвал всей структуры управления, и США окажутся в ситуации, сходной с положением Советского Союза в последние годы своего существования, т.е. будут иметь правительственный аппарат, расходы по содержанию которого столь сильно превысят эффект от его деятельности, что станет невозможным обеспечивать поддержку членов этого аппарата» [1. С. 22]. Игра, развернувшаяся на глобальном политическом поле, предопределяет лицо всего мироустройства в XXI веке.

Для постсоветских стран переход к устойчивому развитию возможен лишь через адаптацию к новым реалиям: «Идеал прогресса как ускоряющихся инновационных перемен в наше время модифицирован в идеал устойчивого развития: приоритет получают такие инновационные сценарии, которые не просто взламывают и уничтожают традиции, а, адаптируясь к некоторым ее аспектам, избирательно и постепенно трансформируют традицию» [14. С. 10]. Столкновения на политическом поле по-новому формируют политическое пространство. Зачастую отсутствие баланса в системе сдержек и противовесов, крен в одну из политических сторон или в пользу исполнительной власти, недостаточная четкость в распределении полномочий между акторами и неконструктивность оппозиции существенно усложняют возможности адаптации.

Понятие «политическое поле» — давно устоявшийся термин и необходимый атрибут любого государства. Политическое поле — это пространство, в котором происходит борьба за власть. Его содержание подвижно и под влиянием событий как внутри, так вне государства может меняться кардинально. Мы под «политическим полем» понимаем социологическую категорию, обозначающую реальную территорию определенного государства, в границах которого конкурируют политические группы разной идеологической направленности и отдельные политики, которые предлагают населению свои программы для получения власти [9. С. 4].

Политическое поле имеет особую структуру и логику функционирования. Основные его характеристики — это статусные роли субъектов, конфигурация пространства, спектр поля, характер взаимоотношений противостоящих сил, методы сохранения приоритетов противоборствующих субъектов. Главный субъект политического поля — электорат, т.е. граждане страны, имеющие право избирать органы власти или быть избранными в эти органы, а также реальные представители власти. Электорат может быть активным и пассивным. Первый отличается достаточно высоким уровнем политического участия: наличием определенных установок на предпочтение тех или иных идеологий и политических групп; стремлением участвовать в избирательном

процессе и т.д. Второй характеризуется полным игнорированием всего названного в силу безразличного отношения к происходящему. В свою очередь, активный электорат состоит из участвующего и сочувствующего: в первую подгруппу входят члены политических партий и участники негосударственных организаций, реально действующие сторонники властных структур и оппозиции; к числу сочувствующих можно отнести людей, имеющих осознанно-определенную позицию в оценке происходящих событий и готовых голосовать на выборах, руководствуясь этой точкой зрения, но не принимающих участия ни в каких политических действиях.

Исходя из приведенных характеристик субъектов политического поля, можно определить его внутреннюю конфигурацию. Ее основой может стать широко используемая в науке схема «авансцена — ядро — периферия»: на «авансцене» находятся публичные политики и общественные деятели, известные всей стране; «ядро» составляют члены многочисленных политических организаций, партийные активисты, политтехнологи, политологи и журналисты, участвующие в политическом процессе, а также все сочувствующие, готовые на выборах поддержать тех или иных политиков, ту или иную политическую группу; «периферия» включает в себя пассивный электорат [9. С. 5].

Понятия «сильной» и «слабой» власти возникают в политическом поле при определенных обстоятельствах. В своем социологическом романе «Русский эксперимент» А.А. Зиновьев отмечает: «Что нужно для устойчивой, постоянной сильной власти? Во-первых, держать в страхе население, причем — постоянно. Создать репрессивные силы. Сажать, расстреливать. И не одного-двух, а много. Во-вторых, систематически улучшать условия жизни широких слоев населения, заручившись, тем самым, их поддержкой. И, в-третьих, возвыситься над всеми слоями общества, проводя политику сглаживания крайностей в материальном и социальном отношении, стать “отцом” нации... Сильная власть — не просто уважаемая населением и хорошо работающая система управления. Имеется в виду нечто иное, а именно — единая власть, осуществляющая насилие недемократическими и неэкономическими методами» [5. С. 51]. Такая власть предполагает «силовую реализацию решений и потому не может не быть авторитарной. Есть пределы для демократизации власти. За этими пределами она не способна обеспечить выживаемость системы, которой признана управлять. Однако и ужесточение власти ведет к потере базы ее восприятия» [2. С. 35]. Таким образом, «сильная» власть — это умение находить правильные решения и реализовывать их, твердость и решительность при выполнении своих обязанностей, обещаний и планов, предельно уважительное отношение к гражданскому обществу, постоянный учет мнений и предпочтений населения, реальное доверие народа.

Ослабление власти — обычно предвестник назревающей катастрофы, «поскольку компенсирующие слабость власти факторы оказались недостаточно эффективными»: система воспитания и образования; организация

жизни трудовых коллективов; административно-бюрократическая рутина; пресса; общественное мнение; система правосудия и т.п. — «одним словом, все прочие элементы общественного целого» [5. С. 52]. Яркий пример политического поля «слабой» власти — последний период функционирования СССР, когда принимались решения, которые уже не выполнялись, аппарат управления был деморализован, ситуация приближалась к анархии.

Вопрос о пределах возможного встает перед каждой властью. В нынешнее динамичное время просто сохранять *status quo* чревато значительными осложнениями. Современные государства настолько втянуты в глобальную информационную жизнь, что обособиться от остального мира просто не удастся, и в этом нет никакого смысла. Пределы возможного зависят от ресурсов власти — целого ряда положений как внутреннего, так и внешнего порядка, включая размер государства, численность и качество населения, природные богатства, уровень развития экономики, образования, культуры.

Особенности политического поля современного государства

Социологи Белорусского государственного университета проводят электоральные исследования с 1987 года. Они касались в основном выборов в Верховный совет, а после введения поста Президента — президентских избирательных кампаний. Каждая кампания имела свои особенности на политическом поле, и некоторые из них мы рассмотрим ниже.

Политическое поле с его составляющими, структурой и функциями может существовать как в реальном измерении, так и в виртуальном [9. С. 8–9]. Реальное политическое поле — это партии, институты, власть, оппозиция и т.д., и главное для поля — как оно воспринимается электоратом. Виртуальное поле — это программа будущего выбора, поле электоральных предпочтений. Реальное и виртуальное пространства, как правило, не совпадают по объему, и такое несовпадение (до определенной степени) является признаком эффективных действий субъектов поля и подтверждением демократичности ситуации в пределах этого поля. В виртуальном поле может функционировать рынок политических идей, происходить вытеснение одних сил другими, поскольку виртуальное политическое поле — формирование временное, гибкое, легко меняющееся. Реальное политическое поле меняется с трудом, является образованием формальным и консервативным, а потому отражает долговременную политическую установку. Прогноз развития ситуации в государстве должен опираться на данные, описывающие состояние как реального, так и виртуального политических полей.

Пустот в политическом поле не бывает — они быстро заполняются, но только в виртуальном поле, где пустоты часто додумываются электоратом на базе опыта или воображения. Реальное политическое поле должно выступать основой для поля виртуального и влиять на процесс его формирования, а не подстраиваться под него для получения политических дивидендов.

Освободившаяся в политическом поле ниша не бывает долго свободной и тут же заполняется, причем далеко не всегда той группой, что была инициатором изменения спектра политического поля. Незаполненное пространство может неожиданно занять политическая группа или политик, которые в итоге оказываются нежелательными для общества, хотя в истории немало противоположных примеров. Нормальное состояние политического поля — относительное равновесие сил с симметричными колебаниями.

С обретением суверенитета в новых государствах возросло число субъектов борьбы за власть, расширился их политический спектр, появились разнообразные политические технологии. В противостоянии на политическом поле сталкиваются дела власти и слова оппозиции. О власти электорат имеет возможность судить по конкретным делам, и кандидат от действующей власти имеет преимущества перед оппозиционным кандидатом, но в то же время и более уязвим, поскольку ответственность за все происходящее в государстве лежит на власти. Оппозиция критикует власть за происходящее в стране — в этом историческая функция оппозиции, ее предназначение в обществе и государстве. Популизм оппозиции непроверяем — он может «захватывать» недовольных своим положением, жизнью и, следовательно, властью. В такой ситуации властные структуры зачастую используют так называемый «административный ресурс».

Исследования показывают, что граждан постсоветских государств волнует не столько политика и демократия, сколько собственная жизнь. На первых местах в рейтинге ценностей европейцев (включая и восточных, представляющих новые государства на постсоветском пространстве) оказались семья, работа, здоровье и досуг, т.е. все то, что напрямую относится к понятию «личная жизнь» [9. С. 10]. «Можно с уверенностью утверждать, что для многих белорусов вопросы, относящиеся к сфере политической власти, актуальны в той мере, в которой они оказывают влияние на их личное благосостояние. Политические ценности... во многом пересекаются с ценностями экономическими» [6. С. 99]. Согласно В.А. Ядову в таких случаях «люди не видят для себя возможности контролировать ситуацию за пределами узкого жизненного пространства» [13. С. 550]. Проведенный анализ показал, что дестабилизация ситуации возможна только тогда, когда условия жизни с точки зрения людей будут неудовлетворительными, материальное положение будет ухудшаться, а доверие властным структурам станет достаточно низким [11. С. 29–30].

Политическое поле каждого государства имеет свои особенности, которые коренятся в национальных традициях, предшествующем историческом опыте, поведении противоборствующих политических сил и политических установках избирателей. Большую роль в политическом поле играют СМИ и новые медиа, благодаря чему «политические игры сразу же становятся достоянием публики» [8. С. 159]. Сегодня происходит перераспределение «информационного влияния на аудиторию от традиционных СМИ к медиакоммуникативным,

которые, в свою очередь, при изменяющихся форматах подачи информации сохраняют характеристики традиционных сегментов поля (например, онлайн-телевидение)» [4. С. 396], что необходимо учитывать при проведении электоральных исследований.

На политическом поле основным игроком всегда выступает власть. Как и в шахматной игре, многое зависит от готовности лидера просчитать свои шаги далеко вперед. Первые президентские выборы на постсоветском пространстве показали, что в образовавшееся «незаполненное» электоральное пространство лучше всего вписывается программа независимого претендента — он может навязать дискуссию по вопросам, которые являются самыми актуальными для избирателей в конкретный период. Власть и оппозиция связаны между собой многочисленными нитями, видимыми и невидимыми, которые не всегда можно разорвать — пропадет интрига существования власти. Политическое противостояние может быть в рамках закона, а может выходить за эти рамки; может быть мягким и жестким, организованным и стихийным, обоснованным и надуманным. Отсутствие оппозиции — прямой путь к диктатуре, слабая власть и сильная оппозиция — основа анархии. Чем неустойчивее политическое поле, тем выше роль носителя высшей власти и его личных качеств.

Опасность дестабилизации и ее допустимые пределы

Кардинальные перемены на постсоветском пространстве не сделали мир более устойчивым, не разрешили ни одного конфликта. Большинство новых независимых государств оказались не в состоянии в короткие сроки и без помощи извне преодолеть проблемы трансформации. Попытки самостоятельных действий постоянно наталкивались и наталкиваются до сих пор на противодействие со стороны окружающих государств, обрекая новые страны на роль аутсайдеров и новую зависимость.

В любом государстве всегда присутствует опасность дестабилизации — деструкции политической системы и экономического уклада с целью радикального преобразования общества посредством приведения его в нестабильное состояние. Результатом дестабилизации является либо полная смена правящей политической элиты, либо системный кризис модели управления. Сама по себе дестабилизация как комплекс технологий, направленных на приведение сложившейся системы общественных отношений в деструктивное состояние, требует обязательного наличия дестабилизирующих факторов — это необходимые стимулы скрытых форм конфликтогенности, которые с переходом в публичную сферу активизируют дестабилизирующий потенциал (многое зависит от ситуации, расстановки политических сил, их действий на политическом поле). Важным моментом дестабилизации может стать ситуация, когда у части населения развиваются пессимизм и отчаяние, ощущение своей ненужности, напрасно прожитой жизни. Углубление пропасти между богатыми и бедными, прогрессирующее обнищание значительной части

трудоспособного населения порождают реакцию отторжения, в том числе рост преступности, депрессию и другие негативные последствия. Тогда люди становятся заложниками событий, которыми они не умеют управлять, — легкими жертвами манипуляции в игре на политическом поле.

За последние десятилетия формы борьбы на политическом поле в постсоветских государствах протерпели существенные изменения. Если прежде акцент делался на экономическом, дипломатическом, политическом давлении, то сегодня предпочтение отдается информационным войнам и иным формам информационно-психологического воздействия на массовое сознание. Как точно отметил М. Кастельс, «наиболее фундаментальная форма власти состоит в способности формировать человеческое сознание... Если фундаментальная битва за определение норм в обществе и применение этих норм в повседневной жизни происходит вокруг формирования человеческого сознания, то коммуникация является эпицентром этой битвы. Поскольку именно через коммуникацию человеческое сознание взаимодействует с его социальным и естественным окружением. Этот процесс коммуникации происходит в соответствии со структурой, культурой, организацией и технологией коммуникации в данном обществе. Коммуникационный процесс, несомненно, опосредует способ, в соответствии с которым властные отношения конструируются и оспариваются в каждой сфере социальной деятельности, включая политическую практику» [7. С. 20–21].

Среди важнейших дестабилизирующих факторов на политическом поле постсоветских стран часто называют внешние силы: «в отличие от традиционных методов (торговое эмбарго, объявление дипломатических представителей персонами нон грата и т.д.) они переключили внимание на импорт технологий дестабилизации или, как сейчас принято говорить, решение задач с помощью “мягкой силы” в контексте реализации сценария “цветных революций”» [3. С. 76–77]. Технология «цветной революции» — это комплекс методик политической дестабилизации, направленный на быструю смену правящей элиты. Концептуальной основой сценария «цветной революции» выступает теория ненасильственного сопротивления действующей власти Д. Шарпа [17].

Рискогенным направлением, уязвимым для деструктивного воздействия, выступают ценностные ориентации личности. Еще П.А. Сорокин в работе «Социология революции» отмечал, что «непосредственной предпосылкой всякой революции всегда было увеличение подавленных базовых инстинктов большинства населения, а также невозможность даже минимального их удовлетворения» [12. С. 272]. Опасность дестабилизации возрастает, когда не удовлетворяются материальные потребности населения и ухудшается материальное положение граждан. Протестные настроения могут возникать, когда власть не способна создать условия для реализации базовых ценностей разных социально-демографических групп, что во многом обусловлено преимущественно патерналистским сознанием населения постсоветских стран [11. С. 29–30].

Основная роль и функция власти заключается в том, чтобы создать необходимые условия для развития экономики и социальной сферы, надежно и стабильно обеспечить безопасность граждан, социальную справедливость и общественный порядок, эффективно подавить и искоренить организованную преступность, не дать развернуться коррупции и протекционизму. Политическая стабильность — одно из главнейших условий возрождения и постепенной интеграции в мировую экономику.

Активный общественный диалог и наличие различных, а зачастую взаимоисключающих позиций, идей и концепций распространяется на многие сферы жизнедеятельности постсоветских стран. Даже такие ценности и социокультурные приоритеты, как сохранение национального суверенитета, укрепление политической стабильности, укрепление правопорядка, либерализация экономических отношений, повышение роли государства как гаранта успешных социальных преобразований, трактуются на политическом поле разными силами и группами по-разному, исходя из стратегических целей. Перемены 1990-х годов так и не создали «иммунитета» к радикально-революционным моделям социального переустройства, которые чреваты глобальным обострением социальных противоречий и утратой политической стабильности. Люди по-прежнему обеспокоены глобальной нестабильностью, опасностью дестабилизации ситуации и ждут «установления социальной справедливости, стабильного социального положения и устойчивого гарантированного будущего, а также хотят понять, какое общество строится» [15. С. 303].

Пределы власти зависят от ее ресурсов, и у каждой страны они свои. В любом государстве присутствует опасность дестабилизации, риск которой зависит от условий жизни населения: будет материальное положение ухудшаться — доверие властным структурам будет падать. Если власть не создает условия для реализации основных ценностей, то в обществе формируется недоверие к органам государственного управления. Поэтому основная задача любой власти — создавать необходимые условия для развития экономики и социальной сферы и обеспечения социальной справедливости.

Библиографический список

- [1] Гэлбрейт: возвращение / Под ред. С.Д. Бодрунова. М., 2017.
- [2] *Данилов А.Н.* Власть и общество: поиск новой гармонии. Минск, 1998.
- [3] *Данилов А.Н., Ротман Д.Г.* Приоритет мягкой силы в дестабилизации современного социума (на примере Республики Беларусь) // Социологические исследования. 2019. № 2.
- [4] *Данилов А.Н., Ротман Д.Г., Посталовский А.В., Бузовский И.И.* Особенности социологической диагностики информационного поля Республики Беларусь // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 3.
- [5] *Зиновьев А.А.* Русский эксперимент. М., 1995.
- [6] *Иванюто О.В.* Политические ценности // Ценностный мир современного человека: проект «Исследование европейских ценностей», волна-2018 / Под ред. Д.М. Булышко, Д.Г. Ротмана. Минск, 2019.

- [7] Кастельс М. Власть коммуникации. М., 2016.
- [8] Колодко Гжегож В. Глобализация, трансформация, кризис — что дальше? М., 2015.
- [9] Методы социологического изучения особенностей функционирования политического поля / Под ред. Д.Г. Ротмана, В.В. Правдивца. Минск, 2007.
- [10] Ротман Д.Г., Правдивец В.В., Белов А.А. Электоральные социологические исследования: организация опроса в день выборов (экзитпол) // Журнал БГУ. Социология. 2015. № 3.
- [11] Современное белорусское общество: социологическое прочтение / Под общ. ред. А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана. Минск, 2018.
- [12] Сорокин П. Социология революции // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
- [13] Социология Ядова: методологический разговор / Ред.-сост. Е.Н. Данилова, Л.А. Козлова, П.М. Козырева, О.А. Оберемко. М., 2019.
- [14] Степин В.С. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития // Журнал БГУ. Социология. 2017. № 3.
- [15] Тоценко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М., 2020.
- [16] Федоров В.В. Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения. М., 2010.
- [17] Шарп Д. От диктатуры к демократии. Екатеринбург, 2005.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-487-497

Features of the political field of ‘strong’ and ‘weak’ power: Acceptable limits*

A.N. Danilov¹, D.G. Rotman²

¹Belarusian State University
Kalvarijskaja St., 9, Minsk, 220004, Belarus

²Center for Sociological and Political Studies of the Belarusian State University
Akademieskaya St., 25, Minsk, 220072, Belarus
(e-mail: a.danilov@tut.by; dgrotman@rambler.ru)

Abstract. The article considers the features of the political field of ‘strong’ and ‘weak’ power, and social institutions and structures that influence the transformation process. The authors propose a new reading of the concept of ‘political field’, and its main characteristics are the status roles of subjects, configuration of space, nature of the relationship of opposing forces, and methods for preserving the priorities of the opposing subjects. The article identifies interaction problems between the government and the opposition, mechanisms of power retention, tendencies and prospects for the development of the political field of ‘weak’ and ‘strong’ power under crises, global instability and government mistakes that lead to dramatic changes in the public opinion. The authors note that clashes in the political field restructure the political space in a new way, which is due to both peculiarities of the historical development and the social-economic and political situation. Transformations of the post-Soviet world are not complete, and the transition of post-Soviet countries to the sustainable development is possible only by adaptation to new realities. The peculiarity of the political field is the constant confrontation of its subjects: the more unstable the political field, the higher the unpredictability of events and the role of the leader. In the contemporary state, there is always a danger of destabilization due to information wars and new forms of influence on the mass consciousness, values and behavior. The empirical basis of the

---

* © A.N. Danilov, D.G. Rotman, 2020.

The article was submitted on 23.04.2020. The article was accepted on 10.06.2020.

article are monitoring sociological studies conducted from 1987 to identify the level of social tension and political stability, 'fullness' of the political space, rankings of politicians, etc.

Key words: political field; 'strong' and 'weak' power; opposition; scenarios and mechanisms of power change; 'soft' and 'hard' ways for changing power

References

- [1] *Galbraith: vozvrashchenie* [Galbraith: The Return]. Pod red. S.D. Bodrunova. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [2] Danilov A.N. *Vlast i obshchestvo: poisk novoy garmonii* [Power and Society: In Search for New Harmony]. Minsk; 1998 (In Russ.).
- [3] Danilov A.N., Rotman D.G. Prioritet myagkoy sily v destabilizatsii sovremennogo sotsiuma (na primere Respubliki Belarus) [The priority of soft power in the destabilization of the contemporary society (on the example of the Republic of Belarus)]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2019; 2 (In Russ.).
- [4] Danilov A.N., Rotman D.G., Postalovsky A.V., Buzovsky I.I. Osobennosti sotsiologicheskoy diagnostiki informatsionnogo polya Respubliki Belarus [Features of the sociological diagnostics of the media field in the Republic of Belarus]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (3) (In Russ.).
- [5] Zinoviev A.A. *Russky eksperiment* [Russian Experiment]. Moscow; 1995 (In Russ.).
- [6] Ivanyuto O.V. Politicheskie tsennosti [Political values]. *Tsennostny mir sovremennogo che-loveka: proekt "Issledovanie evropeyskikh tsennostey", volna-2018*. Pod red. D.M. Bulynko, D.G. Rotmana. Minsk; 2019 (In Russ.).
- [7] Castells M. *Vlast kommunikatsii* [Communication Power]. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [8] Kolodko Gzhegozh V. *Globalizatsiya, transformatsiya, krizis — chto dalshe?* [Globalization, Transformation, Crisis — What's Next?]. Moscow; 2015 (In Russ.).
- [9] *Metody sotsiologicheskogo izucheniya osobennostey funktsionirovaniya politicheskogo polya* [Methods for the Sociological Study of the Peculiarities of the Political Field Functioning]. Pod red. D.G. Rotmana, V.V. Pravdivitsa. Minsk; 2007 (In Russ.).
- [10] Rotman D.G., Pravdivets V.V., Belov A.A. Elektoralnye sotsiologicheskie issledovaniya: organizatsiya oprosa v den vyborov (ekzitpol) [Electoral sociological research: Organization of the poll on the election day (exit poll)]. *Zhurnal BGU. Sotsiologiya*. 2015; 3 (In Russ.).
- [11] *Sovremennoe belorusskoe obshchestvo: sotsiologicheskoe prochtenie* [Contemporary Belarusian Society: Sociological Interpretation]. Pod obshch. red. A.N. Danilova, D.G. Rotmana. Minsk; 2018 (In Russ.).
- [12] Sorokin P. Sotsiologiya revolyutsii [Sociology of revolution]. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo*. Moscow; 1992 (In Russ.).
- [13] *Sotsiologiya Yadova: metodologichesky razgovor* [Sociology of Yadov: Methodological Conversation]. Red.-sost. E.N. Danilova, L.A. Kozlova, P.M. Kozyreva, O.A. Oberemko. Moscow; 2019 (In Russ.).
- [14] Stepin V.S. Tsivilizatsiya v epokhu peremen: poisk novykh strategiy razvitiya [Civilization in the era of change: In search for new development strategies]. *Zhurnal BGU. Sotsiologiya*. 2017; 3 (In Russ.).
- [15] Toshchenko Zh.T. *Obshchestvo travmy: mezhdru evolyutsiy i revolyutsiy (opyt teoreticheskogo i empiricheskogo analiza)* [Society of Trauma: Between Evolution and Revolution (A Theoretical-Empirical Analysis)]. Moscow; 2020 (In Russ.).
- [16] Fedorov V.V. *Russky vybor. Vvedenie v teoriyu elektoralnogo povedeniya* [Russian Choice. Introduction to the Theory of Electoral Behavior.]. Moscow; 2010 (In Russ.).
- [17] Sharp G. *Ot diktatury k demokratii* [From Dictatorship to Democracy]. Yekaterinburg; 2005 (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-498-508

Mystification of the highest power: A case of Indonesia*

Kh. Rosyadi

Trunojoyo University Madura
Jl. Raya Telang, Kamal, Bangkalan, Madura, Indonesia
(e-mail: khoirul.rosyadi@trunojoyo.ac.id)

Abstract. In 1998, after the fall of the New Order regime, Indonesia passed through a social, political and economic transition, including a change of power. The first power transition happened in 1999, when Abdurrahman Wahid became the President of Indonesia through the Parliament. The election of Abdurrahman Wahid as the President of Indonesia is inseparable from mystification of power (politics) which he started. The article aims at understanding why Abdurrahman Wahid as the President of Indonesia chose the strategy of power mystification. The study is based on the case study approach. The results of the study show that the strategy of mystification of power was chosen by Abdurrahman Wahid for he could use his social status as the grandson of the founder of the Nahdlatul Ulama (NU) — the largest Islamic organization in Indonesia, which was determined by the NU tradition that children or grandchildren of the *kiai* had privileges. The Javanese understanding of power is different from the European discourse of power due to the fact that the Javanese explanation of power or leadership cannot be separated from social, political and cultural factors of society or community. Different types of leadership and power are results of differences in social and cultural factors and organization of societies. For the Javanese, power is homogeneous by nature and has the same features wherever it appears. The forms of power are expressions of the same reality, derive from the same source and have the same quality: all forms of power are based on the participation in one force pervading the entire universe. Thus, the Javanese considers individuals and groups that gain power as ‘containers’ that contain a portion of these cosmic forces.

Key words: power; mystification of power; Indonesia; interpretations of power; traditional leader; charismatic leader; religious foundations of power

After the fall of the New Order on May 21, 1998 and elections, the General Session of the Assembly (MPR) of Indonesia elected its Chairman to approve the decree of the State Policy Guidelines (GBHN), discuss amendments to the 1945 Constitution, and elect president and his deputy for five years. Despite the importance of other issues, the election of president and his deputy was a thrilling political battle full of intrigues, maneuvers, and lobbying of the competing parties — Habibie of Golkar and Megawati of PDIP. The situation escalated when two parties made claims of Islamist (Habibie) and nationalist (Megawati) ideologies. The former tried to get the votes of Islamist parties such as the United Development Party (PPP), Justice Party (PK), Crescent Star Party (PBB), NU Party (PNU), Nation Awakening Party (PKB), Islamic Ummah Party (PUI), United Islam Party of Indonesia 1905 (PSII), and Indonesian Political Party Masyumi (PPIIM) — to confront the nationalist forces.

---

* © Kh. Rosyadi, 2020.

The article was submitted on 30.04.2020. The article was accepted on 23.06.2020.

On October 18, 1999, Habibie's opposition to Megawati finally came to an end in the middle of the road, when the report of the in-transition president was rejected by the MPR, which made Golkar understand its position and withdraw its candidate. But Habibie's defeat was not a failure of the Islamist parties in the confrontation with nationalist forces. Habibie's failure did not weaken the Islamist camp; moreover, non-PDIP parties joined forces to make a camp of resistance. Establishment of the Middle Axis is another evidence of the unification of Muslim political forces, which proved the new Islamist-Nationalist polarization. The Middle Axis led by Amien Rais accepted Abdurrahman Wahid (Gus Dur) as a presidential candidate despite his representation of the mainstream Islamic political interests, which did not correspond to political forecasts. This was not only because Abdurrahman Wahid was not from the winning party, but also because the traditionalist Islamic organization's leader was supported by Amien Rais, the leader of the modernist Islamic organization that have always been rival of Nahdlatul Ulama (NU). By the way, Gus Dur did not give a definite answer to the question if he was nominated by the Middle Axis — he left the decision to the elderly NU clerics.

On August 31, 1999, the clerics met in *pesantren* (boarding school) Langitan and advised NU members to perform *istikharah* (praying to get a direction from God) and *istighatsah* — to ask God to support Wahid's presidential nomination by the Middle Axis. On September 27, 1999, the meeting of Nahdliyin clerics was held in *pesantren* Buntet. In addition, *kiai* Faqih defined Gus Dur's nomination by the Middle Axis as an analogous of the political management of Mu'awiyah in the early Islamic era, who managed to trick Hussein Ibn Ali into travelling from Medina to Irak. That excessive doubt was reasonable since the clerics and members of the NU believed that Gus Dur was a talisman that had magic power and should not be abandoned.

After the Buntet meeting, the elderly clerics kept in contact via *istikharah* to continue to ask God's guidance on the nomination of Gus Dur. On October 8, 1999, charismatic clerics met again at the office of the NU Executive Board in Jakarta. The clerics, who were called by the political community 'People of Heaven' or 'Axis of Heaven', made a decision: they claimed that all the *Nahdliyin ulamas* must support a possible reasonable clerical intuition against the nomination of Gus Dur. On October 10, 1999, at *Pesantren* Langitan, the *Nahdliyin* elderly clerics held a meeting again and accepted the Middle Axis' presidential nomination on one condition — the decision depended on the political situation. On October 20, 1999, the long-awaited presidential election finally got two main candidates — Gus Dur and Megawati: by closed vote of 691 members of the Assembly, Gus Dur was elected president with 373 votes (Megawati got 313). Megawati, who was a politically convincing possible winner of the president election due to his party's victory, was defeated by a candidate previously never considered a political player. Gus Dur's path to the presidency in a mystical atmosphere made the clerics act as political 'brokers': thus, the TV news often showed how Gus Dur twirled a ring on his right hand — the 'magic ring', a gift of *kiai* Faqih. The long journey of the

‘People of Heaven’ through *istikharah*, *istighosah* of millions of *Nahdliyin* (members of the NU) and the ‘magic ring’ of *kiai* Faqih represent mystification of (spiritual) power of Abdurrahman Wahid.

Mystification of power, Javanese Islam, and charismatic leadership

In general, mystification or mystification is a spiritual and non-discursive approach to the unity with God/central reality of the universe. If this reality is defined as a transcendent God, mysticism is a path to the unity with the transcendent God. However, introversive mysticism is not the only type — there is also extroversive mysticism, in which the subject feels his unity with the universe, with all beings, and this often implies a pantheistic identification of God with all beings. Within this type of mysticism, there are mystical meditative techniques to reach enlightenment, regardless of the concept of divine. Both approaches were accepted in the Western and Eastern tradition [4. P. 652–653].

In the political context, mystification means any action/activity deviating from real political issues, including understanding the concept of power. The term ‘political mystification’ was introduced by D.A. Rinkes, a Dutch advisor for the East-Indies affairs. In his report to the Government of the Netherlands in 1914, Rinkes explained that Muslims were fond of mystification, which he proved by the widespread mysticism in *tarekat* schools and, in particular, the political mystification of the SI (Sarekat Islam), a very popular movement of the time, which proclaimed Pangeran Hangabei, the son of His Majesty Susuhunan Surakarta, the protector in 1913. Mystification of Islam meant that religion changed its focus from this world and eternal salvation into emphasis only on the latter for the Sufism groups. At that time, the SI faced the economic competition with Chinese businessmen, and solved this problem politically — the appointment of Pangeran Hangabei attracted many followers

Like the SI, the PKB founded by Gus Dur also practiced political mystification, which is proved by the following its indicators: use of jinn services; plan of taking legislators’ oaths’ status of clerics as political brokers; personal cult. The masses were no longer supposed to care about political programs of the PKB; instead they were to accept the leader’s personal excellence, support his networks with clerics and NGOs, study his genealogy, and other things that placed the leader and kept him at the top of the NU social hierarchy. Gus Dur could be very convincing even for his opponents, for instance, when explaining why the PKB made coalition with the Indonesian Democratic Party of Struggle (PDI Perjuangan) or supported Megawati and Habibie, why he supported Sri Sultan Hamengkubuwono X, and why he oscillated as a presidential candidate. Replacing a political party with a person constituted political mystification. Outside the PKB, Gus Dur also pursued political mystification for he always used *kiai* as a political broker to make political decisions. Certainly, replacing political rationality with *kiai*’s advices constituted political mystification.

Javanese Islam has symbols with animistic and Hinduism-Buddhist meanings [24. P. 89], while its values were affected by the Javanese culture [3. P. 20]. The most important figure of Javanese Islam was Sunan Kalijaga — a hero of the Javanese culture that contributed to the syncretic Javanese Islam. Sunan Kalijaga was an ideal example of Javanese Islam, in which Islamic ideas were socialized by the Javanese culture in the 15th–16th centuries [3. P. 25–29]. Just like Javanese Hinduism-Buddhism, the development of Islam in Java was more influenced by mystical processes related to the Sanskrit terminology — the legacy of the Javanese Hindu era. In Java, one had to reach a peaceful state of mind or even totally empty one before reaching a mystical insight that would lead to the path (ideas of *sunyata* (emptiness) and Mahayana Buddhism). The legacy of Javanese Hinduism was interpreted by Islam, in particular, ideas of the path and mystical unity. Mysticism was a paramount element of the Javanese Islam piety, but it could only be practiced as a *Shari'a*-centered piety [24. P. 139].

The most important thing in mysticism of Javanese Islam was to combine meditation and homage to the *wali*, including the sacralized ancestors. For the Javanese Islam, *wali* were people who knew and were close to God. Due to their achievements, the *wali* were given special powers as a gift from God: *wali* were free from passions, could influence God, were capable of binding and releasing the sacred, of transforming themselves and moving to a distance, of resurrecting raising the dead, reading mind, telepathy, prophecy, of controlling seasons by blessings and of ensuring war victories by spiritual influences [3. P. 165]. The tribute to the *wali* consisted of a pilgrimage to their graves and played a central role in the mystical piety of Javanese Islam. From Morocco to Indonesia, the tombs of *wali* were considered sources of blessing and attracted many visitors [24. P. 122].

However, the Javanese Islam piety was also closely related to the most esoteric mysticism. This, the homage to the *wali* corresponded to the theological understanding of the prophecy, cosmology, and human perfection. Devotional and esoteric dimensions of Sufism were close to the Javanese religious thought, political theory, and popular beliefs about veneration of the dead, blessings, and pilgrimage [24. P. 141]. Followers of Javanese Islam believed that the pilgrimage was an Islamic tradition as long as one did not ask for blessings or gifts from the dead. Most Javanese Muslims took part in the cult of Java *wali* and considered the sacred tombs as sources of blessings [3. P. 167] due to the revelation of the sacred, or *wangsit*, *kasekten*. By revelation, one could communicate with the prophets of Islam which, according to the Javanese tradition, descended to the *wali* — the beloved of God [24. P. 132].

The concept of *kasekten* (supernatural powers) of Javanese Islam goes back to Hinduism, especially the idea of magic. *Kasekten* is a physical substance animating all human beings. There were many different types of *kasekten* with specific moral characteristics. One of the *kasekten* goals was to solve personal tasks, the most important of which was to gain power or to defeat any opposition — by fasting (*puasa mutih*), staying up all night (*ruwatan*), and meditation [1. P. 87].

For Javanese Muslims, *keramat* (the sacred) was an adjective describing religious achievements of the *wali*. As a rule, sacredness constituted sacred tombs or shrines for the *wali*. *Wali* cultism was a central element of Javanese Islam. *Wali* had the power to bless and help those who had worldly or religious problems. Sacredness was obtained through a variety of worships such as asceticism and God-focused meditation including practices of perception known as *tarekat* (fasting, standing all the night at the river, eating only white rice or wild plants, staying up all night) [3. P. 168]. Many Javanese Muslims believed that the sacred graves were guarded by jinns capable of identifying the purity of pilgrims and expelling those who had no good intention [24. P. 168]. This understanding of mysticism affected and was inherent in the interpretation of political power by the Javanese Islamic community [1. P. 65].

Issues of power mystification cannot be separated from the social understanding of power. There are at least two quite contradictory concepts of power — Western (Europe) and Javanese (Indonesia). According to Anderson: (1) Power is specific — it really exists; it does not rely on the parties that can use it; it is not a theoretical postulate but an existential reality; it is a force that is invisible, mysterious, of divine nature, it animates the universe; it is manifested in every aspect of nature. In the traditional Javanese thought, there was no distinction between animate and inanimate objects for everything has the same invisible power. The concept that the entire universe consists of amorphous energy that creates power established a link between the rural Javanese ‘animism’ and the urban metaphysical pantheism. (2) Power is homogeneous: all power is of the same type and originates from the same source. (3) The amount of power in the universe is constant, i.e. the universe neither grows nor shrinks. The entire amount of power does not change — only its distribution in the universe may diverse. In political theory, this idea is very important for concentration of power in one place means its reduction in some other place. (4) The power validity cannot be questioned: as all power comes from a single homogeneous source, it overcomes the good-evil questions. According to the Javanese thoughts, it is of no use to question the claim to rule on the basis of power sources distinction (wealth, violence, etc.). Thus, for the Javanese, power is real, homogeneous, of a fixed amount and without inherent moral implications [1. P. 40–49].

According to Suseno [16. P. 98–99], for the Western consciousness, power is a typical social symptom — ability to impose one’s will. Power is something abstract that becomes specific only in its causes and effects. Power consists of certain relationships between people or groups, in which one party can win and impose its will. Power appears in diverse forms, such as parental, charismatic, political, physical, financial, and intellectual — depending on the empirical basis. In the Javanese understanding, power is something totally different, and the very word ‘power’ (English translation) does not really express its meaning. Power is an expression of amorphous divine force that always creatively pervades the entire universe. Power is not a typical social symptom different from natural forces, but

an expression of cosmic forces that fills the entire universe. Cosmic forces exist everywhere, but there are places, things and people with a higher concentration of forces; therefore, they cannot be defeated and harmed, they are *sekti* (supernaturally powerful). Forces that make the *sekti* are called *kasekten*. Political power is an expression of *kasekten*; thus, it is not something abstract, a name for the relationship between people or groups; it is the essence and divine basis of the whole reality. Power can be obtained through mystical practices, yoga, and extreme asceticism, the central underlying idea of which is to collect the initial force [1. P. 49–50].

According to Weber, the Javanese concept of power corresponds to charismatic leadership, i.e. the one whose followers are blindly loyal, committed and obedient due to some personal features of the leader and not his certain abilities or positions. Thus, such leader's powers are unique (inherent talent or fate, revelation, spirituality or sacred qualities) and cannot be transferred to others [15]. For their followers, charismatic leaders constitute an identification image and hopes for a better life; they are saviors and protectors. This is a quite theological leadership based on the idea of the gift of power as coming from the power of God. Moreover, the term 'charismatic' refers to the individual qualities untypical for ordinary people, which makes them believe that the leader has supernatural powers from God [23]. This makes the community or followers uncritical to leaders and their teachings.

Usually, charismatic leaders appear at the times of chaos — this situation makes people choose leaders that are expected to solve all problems; charismatic leaders are closer to the authoritarian and irrational type, although they can be democratic. Charismatic leadership is typical for traditional communities for they are highly homogenous in beliefs, worldviews, cultural values and similar lifestyles. This homogeneity creates a collective consciousness, the same lifestyle, direct and face-to-face relationships, and there is no impersonal division of labor [8. P. 81–82]. This helps charismatic heritage to be institutionalized in a permanent and stable system of social rules [12] through routinization of charisma with the following mechanisms: search for new charismatic leaders who meet the criteria for positions of power; transformation of revelation from extraordinary individuals to their successors by different selection techniques including a formal endorsement; the charismatic leader can directly appoint his successor from his followers; this appointment can be made by agreement of experts from the community; charisma is obtained by descent, so it is limited to relatives; charisma can be found in new individuals outside the kinship system. Charismatic routinization is intended to prevent prolonged crises of leaderships and ensure social stability and harmony [22].

Kiai, santri, charisma and traditional Islam

Leadership of charismatic type was an important variable that helped to develop the mystification culture of traditional Islam. In *pesantren*, *kiai* is charismatic as the center and source of power and authority [2. P. 56]. The greater the charisma of the *kiai*, the greater his influence on people [5. P. 212]. The word *kiai* in Javanese defines three different titles: a title of honor for something sacred (for instance, *Kiai Garuda*

Kencana is the name of the Gold Train in the Yogyakarta Palace); a title of honor for the elderly in general; a title given by the society to the ulama who become leaders of *pesantren* and teach classical Islamic scriptures [2. P. 55].

Concerning the word *santri*, there are at least two interpretations. The first considers *santri* as derived from the Sanskrit word *sastri* — literacy. In the past, especially at the beginning of the growing political power of Islam, the *santri* were literate due to their religious knowledge (could read in Arabic), i.e. *santri* could recite the Qur'an. The other interpretation considers *santri* as derived from the Javanese word *cantrik* — a person who always followed his guru to learn from him. There is still such apprenticeship today but not as 'intense' as before. The pattern of guru-*cantrik* continued in the period of Islam and turned into guru-*santri*. Although the word 'guru' was still widely, for leading gurus it was changed by *kiai* with a sense of sacralization for the elderly. Thus, *kiai* did not only meant old (like *sheikh* in Arabic), but also sacred and supernaturally powerful [10. P. 19–20].

Not everyone could achieve the status of *kiai*. There are some requirements essential to become a *kiai*: (1) practicing the mastered discipline — the *kiai* (*ulama*) should both have and use knowledge; his action and behavior must not contradict what he says; (2) preaching the mastered discipline — the *kiai* must preach and popularize his discipline to provide the public with information and guidance; (3) complete subjection to the Qur'an — God's and His Prophets' guidance; (4) awareness of the certainty of God's promises and provisions — the *kiai* must not forget his responsibility as a *kiai*, which consists of overcoming social problems with all his efforts; (5) being *tawadlu'* (submissive) and humble — the *kiai* understands and appreciates the signs of God's Oneness and greatness, accepts his limitations and weaknesses before God, respect others more than being respected by them [9. P. 30–32].

The *nahdliyin* set criteria for someone to be called *kiai*: the basic norm is piety to God; the main task is to inherit the mission (treatise) of the Prophet Muhammad in speech, knowledge, teachings, deeds, behavior, mentality and morality; the main characteristics are worshipping diligently, practicing asceticism, mastering eschatology, and devoting all his knowledge to God with great intentions [9. P. 32]. In addition, traditional Muslims believe that *kiai* are ordinary people that possess spiritual abilities such as *karamah* (virtues of mind and charisma) and *barakah* (generosity or mercy) of God which they can share [2. P. 70], which makes most of them charismatic leaders [2. P. 71]. However, this works as long as the *kiai* is *wira'I* — refraining from the prohibited — and *makruh* — clear from anything not permitted by Islam. Thus, the *kiai* occupy the central position in traditional Islamic communities, play the role of a mediator of the fate of ummah and God, present an example of the ideal Muslim [5. P. 232]. *Kiai* is the king, and *santri* are subjects to his power and authority without any conditions and limits — *sami'na wa ato'na* (we hear and obey) [9. P. 35]. Due to his magical powers, the *kiai* is to bring good luck (blessings) to the *santri* (community) and also harm (*malati*) as punishment for disobedience and bad deeds [10. P. 23–24].

The traditional Islamic community shows respect and obedience not only to the *kiai* but also to all members of his family, including his children. This respect and obedience are absolute and must be a part of the whole lifetime of the community. This absolute respect must be shown in all aspects of life. Ignoring the ties with guru is considered a great disgrace, which eliminates the guru's blessing and makes the knowledge of the *santri* useless. Even if the guru died, *santri* must show respect by keeping in touch with the boarding school of the guru and respect his children [2. P. 82]. A child of *kiai* is a *gus* (a noble) and deserves all the due respect [10. P. 24]. *Gus* has a great significance for the *pesantren*'s education system: if he decides to continue studies in other *pesantren* or community, he will receive special attention and treatment [2. P. 70].

There is no doubt that any *santri* is expected to get the guidance of the scripture in his attitude to the *kiai*. Besides the legitimacy of the doctrine (scriptures), adherence of students (community) to the *kiai* and his children is also based on the genealogical charisma. Charisma in the NU depends on the charisma of father and other predecessors, and it is also influenced by the charisma of teachers. The leading *kiai* has at least three or four well-known *ulama* in the family genealogy [21. P. 152].

According to the legitimacy of the academic doctrine of *pesantren* and genealogy of the *kiai*, Abdurrahman Wahid was an ideal, perfect member of the traditionalist Islamic community. In his genealogy, Gus Dur was considered an extraordinary man — with *linuwih* (supernatural) ability as the *wali*; he was untouchable, free from the law and public logic [11]. In the NU, Gus Dur was a *sakti mandraguna* (supernaturally invulnerable) figure who received revelation of power [7]. In terms of the genealogy of the *kiai*, Abdurrahman was a nobleman. Gus Dur was the grandson of *Kiai Haji Muhammad Hasyim Asy'ari*, the founder of the NU and *Pesantren Tebuireng* of Jombang. *Hasyim Asy'ari* was respected for his knowledge and spirituality. Clerics of all Java gave him the title *hadratussyaiikh* — the 'great master teacher.' The *hadratussyaiikh* was born in the respected family in a village near the town of Jombang, East Java, in 1871. *Kiai Asy'ari*, his father, was the founder of *Pesantren Keras*. *Kiai Usman*, his grandfather, was known as the leader of *Pesantren Gedang* that attracted *santri* from all Java in the late 19th century. *Kiai Usman* was a leader of *tarekat* that attracted thousands of followers. And finally, the father of his grandfather, *Kiai Sihah*, was the founder of *Pesantren Tambak Beras* in the village on the western outskirts of Jombang [2. P. 92].

The *hadratussyaiikh* took a remarkable spiritual journey: he was a student of then famous *ulama* such as *Kiai Cholil* of Bangkalan and *Shaykh Mahfudh* at Tarmisi of Mecca. In 1899, he returned from Mecca and founded *Pesantren Tebuireng*. *Kiai Hasyim Asy'ari* had several children, including *Wahid Hasyim* who served as the Minister of Religious Affairs in the early days of Indonesian independence and married the eldest daughter of *Kiai Bisri Syansuri* — a very influential man in the NU. *Abdurrahman Wahid* was their son, i.e. the grandson of the two founders of the NU and, thus, was entitled the *Gus Dur* [21. P. 157].

Based on the above doctrine and genealogical ties, there is an interaction model called by Scott the patron-client relationship of *kiai-santri* — an exchange relationship between two roles, in which an individual with a higher economic status (patron) uses his influence and resources to provide protection or benefits to other individuals with a lower status (client); while the client is obliged to pay back by support and assistance, including personal services to the patron [14. P. 7–8]. Certainly, the *kiai* is the patron because he has absolute authority and power in the institution of pesantren. No one would oppose the *kiai* except other *kiai* with greater power and authority [1].

There are three elements that determine the formation of the patron-client relationship like *kiai-santri*: unequal exchange that reflects differences in statuses — the client (*santri*) receives a lot of services from the patron (*kiai*), which obliges the client; patron-client relationship is personal — the personal reciprocity of *kiai-santri* creates a sense of trust and dependence (the culture of respect of the *kiai* tends to turn into their cult); the patron relation is comprehensive, flexible and unlimited in time due to the corresponding socialization of the *santri* (the *santri* do not argue with the *kiai* on any issues because he fears to be cursed).

Abdurrahman Wahid is a part of power mystification as a Javanese Muslim: in Javanese Islam, in which the influence of Hindu-Buddhist animism is dominant, the mystic is the main characteristic of the pious spirit. The Javanese-Islamic mysticism is coherent with the concept of the existing social-political reality. For the Javanese people, power is a supernatural force reflected in the divine power. Political power is an expression of the *kesakten*; therefore, power is homogeneous and certain. To get power, one must exercise mystical practices, yoga, and extreme asceticism.

Gus Dur was born and raised in the Javanese culture — in Jombang, East Java. In the early days of Islam, Jombang was famous for its *abangan* tradition. Although Gus Dur was educated in the Middle East and within the Western discourse, his feelings were still determined by the Javanese cultural framework, which was increasingly reinforced by the Islamic tradition (Nahdliyin). Certainly, Abdurrahman Wahid was affected by the Nahdliyin culture for his grandfather Hasyim Asy'ari was the founder of the NU, and Gus Dur was the Chairman of the PBNU. Therefore, Gus Dur belongs to the aristocratic circles of the traditional Islamic community characterized by the mystical thinking (Javanese Islam).

Another Gus Dur's political mystification is the use of the *kiai* as political brokers. Gus Dur believes that the *kiai* are representative of heavens, who possess *kelinuwihan* (supernatural capacity); therefore, they are *karomah* (people with great morals and charisma) and *barokah* givers (of grace and virtues from the Lord). They are the beloved people of the Lord and can ask the One of anything including political power. The *kiai* agree to serve as mediators between Gus Dur and the Lord because he is known as the *kiai* in the Nahdliyin community. In addition, Gus Dur comes from the noble family: his father was a great *kiai* and minister; his grandfather, *hadratussyaikh (tuan guru)*, was the great *ulama* and the founder of

the NU. Therefore, the sincerity of the *kiai* to pray for Gus Dur's power is a form of homage to his grandfather. In the NU tradition, the *kiai* must be respected at all times, including his children after he passed away. This is a unique patron-client relationship of the traditional Islam.

In playing their mystical role, the *kiai* who became Gus Dur's political brokers relied on their concept of power — both supernatural and physical; it can be achieved not only with political lobbying and coalitions of political parties, but also with supernatural faith. The logical consequence of the supernatural-physical power is that it must be assessed by both people and God: since power is people's mandate, it must be used for the benefit of people and the country standing on God's truth. This concept of power emphasizes the inner and outer balance: the *Nahdliyin* members follow *al-Maturidi* theology that combines *Jabariyah* (ideology saying that what happens to man is the will of God) and *Qodiriyah* (ideology saying that what happens to man is the result of his deeds).

References

- [1] Anderson B.R. O'G. *Language and Power, Exploring the Political in Indonesia*. Yogyakarta; 2000.
- [2] Dhofier Z. *Pesantren Tradition: Studies of Kiai's Worldviews*. Jakarta; 1994.
- [3] Geertz C. *Abangan, Santri, Priyayi in Javanese Societies*. Jakarta; 1981.
- [4] Good L. *Dictionary of Philosophy*. Jakarta; 1996.
- [5] Horikoshi H. *A Traditional Leader a Time of Change: The Kijaji and Ulama in West Java*. Jakarta; 1987.
- [6] Husain Haikal M. *History of the Life of Muhammad*. Jakarta; 1989.
- [7] Jatman D. Gus Dur's circus of diplomacy. *Tajuk*. March, 2000.
- [8] Johnson D.P. *Theories of Classical and Modern Sociology*. Jakarta; 1986.
- [9] Kacung M. *Quo Vadis NU, After Returning to the 1926 Khittah*. Jakarta; 1992.
- [10] Madjid N. *The Chambers of Pesantren: A Portrait of Travel*. Jakarta; 1997.
- [11] Mulkhan M.A. Trust. *Kompas*. September 16, 2000.
- [12] Nikulin A.M., Trotsuk I.V., Wegren S.K. The importance of strong regional leadership in Russia: the Belgorod Miracle in agriculture // *Eurasian Geography and Economics*. 2017; 58 (3).
- [13] Reinhard B. *Max Weber: An Intellectual Portrait*. New York; 1962.
- [14] Sartono K. *Social Dimensions of Leadership*. Jakarta; 1990.
- [15] Scott J.C. *The Peasants' Resistance: Yayasan Obor Indonesia*. Jakarta; 1993.
- [16] Stephen C.J., Tori H.L. *Organizational Behavior*. New York; 1997.
- [17] Suseno F.M. *Javanese Ethics: A Philosophical Analysis of Javanese Life Wisdom*. Jakarta; 1999.
- [18] Timashev N.S. The phenomenon of power. *Methodological Works: 1920–1930*. Moscow; 2010 (In Russ.).
- [19] Trotsuk I. Discursive construction of social reality: Conceptual foundations and empirical devices for unmasking the “abominable” practices. *Sotsiologicheskoe Obozrenie = Russian Sociological Review*. 2014; 13 (2) (In Russ.).
- [20] Trotsuk I. Too many Webers for small sociology; or, How critically sociologists should consider their canon. *Sotsiologicheskoe Obozrenie = Russian Sociological Review*. 2019; 18 (2).
- [21] van Bruinessen M. *Traditionalist Muslims in a Modernizing Society: The NU and Indonesia's New Order Politics, Fictional Conflict, and the Search for a New Discourse*. Yogyakarta; 1994.
- [22] Weber M. *Economy and Society*. Los Angeles — London; 1978.
- [23] Weber M. *The Theory of Social and Economic Organization*. New York; 1964.
- [24] Woodward M.R. *Javanese Islam: Normative Piety, Religious Mysticism*. Yogyakarta; 1999.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-498-508

Мистификация высшей власти: индонезийский кейс*

Х. Росьяди

Университет Труножово Мадура
Райя Теланг, Камал, Бангкалан, Мадура, Индонезия
(e-mail: khoirul.rosyadi@trunojojo.ac.id)

В 1998 году, после падения так называемого «нового порядка», Индонезия начала свой долгий путь через череду социальных, политических и экономических трансформаций, включая и транзит власти. Первый такой транзит случился в 1999 году, когда Абдурахман Вахид стал Президентом Индонезии в ходе парламентского голосования. Автор полагает, что избрание Абдурахмана Вахида Президентом Индонезии принципиальным образом связано с той мистификацией политической власти, которую он целенаправленно начал и последовательно проводил на протяжении всей своей политической карьеры. Статья призвана ответить на вопрос, почему и как Абдурахман Вахид, даже занимая уже пост Президента страны, продолжал реализовывать стратегию мистификации своей политической власти. Исследование основано на тактике кейс-стади, которая позволила увидеть, что стратегия мистификации власти была выбрана Абдурахманом Вахидом потому, что он мог использовать свой социальный статус внука основателя партии Нахдатул Улама — крупнейшей мусульманской организации Индонезии, поскольку в ней сохранялась традиция предоставления всевозможных привилегий детям и внукам *киаев*. В целом яванское понимание власти существенно отличается от европейского дискурса, поскольку индонезийская трактовка власти или лидерства не отделяет его от социальных, политических и культурных факторов, определяющих жизнь общества и сообщества. Соответственно, разные типы лидерства и власти воспринимаются как результаты различий в социальных и культурных факторах, а также в социальной организации разных обществ. Иными словами, власть считается гомогенной по самой своей сути и обладает единными неизменными качествами, где бы они ни проявлялась. Все формы власти выступают как отражения одной и той же реальности, проистекают из одного источника и имеют одни и те же характеристики, поскольку все они основаны на одной и той же силе, что пронизывает всю вселенную. Таким образом, яванская трактовка власти утверждает, что отдельные люди и группы есть лишь «сосуды», вмещающие в себя определенные порции космических сил.

Ключевые слова: власть; мистификация власти; Индонезия; интерпретации власти; традиционный лидер; харизматический лидер; религиозные основания власти

---

* © Росьяди Х., 2020.

Статья поступила 30.04.2020 г. Статья принята к публикации 23.06.2020 г.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-509-526

Дифференциация качества жизни населения в региональном пространстве*

Н.В. Проказина^{1,2}, А.А. Алексеенок², Ю.В. Каира²

¹Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ул. Партизанская, 187, Барнаул, 656008, Россия

²Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС
б-р Победы, 5а, Орел, 302028, Россия
(e-mail: nvprokazina@mail.ru; alexaconst@rambler.ru; kaira@orel.ranepa.ru)

Качество жизни напрямую связано с местом в социальной структуре. Социальные группы имеют разные возможности и условия для удовлетворения потребностей и реализации целей. Положение разных социальных групп в субъектах Российской Федерации различается, что может оказывать значительное влияние на социальное самочувствие и протестные настроения, поэтому исследование качества жизни в региональном пространстве представляет интерес как в теоретическом, так и в практическом отношении. Цель статьи — проанализировать дифференциацию качества жизни в региональном пространстве и выявить наиболее уязвимые социальные группы. В статье представлена методика исследования качества жизни с помощью многомерного иерархического подхода, в основе которого лежит комплекс взаимосвязанных объективных и субъективных критериев. Данная методика была апробирована в ходе эмпирического исследования качества жизни населения Орловской области. Исследование учитывало следующий комплекс индикаторов качества жизни: субъективные оценки наиболее значимых форм депривации; наличие движимого и недвижимого имущества; наличие жилья в собственности и качество условий проживания; наличие сбережений; пользование платными социальными услугами; профессиональное положение, возможность реализации себя в профессии; политическая активность и политическая культура; досуговые предпочтения и возможности, влекущие дополнительные расходы; самоидентификация в разных сферах общественной жизни. Этот комплекс позволил охарактеризовать положение социальных групп и специфику их региональной дифференциации: были выделены социальные группы, составляющие структуру населения региона, определено их положение в стратификационном пространстве, их количественные и качественные характеристики. Также были выявлены наиболее уязвимые социальные группы с точками роста социальной напряженности и показано, что рост социального неравенства в регионе может привести к росту протестного и деструктивного поведения.

Ключевые слова: многомерный иерархический подход; качество жизни; социальная структура; социальная страта; критерии стратификации; социальная дифференциация; социальное неравенство; социальное напряжение

Трансформационные процессы радикально изменили социальную структуру постсоветского общества, но по прошествии нескольких десятилетий она не стала устойчивой. Социальная структура российского общества является крайне несбалансированной — с незначительным средним слоем и ярко

* © Проказина Н.В., Алексеенок А.А., Каира Ю.В., 2020.

Статья поступила 26.04.2020 г. Статья принята к публикации 10.06.2020 г.

выраженными полюсами благосостояния (богатые и бедные). Колоссальный разрыв в уровне жизни малочисленного верхнего слоя и остального населения — ключевой фактор, препятствующий поступательному развитию российской государственности. Рост социального неравенства (поляризация общества усиливается), ухудшение качества жизни населения всех сферах деятельности (социальной, экономической, информационной, духовной, культурной, досугово-рекреационной) представляют реальную угрозу стабильности общества, что, в свою очередь, может породить социальную напряженность и деструктивные последствия.

Особую актуальность исследованию дифференциации качества жизни различных слоев населения определяют следующие обстоятельства: крайняя неустойчивость социальной структуры российского общества и нестабильное положение в ней разных слоев; многофакторность категории «качество жизни»; противоречие между социально-структурными трансформациями качества жизни населения и недостаточным их научно-практическим осмыслением; необходимость понимания реальных масштабов социального расслоения и дифференциации качества жизни разных социальных слоев.

Теоретическими основаниями исследования социальной дифференциации могут выступать функционалистский, структурно-функционалистский, структурный, интеракционистский и другие подходы [17. С. 46]. Так, например, разработана модель социальной стратификации на основе индекса уровня жизни [16], модель стратификации по жизненным шансам и рискам [1; 15]. Анализ стратификационных концепций показал, что наиболее полно оценить состояние и масштабы дифференциации качества жизни позволит применение интегративного многомерного иерархического подхода, основанного на комплексной оценке объективных и субъективных критериев: материально-имущественного (текущий денежный доход, накопления и сбережения, наличие жилья и автомобиля), социально-профессионального (образование, престиж профессии, наличие властных полномочий и характер труда) и самооценки.

Региональные особенности стратификации изучались в исследованиях, проводимых на базе кафедры социологии и информационных технологий в форме массовых опросов населения Орла и Орловской области (2011, 2013, 2014, 2017 годы). Выборочная совокупность — 1194 человека. Репрезентативность выборки контролировалась по параметрам возраста, пола, сфер занятости и типов населенных пунктов. В основе методологии лежит индекс уровня жизни (ИУЖ), который рассчитывается по оценкам следующих критериев: субъективные оценки наиболее значимых форм депривации; наличие движимого и недвижимого имущества; наличие жилья в собственности и качество условий проживания; наличие сбережений; пользование платными социальными услугами; профессиональное положение, возможность реализации себя в профессии; политическая активность и политическая культура;

досуговые предпочтения и возможности, влекущие дополнительные расходы; самоидентификация в разных сферах.

Выводы и положения статьи основаны на результатах социологического исследования «Качество жизни населения региона», в инструментарий которого заложены вышеперечисленные критерии. Исследование проводилось в мае 2018 года на выборке в 1304 человека (жители Орловской области). Метод исследования — опрос по месту жительства. Выборка — квотно-гнездовая, репрезентативная по полу, возрасту, структуре занятости, типу поселений (областные центры, малые города, сельские поселения) (ошибка выборки — 2,1%).

На основе интегрированного набора материально-имущественных, социально-профессиональных и самоидентификационных критериев были выделены четыре слоя в региональном социальном пространстве: «верхний слой» — определяет свое материальное положение как «можем позволить себе дорогие покупки — машину, квартиру, дачу и многое другое», имеет высшее образование, определяет свое положение в социальной структуре как «самое высшее» или «значительно выше среднего» — 4%; «средний слой» — определяет свое материальное положение как «можем без труда приобретать вещи длительного пользования, но затруднительно приобретать действительно дорогие вещи», имеет высшее образование, определяет себя как слой «несколько выше среднего» или «средний» — 28,3%; «массовый слой» — определяет свое материальное положение как «денег хватает на продукты и одежду, но покупка товаров длительного пользования является для нас проблемой», имеет среднее профессиональное образование, определяет свое положение как «несколько ниже среднего» — 55,9%; «нижний слой» — определяет свое материальное положение как «на продукты хватает, но покупка одежды вызывает серьезные затруднения» или «едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на продукты», имеет низкий социально-профессиональный уровень, определяет себя как слой «значительно ниже среднего» или «самый низший» — 11,8%.

Начать анализ дифференциации качества жизни в регионе целесообразно с материально-имущественных характеристик. Методика оценки качества жизни на основе материально-имущественных критериев предполагает, что не существует универсального материального критерия, позволяющего в полной мере оценить социально-экономическое положение индивида и отнести его к определенному социальному слою — необходим комплекс материально-имущественных критериев: субъективные оценки социально-экономического положения; уровень дохода и статьи расхода; наличие движимого и недвижимого имущества; наличие жилья в собственности и качество условий проживания; наличие накоплений; пользование платными социальными услугами. Так, под критерий величины суммарного дохода, которые многие исследователи считают определяющим, не является таковым: он оценивается со слов респондентов, а большинство обеспеченных россиян склонны занижать свои реальные

доходы. Использование комплекса материально-имущественных подкритериев снижает ошибку намеренного занижения величины доходов.

Таким образом, все приведенные выше материально-имущественные подкритерии будут использованы как равнозначные, чему можно привести следующие практические обоснования. К самому нижнему слою по материально-имущественному критерию принято относить население, проживающее в сельской местности, поскольку у данной категории населения практически отсутствуют свободные денежные средства, а значит, и накопления. Если изучать положение данной категории населения в социальной структуре по материально-имущественному критерию, используя только подкритерий «доход», то практически все сельчане будут отнесены к нижнему слою. Однако применение других подкритериев, таких как, например, наличие движимого и недвижимого имущества, жилья в собственности и качество условий проживания, позволит выявить довольно обеспеченный слой населения, имеющий собственный дом с большим числом комнат, часто превышающим число проживающих, большой земельный участок, сельскохозяйственную технику, большое поголовье скота и т.п., т.е. по этим основаниям сельчан можно отнести к массовому, а некоторых даже к среднему слою, поскольку материальные активы сельского населения отличаются от городского.

Соответственно, на этапе разработки инструментария исследователь должен ответить на следующие вопросы: какие именно подкритерии должны быть заложены в инструментарий для выявления материально-имущественного положения различных слоев населения; достаточно ли подкритериев, чтобы наиболее полно охарактеризовать материально-имущественное положение каждого социального слоя; позволяют ли выделенные подкритерии провести четкое разграничение между социальными слоями и отнести каждого индивида к конкретному слою.

Анализируя дифференциацию качества жизни на основе социально-профессионального критерия, целесообразно начинать с такого подкритерия, как наличие высшего образования — диплом о высшем профессиональном образовании является необходимым условием трудоустройства на многие профессиональные позиции, повышает шансы карьерного роста, способствует получению престижной высокооплачиваемой работы, т.е. «социальным лифтом» в вертикальной профессиональной мобильности. Что касается подкритерия «наличие постоянного места работы», то необходимо отметить ряд противоречий: относится ли к занятому населению тот, кто не имеет постоянной работы, но регулярно подрабатывает, как, например, программист «на удаленке»; являются ли занятыми такие социальные слои, как фрилансеры и прекариат, которые в настоящее время составляют определенную часть населения.

Рассматривая подкритерий «работа по специальности, самореализация в профессии», необходимо отметить, что для значительной части населения работа — место самореализации, проявления творческих способностей. Не

всегда работа по призванию и возможность реализовать себя в профессии связаны с уровнем заработной платы: так, врачи, учителя, работники культуры и науки в настоящее время хотя и получают низкие зарплаты, но занимаются любимым делом, получая удовлетворение от работы по призванию. Многие получают удовлетворение от работы в ходе карьерного роста, а он часто связан с появлением властных полномочий. Их наличие зависит от личностных качеств индивида и часто свидетельствует о высокой должности, уважении, престиже, высоком социальном статусе.

Все вышеперечисленное имеет непосредственное отношение к качеству жизни и выступает дифференцирующим фактором для положения в социальной структуре.

Анализируя дифференциацию качества жизни на основе таких критериев, как политическая активность и политическая культура, следует в первую очередь определить гражданскую позицию населения, отношение к политической элите, поддержку, одобрение или, напротив, неодобрение политического курса и принимаемых государственных решений. Элементы политической культуры — политическая грамотность, частота участия в выборах различного уровня, членство в политических партиях и объединениях, гражданское сознание и поведение. Соответственно, необходимо провести сравнительный анализ взглядов представителей разных слоев на существующую политическую систему, на окружающую политическую действительность, выявить политические убеждения и идеалы людей, исследовать поведенческие аспекты политической культуры — конкретные проявления политической активности (членство в партиях, участие в политических движениях, органах местного самоуправления, выборах разного уровня, массовых акциях протеста, митингах и т.п.).

В рамках анализа дифференциации качества жизни на основе досугово-рекреационного критерия необходимо определить различия досуговых практик по таким подкритериям, как частота посещения кафе, ресторанов, театров, кинотеатров, музеев и выставок, занятия самообразованием. Наличие хобби — также элемент досуговых практик наряду с общением с близкими, друзьями и родственниками (от редких телефонных звонков и поздравлений с праздниками до регулярных встреч).

Самоидентификация — общепризнанный критерий дифференциации качества жизни, но необходимо отметить особенности российских условий, влияющие на самоидентификацию разных слоев. К сожалению, трансформационные процессы, которые начались после распада СССР, далеки от завершения, поэтому у россиян нет уверенности в собственном статусе, что неизбежно отражается на их самоидентификации, приводит к кризису идентичности. Самоидентификационный критерий тесно связан с другими критериями оценки качества жизни и помогает уточнить результаты анализа социальной дифференциации: так, респондентов спрашивают об удовлетворенности

материальным положением, просят оценить престиж их профессии, отнести себя к определенному социальному слою.

Результаты изучения дифференциации качества жизни в Орловской области

Согласно Таблице 1 социально-экономическая ситуация в регионе воспринимается представителями разных слоев неоднозначно — отчетливо прослеживается преобладание у представителей среднего класса более высоких оценок, а наибольший разрыв наблюдается в оценках верхнего и нижнего слоев. У представителей среднего и нижнего классов различия не столь радикальны, но оценки первых несколько выше.

Таблица 1

Удовлетворенность социально-экономической ситуацией, в %

Вариант ответа	Верхний слой	Средний слой	Массовый слой	Нижний слой	Всего
полностью удовлетворяет	6,3	1,8	1,3	0	1,5
скорее удовлетворяет, чем не удовлетворяет	25	24,8	15,2	6,4	17,5
в чем-то удовлетворяет, в чем-то не удовлетворяет	25	21,2	19,7	10,6	19,2
скорее не удовлетворяет, чем удовлетворяет	31,2	45,1	45,3	31,9	43,1
полностью не удовлетворяет	12,5	7,1	16,6	48,9	17,5
затруднились с ответом	0	0	1,8	2,1	1,2

В удовлетворенности социально-экономической ситуацией прослеживается зависимость от положения в социальной структуре. Так, удовлетворены положением дел в области треть верхнего слоя (31,3%), четверть среднего (26,6%), шестая часть массового слоя (16,5%) и лишь шестнадцатая часть бедных (6,4%). Полностью удовлетворенных представителей высшего слоя в 3,5 раза больше, чем в целом по области (6,3% против 1,5%), а среди бедных таковых нет вообще. Почти половину бедного населения социально-экономическая ситуация в регионе полностью не удовлетворяет (48,9%), тогда как среди представителей высшего слоя такой ответ встречается в 3,5 раза реже (12,5%), а среди представителей среднего — в 7 раз реже (7,1%). Можно сделать вывод, что критическая оценка социально-экономической ситуации не всегда зависит от материального положения или высокого социального и самоидентификационного статуса.

Изменения социально-экономической ситуации за последний год оцениваются респондентами неоднозначно. Значительные улучшения отмечают в 5 раз больше представителей верхнего слоя, чем население в целом (12,5% против 2,5%). Примечательно, что представители нижнего слоя отмечают улучшение ситуации в 2,5 раза чаще, чем представители среднего и массового слоев. Видимо, политика правительства, направленная на борьбу с

бедностью, о которой постоянно сообщают средства массовой информации, находит поддержку среди бедного населения, поэтому улучшение ситуации отмечает почти пятая часть представителей нижнего слоя. Пессимистичнее всего ситуацию оценивает массовый слой — улучшения отмечают лишь 9%. В целом пессимистичная оценка социально-экономической ситуации соответствует положению в социальной структуре: значительное ухудшение отмечают 3,5% среднего слоя, каждый седьмой представитель массового (13,1%) и каждый пятый — низшего (21,3%). Значительное ухудшение социально-экономической ситуации не отметил ни один представитель верхнего слоя, а каждый четвертый затруднился с ответом, уклоняясь от негативных оценок ситуации в стране.

Дифференциация качества жизни по материально-имущественным критериям представлена в Таблице 2.

Таблица 2

Распределение расходов населения, в %

Статья расходов	Верхний слой	Средний слой	Массовый слой	Нижний слой	Всего
еда	13,6	29,4	33,4	36,3	31,6
коммунальные платежи	10	13,4	16,7	20,8	16
одежда, обувь	13,6	12,2	11,2	7,4	11,1
хозяйственно-бытовые товары	9,5	5,9	6	4,1	6
автотранспорт	11,1	9,6	6,7	4,9	7,5
здравоохранение	7	5,6	7,2	6,1	6,6
образование	10,4	4,7	4,7	6,2	5,2
выплаты по кредитам	5,1	4,5	5,3	10,1	5,7
досуг	11,5	8,1	5,1	1,8	5,9
накопления, сбережения	7,8	5,2	2,4	0,9	3,3
другое	0,5	1,3	1,2	1,4	1,2

Почти половина денежных средств населения уходит на еду и коммунальные платежи: нижний слой — 57,1%, массовый — 50,1%, средний — 42,8%. И хотя качество продуктов и жилищные условия у представителей разных слоев будут отличаться, прискорбен сам факт, что такая высокая доля доходов уходит на еду и коммунальные услуги. Исключение составляют представители верхнего слоя, у которых эта статья расходов составляет лишь четверть доходов (23,6%) — по сравнению с остальным населением они больше расходуют на хозяйственно-бытовые нужды (проживают в больших домах). На автотранспорт верхний и средние слои тратят приблизительно одинаковые доли доходов, т.е. автомобиль является неизменным атрибутом жизни представителей этих слоев. У нижнего слоя на данную статью по отношению к остальным тратам уходит в два раза меньше средств. И если первые два слоя тратят деньги на содержание собственного автомобиля, то у представителей нижнего слоя деньги уходят на проезд в общественном транспорте. Значительную долю средств представители верхнего слоя тратят на

образование (10,4%), видимо, считая его одним из основных социальных лифтов и стремясь дать своим детям образование соответствующего уровня. Бедные тратят на образование в процентном отношении больше, чем массовый и средний слои, т.е., учитывая разницу их доходов, представители нижнего слоя считают важным дать образование детям. Значительная часть нижнего слоя тратит средства на выплаты по кредитам (10,1%) — остальное население закредитовано в два раза меньше. А вот на сбережения денег у нижних слоев не остается (0,9%): накопления остальных слоев увеличиваются пропорционально (2,4%, 5,2% и 7,8%). Наибольшая дифференциация социальных слоев наблюдается в досугово-рекреационных практиках: представители верхнего и среднего слоев достаточно много тратят на досуг (11,5% и 8,1%), тогда как представители нижнего слоя — лишь 1,8%.

Наличие или отсутствие автомобиля у населения представлено на Рисунке 1.

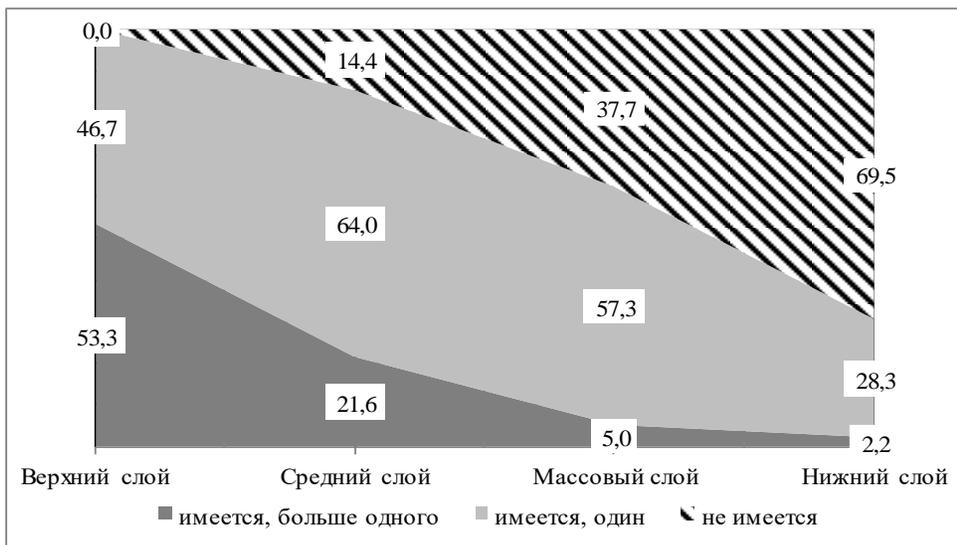

Рис. 1. Наличие автомобиля у представителей социальных слоев, в %

В верхнем слое отсутствуют те, кто не имеет автомобиля, у половины его представителей в семье более одного автомобиля (53,5%). Среди представителей среднего слоя автомобиль имеют 85,6%, каждый пятый — более одного автомобиля в семье (21,6%). Таким образом, у данных социальных слоев личный автомобиль — неизменный атрибут образа жизни. В массовом и нижнем слоях практически отсутствуют семьи, имеющие несколько автомобилей (5% и 2,2%). Несмотря на то, что более половины массового слоя (62,3%) имеют автомобиль, у трети семей он отсутствует (37,7%). У представителей нижнего слоя автомобиль имеется у трети (30,5%), т.е. даже у респондентов, которые характеризуют свой уровень жизни как «денег не хватает на еду», имеется автомобиль: видимо, автомобиль стал неотъемлемой частью жизни, что, возможно, объясняет большую кредитную нагрузку на представителей нижнего слоя.

Жилищные условия представителей верхнего слоя характеризуются наибольшей численностью домохозяйств и наибольшим количеством жилых комнат, которых зачастую больше, чем членов семьи, что связано с проживанием преимущественно в частном домовладении. Численность домохозяйств других социальных слоев также относительно высока, однако количество жилых комнат значительно меньше количества домохозяев — наибольшие трудности испытывают представители нижнего слоя. Верхний слой характеризуется не только наилучшими жилищными условиями, но и наивысшим имущественным статусом в целом, включая наличие нескольких объектов недвижимости. Отчетливо прослеживается тенденция снижения размеров собственности у следующих стратификационных позиций, например, владеют несколькими объектами недвижимости большинство представителей верхнего слоя (81,3%), меньше половины среднего (44,2%), пятая часть массового (20,6%) и лишь десятая часть нижнего (11,1%). Аналогичная тенденция прослеживается и в отношении отсутствия недвижимого имущества: так, среди представителей верхнего слоя не имеет никакого имущества только 6%, среднего — каждый пятый (21,6%), массового — каждый третий (36,3) и больше половины нижнего слоя (60%). Все это свидетельствует о значительном имущественном расслоении населения региона.

Наиболее тревожен тот факт, что у нижнего слоя отсутствуют возможности получать платные социальные услуги для детей: в 2–3 раза реже, чем у остального населения, дети из семей нижнего слоя посещают оздоровительные учреждения, в том числе спортивные школы и пионерлагеря (6% и 20%), реже посещают платные кружки и занимаются с репетитором (14% и 33%). Бедность уже в детском и особенно подростковом возрасте формирует чувство несправедливости и ощущение депривации, что негативно отражается на эмоционально-психологическом состоянии подрастающих россиян, входящих в нижний слой, и на их достижительной мотивации.

Рассмотрим субъективные оценки распределения ответственности за материальное положение респондентов (допускался выбор двух вариантов ответа) (Табл. 3).

Таблица 3

Ответственность за материальное положение населения, в %

Вариант ответа	Верхний слой	Средний слой	Массовый слой	Нижний слой	Всего
Вы сами	87,5	65,5	61,4	31,9	59,9
Ваш работодатель	18,8	30,1	29,1	14,9	27,2
Мэр	6,3	1,8	0,9	2,1	1,5
Губернатор	6,3	6,2	9,4	21,3	10
Областной совет народных депутатов	0	2,7	4,5	2,1	3,5
Государственная Дума	0	3,5	3,6	4,3	3,5
Правительство	0	19,5	26,5	55,3	26,9
Президент	0	11,5	12,1	17	12
другое	0	2,7	2,2	4,3	2,5

Наиболее противоположны мнения верхнего и нижнего слоев: большинство представителей верхнего слоя полагают, что их материальное положение зависит от них самих (87,5%), две трети представителей нижнего слоя снимают с себя ответственность за свое материальное благополучие, что свидетельствует о пассивности и патернализме. Половина представителей нижнего слоя возлагает ответственность за свой уровень жизни на правительство (55,3%), губернатора (21,3%), президента (17%), тогда как представители верхнего слоя этих субъектов социальной ответственности практически не упоминали. Более половины представителей среднего и массового слоя в качестве субъекта социальной ответственности назвали себя, правительство — каждый пятый представитель среднего слоя (19,5%) и каждый четвертый массового (26,5%), на втором месте — работодатель (30,1% и 29,1% соответственно). Вероятно, работа занимает значительное место в жизни данных слоев, в то время как для представителей высшего и нижнего она менее важна: первые часто не работают, а живут на процент от денежных вложений. Согласно исследованиям Института социологии РАН к высшему слою относятся те, кто не работает, а имеет доходы от инвестиций, вложений, ренты и т.п., и это один из основных критериев отделения высшего слоя от верхнего среднего класса (менее 1%, в основном в крупных городах). В Орловской области представители высшего слоя практически отсутствуют, а к верхнему слою отнесены те, кто занимает высокие профессиональные позиции и часто является руководителем организации, т.е. есть работодателем (получается, что первые два варианта ответа как бы дублируют друг друга).

Исходный подкритерий анализа профессионального положения — наличие диплома о высшем профессиональном образовании. Согласно Таблице 4 две трети представителей верхнего слоя имеют высшее образование (76,9%), как и достаточно большой процент представителей среднего слоя — 60,6%. Среди представителей массового слоя диплом о высшем образовании имеет менее половины (46,6%), низшего — чуть больше трети (39,1%). Примечательно, что представители верхнего и среднего слоев не имеют ученой степени, в то время как 4,3% представителей низшего слоя — кандидаты наук, т.е. сегодня наличие ученой степени не защищает от попадания в нижние слои.

Таблица 4 показывает, что в современном информационном обществе сфера услуг является самой массовой — здесь сосредоточена пятая часть населения (22,2%), причем каждый четвертый представитель верхнего слоя и лишь каждый десятый — нижнего. Треть нижнего слоя (32,6%) занята в сфере науки, образования и здравоохранения, т.е. в современном обществе появляются «новые бедные» — люди с высшим образованием, занимавшие когда-то престижные профессии, а сегодня очутившиеся в самом низу социальной лестницы. Представителей верхнего слоя здесь всего 6,3% — в основном это доктора и кандидаты наук, сотрудники руководящего звена, владельцы частных клиник. То, что в строительстве работает 12,5% верхнего слоя, является

свидетельством повышения материального обеспечения данной производственной сферы, что подтверждает отсутствие среди занятых в строительстве представителей нижнего слоя. Различия между верхним и нижним слоями прослеживаются и в таких сферах, как государственное и муниципальное управление: верхний слой — 12,3%, нижний — 2,2%.

Таблица 4

Профессиональное положение, возможность реализации себя в профессии, в %

Должностные позиции и виды предприятий	Верхний слой	Средний слой	Массовый слой	Нижний слой
Уровень образования				
Неполное общее	0	0,9	1,4	2,2
Полное общее	7,7	1,8	4,1	6,5
Начальное профессиональное	0	3,7	5,9	8,7
Среднее профессиональное	7,7	15,6	30,3	34,8
Незаконченное высшее профессиональное	7,7	16,5	10	4,3
Высшее профессиональное	76,9	60,6	46,5	39,1
Аспирантура/докторантура	0	0,9	1,8	4,3
Сферы занятости				
Сельскохозяйственная	6,3	3,8	2,7	2,2
Промышленная	18,6	12,4	12,8	6,6
Транспорта и связи	6,3	17,1	9,6	4,4
Здравоохранения, образования, культуры и науки	6,3	15,3	17,4	33,5
Госслужбы	12,5	3,8	6	2,2
Военная и правоохранительная	0	4,7	0	0
Услуг и торговли	25	20	26,5	10,9
Финансово-кредитная	0	5,7	3,6	8,9
Учащийся, студент	12,5	6,7	4,1	4,4
Пенсионер	0	6,7	11,8	20
Домохозяйка, в декретном отпуске	12,5	2,9	3,2	4,4
Безработный	0	0,9	2,3	2,2
Тип предприятия				
Государственное	36,4	34,7	35,4	47,1
Частное	63,6	57,9	60,7	47,1
Другое	0	7,4	3,9	5,8
Занимаемая должность				
Владелец	15,4	3,3	0,6	0
Руководитель	0	5,5	1,7	0
Руководитель подразделения	15,4	13,4	8,1	6,1
Главный, ведущий специалист	7,7	13,4	13,9	9,1
Рядовой специалист	46,1	53,3	72,2	84,8
Самозанятый (-ая)	15,4	11,1	3,5	0

Примечательно, что в три раза реже, чем представители среднего класса, бедные находятся в отпуске по уходу за ребенком (12,5% против 4,3%), т.е. для среднего слоя принципиально важна карьера. В два раза реже массового слоя и в три раза реже нижнего представители среднего слоя квалифицируют себя как пенсионеров (вообще не считают себя таковыми представители верхнего слоя).

Представители нижнего слоя не занимают, а массового слоя практически не занимают такие должностные позиции, как владелец или руководитель организации. Среди представителей верхнего слоя владельцами организации являются 15,4%. В подавляющем большинстве представители нижнего

слоя — рядовые специалисты (84,4%), если же у них есть подчиненные, то в среднем 5 человек (у представителей верхнего слоя подчиненных в десять раз больше, у среднего — в три раза).

Согласно Таблице 4, каждый четвертый представитель верхнего слоя (23,1%) верит в безграничные возможности карьерного роста, среди представителей массового и нижнего слоев таких в три раза меньше (7,9% и 8,8% соответственно). Каждый четвертый представитель массового (24,2%) и каждый третий нижнего слоя (29,4%) считает, что карьерный рост невозможен. В целом треть опрошенных говорит о возможности карьерного роста на несколько ступеней.

Таблица 5

Самооценка перспектив карьерного роста, в %

Должностные позиции и виды предприятий	Верхний слой	Средний слой	Массовый слой	Нижний слой
карьерный рост безграничен	30	22,8	9,6	11,5
карьерный рост возможен до некоторой не самой высокой ступени	10	26,6	21,9	15,4
карьерный рост возможен, но на несколько ступеней	50	30,3	39	34,6
карьерный рост невозможен	10	20,3	29,5	38,5

На Рисунке 2 представлены оценки престижности своей профессии с учетом занимаемой должности. Чаще всего своей профессией гордятся представители верхнего слоя — более половины считают ее крайне престижной (60%), лишь 10% — как среднепрестижную, о низком престиже не говорит ни один респондент. Среди представителей среднего слоя треть считает свою профессию престижной (38%), треть — среднепрестижной (31,65). Среди малообеспеченных больше половины считает свою профессию среднепрестижной, четверть — непрестижной. Почти половина бедного населения считает, что занимает непрестижные должности. Можно сделать вывод, что для представителей среднего и особенно верхнего слоев профессия является призванием, неотъемлемой составляющей образа жизни. У представителей массового и нижнего слоя отношение к работе и профессиональному призванию иное — они воспринимают работу как повинность, место, где они должны пребывать в силу необходимости. Примечательно, что пятая часть массового и нижнего слоев (19,5% и 19,9%) считают престижной свою деятельность и получают удовлетворение от работы, т.е. массовый и нижний слои пополняются профессиями, которые долгое время считались уважаемыми и престижными, но стали малооплачиваемыми — врачи, учителя, работники науки и искусства.

Что касается политической активности, то у представителей верхнего слоя она значительно выше: они принимают регулярное участие в выборах всех уровней и полностью одобряют деятельность политической элиты. Наиболее скептически к выборам относятся представители среднего слоя —

считают, что от их участия ничего не изменится, все решения приняты за них. Представители нижнего слоя также редко участвуют в выборах, особенно региональных, но не ходят на выборы из-за низкого уровня политической и гражданской культуры, пассивной жизненной позиции.

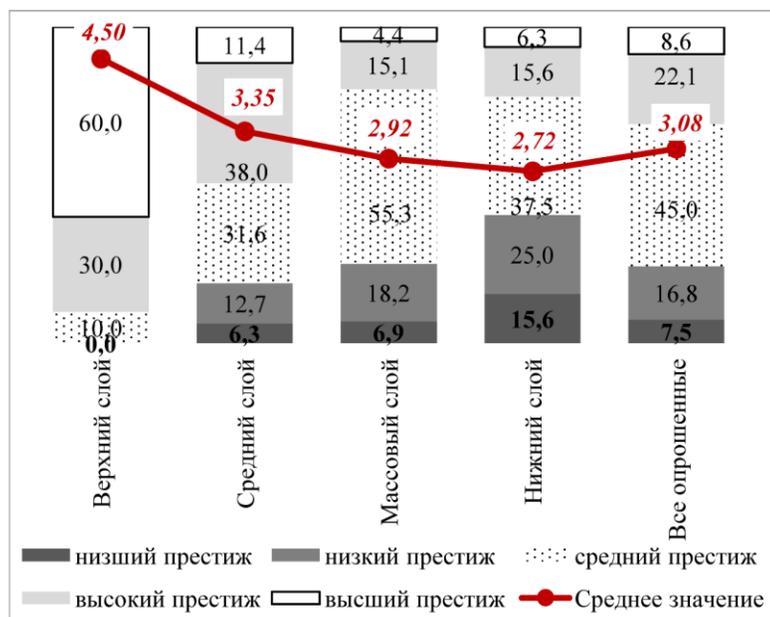

Рис. 2. Оценка престижности своей профессии с учетом занимаемой должности, %

Как уже говорилось выше, представители верхнего и среднего слоев значительную часть доходов тратят на досуг — представители массового слоя тратят на досуг в два раза меньшую долю доходов, в нижнего — практически не тратят. В результате кафе, бары и рестораны стали неотъемлемой составляющей образа жизни верхнего и среднего слоев населения — они посещают их соответственно несколько раз в неделю и несколько раз в месяц, т.е. эти заведения являются для них местом приема пищи и не ассоциируются только с праздничными традициями. Представители массового слоя посещают подобного рода заведения в связи с праздничными событиями — несколько раз в год, а нижний класс посещает их не чаще раза в год. Посещение кинотеатров, театров и концертов — часть образа жизни практически всех слоев населения. Несколько раз в месяц их посещают верхние слои, несколько раз в год — средний и массовый слой, но нижний слой — вновь не чаще раза в год. С одной стороны, у нижнего слоя просто не остается на это денег, но, с другой стороны, речь может идти и о пассивной жизненной позиции. Даже такой вид досуга, как посещение парков и прогулки на природе, не увлекает представителей нижнего слоя, которые и на прогулку выходят несколько раз в год, тогда как остальные слои — несколько раз в месяц. Такое различие в досуговых практиках нижнего слоя обусловило проведение сравнительного анализа форм досуга его представителей с остальными слоям (Рис. 3).

Рис. 3. Досуговые практики нижнего слоя и остального населения, в %

На Рисунке 3 видно, что ограниченность досуга представителей нижнего слоя является следствием не только финансовых трудностей: значительные различия (20–25%) наблюдаются в таких досуговых сферах, как прослушивание музыки, чтение книг и периодики, встречи и общение с друзьями, прогулки на природе, наличие хобби и т.п., которые не требуют значительных материальных затрат. Можно сделать вывод, что досуговые ограничения обусловлены отсутствием потребности в них, низким образовательным уровнем, ограниченностью кругозора, а также спецификой первичной и подростковой социализации в условиях значительной депривации. Кроме того, ряд видов досуговой активности — отличительная особенность представителей верхнего и среднего слоев, они не практикуются представителями массового и нижнего слоев: посещение бассейнов, фитнеса и тренажерных залов; базы отдыха выходного дня, музеи, выставки, вернисажи.

Завершая сопоставление качества жизни разных социальных слоев в региональном пространстве, необходимо отметить, что, несмотря на то, что субъективные оценки были заложены в рассмотренные выше вопросы (оценка социально-экономической ситуации в стране, материального положения семьи, карьерных перспектив и т.п.), в последнем вопросе респондентам предлагалось отнести себя к определенному социальному слою на основе общей оценки своего положения во всех сферах общества (Рис. 4).

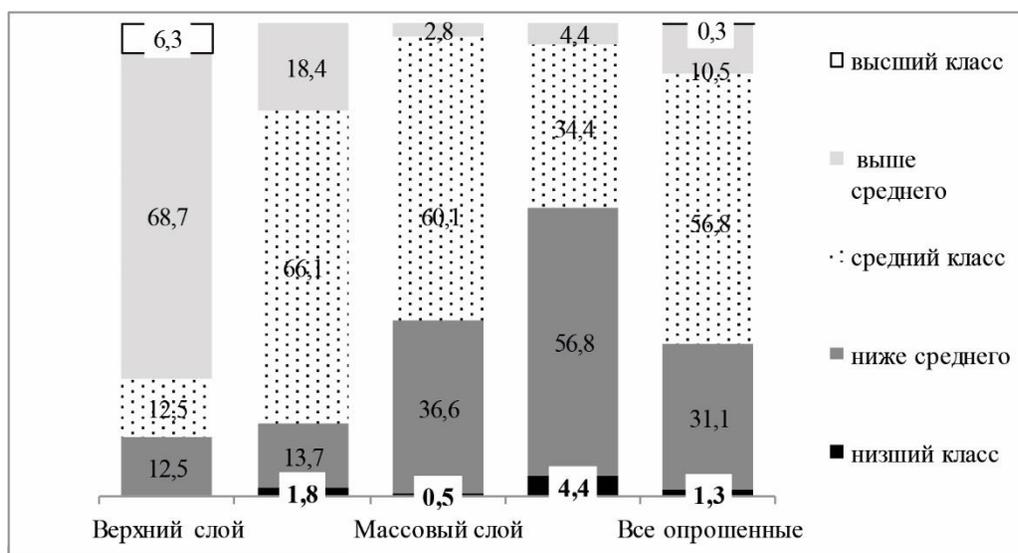

Рис. 4. Самоидентификация в региональной социальной структуре, в %

Как показывает Рисунок 4, к высшему классу себя относит лишь незначительная часть верхнего слоя, что связано с особенностями социально-экономического положения региона, о которых говорилось выше. Также отчетливо прослеживается тенденция завышения своего социального статуса, что является особенностью населения региона, согласно многочисленным исследованиям социальной структуры кафедры социологии и информационных технологий. Так, больше половины представителей массового слоя и треть нижнего причисляют себя к среднему классу (60,1% и 34,4% соответственно), и почти 5% нижнего слоя относит себя к классу выше среднего. Незначительной части населения, напротив, присуще занижение своего социального статуса: 2,5% высшего слоя и 15,5% среднего самоидентифицируются с нижними классами.

Из всего сказанного выше можно сделать вывод, что качество жизни населения Орловской области значительно дифференцировано в зависимости от позиции в социальной структуре. Исследование социальной дифференциации на основе многомерного иерархического подхода, учитывающего материально-имущественные, социально-профессиональные и самоидентификационные критерии, позволяет не только охарактеризовать многомерное региональное социальное пространство, но и выявить наиболее уязвимые социальные

группы, в которых растет социальная напряженность. Факторы материального благосостояния остаются базовыми критериями социальной дифференциации в региональном пространстве, и усугубление имущественного и социального неравенства может привести к росту протестной активности.

Библиографический список

- [1] *Аникин В.А.* Социальная стратификация по жизненным шансам: попытка операционализации для массовых опросов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4.
- [2] Бедность и бедные в современной России / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М., 2014.
- [3] *Бурдые П.* Социология политики. М., 1993.
- [4] *Голенкова З.Т., Голюсова Ю.В., Орехова И.М.* Противоречия и проблемы модернизации социальной структуры современного российского общества // Россия реформирующаяся: Вып. 17 / Отв. ред. М.К. Горшков. М., 2019.
- [5] *Горшков М.К.* Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). М., 2011.
- [6] *Заславская Т.И.* Трансформация социальной структуры российского общества // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. Вып. 3. М., 1996.
- [7] *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни. Очерки теории. Новосибирск, 1991.
- [8] *Ильин В.И.* Социальная стратификация. Сыктывкар, 1991.
- [9] Малообеспеченные в России: Кто они? Как живут? К чему стремятся? // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии РАН. № 5. М., 2008.
- [10] Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Под ред. Н.Е. Тихоновой. М., 2018.
- [11] Модернизация социальной структуры российского общества / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М., 2008.
- [12] Средний класс в современной России: особенности идентичностей и мировоззрения // Сб. материалов Межд. науч. конф. «Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В.А. Ядова)» / Отв. ред. М.К. Горшков. М., 2019.
- [13] *Тихонова Н.Е.* «Негативная стабилизация» и факторы динамики благосостояния населения в посткризисной России // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 1.
- [14] *Тихонова Н.Е.* Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социологические исследования. 2006. № 9.
- [15] *Тихонова Н.Е.* Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. 2018. № 6.
- [16] *Тихонова Н.Е., Давыдова Н.М., Попова И.П.* Индекс уровня жизни и модель стратификации российского общества // Социологические исследования. 2004. № 6.
- [17] *Тихонова Н.Е.* Социальная структура России: теории и реальность. М., 2014.
- [18] *Шкаратан О.И.* Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М., 2009.
- [19] *Goldthorpe J., Lockwood D., Bechhofer F., Platt J.* The Affluent Worker in the Class Structure. Cambridge, 1969.
- [20] *Kohn M.L., Schooler C.* Social Structure and Self-Direction: A Comparative Analysis of the United States and Poland. Oxford, 1990.
- [21] *Townsend P.* Poverty in the United Kingdom. Harmondsworth, 1979.
- [22] *Townsend P.* International Analysis of Poverty. London, 1993.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-509-526

Differentiation of the quality of life in the regional space *

N.V. Prokazina^{1,2}, A.A. Alekseenok², Yu.V. Kaira²

¹Altai Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Partizanskaya St., 187, Barnaul, 656008, Russia

²Central Russian Institute of Management — branch of the RANEPA
Blvd Pobedy, 5a, Orel, 302028, Russia

(e-mail: nvprokazina@mail.ru; alexaconst@rambler.ru; kaira@orel.ranepa.ru)

Abstract. The quality of life depends on the place in the social structure. Social groups have different opportunities for meeting needs and achieving goals. Positions of different social groups in the subjects of the Russian Federation differ, which can significantly influence social well-being and protest moods; therefore, the study of the quality of life in the regional space is important in both theoretical and practical perspectives. The article aims at considering differentiation of the quality of life in the regional space and identifying the most vulnerable social groups. The authors study the quality of life with the multidimensional hierarchical approach based on a complex of interrelated objective and subjective criteria. This methodology was tested in the empirical study of the quality of life in the Oryol Region. The study used the following set of indicators of the quality of life: subjective assessments of the most significant forms of deprivation; movable and immovable property; housing and the quality of living conditions; savings; access to paid social services; professional position, possibilities of professional self-realization; political activity and political culture; leisure preferences and opportunities that entail additional spending; self-identification in different spheres of life. This set of indicators allowed to describe positions of social groups and their regional differentiation: social groups that make up the regional population, their positions in the stratification system, their quantitative and qualitative characteristics were identified. The authors also identified the most vulnerable groups affected by social tensions and showed that the growth of social inequality can lead to an increase in the protest and destructive behavior.

Key words: multi-dimensional hierarchical approach; quality of life; social structure; social strata; stratification criteria; social differentiation; social inequality; social tensions

References

- [1] Anikin V.A. Sotsialnaja stratifikatsija po zhiznennym shansom: popytka operatsionalizacii dlja massovyh oprosov [Social stratification by life chances: An attempt of operationalization for mass polls]. *Monitoring Obshhestvennogo Mnenija: Ekonomicheskie i Socialnye Peremeny*. 2018; 4 (In Russ.).
- [2] *Bednost i bednye v sovremennoj Rossii* [Poverty and the Poor in Contemporary Russia]. Pod red. M.K. Gorshkova, N.E. Tikhonovoj. Moscow; 2014 (In Russ.).
- [3] Bourdieu P. *Sociologija politiki* [Sociology of Politics]. Moscow; 1993 (In Russ.).
- [4] Golenkova Z.T., Goliusova Ju.V., Orekhova I.M. Protivorechija i problemy modernizatsii socialnoj struktury sovremenno go rossijskogo obshhestva [Contradictions and challenges of the modernization of the social structure of the contemporary Russian society]. *Rossija reformirujushhajasja*: Vyp. 17. Otv. red. M.K. Gorshkov. Moscow; 2019 (In Russ.).
- [5] Gorshkov M.K. *Rossijskoj obshhestvo kak ono est: (opyt sociologicheskoy diagnostiki)* [Russian Society as It Is: (Results of the Sociological Diagnostics)]. Moscow; 2011 (In Russ.).

---

* © N.V. Prokazina, A.A. Alekseenok, Yu.V. Kaira, 2020.

The article was submitted on 26.04.2020. The article was accepted on 10.06.2020.

- [6] Zaslavskaja T.I. Transformatsija socialnoj struktury rossijskogo obshhestva [Transformation of the social structure of the Russian society]. *Kuda idet Rossija?.. Socialnaja transformatsija postsovetского prostranstva*. Вып. 3. Moscow; 1996 (In Russ.).
- [7] Zaslavskaja T.I., Ryvkina R.V. *Sociologija ekonomicheskoy zhizni. Ocherki teorii* [Sociology of Economic Life. Essays on Theory]. Novosibirsk; 1991 (In Russ.).
- [8] Ilyin V.I. *Socialnaja stratifikatsija* [Social Stratification]. Syktyvkar; 1991 (In Russ.).
- [9] Maloobespechennye v Rossii: Kto oni? Kak zhivut? K chemu stremjatsja? [Low-income groups in Russia: Who are they? How do they live? What do they strive for?]. *Informatsionno-analiticheskij bjulleten Instituta sociologii RAN*. No. 5. Moscow; 2008 (In Russ.).
- [10] *Model dokhodnoj stratifikatsii rossijskogo obshhestva: dinamika, faktory, mezhsranovye sravnenija* [Model of Income Stratification of the Russian Society: Dynamics, Factors, Cross-Country Comparisons]. Pod red. N.E. Tikhonovoj. Moscow; 2018 (In Russ.).
- [11] *Modernizatsija socialnoj struktury rossijskogo obshhestva* [Modernization of the Social Structure of the Russian Society]. Otv. red. Z.T. Golenkova. Moscow; 2008 (In Russ.).
- [12] Sredny klass v sovremennoj Rossii: osobennosti identichnostej i mirovozzrenija [Middle class in contemporary Russia: Features of identities and worldview]. Sb. materialov Mezhd. nauch. conf. “Budushhee sociologicheskogo znaniya i vyzovy socialnyh transformatsij (k 90-letiju so dnja rozhdenija V.A. Yadova)”. Otv. red. M.K. Gorshkov. Moscow; 2019 (In Russ.).
- [13] Tikhonova N.E. “Negativnaja stabilizatsija” i faktory dinamiki blagosostojanija naselenija v postkrizisnoj Rossii [“Negative stabilization” and factors of the dynamics of the well-being in post-crisis Russia]. *Sociologicheskij Zhurnal*. 2019; 25 (1) (In Russ.).
- [14] Tikhonova N.E. Resursny podhod kak novaja teoreticheskaja paradigma v stratifikatsionnyh issledovanijah [Resource approach as a new theoretical paradigm in the stratification research]. *Sociologicheskie Issledovanija*. 2006; 9 (In Russ.).
- [15] Tikhonova N.E. Stratifikatsija po zhiznennym shansam massovyh sloev sovremenno rossijskogo obshhestva [Stratification by life chances of mass strata in the contemporary Russian society]. *Sociologicheskie Issledovanija*. 2018; 6 (In Russ.).
- [16] Tikhonova N.E., Davydova N.M., Popova I.P. Indeks urovnja zhizni i model stratifikatsii rossijskogo obshhestva [Living Standards Index and model of stratification of the Russian society]. *Sociologicheskie Issledovanija*. 2004; 6 (In Russ.).
- [17] Tikhonova N.E. *Sotsialnaja struktura Rossii: teorii i realnost* [Social Structure of Russia: Theories and Reality]. Moscow; 2014 (In Russ.).
- [18] Shkaratan O.I. *Socialno-ekonomicheskoe neravenstvo i ego vosproizvodstvo v sovremennoj Rossii* [Social-Economic Inequality and Its Reproduction in Contemporary Russia.]. Moscow; 2009 (In Russ.).
- [19] Goldthorpe J., Lockwood D., Bechhofer F., Platt J. *The Affluent Worker in the Class Structure*. Cambridge; 1969.
- [20] Kohn M.L., Schooler C. *Social Structure and Self-Direction: A Comparative Analysis of the United States and Poland*. Oxford; 1990.
- [21] Townsend P. *Poverty in the United Kingdom*. Harmondsworth; 1979.
- [22] Townsend P. *International Analysis of Poverty*. London; 1993.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-527-545

Трансформация образа желаемой модели семьи у разных поколений: результаты всероссийского социологического исследования*

Т.К. Ростовская¹, О.В. Кучмаева^{1,2}

¹Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
ул. Фотиевой, 6–1, Москва, 119333, Россия

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Россия
(e-mail: kuchmaeva@yandex.ru rostovskaya.tamara@mail.ru)

Сложная демографическая ситуация и поиски эффективной модели демографической и семейной политики актуализировали дискурс о модели российской семьи. Цель статьи — выявление общих и специфических характеристик желаемой модели семьи у представителей разных поколений для определения векторов трансформации института семьи и направлений семейной политики. Выводы авторов построены на данных текущего статистического учета, всероссийских переписей населения (2002 и 2010), микропереписи (2015), репрезентативных выборочных обследований Росстата, также результатах авторского выборочного исследования, проведенного в 2019 году. Представления о желаемой модели семьи постепенно меняются под воздействием культурологических и социально-экономических факторов и различаются у поколений, поэтому сравнение мнений разных поколений позволит определить трансформации желаемой модели семьи и направления семейной политики. Семья остается значимой ценностью для россиян, однако модель желаемой семьи меняется: трансформация семьи идет в направлении нуклеаризации, мозаичности моделей семейной жизни, снижении роли формальных механизмов регуляции брака, увеличения доли лиц, не стремящихся вести семейный образ жизни. Дискурс о традиционной модели семьи, лежащий в основе российской семейной политики, поддерживается значительной частью россиян лишь формально. В целом представления россиян о желаемой модели семьи меняются в направлении либерализации норм и установок в отношении брака и семейной жизни, причем наблюдаются серьезные поколенческие различия. Методы многомерного статистического анализа позволили выявить типологические группы, отличающиеся представлениями о современной счастливой семье.

Ключевые слова: трансформация института семьи; модели семьи; ценность семьи; семейная политика; семейный образ жизни; структура семьи; брак

Тенденции развития общественных институтов не могли не повлиять на статус семьи — затронули ее основные функции, изменили их масштаб и роль в жизни человека. Изменение ценностных установок личности в направлении усиления роли индивидуалистических интересов, повышения требований к мобильности в условиях динамично меняющейся экономической и социальной системы изменили требования человека к семейной жизни и структуре семьи [35. С. 85–90]. В российском обществе наблюдаются изменения модели

* © Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., 2020.

Статья поступила 17.03.2020 г. Статья принята к публикации 22.05.2020 г.

и структуры семьи, которые казались незыблемыми на протяжении столетий, причем взгляды поколений на желаемую модель семьи различаются. В целом в обществе сохраняется дискурс о традиционной модели семьи, лежащий в основе семейной и демографической политики: значительная часть населения понимает под традиционной семьей полную и многодетную, подразумевая прежде всего демографическую структуру, а не характер взаимоотношений и распределения семейных ролей, но эти представления во многом расходятся с реальным демографическим поведением.

Подходы к изучению трансформации института семьи и моделей семейной жизни

Тип и характер брачных отношений во многом зависит от того, что выступает нормативной основой создания семьи — традиция, право или решение супругов. Российские исследователи рассматривают такие формы семьи, как патриархальная (традиционная), детоцентристская (современная) и супружеская (постсовременная) [23. С. 203]. Отдельные черты патриархального типа семьи сохранялись в нашей стране довольно долго [9] и сохраняются до сих пор: члены семьи в этом случае подчиняются интересам семьи. И хотя в российском обществе существуют все формы семейной жизни, в историческом плане можно говорить о смене патриархального типа семьи (проживание под одной крышей нескольких поколений, признание мужского приоритета, четкое разделение сфер семейной жизни) постсовременным типом, включая неотрадиционную семью. В 2018 году 72% россиян, состоящих в браке, утверждали, что решения в их семье принимаются совместно [34]. Распределение домашних обязанностей между супругами становится все более равномерным — покупка продуктов в 2011 году осуществлялась только женщиной в 38% семей, совместно — в 50%, в 2018 году — соответственно в 22% и 67%. Судя по опросам Фонда «Общественное мнение» [37], 66% респондентов в 2011 году и 77% в 2017 году «скорее положительно» отнеслись бы к тому, что кто-то из круга их знакомых, став отцом, решил бы взять отпуск по уходу за ребенком.

В современном мире произошло перераспределение функций между социальными институтами [25]: значительная часть функций, которые выполняла патриархальная (традиционная) семья, перешла к государству, системе социальной помощи и благотворительности. Экономическая функция стремительно уходит из семьи — индивид сам может обеспечить себе приемлемый уровень жизни. Институт образования, средства массовой информации и другие институты разделяют с семьей воспитательную и социализационную функцию. Главной для семьи становится психологическая функция — взаимопомощь, поддержка, эмоциональное сопереживание, забота в сложной ситуации. Характер взаимоотношений супругов определяется, прежде всего, степенью равенства в отношениях, ориентацией на супружеские или родительские роли, доверительностью.

Значимой чертой современности выступает многовариантность и неопределенность социального развития, рост личной свободы, что приводит к многообразию стилей поведения: в сфере семейных отношений происходит переход к краткосрочному и временному, поиску нового опыта [6]. Процесс модернизации изменяет системы ценностей, включая семейные и ценности воспитания [19. С. 343]. Трансформация института семьи детерминирована охватившим все страны мира процессом модернизации [4. С. 71–91]. По словам З. Баумана, «выбор становится главной задачей индивида» [2], включая сферы матримониального и репродуктивного поведения — они регулируются во многом не социальной нормой, а личным выбором [27. С. 121]. Нормы и правила все в меньшей степени регулируют поведение [11. С. 181–185; 12. С. 99].

Изменения репродуктивного и матримониального поведения рассматриваются в теории демографического перехода [16]: современная модель демографического поведения характеризуется гибким подходом к выбору жизненного пути, в том числе к построению «семейной карьеры» и выбору стиля семейной жизни [47; 53]. Трансформация затрагивает мотивы формирования семьи, установки в отношении рождения детей. Данные исследований позволяют говорить о сложной и противоречивой трансформации, но не о крахе семьи как социального института [29. С. 27]. Говорить о возрождении «традиционных семейных ценностей» сегодня вряд ли возможно [37]: в России с 1980-х годов время, проведенное в зарегистрированном браке, сокращается [17]; наблюдается распространение партнерских союзов и увеличение возраста вступления в брак [18]. Меняется брачный состав населения: за межпереписной период (2002–2010) доля лиц, состоящих в незарегистрированных браках, увеличилась, и составила в 2010 году 13% всех состоящих в браке (рост в 3%) [15]. Более 35% молодежи состоит в незарегистрированном браке. Результаты проведенного Росстатом в 2017 году выборочного изучения репродуктивных планов населения свидетельствуют, что доля состоящих в фактических браках в возрасте до 25 лет составила около 40%, в возрасте 25–29 лет — более 20%. Наблюдается и отказ от вступления в брак части населения брачного возраста.

Под воздействием мер семейной политики можно наблюдать определенный ренессанс традиционных ценностей в сфере семейной жизни [10. С. 215–216]. Опросы ВЦИОМ показали, что в 1991 году считали «всегда предосудительными» внебрачные сексуальные связи людей, состоящих в браке, 35% респондентов, а в 2018 — уже 52%; однополые связи считали «всегда предосудительными», соответственно, 57% и 75% [32].

С другой стороны, исследования отмечают наличие противоречий, связанных с индивидуализацией частной жизни, с одной стороны, и консервативным официальным дискурсом — с другой [20. С. 343]. Особенностью современного этапа трансформации института семьи является то, что невозможно выделить единственную общепринятую модель семьи [12] — разнообразие форм семейной жизни касается как совместного проживания с партнерами, так и с детьми. Среди альтернатив традиционной модели семьи

следует назвать фактические брачные отношения, откладывание регистрации брака, распространение повторных и гостевых браков, отложенного родительства, увеличение числа людей, допускающих для себя бездетность или безбрачие [44. С. 312], — в демографии это характеристики второго демографического перехода [46; 50; 53; 54]. Прогнозы брачного поведения россиян говорят о вероятном увеличении гетерогенности браков по разным социально-демографическим критериям [13. С. 103] вследствие тенденций индивидуализации и рационализации общества [3; 7; 48].

В контексте репродуктивной и воспитательной функций семьи необходимо отметить рост числа семей с неродным родителем, распространение института приемного родительства. В 0,6% домохозяйств в России есть дети под опекой (попечительством) [23]. Расширяется «использование вспомогательных репродуктивных технологий (суррогатное материнство, экстракорпоральное оплодотворение и т.д.)» [30. С. 129].

Все большее распространение получает «конкубинат — открытое сожителство мужчины и женщины, не подкрепленное законными обрядами бракосочетания» [40], так называемый «параллельный брак» — наряду с официальной семьей. Такая модель брачных отношений характерна не только для отдельных представителей состоятельных групп, но и для внутренних и внешних мигрантов [39]. Стремясь к максимально безболезненной адаптации к новым реалиям, мигранты строят параллельные семьи в том регионе, куда приехали на работу, причем их партнеры, как правило, знают о параллельной семье, т.е. границы семьи становятся все более размытыми.

Еще одна своеобразная форма брака — для которого характерно раздельное проживание супругов (дистанционная семья). Часто ее возникновение связано со спецификой профессиональной занятости — вахтовой занятостью, масштабами трудовой миграции. По данным Росстата за 2018 год, 4,1% занятого населения работали за пределами своего региона (около 3 млн), 28% из них возвращаются домой реже раза в месяц.

В структуре домохозяйств с детьми по-прежнему значительная часть приходится на однодетные семьи, хотя их доля несколько сократилась под влиянием мер семейно-демографической политики. К 2015 году доля однодетных домохозяйств сократилась до 59,8% [14] (65,5% в 2010) [15] на фоне увеличения доли двухдетных — до 31,1% (27,5%) и трехдетных — до 9,1% (7%). Однако рождаемость стареет [19]: средний возраст матери при рождении первого ребенка до 1994 года составлял 19,1 лет, а в 2015–2017 годы вырос до 26,6 лет; средний интергенетический интервал увеличился в три раза.

Увеличивается доля супругов, использующих контрацепцию в браке до рождения первого ребенка (48,8% женщин до 25 лет), чтобы отложить или даже отказаться от рождения ребенка. Социально приемлемой становится добровольная бездетность в браке.

Одной из значимых характеристик желаемого типа семьи является детность: рост суммарного коэффициента рождаемости начался в России с

2006 года и продолжался до 2016 года, в том числе в результате мер семейно-демографической политики. К 2017 году коэффициент понизился до 1,62 под воздействием демографических факторов и экономической ситуации. По прогнозу Росстата, к 2024 году коэффициент составит от 1,54 до 1,74 ребенка [33]. Принятие решения о рождении ребенка происходит в условиях неопределенности [41. С. 362], хотя двухдетный идеал семьи является ведущим для россиян, как и для населения большинства развитых стран. Если еще 10–15 лет назад репродуктивные установки россиян были весьма однородны [45], то данные последних лет свидетельствуют об изменении ситуации. Анализ брачного и репродуктивного поведения молодых россиян позволяет говорить о диверсификации стратегий: распространение незарегистрированных союзов, откладывание родительства [43].

Благодаря выборочному наблюдению репродуктивных планов населения [1], проведенному Росстатом в 2012 и 2017 годы, мы можем рассмотреть динамику репродуктивных установок россиян. В 2017 году по-прежнему лидировала двухдетная модель семьи, однако доля респондентов, которые хотели бы (желаемое число детей) и ожидают в своей семье (ожидаемое число детей) двоих детей, сократилась. Наряду с этим несколько выросла доля ориентированных на одного ребенка в семье; до 3,4% женщин и 4,4% мужчин увеличилась доля тех, у кого ожидаемое число детей равно нулю. Доля тех, кто ориентирован на троих детей, значительно меньше доли тех, кто считает трехдетную модель желаемой. А с однодетностью ситуация противоположная: респонденты чаще ожидают, что их семейная жизнь будет однодетной, чем хотели бы. Так, в 2017 году 25% женщин отметили, что их ожидаемое число детей — один, но лишь 17% считают это число желаемым. С другой стороны, 14% женщин ожидают, что у них будет трое детей, однако желаемым это количество является для 22%. То есть очевидны нереализованные установки на рождение троих детей, а однодетность у части респондентов является вынужденной.

Не является популярным проживание в составе сложных многопоколенных семей. В общественном мнении устоялась тенденция считать, что дети старше 18 лет, не состоящие в браке, должны жить отдельно от родителей. По данным Левада-центра, в 2003 году так считали 52%, в 2019 — 2/3 респондентов [25]. Проживание вне родительской семьи выступает одним из критериев взросления.

По данным Росстата за 2016 год, у большинства пожилых людей есть дети (лишь 7,7% не имеют детей), однако в большинстве случаев взрослые дети проживают отдельно от родителей — 78%, в том числе у 50% пожилых дети проживают в том же населенном пункте, что позволяет детям и родителям поддерживать тесные связи. Лишь 0,6% пожилых россиян не поддерживают отношения с детьми, 5,3% никак им не помогают.

Довольно много работ российских и зарубежных исследователей посвящено взаимоотношениям взрослых детей и их родителей [5; 8; 21; 27; 34; 49;

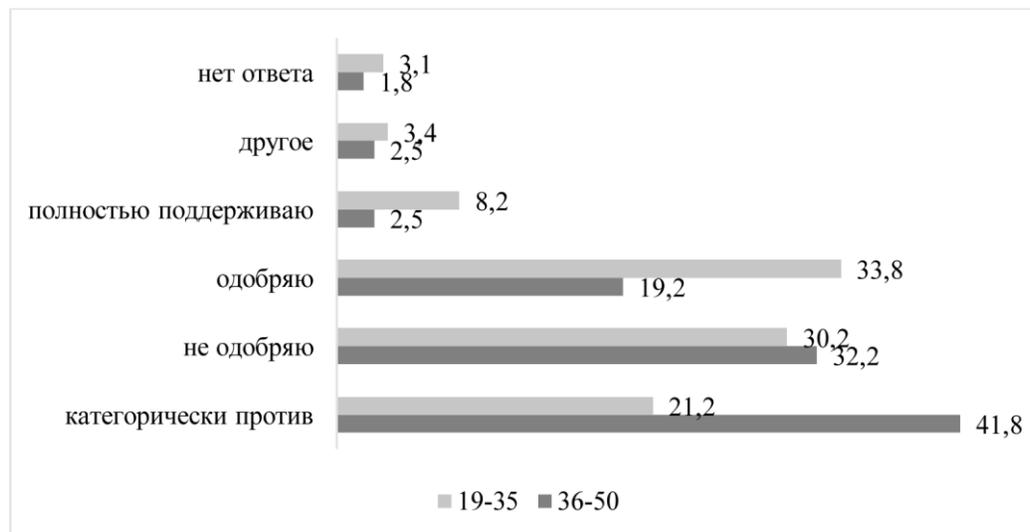
51; 52]. Несмотря на тренд к отделению от родительской семьи, сдерживаемый длительное время в России сложностью жилищной проблемы, межсемейные трансферты играют большую роль в поддержании экономического и социального благополучия российских семей, являются проявлением внутрисемейной и межпоколенческой солидарности.

Взгляды россиян на современную семью меняются, и можно предположить, что наблюдаются различия во взглядах поколений. Исследователи выделяют три когорты, чьи ценности сформировались в разных условиях: поколение, формирование ценностной системы которого проходило еще в советской системе воспитания; своеобразное переходное поколение, которое столкнулось с необходимостью адаптации к новым социально-экономическим и политическим условиям (условия аномии); те, чье взросление пришлось на новые политические и экономические условия, к которым им не нужно было адаптироваться [22; 42]. Исследования свидетельствуют, что при сохранении ценности семьи в системе жизненных приоритетов россиян меняются модели семейной жизни, которые считаются наиболее желательными, и, видимо, эти изменения по-разному отражаются в оценках представителей разных поколений.

Выводы статьи основаны на данных текущего статистического учета, всероссийских переписей (2002 и 2010), микропереписи 2015 года, репрезентативных выборочных обследований Росстата, а также авторского исследования. Было опрошено 1109 человек (358 родителей (36–50 лет), имеющих детей, 484 представителя молодежи (19–34) и 267 подростков (15–18)) в рамках международного социологического исследования «Семья и семейная политика: взгляд поколений», проведенного ИСПИ РАН в 2019 году. Была выдвинута гипотеза, что представления о желаемой модели семьи меняются под воздействием культурологических и социально-экономических факторов и различаются у поколений. Для подтверждения гипотезы были использованы методы статистического анализа, в частности кластерный анализ результатов анкетирования по 18 переменным, который позволил выделить типологические группы россиян с точки зрения предпочитаемых характеристик семьи.

Представления россиян о желаемой модели семейной жизни

Исследование подтвердило снижение значимости регистрации брачных отношений и различие взглядов респондентов разных возрастов. Родители (36–50 лет) настроены более категорично в отношении незарегистрированного брака (среди них тех, кто «категорически против» такой формы отношений, в два раза больше — 41,8%, чем среди молодежи — 21,2%). С другой стороны, молодые люди (19–35 лет) чаще поддерживают незарегистрированные браки — 42%, что существенно больше, чем среди респондентов старшего возраста — 11,6% (Рис. 1).

Рис. 1. Отношение респондентов к незарегистрированному браку, в %

Респондентам задавался вопрос об отношении к регистрации первого и последующего брака (Табл. 1). Хотя все респонденты менее требовательно относятся к регистрации повторного брака, различия проявляются и здесь: молодежь реже считает обязательной регистрацию и первого (53,1% и 62,2%), и повторного брака (28,8% и 41,4%).

Таблица 1

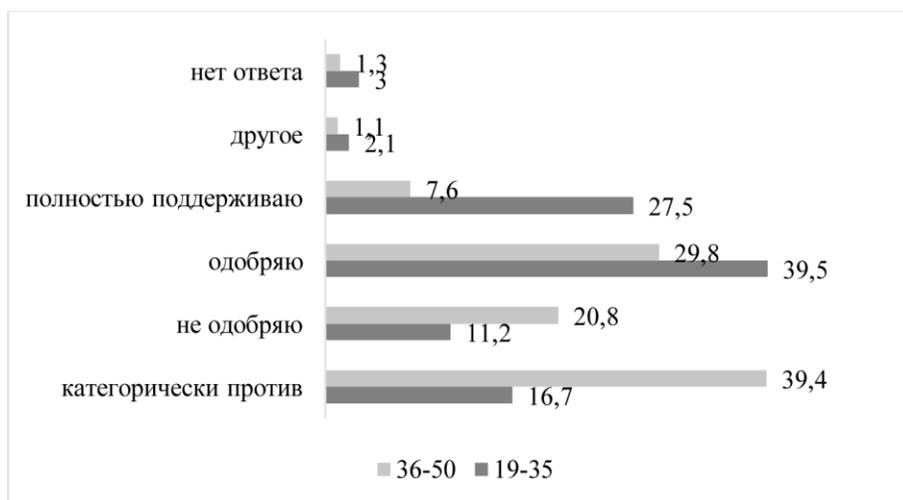
Желательность регистрации первого и повторного браков, в %

Варианты ответа	19–35 лет	36–50 лет
Первый брак		
обязательно	53,1	62,2
желательно	27,2	25,7
нежелательно	6,1	1,6
затрудняюсь ответить	11,5	7,2
нет ответа	2,1	3,4
Повторный брак		
обязательно	28,8	41,4
желательно	32,4	26
нежелательно	9,3	5,1
затрудняюсь ответить	21,4	19,2
нет ответа	8,1	8,3

Регистрация повторных браков находит меньше сторонников, однако среди взрослых респондентов их больше. В случае с повторными браками молодые люди чаще выбирают более мягкую позицию «желательно» — 32,4%. Значительно чаще, чем при ответе на вопрос о первом браке, респонденты затруднились оценить необходимость регистрации повторных браков. В целом значительная часть россиян, особенно молодых, не считает необходимым регистрировать брак, особенно если это не первый брак.

В ходе исследования выяснялось отношение россиян к пробным бракам, получившим широкое распространение как своего рода испытательный срок

для возможных долгосрочных брачных отношений. Молодые люди однозначно более лояльны к таким бракам, чем поколение родителей. 67% молодежи либо одобряют, либо полностью поддерживают такую форму брачных отношений, а среди родителей ее сторонников лишь 37,4%. Можно предположить, что такая форма брака станет еще более распространенной, поскольку значительная часть молодежи стремится проверить свои чувства, пожить с партнером, видимо, считая это залогом успешного брака в будущем (Рис. 2).

Рис. 2. Отношение респондентов к пробному браку, в %

Наиболее резкое неприятие респондентов вызывают однополые браки, но и здесь молодые люди более терпимы. Родители чаще (как, впрочем, и в отношении других моделей брака, распространяющихся в последние годы) выбирают позицию «категорически против» (79,6% против 39,6% молодежи) (Рис. 3). Молодые респонденты чаще выбирают ответы, которые соответствуют более мягкой оценке однополых браков: 11,4% — «трудно сказать, как такая практика скажется на воспитании» (лишь 4% родителей). Среди молодых людей доля выбравших варианты «в целом одобряю», «не вижу ничего особенного» и «людям надо предоставить свободу» составила 32%, среди родителей — 5,5%. Хотя значительная часть молодежи и отрицательно относится к однополым бракам, в целом их ответы характеризуют гораздо более терпимую позицию.

Согласно результатам опроса большинство семей является малодетными: среднее число детей у когорты 36–50 лет составило 1,89; 34,5% имеют одного ребенка, 40,4% — двоих детей; значительная часть молодежи выросла в двухдетных — 44% — и однопородных — 30,8% — семьях. Частый ответ на вопрос о желаемом числе детей — «сколько Бог пошлет», причем поколение родителей выбирали этот вариант чаще, чем другие группы — 42,1% (26,6% молодежи, 25,4% подростков). Двухдетную модель семьи выбирает всего 20–25%

респондентов, 9–13% — трех и более детей. Однодетность не приветствуется ни одной возрастной группой, однако 6% придерживаются такой точки зрения. Обращают на себя внимание различия в оценке желательности остаться бездетными: около 5% респондентов в возрасте до 18 лет и 10,8% молодежи предпочитают добровольную бездетность, среди родителей таковых немногим более 1%. Вероятно, можно говорить о значительной дифференциации в будущем модели детности в России: среди молодых людей присутствуют как сторонники многодетности, так и не желающие иметь детей вообще.

Рис. 3. Отношение респондентов к однополым бракам, в %

Особый интерес представляют основные характеристики современной семьи по мнению разных поколений (Табл. 2). Все три возрастные группы поставили на первое место «совместный труд и терпение», но по остальным характеристикам семьи очевидны возрастные (поколенческие) различия. Для родителей важно наличие детей (35,3%) и регистрация брака (34,2%), достаточно часто они полагают, что невозможно сохранять семью с нелюбимым человеком (26,6%) и быть счастливым вне семьи (24,6%). Люди старше 35 лет редко говорят как о значимости патриархальных ценностей, так и о том, что рождение ребенка вне брака — обыденное явление. Молодежь делает акцент на невозможности сохранять семью с нелюбимым человеком (36,5%), необходимости заключать брачный контракт (19,3%), необязательности регистрации брака (18,8%) и возможности быть счастливым без семьи (22,1%). Для подростков также невозможно сохранять семью с нелюбимым человеком (35,4%), а доля признающих важность брачного контракта среди них даже выше (24,6%). В молодом возрасте любовь играет ключевую роль в отношениях, в создании семьи, но, с другой стороны, очевиден и прагматичный взгляд молодых на супружеские отношения, на личные интересы, в том числе экономические, при вступлении брак и при его расторжении.

Таблица 2

«С какими взглядами на семью Вы согласны?», в %

Вариант ответа	Доля опрошенных в возрасте, лет		
	36–50	19–35	15–18
при заключении брака надо оформлять брачный контракт	16,8	19,3	24,6
регистрировать брак не обязательно	6,5	18,8	16,4
нужно венчаться в церкви	7,8	10,2	9,3
сохранять семью с нелюбимым человеком не стоит даже ради детей	26,6	36,5	35,4
брак должен быть обязательно зарегистрирован	34,2	15,4	18,7
развод — это нормально, ничего страшного	8,7	17,6	15,9
семья без детей — это не семья	35,3	15,5	14,7
забота о детях является исключительно обязанностью женщин	3,4	2,1	3,4
девушка должна сохранять девственность до свадьбы	5,6	5,5	6
хорошая жена всегда покорна своему мужу	10,5	7,5	10,6
чтобы быть счастливым, необязательно создавать семью	6,7	22,1	19,4
чтобы завести и воспитать ребенка, необязательно вступать в брак	5,8	12,7	10,8
одиноким человек не может быть счастлив	24,6	12	12,7
семья — это, прежде всего, большой труд и терпение	55	48,1	37,5
другое	1	0,2	1,7

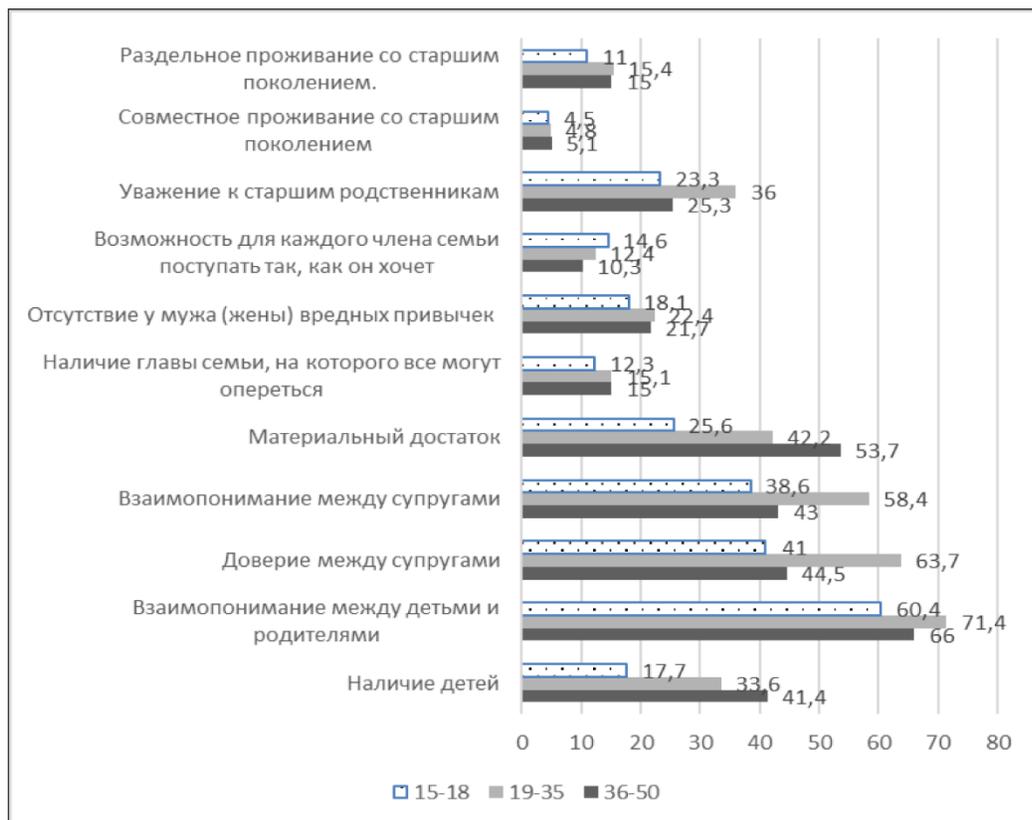
Отношение к разводу разных поколений также нельзя назвать однозначным. С одной стороны, отсутствие любви в браке является основанием для расторжения брака («сохранять семью с нелюбимым человеком не стоит даже ради детей»), с другой стороны, не так много респондентов разделяют мнение, что «развод в наше время — это нормально, ничего страшного». Причем лица старше 35 лет соглашались с этим утверждением в два раза реже, чем молодежь и подростки, т.е. у молодых поколений более спокойное отношение к распаду брака, даже при наличии детей.

Среди респондентов немного сторонников традиционной семьи с четко закрепленными ролями. Лишь примерно каждый десятый считает, что брак должен быть заключен в церкви. Крайне мало сторонников исключения отца из воспитательного процесса, возложение ответственности за воспитание детей исключительно на женщину. Обязательное отсутствие добрачных сексуальных связей для женщин значимо для 5–6%, причем для респондентов всех возрастов. Покорность жены мужу также не ценится — всего 7–10% респондентов разделяют это мнение.

Прослеживаются различия мнений разных поколений по отдельным вопросам, определяющим роль семьи. Так, 24,6% респондентов старше 35 лет считают, что одинокий человек не может быть счастлив, доля молодежи и подростков, придерживающихся такого мнения, — 12–13%. Россияне старше 35 лет практически не представляют, что человек может быть счастлив, не создав семьи (лишь 6,7% допускают такую возможность). Однако среди респондентов до 18 лет 19,4% полагают, что необязательно создавать семью, чтобы быть счастливым, среди молодежи — 22,1%. Это весьма серьезные

различия, характеризующие допустимость добровольного выбора одиночества как образа жизни.

Важнейший индикатор, позволяющий отследить отношение к институту семьи и определить направления его трансформации, — представление об идеальной, счастливой семье (Рис. 4).

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Что для Вас входит в понятие счастливая семья?», в %

Среди характеристик счастливой семьи ведущее место занимают взаимопонимание между ее членами, доверие между супругами и материальный достаток, для родителей и молодежи важна сексуальная жизнь (21,7% и 32,3% соответственно). 41,4% респондентов старше 35 лет считает наличие детей важным условием семейного счастья. Значимость материального достатка для счастья семьи увеличивается по мере взросления: 53,7% респондентов старше 35 лет и 25,6% несовершеннолетних. Сторонников раздельного проживания со старшим поколением в два раза больше, чем сторонников совместного проживания: гораздо больше респондентов отмечает необходимость уважительного отношения к старшим, чем готово проживать вместе. Около 15% считают, что в счастливой семье должен быть глава, на которого все могут опереться (эту группу можно охарактеризовать как сторонников традиционной модели семьи).

Ответы респондентов свидетельствуют о наличии разных взглядов на желаемую модель семьи, и различия определяются не только возрастом. Для выявления типологических групп по критерию предпочтительной модели семьи был проведен кластерный анализ методом Уорда. Для этого были отобраны 18 дихотомических переменных (варианты ответов на вопросы «С какими взглядами на семью Вы согласны?» и «Что для Вас входит в понятие счастливая семья?»). В анализе был использован массив ответов респондентов в возрасте 19–50 лет (842 человека). В результате мы получили четыре типологические группы, различающиеся отношением к важнейшим характеристикам семьи.

1 кластер — самый многочисленный (290 респондентов): максимальная доля тех, кто считает обязательным для счастливой семьи наличие детей (80%), регистрацию брака (98%) и венчание (41%), а также взаимопонимание между супругами (69%). Для них не так важен материальный достаток (лишь для 43%), для трети важно наличие главы семьи, они не считают необходимым условием семейного счастья раздельное проживание со старшим поколением (только 8%) и хорошую сексуальную жизнь (15%). Для 12% важно, чтобы девушка сохраняла девственность до брака.

2 кластер — 254 человек. Лишь для трети важной характеристикой счастливой семьи выступает взаимопонимание супругов, а дети не обязательны (4% полагает, что семья не может быть счастлива без детей). Однако и вне брака лишь 4% допускают рождение ребенка. Респонденты полагают, что необходимо регистрировать брак (88%), но не считают необходимым брачный контракт (86%) и венчание (82%).

3 кластер — 211 человек. 12% полагают, что семья не обязательна, чтобы человек был счастлив (больше, чем в других группах). Среди них больше тех, кто полагает, что ребенка можно завести, не вступая в брак (18%). Лишь каждый пятый (21%) уверен, что «семья без детей — это не семья». 40% считает, что в счастливой семье должен быть материальный достаток, но доля полагающих обязательным условием брачный контракт — самая большая из всех групп (27%). Лишь для 20% важно взаимопонимание супругов, для 57% — наличие детей.

4 кластер — 87 человек. Для них значимы доверительные отношения между супругами (90%), наличие детей (74%) и материальный достаток (78%). По их мнению, в счастливой семье уважительно относятся к старшим (93%), но с ними лучше проживать отдельно (57%). Для 79% важна хорошая сексуальная жизнь.

Различия в возрасте респондентов, вошедших в тот или иной кластер, прослеживается не всегда. Средний возраст респондентов 1 кластера составил 33,3 года, 2 кластера — 30,3 года, 3 кластера — 31 год, 4 кластера — 28,7 лет. Статистически значимые различия в возрасте респондентов из разных кластеров выявляются в большинстве случаев (проверка гипотезы о равенстве средних проводилась с помощью t-критерия, уровень значимости не выше

0,014), за исключением 2 и 3 кластера. Средний возраст респондентов, вошедших в 1 кластер (в несколько большей степени ориентированных на семейный образ жизни), выше, однако в кластерах присутствуют как достаточно традиционные представления (кластер 1, 2), так и довольно эгалитарные (кластер 4). Часть респондентов, видимо, не связывают счастливую жизнь с семьей (кластер 3), причем в этой группе встречаются представители различных возрастов.

***

Анализ мнений россиян позволяет говорить о том, что представления о желаемой модели семьи меняются, значимые различия прослеживаются в ответах разных поколений. В целом очевидны изменения в направлении либерализации норм и установок в отношении брака и семейной жизни (допустимым становится добровольное безбрачие). Судя по ответам молодых респондентов, можно ожидать увеличения числа незарегистрированных браков: часто брак регистрируется после рождения ребенка, т.е. чтобы урегулировать положение ребенка и воспользоваться определенными мерами семейной политики. Нежелание регистрировать брак обусловлено противоречивыми тенденциями: как стремлением снизить уровень регламентации личных взаимоотношений, так и опасением за свои имущественные права.

Среди молодых людей увеличивается доля тех, кто признает значимость брачного контракта и спокойно относится к разводу, особенно если из брака ушла любовь. Молодые люди в большей степени, чем поколение родителей, склонны планировать рождение детей, но репродуктивные ожидания молодежи весьма мозаичны: одни ориентированы на многодетность (около 10% респондентов старше 35 лет), другие выбирают в будущем бездетную жизнь (11%). Можно ожидать, что сохранится тренд на многообразие репродуктивных стратегий. Нельзя однозначно говорить о снижении уровня детности семей — скорее о распространении разных репродуктивных планов.

Данные тенденции — рост числа фактических брачных отношений, разводов в семьях с детьми, популярности брачного договора как инструмента, позволяющего снизить определенные риски развода и т.д. — говорят о необходимости совершенствования семейного законодательства. В частности, действующий Семейный кодекс (1995) не регулирует комплекс вопросов, касающихся жизнедеятельности семей, основанных на незарегистрированном браке. Причем различия во взглядах на желаемую модель семьи проявляются не только между поколениями — группы россиян разных возрастов по-разному представляют модель современной семьи.

Библиографический список

- [1] Аналитический отчет по итогам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2012 году // URL: <https://gks.ru/folder/12781>.

- [2] *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2005.
- [3] *Бауман З.* Текучая современность. СПб., 2008.
- [4] *Вишневский А.Г.* Глобальные детерминанты низкой рождаемости // Синергетика. Будущее мира и России / Под ред. Г.Г. Малинецкого. М., 2008.
- [5] *Вовк Е.* Старика в семье: особенности межпоколенческого взаимодействия // Отечественные записки. 2005. № 3.
- [6] *Волков В.Н.* Постмодерн и его основные характеристики // Культурное наследие России. 2014. № 2.
- [7] *Гидденс Э.* Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. М.—СПб., 2004.
- [8] *Гладникова Е.В.* Межпоколенные трансферты: направление, участники и факторы, их определяющие // Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2007. № 7.
- [9] *Голод С.И.* Семья и брак: Историко-социологический анализ. СПб., 1998.
- [10] *Горшков М.К., Крумм Р., Тихонова Н.Е.* Готово ли российское общество к модернизации? М., 2010.
- [11] *Гурко Т.А.* Теоретические подходы к изучению семьи. М., 2016.
- [12] *Гурко Т.А.* Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. 2017. № 11.
- [13] *Гурко Т.А., Тарченко В.С.* Динамика брачных установок и планов студентов // Социологические исследования. 2019. № 7.
- [14] Данные микропереписи населения России 2015 года // URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html.
- [15] Данные Всероссийской переписи населения 2010 года // URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.
- [16] *Захаров С.В.* Перспективы рождаемости в России. Второй демографический переход // Отечественные записки. 2005. № 3.
- [17] *Захаров С.В.* Новейшие тенденции формирования семьи в России // Мир России. 2007. № 4.
- [18] *Захаров С.В.* Трансформация брачно-парнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М., 2007.
- [19] *Захаров С.В.* Какой будет рождаемость в России // URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0495/print.php>.
- [20] *Зеликова Ю.А.* Влияние социальной политики и родительских ценностей на семейное поведение и воспитание детей: межстрановый анализ // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 3.
- [21] *Ибрагимова Д.Х.* Сколько «стоит» российская бабушка? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М., 2007.
- [22] *Костина Е.Ю., Орлова Н.А., Панфилова А.О.* Состояние системы ценностей как фактор аномии в современном российском обществе // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 4.
- [23] Комплексное обследование условий жизни населения // URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ16/index.html.
- [24] *Кузьмина К.А.* Трансформации модели семьи и потребностей в социальной защите в условиях социально-демографических и социально-экономических перемен // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6. № 2.
- [25] Исследование «Родители и дети» // URL: <https://www.levada.ru/2019/01/28/roditeli-i-deti>.
- [26] *Малева Т.М., Овчарова Л.Н.* Социальная модернизация России: теория, история, вызовы // Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2009. № 10.
- [27] *Миронова А.А.* Родственная межпоколенная солидарность в России // Социологические исследования. 2014. № 10.

- [28] *Носкова А.В.* Новые подходы в семейной политике в контексте меняющихся социальных реалий // Социальная политика и социология. 2016. № 5.
- [29] *Носкова А.В.* Семейная тематика в европейской социологии // Социологические исследования. 2012. № 3.
- [30] *Носкова А.В.* Новые методологические подходы, исследовательские фокусы, дискуссионные проблемы социологии семьи // Социологические исследования. 2015. № 10.
- [31] Особенности российской модели рождаемости // URL: demoscope.ru/weekly/2010/0417/analit04.php.
- [32] Осуждающих аборты стало больше // URL: <https://www.levada.ru/2018/01/11/osuzhdayushih-aborty-stalo-bolshe>.
- [33] Официальный сайт Росстата // URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.
- [34] *Прокофьева Л., Миронова А.* Роль межсемейного обмена в системе материальной поддержки и ухода за пожилыми в современной России // Демографическое обозрение. 2015. № 3.
- [35] Равенство в семье: от деклараций — к реальности? // URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8981>.
- [36] *Ростовская Т.К.* Представления молодых россиян о семейной жизни: социологический ракурс // Вопросы управления. 2015. № 3.
- [37] *Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Безвербная Н.А.* Состояние и перспективы семейной политики в России: социально-демографический анализ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6.
- [38] Семейные роли: представления россиян о роли матери и отца в семье // URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/13670>.
- [39] *Степанов А.М.* Транснациональный подход в современных миграционных исследованиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Социология. 2018. Т. 11. Вып. 1.
- [40] *Сухарев А.Я., Крутских В.Е., Сухарева А.Я.* Большой юридический словарь. М., 2003.
- [41] *Тындик А.О.* Репродуктивные установки и их реализация в современной России // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 10. № 3.
- [42] *Федотова Н.Н.* Мультикультурализм и политика развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. IX. № 3.
- [43] *Чернова Ж., Шпаковская Л.* Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные предписания и практики в современной России // *Laboratorium*. 2010. № 3.
- [44] *Шпаковская Л.Л.* Политика институционализации и практики приватизации семейной жизни: партнерство и брак в России // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 10. № 3.
- [45] *Frejka T.* Parity distribution and completed family size in Europe: Incipient decline of the two-child family model? // *Demographic Research*. 2008. Vol. 19. № 4.
- [46] *Lesthaeghe R.* The unfolding story of the second demographic transition // *Population and Development Review*. 2010. № 2.
- [47] *Lesthaeghe R.* Second demographic transition // URL: http://www.vub.ac.be/SOCO/ron/final_textSDTBasilBlackwellEncyclop.doc.
- [48] *Luhmann N.* Love as Passion: The Codification of Intimacy. Cambridge, 1986.
- [49] *Michielin F., Mulder C.H.* Geographical distances between adult children and their parents in the Netherlands // *Demographic Research*. 2007. Vol. 17. № 22.
- [50] *Mogi R., Canudas-Romo V.* Expected years ever married // *Demographic Research*. 2018. Vol. 38.
- [51] *Roberts R.E.L., Richards L.N., Bengtson V.L.* Intergenerational solidarity in families // S.P. Pfeifer, M.B. Sussman (Eds.). *Families: Intergenerational and Generational Connections*. New York, 1991.

- [52] *Shelton N., Grundy E.* Proximity of adult children to their parents in Great Britain // *International Journal of Population Geography*. 2000. Vol. 6. № 3.
- [53] *Sobotka T.* The diverse faces of the second demographic transition in Europe // *Demographic Research*. 2008. № 19.
- [54] *Van de Kaa D.J.* The second demographic transition revised: Theories and expectations // *Population and Family in the Low Countries*. Lisse, 1993.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-527-545

Transformation of the desired family model in different generations: Results of the All-Russian sociological study*

T.K. Rostovskaya¹, O.V. Kuchmaeva^{1,2}

¹Institute for Demographic Research of the FCTAS RAS
Fotievoy St., 6–1, Moscow, 119333, Russia

²Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991, Russia
(e-mail: kuchmaeva@yandex.ru rostovskaya.tamara@mail.ru)

Abstract. The difficult demographic situation and the search for an effective model of demographic and family policy have revived the discourse about the Russian family model. The article aims at describing general and specific characteristics of the desired family model in different generations to identify vectors of transformation of the family institution and directions of the family policy. The authors' conclusions are based on the statistical data, all-Russian population censuses (2002 and 2010), micro-census (2015), sample surveys of the Federal State Statistics Service, and the results of the authors' research conducted in 2019. Ideas about the desired family model change under the influence of cultural and social-economic factors and differ between generations; therefore, a comparison of the opinions of different generations allow to identify transformations of the desired family model and directions of family policy. Family is still a significant value for Russians, but the model of the desired family changes towards nuclearization, mosaic family life models, decreasing role of formal mechanisms for regulating marriage, and increasing share of people who do not want a family. The discourse about the traditional family model, which is the basis of the Russian family policy, is supported by many Russians only formally. In general, Russians' ideas about the desired family model change in the direction of liberalizing norms and attitudes to marriage and family life, and there are serious generational differences. Methods of multivariate statistical analysis allowed the authors to identify typological groups that differ in their ideas about the happy family.

Key words: transformation of the family institution; family models; family value; family policy; family lifestyle; family structure; marriage

References

- [1] *Analitichesky otchet po itogam vyborochnogo nablyudeniya reproduktivnyh planov nasele-niya v 2012 godu* [Analytical report on the results of the sample study of the reproductive plans of the population in 2012]. URL: <https://gks.ru/folder/12781> (In Russ.).

---

* © T.K. Rostovskaya, O.V. Kuchmaeva, 2020.

The article was submitted on 17.03.2020. The article was accepted on 22.05.2020.

- [2] Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [The Individualized Society]. Moscow; 2005 (In Russ.).
- [3] Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost* [Liquid Modernity]. Saint Petersburg; 2008 (In Russ.).
- [4] Vishnevsky A.G. *Globalnye determinanty nizkoj rozhdaimosti* [Global determinants of low fertility]. *Sinergetika. Budushchee mira i Rossii*. G.G. Malinetsky (Ed.). Moscow; 2008 (In Russ.).
- [5] Vovk E. Stariki v semie: osobennosti mezhpokolencheskogo vzaimodeystviya [Older people in the family: Features of intergenerational interaction]. *Otechestvennye Zapiski*. 2005; 3 (In Russ.).
- [6] Volkov V.N. Postmodern i ego osnovnye kharakteristiki [Postmodern and its main characteristics]. *Kulturnoe Nasledie Rossii*. 2014; 2 (In Russ.).
- [7] Giddens E. *Transformatsiya intimnosti. Seksualnost, lyubov i erotizm v sovremennykh obshchestvakh* [The Transformation of Intimacy. Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies]. Moscow–Saint Petersburg; 2004 (In Russ.).
- [8] Gladnikova E.V. Mezhpokolennye transferty: napravlenie, uchastniki i faktory, ikh opredelyayushchie [Intergenerational transfers: Direction, participants and factors]. *Sotsialnaya Politika: Ekspertiza, Rekomendatsii, Obzory*. 2007; 7 (In Russ.).
- [9] Golod S.I. *Semiya i brak: Istoriko-sociologicheskyy analiz* [Family and Marriage: Historical-Sociological Analysis]. Saint Petersburg; 1998 (In Russ.).
- [10] Gorshkov M.K., Krumm R., Tikhonova N.E. *Gotovo li rossijskoe obshchestvo k modernizatsii?* [Is the Russian Society Ready for Modernization?]. Moscow; 2010 (In Russ.).
- [11] Gurko T.A. *Teoreticheskie podhody k izucheniyu semyi* [Theoretical Approaches to the Study of Family]. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [12] Gurko T.A. Novye semeynye formy: tendentsii rasprostraneniya i ponyatiya [New family forms: Trends of Spread and Concepts]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 2017; 11 (In Russ.).
- [13] Gurko T.A., Tarchenko V.S. Dinamika brachnykh ustanovok i planov studentov [Dynamics of the student marriage attitudes and plans]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 2019; 7 (In Russ.).
- [14] Dannye mikroperepisi naseleniya Rossii 2015 goda [Data of the 2015 Russian micro-census]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (In Russ.).
- [15] Dannye Vserossijskoj perepisi naseleniya 2010 goda [Data of the 2010 All-Russian Census]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (In Russ.).
- [16] Zakharov S.V. Perspektivy rozhdaimosti v Rossii. Vtoroj demografichesky perekhod [Fertility prospects in Russia. Second demographic transition]. *Otechestvennye Zapiski*. 2005; 3 (In Russ.).
- [17] Zakharov S.V. Noveyshie tendentsii formirovaniya semyi v Rossii [The latest trends in the family development in Russia]. *Mir Rossii*. 2007; 4 (In Russ.).
- [18] Zakharov S.V. Transformatsiya brachno-partnerskikh otnoshenij v Rossii: “zolotoj vek” traditsionnogo braka blizitsya k zakatu [Transformation of the marriage-partnership relations in Russia: The “golden age” of the traditional marriage is coming to an end]. *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v semie i obshchestve*. T.M. Maleva, O.V. Sinyavskaya (Eds.). Moscow; 2007 (In Russ.).
- [19] Zakharov S.V. Kakoy budet rozhdaiyemost v Rossii [What the birth rate in Russia will be]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0495/print.php> (In Russ.).
- [20] Zelikova Yu.A. Vliyanie sotsialnoy politiki i roditelskikh tsennostey na semeynoe povedenie i vospitanie detey: mezhranovyy analiz [The impact of social policy and parent values on family behavior and parenting: Cross-cultural analysis]. *Zhurnal Issledovaniy Socialnoy Politiki*. 2012; 10 (3) (In Russ.).
- [21] Ibragimova D.Kh. Skolko “stoit” rossiyskaya babushka? [How much does the Russian grandmother “cost”?]. *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v semie i obshchestve*. T.M. Maleva, O.V. Sinyavskaya (Eds.). Moscow; 2007 (In Russ.).

- [22] Kostina E. Yu., Orlova N.A., Panfilova A.O. Sostoyanie sistemy tsennostey kak faktor anomii v sovremennom rossiyskom obshchestve [The state of the value system as a factor of anomie in the contemporary Russian society]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (4) (In Russ.).
- [23] Kompleksnoe obsledovanie uslovij zhizni naseleniya [Complex study of living conditions]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ16/index.html (In Russ.).
- [24] Kuzmina K.A. Transformatsii modeli semyi i potrebnostey v sotsialnoy zashchite v usloviyakh sotsialno-demograficheskikh i sotsialno-ekonomicheskikh peremen [Transformations of the family model and social protection needs under the social-demographic and social-economic changes]. *Zhurnal Issledovaniy Socialnoj Politiki*. 2008; 6 (2) (In Russ.).
- [25] Issledovanie “Roditeli i deti” [The study “Parents and children”]. URL: <https://www.levada.ru/2019/01/28/roditeli-i-deti> (In Russ.).
- [26] Maleva T.M., Ovcharova L.N. Sotsialnaya modernizatsiya Rossii: teoriya, istoriya, vyzovy [Social modernization of Russia: Theory, history, challenges]. *Sotsialnaya Politika: Ekspertiza, Rekomendatsii, Obzory*. 2009; 10 (In Russ.).
- [27] Mironova A.A. Rodstvennaya mezhpokoleonnaya solidarnost v Rossii [Family intergenerational solidarity in Russia]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 2014; 10 (In Russ.).
- [28] Noskova A.B. Novye podkhody v semeynoy politike v kontekste menyayushchikhsya sotsialnykh realiy [New approaches in family policy under the changing social realities]. *Sotsialnaya Politika i Sociologiya*. 2016; 5 (In Russ.).
- [29] Noskova A.B. Semeynaya tematika v evropeyskoy sotsiologii [Family issues in European sociology]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 2012; 3 (In Russ.).
- [30] Noskova A.B. Novye metodologicheskie podkhody, issledovatel'skie fokusy, diskussionnye problemy sotsiologii semyi [New methodological approaches, research foci, and debates in sociology of family]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 2015; 10 (In Russ.).
- [31] Osobennosti rossiyskoy modeli rozhdayemosti [Features of the Russian fertility model]. URL: demoscope.ru/weekly/2010/0417/analit04.php (In Russ.).
- [32] Osuzhdayushchih aborty stalo bolshe [The number of condemning abortion has increased]. URL: <https://www.levada.ru/2018/01/11/osuzhdayushchih-aborty-stalo-bolshe> (In Russ.).
- [33] Offitsialny sayt Rosstata [The official website of the Federal State Statistics Service]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (In Russ.).
- [34] Prokofieva L., Mironova A. Rol mezhsmeynogo obmena v sisteme materialnoy podderzhki i ukhoda za pozhilymi v sovremennoy Rossii [The role of inter-family exchange in the system of the material support and care for the elderly in contemporary Russia]. *Demograficheskoe Obozrenie*. 2015; 3 (In Russ.).
- [35] Ravenstvo v semie: ot deklaratsij — k realnosti? [Equality in the family: From declarations to reality?]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8981> (In Russ.).
- [36] Rostovskaya T.K. Predstavleniya molodykh rossiyan o semeynoy zhizni: sotsiologicheskyy rakurs [Representations of young Russians about family life: A sociological perspective]. *Voprosy Upravleniya*. 2015; 3 (In Russ.).
- [37] Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V., Bezverbnaya N.A. Sostoyanie i perspektivy semeynoy politiki v Rossii: sotsialno-demograficheskiy analiz [The state and prospects of family policy in Russia: Social-demographic analysis]. *Ekonomicheskie i Socialnye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz*. 2019; 12 (6) (In Russ.).
- [38] Semeynye roli. Predstavleniya rossiyan o roli materi i ottsa v semie [Family roles. Representations of Russians about the role of mother and father in the family]. URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/13670> (In Russ.).
- [39] Stepanov A.M. Transnatsionalny podkhod v sovremennykh migratsionnykh issledovaniyakh [Transnational approach in the contemporary migration studies]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Seriya: Sociologiya*. 2018; 11 (1) (In Russ.).
- [40] Sukharev A.Ya., Krutskikh V.E., Sukhareva A.Ya. Bolshoj yuridicheskij slovar [Law Dictionary]. Moscow; 2003 (In Russ.).

- [41] Tyndik A.O. Reproduktivnye ustanovki i ikh realizatsiya v sovremennoy Rossii [Reproductive attitudes and their realization in contemporary Russia]. *Zhurnal Issledovaniy Socialnoj Politiki*. 2017; 10 (3) (In Russ.).
- [42] Fedotova N.N. Multikulturalizm i politika razvitiya [Multiculturalism and development policy]. *Zurnal Sotsiologii i Sotsialnoj Antropologii*. 2006; IX (3) (In Russ.).
- [43] Chernova Zh., Shpakovskaya L. Molodye vzroslye: supruzhestvo, partnerstvo i roditelstvo. Diskursivnye predpisaniya i praktiki v sovremennoy Rossii [Young adults: Matrimony, partnership and parenthood. Discursive regulations and practices in contemporary Russia]. *Laboratorium*. 2010; 3 (In Russ.).
- [44] Shpakovskaya L.L. Politika institutsializatsii i praktiki privatizatsii semeynoy zhizni: partnerstvo i brak v Rossii [The policy of institutionalization and practices of privatizing family life: Partnership and marriage in Russia]. *Zhurnal Issledovaniy Socialnoj Politiki*. 2017; 10 (3) (In Russ.).
- [45] Frejka T. Parity distribution and completed family size in Europe: Incipient decline of the two-child family model? *Demographic Research*. 2008; 19 (4).
- [46] Lesthaeghe R. The unfolding story of the second demographic transition. *Population and Development Review*. 2010; 2.
- [47] Lesthaeghe R. Second demographic transition. URL: http://www.vub.ac.be/SOCO/ron/final_textSDTBasilBlackwellEncyclop.doc.
- [48] Luhmann N. *Love as Passion: The Codification of Intimacy*. Cambridge; 1986.
- [49] Michielin F., Mulder C.H. Geographical distances between adult children and their parents in the Netherlands. *Demographic Research*. 2007; 17 (22).
- [50] Mogi R., Canudas-Romo V. Expected years ever married. *Demographic Research*. 2018; 38.
- [51] Roberts R.E.L., Richards L.N., Bengtson V.L. Intergenerational solidarity in families. S.P. Pfeifer, M.B. Sussman (Eds.). *Families: Intergenerational and Generational Connections*. New York; 1991.
- [52] Shelton N., Grundy E. Proximity of adult children to their parents in Great Britain. *International Journal of Population Geography*. 2000; 6 (3).
- [53] Sobotka T. The diverse faces of the second demographic transition in Europe. *Demographic Research*. 2008; 19.
- [54] Van de Kaa D.J. The second demographic transition revised: Theories and expectations. *Population and Family in the Low Countries*. Lisse; 1993.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-546-559

Репродуктивное поведение российских женщин в зависимости от образовательного статуса*

В.Н. Архангельский¹, С.Г. Шульгин², Ю.В. Зинькина^{2,3}

¹НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента
Департамента здравоохранения города Москвы
Большая Татарская, 30, Москва, 115184, Россия

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия

³Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Россия
(e-mail: archangelsky@yandex.ru; sergey@shulgin.ru; juliazin@list.ru)

Разнообразным эффектам влияния образования женщин на социальные процессы и, в частности, на снижение рождаемости в обществах на второй стадии демографического перехода посвящено значительное количество исследований. Однако в обществах, завершивших этот переход, связь между данными явлениями меняется, что требует отдельного изучения. Понимание того, как женское образование влияет на рождаемость в России, необходимо в контексте оценки эффективности социальной и демографической политики. Цель исследования — анализ различий в показателях рождаемости и в репродуктивных установках женщин в зависимости от уровня образования. Исследование основано на данных выборочного наблюдения репродуктивных планов населения 2017 и 2012 годов и Всероссийской переписи населения 2010 года. Результаты в целом подтверждают общемировую тенденцию: у женщин с высоким образовательным статусом число детей в среднем меньше, чем у женщин с более низким уровнем образования; у первых также в среднем выше возраст матери при рождении первого ребенка и больше интергенетические интервалы. Анализ репродуктивных установок и намерений показывает, что у женщин с высшим и послевузовским образованием больше разрыв между средним желаемым и ожидаемым числом детей. Среди факторов, препятствующих рождению желаемого числа детей, женщины почти всех уровней образования чаще всего называют материальные и жилищные трудности и неуверенность в завтрашнем дне, однако женщины с высшим и послевузовским образованием реже упоминают эти причины — при принятии решения о рождении ребенка им важнее совмещать материнство и трудовую деятельность, для них также значимо качество услуг в разных сферах жизнедеятельности.

Ключевые слова: рождаемость; репродуктивные установки; женское образование; социально-демографическое обследование; социально-демографическая политика; средний возраст матери; мотивы рождения детей

Тот факт, что охват женского населения образованием и повышение уровня женского образования — одни из самых сильных факторов снижения рождаемости (более сильные, чем культурные и экономические факторы) в обществах, проходящих вторую фазу демографического перехода, был

* © Архангельский В.Н., Шульгин С.Г., Зинькина Ю.В., 2020.

Статья поступила 01.11.2019 г. Статья принята к публикации 02.03.2020 г.

установлен в масштабном европейском обследовании, проведенном группой демографов под руководством Э. Коула в конце 1970-х — начале 1980-х годов [16]. Однако как влияет женское образование на рождаемость в социумах, завершивших демографический переход, многие из которых (в частности, европейские страны и Россия) пережили в недавнем прошлом период сверхнизкой рождаемости? В России тенденция к росту рождаемости наблюдалась уже в 2001–2003 годы и заметно усилилась после 2007 года, чему способствовали меры поддержки семей с детьми (в частности, материнский капитал [2]). Впрочем, эффективность стимулирующих мер социально-демографической политики различалась для разных социальных групп. Кроме того, в последние несколько лет в России вновь наблюдается сокращение показателей рождаемости, что актуализирует анализ дифференциации рождаемости по разным социальным показателям в интересах более эффективной социально-демографической политики.

Цель работы — выявление особенностей репродуктивного поведения женщин в зависимости от их уровня образования. Образовательный статус является одним из значимых социальных факторов, детерминирующих различия в уровне рождаемости. Результаты переписей населения России 2002 и 2010 годов показывают, что у женщин, имеющих более высокий уровень образования, число рожденных детей в среднем меньше [9. С. 528; 10. С. 742]. Уровень образования женщин — детерминанта репродуктивных ориентаций во многих социологических проектах: в частности, исследования, проведенные в России, показали более низкие репродуктивные ориентации у женщин с высоким образовательным статусом [3. С. 116; 4. С. 96]. Это подтверждают и микропереписи населения [11. С. 78; 14. С. 273]. Однако в основном речь идет об ожидаемом числе детей, тогда как желаемое число детей, наоборот, в среднем несколько больше у имеющих более высокий уровень образования или образовательная дифференциация по этому показателю не отмечена. Исследования, в которых было выявлено одновременно желаемое и ожидаемое число детей, высокий уровень образования женщин часто вел к относительно большому разрыву в их величине [1; 12; 15; 13]. Можно предположить, что женщины с разным уровнем образования по-разному реагируют на меры социально-демографической политики [8. С. 25–26].

Данное исследование основано главным образом на данных выборочного наблюдения репродуктивных планов населения, проведенного Росстатом в 2017 году и охватившего 15 тысяч домохозяйств: опрашивался один член домохозяйства — женщина 18–44 лет или мужчина 18–60 лет. Анализируя результаты этого обследования, следует помнить, что это общие данные по России, но имеют место региональные различия в образовательной структуре женщин, а следовательно, и региональные особенности тех или иных показателей рождаемости и репродуктивных установок. Также в статье использованы результаты аналогичного наблюдения репродуктивных планов населения,

проведенного Росстатом в 2012 году, но охватившего лишь 30 регионов, а также результаты переписи населения 2010 года.

Данные переписей населения и выборочных социологических исследований показывают, что у более образованных женщин в среднем меньше число рожденных детей. Так, по данным 2010 года в возрастной группе 45–49 лет у женщин с высшим и послевузовским образованием среднее число рожденных детей (1,51) оказалось меньше, чем у женщин с более низким уровнем образования, и чем он ниже, тем больше среднее число рожденных детей (неполное высшее — 1,63, среднее профессиональное — 1,75, начальное профессиональное — 1,94, среднее общее — 2,02, основное общее — 2,36). Конечно, величина этих показателей зависит и от различий в региональной образовательной структуре: например, относительно большее представительство регионов с низкой рождаемостью в группе женщин с высшим и послевузовским образованием покажет меньшее среднее число рожденных ими детей. Образовательные различия имеют место и на региональном уровне, хотя выражены в разной степени. Например, в Москве у женщин в 45–49 лет с высшим и послевузовским образованием среднее число рожденных детей — 1,37, с неполным высшим — 1,43, средним профессиональным — 1,46, начальным профессиональным — 1,42, средним общим — 1,54, с основным общим — 1,55 [10. С. 742, 761]. Аналогичные различия среднего числа рожденных детей у женщин с разным образовательным статусом показало и обследование 2017 года: у женщин старше 35 лет с высшим профессиональным и послевузовским образованием этот показатель практически такой же, как у имеющих неполное высшее образование, а у женщин с более низким образовательным статусом среднее число рожденных детей значительно больше (Табл. 1).

Таблица 1

Среднее число рожденных детей

Уровень образования	Все женщины	Возраст (лет)				
		до 25	25–29	30–34	35–39	40+
начальное общее	1,46	0,28	1,72	2,31	1,93	1,69
основное общее	1,46	0,38	1,48	1,6	2,23	1,96
среднее общее	1,09	0,15	1,21	1,65	1,71	1,6
среднее профессиональное	1,25	0,35	0,98	1,43	1,49	1,46
неполное высшее профессиональное	0,58	0,07	0,52	1,35	1,31	1,28
высшее профессиональное и послевузовское	1,07	0,18	0,68	1,15	1,33	1,28

^{*} Здесь и далее (если не оговаривается особо) приведены результаты авторских расчетов по [7].

Зависимость среднего числа рожденных детей от уровня образования нарушается только у женщин с начальным общим образованием: этот показатель у них ниже, чем у имеющих основное общее образование. Однако, во-первых, численность имеющих начальное общее образование невелика, и возможны случайные колебания величины, о чем косвенно свидетельствует характер возрастных различий этого показателя; во-вторых, завершение образования общим начальным у части женщин может быть обусловлено

состоянием здоровья, которое влияет и на число рожденных детей. Следует отметить, что в возрастной группе 35–39 лет среднее число рожденных детей у женщин всех образовательных статусов выше, чем у женщин более старшего возраста. Возможно, это отчасти связано с тем, что первые были в активном репродуктивном возрасте в период реализации дополнительных мер поддержки семей с детьми, введенных в 2007 году — когда им было 25–29 лет. В группе 25–29-летних женщин с высшим (полным и неполным) и послевузовским образованием отличие среднего числа рожденных детей от имеющих более низкий образовательный статус еще больше, чем в более старших возрастах, что косвенно свидетельствует о более позднем возрасте рождения детей этими женщинами: по данным 2010 года, 45–49-летние женщины с начальным общим образованием родили первого ребенка в среднем в 22,1 года, с основным общим — в 21,65, со средним общим — в 22,08, с начальным профессиональным — в 22,25, со средним профессиональным — в 22,75, с неполным высшим — в 23,39, с высшим профессиональным и послевузовским — 24,4 (расчеты по [5]).

Как и со средним числом рожденных детей, нужно помнить, что образовательные различия в среднем возрасте матери при рождении первого ребенка в целом по стране могут быть обусловлены различными социальными установками в региональной структуре женщин разного образовательного статуса, т.е., например, если в регионах с более высокой долей женщин с высшим профессиональным и послевузовским образованием в принципе (независимо от уровня образования) распространено относительно позднее начало деторождения. Однако эти различия проявляются и на региональном уровне: например, в Москве у женщин 45–49 лет с начальным общим образованием средний возраст рождения первого ребенка составил 23,14 года, с основным общим — 23,03, средним общим — 23,33, начальным профессиональным — 23,49, средним профессиональным — 23,55, неполным высшим — 23,92, высшим профессиональным и послевузовским — 24,69 (расчеты по [5]).

Статистические данные и целый ряд исследований [16; 18] показывают, что относительно меньшее итоговое число рожденных детей сопряжено с более поздним возрастом рождения первого ребенка. Учитывая, что у женщин с более высоким уровнем образования в среднем меньше детей, можно допустить, что именно этот фактор, а не образовательный статус, определяет более позднее начало деторождения. Для подтверждения этого предположения необходимо сравнить средний возраст матери при рождении первого ребенка у женщин с разным уровнем образования в группах, однородных по итоговому числу рожденных детей (Табл. 2 — расчеты по [5]).

У женщин с тремя и более детьми первый ребенок появился в среднем в более раннем возрасте, и намного позже начали деторождение женщины, которые ограничились одним ребенком. Интересно, что разница в среднем возрасте матери при рождении первого ребенка у родивших одного и троих детей мало зависит от уровня образования (не считая имеющих начальное общее

образование): от 2,83 у имеющих высшее образование до 3,19 у имеющих основное общее. Столь же незначительно зависит от образования средний возраст начала деторождения у родивших одного и двоих детей (от 2,19 года у имеющих начальное профессиональное до 2,44 — с основным общим), двоих и троих детей (от 0,53 года у имеющих высшее профессиональное и послевузовское до 0,75 — с основным общим). У родивших троих, четверых и пятерых детей средний возраст рождения первого ребенка мало отличается (кроме имеющих начальное и основное общее образование).

Таблица 2

**Средний возраст при рождении первого ребенка у женщин 45–49 лет
в зависимости от числа рожденных детей (лет)**

Уровень образования	Число рожденных детей				
	1	2	3	4	5
начальное общее	24,72	22,2	21,3	21,1	20,66
основное общее	23,99	21,55	20,8	20,68	20,39
среднее общее	23,99	21,65	21,04	21,07	20,93
начальное профессиональное	24,03	21,84	21,16	21,07	21,09
среднее профессиональное	24,35	22,09	21,41	21,36	21,3
неполное высшее профессиональное	24,78	22,56	21,86	21,78	21,83
высшее профессиональное и послевузовское	25,69	23,39	22,86	22,85	22,89

В группах женщин с одинаковым числом рожденных детей средний возраст при рождении первого ребенка больше при более высоком уровне образования, хотя различия меньше, чем в целом по женщинам, независимо от числа детей. По данным выборочного наблюдения репродуктивных планов населения 2012 года, у женщин старше 40 лет с высоким уровнем образования существенно больше и средний интервал между рождениями первого и второго ребенка: основное общее — 52,1 месяцев, среднее общее — 59, начальное профессиональное — 58,5, среднее профессиональное — 63,6, неполное высшее — 65,3, высшее профессиональное и послевузовское — 66,3 ([6]).

В зависимости от уровня образования различаются не только число детей, возраст начала деторождения и интервалы между рождениями детей, но и репродуктивные ориентации женщин (Табл. 3). Результаты выборочного обследования 2017 года показали, что женщины с более высоким образовательным статусом хотели бы иметь в среднем меньше детей: наименьшее среднее желаемое число детей — у имеющих неполное и полное высшее образование.

Таблица 3

Средние желаемое и ожидаемое числа детей (расчеты по [7])

Уровень образования	Среднее желаемое число детей	Среднее ожидаемое число детей	Разница между средними
начальное общее	2,6	2,24	0,36
основное общее	2,42	2,19	0,23
среднее общее	2,26	2,05	0,21
среднее профессиональное	2,17	1,88	0,29
неполное высшее профессиональное	2,05	1,89	0,16
высшее профессиональное и послевузовское	2,1	1,8	0,3

Что касается ожидаемого числа детей, то у женщин с высшим и послевузовским образованием оно существенно ниже, чем у имеющих более низкий уровень образования, и несколько больше разница между средними желаемым и ожидаемым числом детей. Аналогичная ситуация была отмечена и в других исследованиях [12; 13; 15]. Мотивация рождения второго ребенка мало различается у женщин с разным уровнем образования, но по ряду из 14 факторов, представленных в анкете, наблюдаются некоторые различия в зависимости от уровня образования (Табл. 4 — представлены только те мотивы, в отношении которых можно говорить о различиях по уровню образования [7]).

Таблица 4

**Мотивы рождения двух и более детей
(доля ответивших «сильно повлияло» и «очень сильно повлияло»), в %**

В какой степени на Ваше желание иметь не менее двух детей повлияло:	Уровень образования				
	основное общее	среднее общее	среднее профессиональное	неполное высшее	высшее и послевузовское
С двумя детьми больше гарантий, что получишь от детей поддержку в старости, не останешься одиноким	12,6	13,9	10,1	11	9,6
Двое детей повышают авторитет человека в обществе	7,1	8	4,6	5	4,4
Чтобы имеющийся ребенок не чувствовал себя одиноким	12,7	16,8	13,4	15,7	17,2
Второго ребенка иметь не собирались, но, когда случилась беременность, решили не делать аборт	12,8	6,4	6,6	8,3	3,9
Хотелось (хочется) снова иметь в семье маленького ребенка	9,5	9,5	9,3	6,1	10,3

Женщины с высшим и послевузовским образованием несколько реже отмечали среди факторов, сильно и очень сильно повлиявших на их желание иметь не менее двух детей, то, что двое детей дают больше гарантий поддержки в старости (9,6% против 12,6% у женщин с основным общим образованием и 13,9% — со средним общим) и то, что двое детей повышают авторитет человека (4,4% против соответственно 7,1% и 8%). Учитывая, что женщины с высшим и послевузовским образованием намного реже отмечали, что «второго ребенка иметь не собирались, но, когда случилась беременность, решили не делать аборт», они, вероятно, эффективнее планируют сроки рождения детей. С другой стороны, женщины с высшим и послевузовским образованием несколько чаще отмечали психологические мотивы рождения второго ребенка: «чтобы имеющийся ребенок не чувствовал себя одиноким» и «хотелось (хочется) снова иметь в семье маленького ребенка».

Схожая ситуация имеет место и в отношении мотивов рождения третьего ребенка, но здесь перечень тех, что различаются по образовательному уровню, несколько шире (Табл. 5 — представлены только те мотивы, в

отношении которых можно говорить о различиях по уровню образования [7]). Женщины с высшим и послевузовским образованием реже отмечали сильное или очень сильное влияние на желание иметь не менее трех детей экономических мотивов: «с тремя детьми больше гарантий, что получишь от детей поддержку в старости, не останешься одиноким» (10,9% против 18,3% у женщин с основным общим образованием и 19% — со средним общим); «трое детей в будущем смогут больше помогать по дому, в подсобном хозяйстве» (6% против соответственно 13,3% и 12,3%); «семьи с тремя и более детьми имеют значительную материальную помощь от государства» (10,3% против 19% и 17,2%); «на третьего ребенка предоставляется ежемесячная денежная выплата в размере прожиточного минимума до достижения возраста трех лет» (11% против 24% и 18,9%); «желание решить жилищные проблемы, используя государственную поддержку (региональный материнский (семейный) капитал), «бесплатное предоставление земельного участка для индивидуального жилищного строительства» (15,1% против 22,2% и 24,6%).

Таблица 5

**Мотивы рождения трех и более детей у женщин
(доля ответивших «сильно повлияло» и «очень сильно повлияло»), в %**

В какой степени на Ваше желание иметь не менее трех детей повлияло:	Уровень образования				
	основное общее	среднее общее	среднее профессиональное	неполное высшее	высшее и послевузовское
С тремя детьми больше гарантий, что получишь от детей поддержку в старости, не останешься одиноким	18,3	19	9,8	17,5	10,9
Трое детей повышают авторитет человека в обществе	13,4	9,9	5,7	7,7	5,3
Желание иметь ребенка другого пола, если первые двое детей одного пола	22,3	21	13,4	23,7	12,1
Третьего ребенка иметь не собирались, но, когда случилась беременность, решили не делать аборт	7,4	12	7,8	4,9	4,7
Трое детей в будущем смогут больше помогать по дому, в подсобном хозяйстве	13,3	12,3	7,2	10,9	6
У многих друзей, знакомых трое детей, не хотелось (не хочется) от них отставать	6,0	6,1	3,1	3,3	2,2
Хотелось (хочется), чтобы старшие дети научились заботиться о младших	18,8	16,2	7,8	14,6	10
У моих родителей или у родителей супруга/партнера было трое (или более) детей	8,3	7,1	4,2	7,3	3,2
Мы не ограничиваем число детей в семье, их должно быть столько, сколько Бог даст	14,0	13,0	5,6	10,5	6,2
Хотелось (хочется) снова иметь в семье маленького ребенка	15,1	12,4	10,7	13,7	10,9
Семьи с тремя и более детьми имеют значительную материальную помощь от государства	19,0	17,2	12,2	13,7	10,3
На третьего ребенка предоставляется ежемесячная выплата в размере прожиточного минимума до достижения 3-х лет	24	18,9	12,3	16,7	11
Желание решить жилищные проблемы, используя государственную поддержку (региональный материнский (семейный) капитал, бесплатное предоставление земельного участка для индивидуального жилищного строительства)	22,2	24,6	16,6	23	15,1

Как и в отношении второго ребенка, при более высоком образовательном статусе, вероятно, имеет место и более эффективное регулирование деторождения, о чем свидетельствует меньшая доля отметивших влияние такого фактора, как непрерывание беременности (4,7% с высшим и послевузовским образованием и 4,9% с неполным высшим против 7,4% с основным общим, 12% со средним общим и 7,8% со средним профессиональным) и «мы не ограничиваем число детей в семье, их должно быть столько, сколько Бог даст» (6,2% с высшим и послевузовским и 5,6% со средним профессиональным против 14% с основным общим и 13% со средним общим). Более слабое желание иметь третьего ребенка у женщин с высшим и послевузовским образованием нашло отражение и в меньшей доле отметивших влияние потребности иметь ребенка другого пола при однополых двух детях (12,1% против 22,3% у женщин с основным общим образованием и 21% — со средним общим). Как и в отношении двух детей, женщины с высшим и послевузовским образованием реже отмечали, что «трое детей повышают авторитет человека» (5,3% против соответственно 13,4% и 9,9%).

С более слабым желанием иметь троих детей у женщин с высшим и послевузовским образованием, видимо, связана и несколько меньшая доля отметивших влияние психологических мотивов (в отношении второго ребенка они упоминались чаще). Сильное желание снова иметь в семье маленького ребенка отметили 10,9% респонденток с высшим и послевузовским образованием (против 15,1% среди имеющих основное общее и 12,4% — среднее общее). То, что третий ребенок позволит старшим детям проявлять заботу о младших, упомянули 10% женщин с высшим и послевузовским образованием, 16,2% — со средним общим, 18,8% — с основным общим. Образовательный статус детерминирует и различия мотивов происхождения и социального окружения: сильное влияние на желание иметь не менее трех детей такого фактора, как трое или более детей у родителей — своих или мужа — отметили 3,2% имеющих высшее и послевузовское образование, 8,3% — с основным общим, 7,1% — со средним общим. Важное значение многодетности друзей и знакомых придают примерно по 6% женщин с основным и средним общим образованием, среди женщин с высшим образованием — 2,2%.

Важным фактором репродуктивных решений, видимо, является и то, как воспринимается еще один ребенок с точки зрения последствий для разных сфер жизни, и по ряду из них (профессия и досуг) наблюдаются различия по образовательному статусу (Табл. 6 — представлены только аспекты с отличиями по уровню образования [7]).

Данные обследования 2017 года показали, что среди женщин с высшим и послевузовским образованием доля негативно оценивших возможное влияние ребенка на свой профессиональный рост составляет 21,9%, еще выше она у женщин с неполным высшим образованием — 27,8%. Среди имеющих основное общее образование эта доля — 13,8%, среднее общее — 11,6%, среднее профессиональное — 12,9%. Наибольшая доля тех, кто негативно оценил

возможное влияние ребенка на общение с друзьями и полноценный отдых, — среди женщин с неполным высшим образованием (25,5% и 53,1%), несколько ниже — у респонденток с высшим и послевузовским (16,2% и 44,3%), еще ниже — с основным общим (10,7% и 39,2%), средним общим (9,9% и 36%) и средним профессиональным (12,4% и 39,7%).

Таблица 6

**Доля негативно оценивших последствия
возможного появления ребенка для разных сфер жизни, в %**

Если бы в Вашей семье появился (еще один) ребенок, то как это повлияло бы на...? Вариант: станет хуже	Уровень образования				
	основное общее	среднее общее	среднее профессиональное	неполное высшее профессиональное	высшее профессиональное и послевузовское
Ваш профессиональный рост	13,8	11,6	12,9	27,8	21,9
Общение с друзьями	10,7	9,9	12,4	25,5	16,2
Возможность полноценно отдыхать	39,2	36	39,7	53,1	44,3

В социологических исследованиях репродуктивного поведения у респондентов традиционно спрашивают о препятствиях для рождения желаемого числа детей. Оставляя за рамками рассмотрения вопрос о том, что может влиять на ответы об этих помехах и как их корректно трактовать [1. С. 225–244], отметим, что результаты обследования 2017 года показали некоторые различия в оценке женщинами помех к рождению желаемого числа детей в зависимости от образовательного статуса (Табл. 7 — представлены только препятствия, различающиеся по уровню образования [7]).

Таблица 7

Доля оценивших причины как «очень мешающие» иметь желаемое число детей, в %

Укажите, что и в какой степени мешает лично Вам иметь желаемое число детей? Вариант: очень мешает	Уровень образования				
	основное общее	среднее общее	среднее профессиональное	неполное высшее	высшее и послевузовское
Сложные взаимоотношения в семье	6,6	12,7	12,1	9,7	5,8
Отсутствие работы	15,9	17,9	10,5	17,9	7,8
Материальные трудности	30,5	28,7	24,7	36,5	17,9
Неуверенность в завтрашнем дне	30,0	28,7	23,2	36,2	15,5
Жилищные трудности	23,7	30,3	19,3	34,7	14,9

Женщины с высшим и послевузовским образованием реже отмечали такие помехи для рождения желаемого числа детей, как материальные и жилищные трудности, неуверенность в завтрашнем дне, сложные взаимоотношения в семье и отсутствие работы. Оценка влияния помощи семьям с детьми на репродуктивное поведение мало различается в зависимости от уровня образования женщин (Табл. 8) — можно лишь отметить более низкую долю женщин с высшим образованием, считающих, что меры помогли принять решение о рождении ребенка, которого без этого не могли бы себе позволить. Образовательных различий в оценке влияния помощи семьям с детьми на

решение о рождении ребенка нет и по вторым рожденьям, на поддержку которых во многом ориентированы меры, реализуемые в России с 2007 года.

Таблица 8

Мнение женщин о влиянии дополнительных мер господдержки семей с детьми на решение о рождении ребенка, в %

Уровень образования	Помогло ли Вам принять решение о рождении ребенка то, что начали реализовываться дополнительные меры господдержки семей с детьми?			
	помогло, появился ребенок, рождение которого до этого откладывали	эти меры помогли принять решение о рождении ребенка, которого без этого не могли себе позволить	не помогло	трудно сказать
основное общее	15,8	17,3	52,9	14
среднее общее	25,2	15	45,1	14,7
среднее профессиональное	21,5	13,8	52	12,7
неполное высшее	16,2	12,2	50,6	21
высшее и послевузовское	18,6	10,9	54,5	16

Более существенны образовательные различия в оценке влияния мер господдержки на решение о рождении третьего ребенка: среди имеющих основное общее образование 38,6% отметили, что без этих мер не смогли бы позволить себе рождение третьего ребенка, среди имеющих среднее общее таких 25,2%, среднее профессиональное — 21,1%, неполное высшее — 18,5%, высшее и послевузовское — 10,4%.

У женщин с разным образовательным статусом несколько различается значимость условий жизни при принятии решения о рождении ребенка (Табл. 9).

Для женщин с более высоким уровнем образования более значимы условия жизни, связанные с совмещением профессиональной деятельности с воспитанием детей, — возможность гибкого режима труда, удаленность работы от места жительства, качество работы яслей и детских садов. Вероятно, женщины с более высоким уровнем образования склонны несколько выше оценить качество услуг в разных сферах жизнедеятельности — работу организаций медицинского обслуживания детей, их режим работы и доступность, аналогичные характеристики и ценовую доступность услуг культурно-образовательных и физкультурно-спортивных организаций для детей, работу организаций медицинского обслуживания беременных и рожениц — квалификацию медицинского персонала, оснащение современным оборудованием. Значение уровня заработной платы супруга/партнера в среднем выше значения собственного заработка у женщин всех образовательных статусов, но разница у более образованных женщин здесь несколько меньше, т.е. они в большей степени склонны рассчитывать на себя.

**Оценка значимости условий жизни при принятии решения о рождении ребенка
(средний балл по 5-балльной шкале)**

	Уровень образования				
	основное общее	среднее общее	среднее профессиональное	неполное высшее	высшее и послевузовское
При принятии решения о рождении ребенка (первого, если у Вас нет детей, или еще одного), в какой мере лично для Вас значимы перечисленные ниже характеристики условий жизни?					
Возможность использования режима труда, учитывающего необходимость ухода за маленьким ребенком (гибкий график, неполный рабочий день или неделя, работа на дому — дистанционно)	3,2	3,63	3,69	3,88	3,8
Удаленность работы от места жительства, время и силы, затрачиваемые на поездки на работу и с работы	3,19	3,7	3,74	3,88	3,87
Качество работы яслей и детских садов (небольшие группы, квалификация воспитателей, питание и т.д.), режим и продолжительность их работы, их доступность (отсутствие очередей, невысокая плата)	3,69	4,11	4,13	4,31	4,25
Качество работы организаций медицинского обслуживания детей, режим их работы, доступность	4	4,27	4,32	4,44	4,37
Наличие собственного благоустроенного жилья, позволяющего иметь ребенка	4,31	4,59	4,55	4,65	4,57
Режим работы, доступность, качество услуг организаций бытового обслуживания, магазинов	3,6	3,82	3,78	3,95	3,84
Режим работы, доступность, качество доступных по цене услуг культурно-образовательных и физкультурно-спортивных организаций для детей	3,55	3,84	3,81	3,96	3,92
Режим работы, доступность, качество услуг организаций для семейного отдыха	3,39	3,69	3,67	3,87	3,77
Равное распределение семейных обязанностей между супругами/партнерами	3,47	3,66	3,62	3,81	3,72
Уровень Вашей заработной платы	3,97	4,43	4,42	4,5	4,49
Уровень заработной платы супруга/партнера	4,28	4,61	4,51	4,64	4,56
Меры государственной поддержки семей с детьми	4,1	4,38	4,32	4,28	4,26
Качество работы организаций медицинского обслуживания беременных и рожениц, квалификация медицинского персонала, оснащение современным оборудованием	4,2	4,32	4,34	4,41	4,4

***

Образовательный статус женщин — чрезвычайно важный фактор, влияющий не только на среднее число рожденных детей, но и на репродуктивное поведение. Данные социально-демографического обследования 2017 года подтвердили результаты ряда социологических исследований, согласно которым у женщин с высшим образованием наблюдается относительно больший разрыв между желаемым и ожидаемым числом детей (причем среднее ожидаемое число детей у них меньше по сравнению с имеющими более низкий уровень образования, а среднее желаемое число детей — несколько выше только по сравнению с имеющими неполное высшее образование). В принципе разница между желаемым и ожидаемым числом детей может рассматриваться как своего рода индикатор условий реализации потребности в детях, т.е. у

женщин с высшим образованием эти условия несколько хуже. Точнее, не сами эти условия в объективном смысле, а их субъективное восприятие, на которое влияет уровень притязаний, во многом определяемый ценностными ориентациями и социальными нормами. Однако результаты обследования 2017 года показали, что женщины с высшим образованием намного реже отмечали в качестве факторов, мешающих иметь желаемое число детей, материальные и жилищные трудности и неуверенность в завтрашнем дне. В то же время женщины с высшим образованием могут несколько завышать желаемое число детей [1. С. 57]).

У женщин с высшим образованием в несколько большей степени проявляются психологические мотивы рождения второго ребенка (чтобы первый не чувствовал себя одиноким, желание снова иметь маленького ребенка), но не третьего. Они в меньшей степени связывают рождение второго и третьего ребенка с экономическими мотивами (будущая поддержка в старости, помощь в домашнем хозяйстве, материальная помощь от государства) и с авторитетом в обществе, т.е. демонстрируют меньшую зависимость своего репродуктивного поведения от мнения окружающих и социальных норм. В целом следует отметить более слабую мотивацию рождения третьего ребенка у женщин с высшим образованием и их более четкое планирование рождения детей, поэтому у них в среднем больший интервал между рождениями первого и второго ребенка. Для женщин с более высоким уровнем образования при принятии решения о рождении ребенка более значимы факторы, позволяющие совмещать материнство и трудовую деятельность, они чаще учитывают в своем репродуктивном поведении возможное негативное влияние появления еще одного ребенка на их профессиональный рост. Все это ведет к меньшему числу рожденных детей у женщин с более высоким уровнем образования, более позднему началу деторождения и относительно большим интервалам между рождениями детей. Рост доли женщин с высшим образованием и особенности их репродуктивного поведения необходимо учитывать не только в социально-демографической политике, но и при разработке прогнозных сценариев рождаемости.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда. Проект № 17-78-20096.

Библиографический список

- [1] *Архангельский В.Н.* Факторы рождаемости. М., 2006.
- [2] *Архангельский В.Н., Зинькина Ю.В., Коротаев А.В., Шульгин С.Г.* Современные тенденции рождаемости в России и влияние мер государственной поддержки // Социологические исследования. 2017. № 3.
- [3] *Белова В.А., Дарский Л.Е.* Статистика мнений в изучении рождаемости. М., 1972.
- [4] *Борисов В.А., Синельников А.Б.* Брачность и рождаемость в России: демографический анализ. М., 1995.

- [5] Всероссийская перепись населения 2010 года. База микроданных // URL: <http://vprmicrodata.gks.ru/webapi/jsf/tableView/tableView.xhtml>.
- [6] Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения 2012 года. База микроданных // URL: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/tableView.xhtml>.
- [7] Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения 2017 года. База микроданных URL: // <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/tableView.xhtml>.
- [8] *Исупова О.Г.* Отношение к мерам стимулирования рождаемости по данным микропереписи 2015 г. // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5. № 3.
- [9] Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 12: Рождаемость. М., 2005.
- [10] Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 10: Рождаемость. М., 2013.
- [11] Итоги выборочного социально-демографического обследования населения 1985 года // Вестник статистики. 1986. № 9.
- [12] *Калачина О.С.* Влияние уровня образования на репродуктивные установки населения в Республике Мордовия // Региональная дифференциация и консолидация социального пространства России: реалии и новые вызовы. Саранск, 2015.
- [13] *Скрябина Я., Шамсутдинова Н.* Рождаемость и реализация репродуктивных установок в Республике Башкортостан // Экономика и управление. 2018. № 6.
- [14] Состояние в браке и рождаемость в России: по данным микропереписи населения 1994 г. М., 1995.
- [15] *Тындик А.О.* Репродуктивные установки и их реализация в современной России // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 3.
- [16] *Coale A.J., Watkins S.C.* (Eds.). *The Decline of Fertility in Europe*. Princeton, 1986.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-546-559

Reproductive behavior of Russian women as depending on their level of education*

V.N. Archangelsky¹, S.G. Shulgin², Yu.V. Zinkina^{2,3}

¹Research Institute of the Organization of Healthcare and Medicine Management of the Moscow Department of Healthcare
Bolshaya Tatarskaya St., 30, Moscow, 115184, Russia

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Prosp. Vernadskogo, 84, Moscow, 119571, Russia

³Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991, Russia

Abstract. There are many studies focusing on various effects of women's education, in particular, on decline in fertility in those societies that are at the second stage of the demographic transition. However, in societies that have completed this transition, the relationship between these phenomena is changing, which requires a special study. We need to understand how women's education affects fertility in Russia to assess the efficiency of social and demographic policies. The study aims at analyzing differences in fertility rates and women's reproductive attitudes as depending on the level of education. The study is based on the data of the sample surveys of reproductive plans (2017 and 2012) and of the 2010 All-Russian Census. In general, the results confirm the global trend: on average, women with a high education status have fewer children than women with a lower level of education; on average, the former

* © V.N. Archangelsky, S.G. Shulgin, Yu.V. Zinkina, 2020.

The article was submitted on 01.11.2020. The article was accepted on 02.03.2020.

are older when they have the first child and tend to have larger intergenetic intervals. The analysis of reproductive attitudes and intentions shows that women with higher and postgraduate education have a larger gap between the average desired and the expected number of children. Among the factors hindering the birth of the desired number of children, women of almost all levels of education name material and housing difficulties and uncertainty about the future; however, women with higher and postgraduate education mention these reasons less often — for them, it is more important to combine motherhood and work and to have high-quality services in various spheres.

Key words: fertility; reproductive attitudes; women's education; social-demographic policy; social-demographic survey; average age of childbirth; motives for having children

Funding

The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 17-78-20096.

References

- [1] Archangelsky V.N. *Faktory rozhdaemosti* [Factors of Fertility]. Moscow; 2006 (In Russ.).
- [2] Archangelsky V.N., Zinkina Yu.V., Korotaev A.V., Shulgin S.G. *Sovremennye tendentsii rozhdaemosti v Rossii i vlijanie mer gosudarstvennoj podderzhki* [Current fertility trends in Russia and impact of the state support measures]. *Sotsiologicheskie Issledovanija*. 2017; 3 (In Russ.).
- [3] Belova V.A., Darsky L.E. *Statistika mnenij v izuchenii rozhdaemosti* [Statistics of Opinions in Fertility Studies]. Moscow; 1972 (In Russ.).
- [4] Borisov V.A., Sinelnikov A.B. *Brachnost i rozhdaemost v Rossii: demografichesky analiz* [Nuptiality and Fertility in Russia: Demographic Analysis]. Moscow; 1995 (In Russ.).
- [5] Vserossijskaja perepis naselenija 2010 goda. Baza mikrodannyh [2010 All-Russian Census: Microdata]. URL: <http://vpnmicrodata.gks.ru/webapi/jsf/tableView/tableView.xhtml> (In Russ.).
- [6] Vyborochnoe nabljudenie reproduktivnyh planov naselenija 2012 goda. Baza mikrodannyh [Sample Survey of Population Reproductive Plans 2012: Microdata]. URL: <http://std.gmcrossata.ru/webapi/jsf/tableView/tableView.xhtml> (In Russ.).
- [7] Vyborochnoe nabljudenie reproduktivnyh planov naselenija 2017 goda. Baza mikrodannyh [Sample Survey of Population Reproductive Plans 2017: Microdata]. URL: <http://std.gmcrossata.ru/webapi/jsf/tableView/tableView.xhtml> (In Russ.).
- [8] Isupova O.G. Otnoshenie k meram stimulirovanija rozhdaemosti po dannym mikroperepisi 2015 g. [Attitudes to the fertility-stimulating measures: Data of 2015 micro-census]. *Demograficheskoe Obozrenie*. 2018; 5 (3) (In Russ.).
- [9] Itogi Vserossijskoj perepisi naselenija 2002 goda. T. 12: Rozhdaemost [Results of the 2002 All-Russian Census. Vol. 12: Fertility]. Moscow; 2005 (In Russ.).
- [10] Itogi Vserossijskoj perepisi naselenija 2010 goda. T. 10. Rozhdaemost [Results of the 2010 All-Russian Census. Vol. 10: Fertility]. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [11] Itogi vyborochnogo socialno-demograficheskogo obsledovanija naselenija 1985 goda [Results of the 1985 sample social-demographic survey]. *Vestnik Statistiki*. 1986; 9 (In Russ.).
- [12] Kalachina O.S. Vlijanie urovnja obrazovanija na reproduktivnye ustanovki naselenija v Respublike Mordovija [Impact of the education level on reproductive intentions in the Republic of Mordovia]. *Regionalnaja differentsiatsija i konsolidatsija socialnogo prostranstva Rossii: realii i novye vyzovy*. Saransk; 2015 (In Russ.).
- [13] Skryabina Ya., Shamsutdinova N. Rozhdaemost i realizatsija reproduktivnyh ustanovok v Respublike Bashkortostan [Fertility and realization of reproductive intentions in the Republic of Bashkortostan]. *Ekonomika i Upravlenie*. 2018; 6 (In Russ.).
- [14] *Sostojanie v brake i rozhdaemost v Rossii: po dannym mikroperepisi naselenija 1994 g.* [Marriages and Fertility in Russia: Data of the 1994 Micro-Census]. Moscow; 1995 (In Russ.).
- [15] Tyndik A.O. Reproductivnye ustanovki i ih realizatsija v sovremennoj Rossii [Reproductive intentions and their realization in contemporary Russia]. *Zhurnal Issledovanij Sotsialnoj Politiki*. 2012; 10 (3) (In Russ.).
- [16] Coale A.J., Watkins S.C. (Eds.). *The Decline of Fertility in Europe*. Princeton; 1986.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-560-571

Медиапотребление в возрастных когортах: ТВ и Интернет*

М.М. Назаров¹, В.Н. Иванов^{1,2}, Е.А. Кублицкая¹

¹Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН
ул. Фотиевой, 6–1, Москва, 119333, Россия

²Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: vy175867@yandex.ru; vilen_ivanov@bk.ru; eakubl@yandex.ru)

В статье рассматривается динамика потребления ТВ и Интернет разными возрастными когортами в условиях кардинальных изменений российского медиаландшафта. За последнее десятилетие медиасреда достигла уровня массового использования новейших коммуникационных технологий, основу которых составляют высокоскоростной мобильный Интернет и его разнообразные приложения. Результаты сопоставления исследований 2012 и 2017 годов фиксируют разнонаправленные тренды: прирост среднесуточного времени использования Интернета в средних и отчасти в старших когортах и умеренный рост в молодых группах. Длительность просмотра ТВ является циклическим феноменом — производным от разных этапов жизненного цикла и социализации: потребление ТВ в одних и тех же когортах в пятилетнем интервале имеет тенденцию к снижению. Согласно концепции медиазамещения Интернет отчасти является функциональной альтернативой ТВ — здесь потребности аудитории находят более полное удовлетворение и получают свое развитие на основе новых технологических возможностей. Отдельно в статье рассмотрены особенности медиапотребления цифрового поколения двухтысячных, или миллениалов. Этой группе свойственна внутренняя дифференциация: ее образуют нескольких различающихся возрастных и социально-профессиональных подгрупп, которым присущи серьезные отличия в среднесуточной длительности использования ТВ и Интернета. Все указанные тренды медиапотребления претерпели изменения в период коронавирусного кризиса: изменения в режиме жизнедеятельности людей и принципиально иная информационная повестка дня привели к росту использования медиа, прежде всего ТВ и Интернета. Долгосрочный тренд постепенного уменьшения аудитории российского ТВ сменился на обратный: средняя длительность просмотра ТВ возросла, причем во всех когортах. В условиях кризиса ведущие функции медиа — информационная и рекреативная — оказались еще более востребованными, чем прежде.

Ключевые слова: возрастные когорты; массовая коммуникация; телевидение; Интернет; цифровизация; медиапотребление; цифровое поколение; миллениалы

Центральными вопросами статьи выступают следующие: какова динамика медиапотребления двух основных российских медиа — ТВ и Интернета — в разных возрастных когортах и какие объяснительные модели применимы для интерпретации коммуникативного поведения аудитории, включая «цифровое поколение». Внимание к ТВ и Интернету обусловлено тем, что это два наиболее популярных и влиятельных медиа в российском

* © Назаров М.М., Иванов В.Н., Кублицкая Е.А., 2020.

Статья поступила 10.03.2020 г. Статья принята к публикации 10.06.2020 г.

обществе, поэтому ответы на поставленные вопросы важны для оценки аудиторных перспектив этих медиа и их социально-управленческих последствий.

Возрастная когорта — это совокупность индивидов, объединенных общим признаком даты или интервала рождения [9; 18]. В российской социологии когортный анализ применялся для изучения разных областей жизни, обсуждались его методологические аспекты [1; 2; 10; 11], однако в сфере медиапотребления это направление не столь развито. В зарубежной социологии медиа и смежных дисциплинах исследование возрастных когорт является распространенным инструментом анализа трендов потребления медиа, коммуникативного поведения в отношении прессы и ТВ, например, изучение когорт в Германии показало, что те, кто вырос уже при телевидении, более привязаны к нему и менее склонны читать, чем родившиеся раньше [36]. В западной традиции были показаны различия возрастных когорт по мотивам и социокультурным факторам просмотра ТВ и пользовательского онлайн-видео [16]; исследована включенность аудитории в политические медиа и электоральный процесс в учетом специфики того или иного политического периода [22].

Наше исследование сосредоточено на динамике потребления ТВ и Интернета российской аудиторией во временной перспективе 2012–2017 годов. Эмпирическую базу формируют результаты многолетнего проекта «Телевидение глазами телезрителей» Аналитического центра Vi. Выборочная совокупность представляет городское население в возрасте старше 15 лет. Метод сбора информации — личное интервью по стандартизированной анкете. Массив опрошенных составил 2340 респондентов в 2012 году, 3000 респондентов — в 2017 году. Идентичная формулировка вопросов позволяет фиксировать динамику медиапотребления в следующих возрастных когортах: 15–19, 20–24, 25–29, 30–34, 35–39, 40–44, 45–49, 50–54, 55–59, 60–64, 65 лет и старше.

Продолжительность использования медиа в возрастных когортах

Данные о динамике потребления двух ведущих российских медиа — ТВ и Интернет — представлены в Таблице 1. Для сравнительного анализа использовался один из ключевых показателей медиапотребления — среднесуточная длительность использования медиа в минутах. Что касается Интернета, то здесь наблюдается «нисходящий» тренд: и в 2012, и в 2017 году продолжительность использования Интернета в более молодых группах является более высокой по сравнению с более старшими группами. Во-первых, по мере взросления активность использования Интернета растет: например, те, кому в 2012 году было 20–24 года, в рамках своего коммуникативного поведения отводили Интернету 142 минуты; в 2017 году эта группа перешла в возрастную когорту 25–29 лет — продолжительность использования Интернета выросла до 182 минут. Во-вторых, очевиден существенный рост длительности использования Интернета в течение рассматриваемого периода преимущественно в средних и

старших группах: среди тех, кому в 2012 году было 40–44 года, а в 2017 году стало 45–49 лет, прирост в использовании этого медиа составил более 80%. В-третьих, характерен скромный рост длительности использования Интернета в самой молодой когорте проекта: в ходе взросления — перехода из когорты 15–19-летних в когорту 20–24-летних — суточная продолжительность использования Интернета выросла со 168 минут до 177, т.е. на 6%.

Таблица 1

Динамика медиапотребления в возрастных когортах

Среднесуточное время медиапотребления, в минутах					
Телевидение			Интернет		
Группа, лет	2012 год	2017 год	Группа, лет	2012 год	2017 год
15–19 (20–24)	114	110	15–19 (20–24)	168	177
20–24 (25–29)	132	127	20–24 (25–29)	142	182
25–29 (30–34)	140	146	25–29 (30–34)	118	148
30–34 (35–39)	137	136	30–34 (35–39)	95	130
35–39 (40–44)	147	158	35–39 (40–44)	85	103
40–44 (45–49)	160	151	40–44 (45–49)	51	94
45–49 (50–54)	149	165	45–49 (50–54)	59	71
50–54 (55–59)	186	170	50–54 (55–59)	44	67
55–59 (60–64)	176	188	55–59 (60–64)	28	41
60+ (65+)	197	195	60+ (65+)	8	18

Применительно к телевидению в целом наблюдался рост длительности просмотра по мере взросления: в 8 из 10 когорт мы фиксируем ситуацию, когда среднесуточный просмотр ТВ в более старшей когорте превышает аналогичный показатель в следующей за ней, более молодой когорте. Это устойчивое свойство ТВ-потребления, видимо, будет проявляться и далее. Вместе с тем приведенные данные свидетельствуют и о тенденции снижения длительности ТВ-просмотра, что очевидно при сравнении одних и тех же возрастных когорт в пятилетнем интервале: например, у 25–29-летних среднесуточная длительность просмотра ТВ в 2012 году составила 140 мин, а у такой же когорты в 2017 году — 127 мин. Кроме того, представители когорты 25–29 лет, повзрослев и «переместившись» через пять лет в когорту 30–34 лет, увеличат среднюю длительность просмотра ТВ. Таким образом, у следующих когорт рост длительности телепросмотра начинается с более низкого уровня.

Что следует из представленных выше эмпирических данных? Не претендуя на полноту и законченность, приведем их возможные интерпретации.

Возрастные когорты и функциональные возможности медиа

В исследованиях аудитории медиа не теряет актуальность концепция полезности и удовлетворения потребностей [14]. Ее важная посылка состоит в том, что удовлетворение потребностей посредством медиа предопределяется

содержанием мотивов обращения к ним и функциональными возможностями медиа. Исследования подтверждают, что потребности в медиа изменяются по ходу жизненного цикла, и существенную роль играют показатели возраста, семейного и профессионального статуса, но не менее важен и фактор социальной среды, который во многом задает как содержание, так и характер использования медиа [24]. Так, основные мотивы обращения к ТВ — неизменно развлекательные и информационные [5; 7]. Согласно нашим данным, за последнее десятилетие у молодых зрителей (15–34 года) снизилась значимость развлекательного мотива (с 56% до 48%) и возросла роль утилитарного мотива — просмотра фоном, по привычке (с 13% до 21%). Представляется, что это результат изменения российского медиаландшафта — роста продолжительности использования Интернета.

Наиболее активное использование Интернета присуще молодым когортам (Табл. 1): на потребление медийного контента в Интернете они тратят зачастую больше времени, чем на ТВ, за счет просмотра разнообразных форм короткого и длинного видеоконтента, далеко не всегда показываемого по ТВ. Таким образом, мы сталкиваемся с известным феноменом медиазамещения [6; 34]: фактически Интернет стал для части телезрителей функциональной альтернативой, где их потребности находят более полную реализацию и получают развитие на основе новых технологических возможностей.

Фоновый просмотр молодых когорт правомерно отнести к важным особенностям их медиапотребления в целом. Не случайно исследователи указывают на практики многозадачности — умения одновременно реализовывать несколько активностей с помощью разных медиа, например, сочетать фоновый просмотр ТВ с общением в социальных сетях и «спорадическими блужданиями» по Сети посредством уже открытых окон. Представители молодых групп особенно избирательны по отношению к контенту медиа, им плохо знакома традиционная практика телепотребления, предполагающая наличие программы передач [20].

На основе данных об использовании ТВ и Интернета разными когортами можно определить, имеет потребление этих медиа циклический или структурный характер. Под циклическостью мы понимаем такое изменение системы, в результате которого она приходит примерно в то же состояние, в каком была в начале процесса. Так, по данным зарубежных лонгитюдных исследований, изменения во включенности в телепросмотр за период жизненного цикла имеют устойчивые закономерности: юность характеризуется меньшей, по сравнению с другими этапами жизни, длительностью телесмотрения; по мере вхождения во взрослую жизнь, предполагающую усвоение норм, ценностей и образцов поведения группы, к которой принадлежит индивид, происходит заметный и постоянный рост длительности телепросмотра [17], что отражает разные потребности людей на разных этапах социализации и жизненного цикла. Эта закономерность была устойчивой для медиаландшафта, где ТВ было лидирующим медиа, а Интернет находился на начальной стадии

развития, но сохранилась ли эта модель коммуникативного поведения в современных условиях, когда ТВ конкурирует с Интернетом?

Мы склонны считать, что сложившиеся практики телепотребления под влиянием новых возможностей Интернета будут меняться, судя по тому, какой была среднесуточная продолжительность телесмотра молодых и старших когорт в 2012 и 2017 году: судя по Таблице 1, у большинства когорт длительность телепотребления в 2017 году оказалась меньшей, чем в 2012. Можно предположить, что у новых когорт уровень ТВ-потребления будет характеризоваться все более низкими стартовыми позициями, что приведет к еще большему уменьшению продолжительности телесмотра. Впрочем, этот процесс скорее всего будет постепенным и достаточно протяженным.

Возрастные когорты и особенности медиа поколений

Представленные данные об особенностях использования ТВ и Интернета в возрастных когортах соотносятся с дискуссиями о поколенческих отличиях в медиапотреблении (в исследованиях медиа возрастная когорта зачастую рассматривается как группа людей одного поколения [21]). Методологическим основанием многих исследований в этой области является классическая работа К. Мангейма, где различия поколений объясняются общей историей и значимыми событиями тех групп индивидов, чье рождение пришлось на определенный временной период [33]. Можно провести некоторые параллели между тем, что писали в связи с массовым распространением телевидения в 1960-е годы в индустриально развитых странах и теперь в связи с массовым распространением Интернета. Показательно, что тогда активно использовался термин «поколение ТВ», а в последнее десятилетие — термин «цифровое поколение» [35; 36].

В обоих случаях социализация молодого поколения совпала с массовым распространением нового медиа. Центральной здесь является идея чувствительности индивида к опыту в «формирующие» молодежные годы: первые контакты с медиа в юности могут иметь решающее значение для медиасоциализации и последующих практик использования медиа [12]. Кроме того, люди обычно более четко помнят события подросткового возраста и ранней взрослой жизни, поэтому те, кто рожден, например, в эпоху радио, могут воспринимать мир иначе, чем рожденные в эпоху ТВ [15]. Таким образом, активное поведение молодых возрастных когорт по отношению к Интернету и достаточно умеренное по отношению к ТВ, видимо, обусловлено медийной социализацией этих когорт.

Здесь важны несколько обстоятельств: прежде всего то, что индивид при рождении и в ходе взросления сталкивается с уже существующей технологической средой, и у среднего человека мало возможностей контроля и влияния на развитие этой среды, включая современные ему технологии медиа коммуникаций. Индивид в значительной мере наследует сложившиеся практики медиатехнологий (при определенной степени свободы действий в этой области),

поэтому наряду с эволюционностью медийных технологий следует учитывать и социальный процесс приспособления людей к медиа [28].

Исследователи Интернета разработали процедурную концепцию медиа поколений, говоря о поколениях в узком смысле — с точки зрения анализа медийных практик, интериоризации медийного содержания и использования медийных технологий. Выделяют три медийных поколения: «поколение масс-медиа» — люди, которые познали радио, кино, печать, почту и стационарный телефон в период социализации, затем познакомились с телевидением, а в пожилом возрасте столкнулись с цифровизацией; «цифровое медиа поколение» — выросло после появления цифровых медиа, для них изменения, вызванные цифровизацией, являются неотъемлемыми элементами их мультимедийных практик; между первым и вторым находится квази «сэндвич-поколение» — вторичное цифровое медиа поколение, которое также выросло с телевидением, кино, радио, прессой, но затем оказалось более или менее всесторонне охвачено цифровыми медиа, и Интернет стал неотъемлемой частью его медийного репертуара [29].

Зафиксированные выше различия в длительности использования ТВ и Интернета возрастными когортами в целом свидетельствуют о постепенных изменениях этого процесса. Вместе с тем обращает на себя внимание бурный рост длительности пользования Интернетом в старших возрастах, который шел параллельно с общим ростом длительности просмотра телевидения (относительный прирост продолжительности использования Интернета среди молодых когорт был намного меньшим). Актуальным в этой связи оказывается вопрос о скорости распространения новых технологий в сфере медиа, которая неуклонно сокращается: например, в США — одном из самых продвинутых мировых коммуникационных рынков — для охвата более 90% пользователей радио потребовался 41 год, Интернету — 22 года, в полтора раза меньше времени понадобилось для массового внедрения смартфонов, и 10 лет — чтобы социальные сети охватили 70% потребителей [23].

Для понимания особенностей медиапотребления у возрастных когорт важна не только скорость, но и характеристики этапа проникновения медиа инноваций. Здесь целесообразно опираться на концепцию диффузии инноваций, описывающую, как новые медийные возможности распространяются в обществе. Как известно, Г. Тард сформулировал идеи этого подхода еще в XIX веке и охарактеризовал этапы внедрения инноваций следующим образом: «Медленное продвижение в начале, за которым следует быстрый и равномерно ускоренный прогресс с повторно наблюдающимся прогрессом, который продолжается, затем слабеет и, наконец, останавливается» [25].

В России в последние годы наблюдался существенный рост покрытия широкополосным высокоскоростным Интернетом, по крайней мере, городских агломераций и одновременно завершался переход страны к цифровому телевидению. Результаты нашего проекта подтверждают, что с начала 2000-х годов происходили кардинальные изменения в доступе населения к новым

коммуникационным возможностям: к концу первого десятилетия нового века охват городских пользователей мобильными телефонами превысил 90% и достиг уровня насыщения. В 2002–2010 годы наблюдался бурный рост доли пользователей домашних компьютеров и Интернета (от 2–5% до 65–70%), но в последнее десятилетие охват этих сегментов растет медленно (еще 5–10%, и он замедлится). Параллельно массового охвата — на уровне 60% городского населения — достигает использование смартфонов. Иными словами, уровень доступа к цифровым средствам коммуникации в возрастных группах постепенно выравнивается, что формирует необходимую основу для реализации потребностей всех, а не только молодых, групп в новой цифровой среде.

Медиапотребление поколения двухтысячных (миллениалов)

Миллениалы — поколение, формирование которого проходило под влиянием бурного роста Интернета и цифровых медиа. Не случайно в качестве обозначения этого поколения используются также понятия «коренные цифровитяне» и «сетевое поколение». Показательной является работа У. Штрауса и К. Хоува, посвященная поколенческому анализу цифровых инноваций [31]: по итогам изучения американского общества они определили возрастную когорту 1979–2000 годов рождения как «миллениалов» — социальную группу, испытывающую всеобъемлющее влияние цифровых технологий. В нашей стране опубликованы отдельные работы по этой теме [3; 4; 8], в частности, проведен анализ поколения миллениалов на фоне предшествующих поколений, который подтвердил, что миллениалы существенно отличаются от них [8].

Наше исследование показало, что представители возрастных подгрупп 15–34 лет (миллениалы в плане временных границ) характеризуются более высокой среднесуточной длительностью использования Интернета, чем представители других групп. Их медиапотреблению свойственны большая мобильность, многозадачность, индивидуализация и фрагментация. Однако, мы не склонны рассматривать представителей двухтысячных как однородную группу в плане медиапотребления, поскольку она охватывает около 30% населения старше 15 лет — следовательно, в ней можно выделить разные типы использования медиа. Для проверки этого предположения мы рассмотрели особенности медиапотребления ее подгрупп, находящихся на разных этапах жизни. В Таблице 2 приведены данные о среднесуточном использовании Интернета и ТВ респондентами, принадлежащими к разным социально-профессиональным группам — школьниками старших классов, студентами с разным семейным статусом, семейными людьми с детьми или без детей, работающими полный рабочий день в возрасте 25–34 лет.

Наиболее активными пользователями Интернета являются две группы — школьники старших классов в возрасте 15–17 лет и студенты, которые еще не обзавелись семьей (среднесуточная длительность потребления Интернета — 193 минуты). С обретением семейного статуса использование Интернета

сокращается: так, в группе студентов с семьей среднесуточная длительность — 169 минут, по мере взросления — перехода в статус работающих, рождения детей — длительность использования Интернета сокращается до 129 минут. Показательно, что различия в среднесуточном использовании Интернета между группами достигает 33%. Обратная тенденция характеризует телепросмотр разных социально-профессиональных подгрупп в когорте 15–34-летних. Так, если среди студентов (без семьи) среднесуточная длительность просмотра ТВ составляет 101 минуту, то среди работающих семейных респондентов с детьми в возрасте 25–34 года — 149 минут. По мере того, как индивид становится старше, начинает работать и заводит семью, его медиапотребление становится более «традиционным» — в его репертуаре существенное место занимает телевидение. Таким образом, возрастная группа 15–34 лет — миллениалы — весьма неоднородна с точки зрения продолжительности использования медиа. Более того, различия между этой группой и старшими когортами постепенно стираются под влиянием бурного роста цифровой инфраструктуры коммуникаций. Причем российские данные совпадают с результатами зарубежных исследований (например, в Германии и США [27; 30; 32]).

Таблица 2

Среднесуточная длительность медиапотребления в подгруппах когорты 15–34 лет

Подгруппы	Просмотр ТВ в день		Пользование Интернетом в день	
	Минуты	Индекс	Минуты	Индекс
Школьники	105	80	193	122
Студенты одинокие	101	77	193	122
Студенты с семьей	137	105	169	107
Работающие, 25–34, в браке, без детей	115	88	129	82
Работающие, 25–34, в браке, с детьми	149	114	129	82
Все, 15–34	131	100	158	100

Индекс фиксирует отношение длительности использования медиа в группе к длительности использования медиа в когорте 15–34 лет, умноженное на 100. Если индекс больше 100, то длительность использования медиа в группе больше, чем в когорте, и наоборот.

В литературе в адрес концепции миллениалов был высказан ряд справедливых критических замечаний: отмечается абсолютизация технологического фактора и слабый учет того обстоятельства, что развитие инноваций и их последствия — результат взаимодействия сложных социальных, экономических и политических сил, т.е. не всегда учитывается преемственность, свойственная социальным изменениям, упрощенно представляется взаимодействие «новых» и «старых» медиа, сложная эволюция системы медиа в целом [19]; мало внимания уделяется роли социальных и исторических событий, ведущих к формированию идентичности поколения [13]. По мнению ряда авторов, категоризация цифрового поколения как особой возрастной группы затеняет

другие важные культурные или социальные аспекты медиапотребления. При этом цифровое поколение не является однородной группой, и эмпирические исследования фиксируют отсутствие различий между цифровым поколением и другими группами по таким значимым характеристикам, как, например, доверие к медиа. В целом новые СМИ не заменяют традиционные с точки зрения информационной ценности, и по мере распространения Интернета и цифровых навыков в старших возрастных группах различия между цифровым и предшествующими ему поколениями стираются [26].

Кризис covid-19 и медиапотребление когорт (вместо заключения)

В 2018–2019 годы зафиксированные нами долгосрочные тренды медиапотребления существенно не изменились: аудитория ТВ продолжала свое относительно небольшое сокращение, что в основном касалось молодых групп; продолжала расти длительности использования Интернета — преимущественно в средних и старших когортах.

Кардинальные изменения трендов медиапотребления наметились в первом полугодии 2020 года — в период кризиса, связанного с пандемией covid-19, в рамках которого медико-биологические, политико-экономические, социально-культурные и прочие факторы находятся в сложной взаимосвязи и требуют дальнейшего изучения. Сегодня, когда начинается снятие мер карантина, перспективы развития ситуации неясны. Открытыми остаются вопросы о том, в какой мере кризис повлияет на протекание разных этапов жизненного цикла людей, социализацию и образ жизни, от которых во многом зависят особенности медиапотребления в возрастных когортах. Вместе с тем уже ясно, что в целом медиапотребление, прежде всего ТВ и Интернета, существенно возросло.

Тренд долгосрочного уменьшения российской ТВ-аудитории обрел обратную направленность: средняя длительность просмотра ТВ выросла в кризисные месяцы 2020 года — например, в апреле в среднем на 15–20% в разных группах по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Опережающий уровень роста просмотра ТВ был свойственным более молодым зрителям, и больше всего время телепросмотра выросло среди так называемых «light-зрителей» — тех, кто обычно мало смотрит ТВ, а также среди тех, кто практически не смотрел ТВ раньше. Характерно, что эта часть аудитории состоит преимущественно из молодых когорт. С началом ослабления режима ограничительных мер эта аудитория осталась на ТВ — по сравнению с другими группами телезрителей ее отток оказался минимальным. В то же время увеличилось время использования Интернета: в апреле россияне старше 12 лет стали проводить в Интернете на стационарных компьютерах на 19% и на мобильных устройствах на 11% больше времени, чем в марте [1]. Кстати, возвращение аудитории к более активному, чем ранее, просмотру ТВ было отмечено и в целом ряде зарубежных стран. Так, средняя продолжительность телепросмотра

увеличилась в период кризиса во Франции на 24%, в Италии — на 17%, в Нидерландах — на 16%, в Испании — на 23%, в Великобритании — на 20% [37].

Вероятно, общий рост потребления ТВ и Интернета в период кризиса обусловлен рядом обстоятельств: произошло кардинальное изменение режима жизнедеятельности, причем у всех возрастных когорт, — люди практически все свое время вынуждены были проводить дома, и далеко не все находились в режиме удаленной работы. Иными словами, больше свободного времени привело к более активному медиапотреблению. Принципиально иная общественная атмосфера, обусловленная новыми вызовами и опасностями для жизни, объективно способствовала интенсификации коммуникационных процессов, и массовое информационное общение посредством медиа стало одной из ключевых активностей людей. Таким образом, в период кризиса две ведущие функции медиа — рекреативная и информационная — оказались еще более востребованными, чем прежде, применительно ко всем возрастным когортам. В какой мере отмеченные выше тенденции будут продолжительными — покажет будущее.

Библиографический список / References

- [1] *Ачкасова К.* Медиапотребление в новой реальности / Achkasova K. Mediapotreblenie v novoj realnosti [Media consumption in the new reality]. URL: <https://mediascope.net/news/1177564> (In Russ.).
- [2] *Беляева Л.А.* Социальный портрет возрастных когорт в постсоветской России // Социологические исследования. 2004. № 10 / Beljaeva L.A. Socialny portret vozrastnyh kogort v postsovetsoj Rossii [Social portrait of the cohorts in post-Soviet Russia]. *Sociologicheskie Issledovanija* 2004; 10 (In Russ.).
- [3] *Вьюгина Д.М.* Интернет в ежедневном медиапотреблении цифрового поколения России // Медиаскоп. 2018. Вып. 3 / Vjugina D.M. Internet v ezhednevnom mediapotreblenii tsifrovogo pokolenija Rossii [Internet in the daily media consumption of the Russian digital generation]. *Mediaskop*. 2018; 3 (In Russ.).
- [4] *Годик Ю.А.* «Цифровое поколение» и новые медиа // Медиаскоп. 2011. № 2 / Godik Ju.A. «Tsifrovoe pokolenie» i novye media [‘Digital generation’ and the new media]. *Mediaskop* 2011; 2 (In Russ.).
- [5] *Ковалев П.А.* Российская телевизионная аудитория. М., 2007 / Kovalev P.A. *Rossijskaja televizionnaja auditorija* [Russian TV audience]. Moscow; 2007 (In Russ.).
- [6] *Назаров М.М., Ковалев П.А.* Изменение медиасреды и современные практики чтения // Социологические исследования. 2017. № 2 / Nazarov M.M., Kovalev P.A. *Izmenenie mediasredy i sovremennye praktiki chtenija* [Media landscape changes and contemporary reading practices]. *Sociologicheskie Issledovanija* 2017; 2 (In Russ.).
- [7] *Полуэхтова И.А.* Социокультурная динамика российской аудитории телевидения. М., 2010 / Poluehtova I.A. *Sociokulturnaja dinamika rossijskoj auditorii teledidenija* [Sociocultural Dynamics of the Russian TV audience]. Moscow; 2010 (In Russ.).
- [8] *Радаев В.В.* Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3 / Radaev V.V. *Millenialy na fone predshestvujushhijh pokolenij: empirichesky analiz* [Millennials versus previous generations: An empirical analysis]. *Sociologicheskie Issledovanija* 2018; 3 (In Russ.).
- [9] *Социологический энциклопедический словарь / Под ред. Г.В. Осипова. М., 1998 / Sociologichesky entsiklopedichesky slovar* [Sociological Encyclopedic Dictionary]. Pod red. G.V. Osipova. Moscow; 1998 (In Russ.).

- [10] Троцук И.В. «Умолчания» поколенческого анализа: объективное и субъективное значение возраста // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. № 2 / Trotsuk I.V. “Umolchanija” pokolencheskogo analiza: ob’ektivnoe i sub’ektivnoe znachenie vozrasta [‘White spots’ of the generational analysis: Objective and subjective meaning of the age]. *RUDN Journal of Sociology*. 2015; 2 (In Russ.).
- [11] Хахулина Л.А. Динамика отношения к рыночной реформе (анализ молодежных когорт начала и конца 90-х годов) // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2001. № 1 / Khakhulina L.A. Dinamika otnosheniya k rynochnoj reforme (analiz molodezhnyh kogort nachala i kotsa 90-h godov) [Dynamics of attitudes to the market reform (analysis of the youth cohorts of the early and late 1990s)]. *Monitoring Obshhestvennogo Mnenija*. 2001; 1 (In Russ.).
- [12] Aroldi P., Colombo F. Generational belonging and mediascape in Europe. *Journal of Social Science Education*. 2007; 6 (1).
- [13] Aroldi P. Generational belonging between media audiences and ICT users. *Broadband Society and Generational Changes*. Colombo F., Fortunati L. (Eds.). Berlin; 2011.
- [14] Blumler J.G. The role of theory in uses and gratifications studies. *Communication Research*. 1979; 6 (1).
- [15] Bolin G. Passion and nostalgia in generational media experiences. *European Journal of Cultural Studies*. 2016; 19 (3).
- [16] Bondad-Brown B.A., Rice R.E., Pearce K.E. Influences on TV viewing and online user-shared video use: Demographics, generations, contextual age, media use, motivations, and audience activity. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2012; 56 (4).
- [17] Brennan D. *Connected Television*. London; 2012.
- [18] Bruce S., Yearley S. *The Sage Dictionary of Sociology*. London; 2006.
- [19] Buckingham D., Willet R. *Digital Generations. Children, Young People and New Media*. London; 2006.
- [20] Centorrino M. The image of the ‘digital native’ and the generation gap. *Broadband Society and Generational Changes*. Colombo F., Fortunati L. (Eds.). Berlin; 2011.
- [21] Chandler D., Munday R. *Dictionary of Media and Communication*. Oxford; 2020.
- [22] Danowski J. A., Ruchinkas J.E. Period, cohort, and aging effects. A study of television exposure in presidential election campaigns, 1952-1980. *Communication Research*. 1983; 10 (1).
- [23] Desjardins J. The rising speed of technological adoption. URL: <https://www.visualcapitalist.com/rising-speed-technological-adoption>.
- [24] Dimmick J.W., McCain T.A., Bolton W.T. Media use and the life span. Notes on theory and method. *American Behavioral Scientist*. 1979; 23 (1).
- [25] Doyle Ch. *Oxford Dictionary of Marketing*. Oxford; 2011.
- [26] Elvestad E., Phillips A. *Misunderstanding News Audiences, Seven Myths of Social Media Era*. London; 2018.
- [27] Five myths about millennials debunked. Study reveals surprising similarities between generations. URL: <https://www.cokesolutions.com/trends-insights/articles/five-myths-about-millennials-debunked>.
- [28] Gumpert G., Cathcart R. Media grammars, generations, and media gaps. *Critical Studies in Media Communication*. 1985; 2 (1).
- [29] Hepp A., Berg M., Roitsch C. A processual concept of media generation. The media-generational positioning of elderly people. *Nordicom Review*. 2017; 38 (1).
- [30] How important are millennials to marketers? URL: <https://www.mediadynamicsinc.com/media-matters/june-1-2018>.
- [31] Howe N., Strauss W. *Millennials Rising: The Next Great Generation*. New York; 2000.
- [32] Isenbart J., Neumüller G. Screen force. Deconstructing the ‘digital natives’. What’s hype, what’s real? Presentation on EGTA Market Intelligence Meeting, 28.01.2016.

- [33] Mannheim K. The problem of generations. *Essays of the Sociology of Knowledge*. P. Kecskemeti (Ed.). New York; 1952.
- [34] Newell J., Pilotta J., Thomas J. Mass media displacement and saturation. *International Journal of Media Management*. 2008; 10 (4).
- [35] Palfrey J., Gasser U. *Born Digital. Understanding the First Generation of Digital Natives*. New York; 2008.
- [36] Peiser W. The television generation's relation to the mass media in Germany: Accounting for the impact of private television. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 1999; 43 (3).
- [37] Stuck at home: Media behavior in the time of coronavirus. URL: <https://mag-naglobal.com/stuck-at-home-media-behavior-in-the-time-of-coronavirus-ed-4>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-560-571

Media consumption of different cohorts: TV and Internet*

M.M. Nazarov¹, V.N. Ivanov^{1, 2}, E.A. Kublitskaya¹

¹Institute of Socio-Political Research of the FCTAS RAS
Fotievoy St., 6-1, Moscow, 119333, Russia

²RUDN University
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia
(e-mail: vy175867@yandex.ru; vilen_ivanov@bk.ru; eakubl@yandex.ru)

Abstract. The article considers the dynamics of the TV and Internet consumption of different cohorts under the dramatic changes in the Russian media landscape. In the last decade, the media environment has reached the mass scale in the use of the latest communication technologies based on the high-speed mobile Internet and its various apps. The results of the comparison of the studies of 2012 and 2017 indicate multidirectional trends: an increase in the average daily time of the Internet use in the middle-age and partly elder cohorts, and a moderate increase in the younger groups. The duration of TV viewing is a cyclic phenomenon determined by the stages of life cycle and socialization: the TV consumption of the same cohorts tends to decrease in a five-year interval. According to the theory of media substitution, the Internet is partly a functional alternative to TV for it allows the needs of the audience to be more fully satisfied and to develop on the basis of new technological opportunities. The article also considers features of the media consumption of the digital generation (millennials). This group is internally very different: it consists of several age and social-professional subgroups with serious differences in the average daily TV and Internet consumption. All these trends of the media consumption changed under the covid-19 crisis: changes in the mode of life and a fundamentally different information agenda determined an increase in the media use, primarily TV and the Internet. The long-term trend of the gradual decrease of the TV-audience changed: the average TV viewing increased in all cohorts. Under the crisis, the leading functions of the media — information and recreation — are more in demand than before.

Key words: age cohorts; mass communication; TV; Internet; digitalization; media consumption; digital generation; millennials

---

* © M.M. Nazarov, V.N. Ivanov, E.A. Kublitskaya, 2020.

The article was submitted on 10.03.2020. The article was accepted on 10.06.2020.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-572-581

Цифровой детокс молодежи (на примере использования социальных сетей)*

Г.З. Ефимова, М.Ю. Семенов

Тюменский государственный университет
ул. Ленина, 16, Тюмень, 625003, Россия
(e-mail: g.z.efimova@utmn.ru; m.y.semenov@utmn.ru)

Статья посвящена изучению практик использования виртуальных социальных сетей и установок учащейся и работающей молодежи на отказ от информационно-коммуникационных сервисов под влиянием объективных и субъективных факторов (возраст, социальный статус, конкурентоспособность, доверие к окружающим). Метод исследования — анкетный опрос учащейся (старшеклассники, студенты учреждений среднего профессионального и высшего образования) и работающей молодежи Тюменской области. Выборочная совокупность — учащиеся 10–11 классов (N=1130), студенты (N=1097) и работающая молодежь (N=942). Результаты исследования свидетельствуют о том, что основная цель использования социальных сетей — получение новой информации (81%) и потребление развлекательного видео- и аудио контента (72%); удовлетворяют свои образовательные потребности 32% в группе учащейся молодежи (старшеклассники и студенты). С возрастом снижается интенсивность поиска молодежью своей идентичности и уменьшается стремление к поддержанию социального статуса в виртуальной реальности. Наивысший уровень готовности к цифровому детоксу на короткий промежуток времени зафиксирован среди старшеклассников (84%). Готовность к продолжительному отказу от социальных сетей в большей степени выражена среди работающей молодежи (32%), тогда как среди старшеклассников и студентов таковых не более четверти от числа опрошенных. Чем ниже уровень генерализированного доверия респондента, тем проще ему отказаться от использования социальных сетей. Результаты исследования свидетельствуют о следующей тенденции в отказе молодежи от виртуальных социальных сетей: допускающие однодневный детокс в редких случаях готовы на отдых от социальных сетей в течение месяца; допускающие отказ от виртуального общения на неделю считают более реалистичным его продление до месяца.

Ключевые слова: молодежь; старшеклассники; студенты; работающая молодежь; социальные сети; цифровой детокс; медийный аскетизм; информационно-коммуникационные технологии

Повседневные социальные практики современной молодежи невозможно представить без использования технических средств, обеспечивающих опосредованную включенность в глобальную сеть Интернет. Взаимодействие человека с информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ) определило не только внедрение новых форм социальных интеракций, но и увеличение количества и качества информационных потоков, воздействующих на личность на протяжении всей жизни, в том числе в период наиболее активных стадий социализации. Обозначенные изменения сформировали

* © Ефимова Г.З., Семенов М.Ю., 2020.

Статья поступила 19.02.2020 г. Статья принята к публикации 22.05.2020 г.

необходимость междисциплинарного изучения позитивных и негативных последствий внедрения ИКТ в жизнь индивида, социальных групп и общества.

Основной формой времяпрепровождения молодежи в интернет-пространстве становятся общение и самопрезентация в виртуальных социальных сетях: 95% подростков зарегистрированы в них и имеют собственные аккаунты [8. С. 24]. По данным ВЦИОМ, в 2019 году 89% молодежи в возрасте 14–17 лет ежедневно или практически ежедневно пользовались социальными сетями [6]. Данное поведение может свидетельствовать об аддиктивном характере использования социальных сетей частью современной молодежи. Появляются риски увеличения стрессовых состояний и формирования новых фобий — вплоть до боязни остаться без мобильного телефона или вдалеке от него (номофобия). В свою очередь, это негативно влияет на психофизиологическое состояние детей, подростков и молодежи, о чем свидетельствуют зарубежные исследования последних десятилетий [25]. Таким образом, возрастает потребность в изучении практик использования молодым поколением виртуальных социальных сетей и возможностей уменьшения проводимого в них времени или готовности отказа от них. Справедливости ради отметим, что в современных реалиях полный отказ представляется маловероятным для подавляющего большинства пользователей социальных сетей.

В течение последних пяти лет в информационном пространстве как научного, так и публицистического характера набирают популярность темы цифрового детокса («digital detox»), медийной аскетике, отказа от использования информационно-коммуникационных технологий. Данный отказ характеризуется определенной периодичностью и реализуется индивидом для достижения конкретных целей. Оксфордский словарь трактует цифровой детокс как «период времени, в течение которого человек воздерживается от использования электронных устройств, что рассматривается как возможность уменьшить стресс или сосредоточиться на социальном взаимодействии в реальном мире» [15]. В контексте изучения практик цифрового детокса молодежи можно отметить высказывание создателя одной из самых популярных социальных сетей в русскоязычном Интернете (VK) П. Дурова: «Будущее за теми, кто выработает иммунитет к технологическим ловушкам внимания» [7]. По его мнению, в современную информационную эпоху подобный навык, основанный на способности к концентрации, встречается у людей крайне редко. Аналогичные заявления о необходимости цифрового детокса делал и директор по развитию Facebook М. Цукерберг [22]. Как бы парадоксально это ни звучало, но люди, имеющие отношение к созданию и управлению глобальными виртуальными социальными сетями, отмечают необходимость сокращения ежедневного взаимодействия человека с ИКТ.

Институционализация цифрового детокса активно продвигается в западных странах. С одной стороны, приобретают популярность флэш-мобы и акции, посвященные массовому отказу от использования информационных

систем: например, ряд общеобразовательных организаций Великобритании проводит мероприятия по цифровому детоксу, результаты которых широко освещаются в СМИ [19]; последнее воскресенье января с 2002 года объявлено Международным днем без Интернета [17]. С другой стороны, проявления цифрового детокса используются компаниями как инструмент привлечения клиентов: в маркетинговой практике их применяли Coca-Cola, McDonalds и Burger King [1]. Существуют туристические направления, удовлетворяющие потребность в отказе от использования Интернета, — этим занимаются как отдельные отели под управлением известных брендов (JW Marriott, Westin, Four Seasons) [16], так и специализированные летние лагеря на территории США [14]. Можно сделать вывод, что в настоящее время у людей появляется потребность в сокращении времени использования средств цифровой коммуникации и обмена информацией.

Теоретическая база исследований цифрового детокса может быть разделена на два основных уровня: на макроуровне можно назвать теорию «информационного общества» М. Кастельса, в которой рассмотрена взаимосвязь между развитием информационных технологий и системы международного бизнес- и культурного взаимодействия [5]; теорию «коммуникации» М. Маклюэна, где особое внимание уделено коммуникационным каналам, изменение которых приводит к появлению новых форм коммуникации и в последующем трансформирует общество в «глобальную деревню» [20]; концепцию «силы слабых связей» М. Грановеттера [18], где интернет-коммуникации, в том числе в виртуальных социальных сетях, рассмотрены как инструмент повышения личностной конкурентоспособности посредством усиления «слабых связей».

На микроуровне можно выделить работы под руководством В.С. Собкина, направленные на изучение поведенческих практик подростков в социальных сетях, особенностей виртуальной самопрезентации и факторов, которые на них влияют [9]; исследования С.Н. Вачковой, в которых рассматривается специфика сетевых форм коммуникации молодежи и основные платформы компьютерно-опосредованной коммуникации [2]; концепцию взаимосвязи информационной избыточности и цифрового детокса Ю.М. Шаева [11]; работы Н.А. Анашкиной (описание процесса институционализации практик цифрового детокса) [1], А.Е. Войскунского (анализ межиндивидуального восприятия в виртуальном пространстве) [3], Д.Н. Соловьева (рассмотрение отказа от технологий с позиции цифровой культуры) [10]; Д. Твенджа (исследование особенностей взаимодействия нового поколения с ИКТ) [24], Н. Колиера (изучение практик отказа от технологий) [21], С. Мелера, Э. Паурера, Д. Робертса (международный анализ последствий кратковременного цифрового детокса у учащейся молодежи) [23].

ИКТ, Интернет и виртуальные социальные сети принесли целый ряд положительных изменений в повседневную жизнь индивида и общества благодаря своим неотъемлемым характеристикам. Среди них можно выделить

глобальность, доступность и неограниченность информации, возможности обучения, коммуникации и т.д. Вместе с тем актуальность исследования новых технологий в большей степени обусловлена их негативными эффектами.

Несмотря на наличие в научной литературе информации по теме цифрового детокса, остаются нераскрытыми вопросы о готовности молодежи к временному отказу от социальных сетей, а также о ключевых детерминантах цифрового детокса. Мы определяем данное явление как временный отказ, ограничение использования виртуальных сервисов, т.е. детокс основан на осознанной регуляции поведения. Полный отказ от цифровых технологий и Интернета в современных условиях, особенно среди молодежи, является крайне редким явлением, в отличие от временного отказа. Цель исследования, проведенного авторами в составе научного коллектива социологической лаборатории Тюменского государственного университета, — изучение факторов, определяющих установки учащейся и работающей молодежи на реализацию цифрового детокса, т.е. анализ объективных и субъективных факторов, определяющих готовность молодежи к сокращению использования виртуальных социальных сетей как основной формы времяпрепровождения.

Основным предположением, проверяемым в исследовании, стало то, что готовность к отказу от виртуальных социальных сетей у разных групп молодежи определяется рядом объективных и субъективных факторов: возраст, социальный статус (тип образовательного учреждения или уровень дохода), конкурентоспособность (самооценка) и уровень общего доверия. Общая гипотеза исследования конкретизируется в ряде частных: во-первых, чем выше молодежь оценивает личную конкурентоспособность, тем ниже ее готовность к отказу от социальных сетей, т.е. Интернет и социальные сети воспринимаются как инструмент реализации своей конкурентоспособности через усиление социальных связей «слабого» типа [8]. Говоря о слабых социальных связях, следует сослаться на концепцию М. Грановеттера, в рамках которой в межличностной коммуникации слабые связи (с малой частотой и длительностью контактов) имеют большее значение, чем сильные. Под личной конкурентоспособностью индивида мы понимаем также его нацеленность на достижение максимального результата, ориентацию на деятельность и результаты других субъектов, вступающих с ним в конкурентное взаимодействие. Во-вторых, существует зависимость между уровнем общего доверия и готовностью отказаться от социальных сетей: низкий уровень доверия определяет выраженную потребность в приватности [12].

Для проверки данных гипотез с января по март 2019 года исследовательский коллектив провел социологический опрос учащейся (старшеклассники и студенты учреждений среднего профессионального и высшего образования) и работающей молодежи. Метод — анкетный опрос по месту обучения или работы. Выборочная совокупность: учащиеся 10–11 классов (1130), студенты (1097), работающая молодежь (942) — всего 3169 человек. Опрос был

проведен на территории Тюменской области (в городах Тюмень, Тобольск, Ишим и ряде муниципальных районов). Средний возраст опрошенных студентов — 20,2 года, работающей молодежи — 26,4 года. В опросе старшеклассников участвовали обучающиеся 10 и 11 классов, т.е. их средний возраст не превышал 18 лет. Всем респондентам был задан ряд вопросов, направленных на определение их отношения к виртуальным социальным сетям и популярным в них людям, способов использования социальных сетей и готовности к отказу от них.

Результаты опроса свидетельствуют о наличии обратной зависимости между возрастом респондента и его оценкой популярных в социальных сетях молодых людей («Считаете ли вы конкурентоспособными (успешными) молодых людей, имеющих большую популярность в виртуальной среде (блогеры, видеоблогеры, звезды Инстаграма и т.д.)?»). С возрастом отношение респондентов к молодежи, популярной в виртуальной среде, меняется: 71% старшеклассников считают их конкурентоспособными, 64% студентов и каждый второй представитель работающей молодежи (56%).

В анкету был включен вопрос о важности наличия популярного аккаунта в социальных сетях. Популярность аккаунта проявляется в увеличении числа подписчиков, лайков, комментариев и других видов виртуальной активности. Наличие популярного аккаунта в социальной сети несколько важнее для учащейся молодежи: среди старшеклассников — 21% (варианты ответа «очень важно» и «важно») и студентов — 24%, среди работающей молодежи — 18%. Вероятно, подобные различия обусловлены потребностью в поиске идентичности, которая (в силу возраста) выше у старшеклассников и студентов и может быть удовлетворена через личный аккаунт.

Лидером среди социальных сетей, в которых респонденты хотели бы повысить значимость своего аккаунта («Отметьте социальные сети, в которых вы бы хотели поднять популярность и значимость вашего аккаунта (увеличить количество подписчиков, лайков, комментариев и т.д.)?»), является Инстаграм (69% старшеклассников, 62% студентов и 59% работающей молодежи), далее со значительным отрывом следует ВКонтакте (45% старшеклассников, 46% студентов и 42% работающей молодежи). Интерес к данным социальным сетям, а также к YouTube и Twitter, с возрастом снижается, а в отношении Facebook и Одноклассников наблюдается обратная (слабая) тенденция.

Предпочтения респондентов можно объяснить рядом причин. Во-первых, сегодня Инстаграм — одна из самых популярных социальных сетей в мире: из миллиарда ежемесячно активных пользователей его каждый день используют более 500 миллионов; 71% пользователей Инстаграма моложе 35 лет [14]. Во-вторых, учитывая специфику контента Инстаграма (собственные фотографии и видеозаписи), для учащейся молодежи его активное использование является компонентом поддержания своего «статуса» в референтных группах [2, с. 141].

Для чего молодежи необходим популярный аккаунт, рассчитывает ли она на получение дополнительного дохода от этой деятельности? Возможность монетизации своей популярности в социальных сетях рассматривает каждый третий старшеклассник (35% — варианты ответа «да» и «скорее да»), каждый пятый студент (20%) и лишь каждый шестой представитель работающей молодежи (16%). Вероятно, различия определяются рядом причин, в первую очередь большей социальной инфантильностью подростков по сравнению с работающей и студенческой молодежью, которая часто уже имеет опыт трудовой деятельности и потому может адекватно оценить шансы на успешную монетизацию своего профиля в социальной сети. Следует учитывать и различия цифровой социализации у разных подгрупп молодежи. Так, у старшеклассников различаются доли желающих превратить в доход свою популярность в социальных сетях в зависимости от успеваемости: чаще это желание высказывают «троечники» («учусь преимущественно удовлетворительно») — 65%, чем «отличники» и «хорошисты» (54% и 52% соответственно).

Респонденты в основном используют социальные сети для получения новой информации (81% в среднем по выборке), просмотра фильмов и музыкального сопровождения (72%), общения со сверстниками (72%). Значительно реже молодежь обращается к социальным сетям в образовательных целях (в среднем 32% среди старшеклассников и студентов) и участвует в группах по интересам (32%). Старшеклассники чаще слушают музыку и смотрят фильмы в социальных сетях (83%), общаются со сверстниками (80%). По 8% старшеклассников и студентов находятся в социальных сетях, чтобы не чувствовать себя одинокими (среди работающей молодежи — 3%).

Косвенно определить, насколько высока включенность молодежи в виртуальные социальные сети, можно через готовность отказаться от них на определенный период времени — от суток до месяца. Более высокую готовность выйти из социальных сетей мы видим у старшеклассников — 84% могут отказаться от социальных сетей на сутки и уже имеют подобный опыт. В старших возрастных группах аналогичную готовность выразили 73% студентов и 76% работающей молодежи. Вместе с тем работающая молодежь чаще готова отказаться от социальных сетей сразу на месяц и даже имеет подобный опыт (32%) — аналогичного мнения придерживается каждый пятый старшеклассник (24%) и студент (25%). Причем чем ниже доверие респондентов к окружающим («Как вы считаете, большинству людей вокруг можно доверять или в отношениях с людьми следует быть осторожными?»), тем проще им отказаться от социальных сетей. Для примера рассмотрим период отказа от социальных сетей на неделю (Табл. 1), аналогичные различия наблюдаются и по другим периодам (сутки и месяц).

Полученные данные подтвердили гипотезу исследования: низкий уровень доверия к окружающим в реальном мире распространяется и на социальные коммуникации в виртуальном пространстве, что определяет более высокую готовность респондентов с низким уровнем обобщенного доверия

к отказу от социальных сетей. Однако эта гипотеза требует дальнейшей серьезной проработки.

Таблица 1

Взаимосвязь уровня обобщенного доверия и готовности к отказу от социальных сетей на неделю (в %)

Могут и имеют опыт отказа на неделю	Доверие к окружающим людям		
	Большинству людей можно доверять	В отношениях с людьми следует быть осторожными	Затрудняюсь ответить
Старшеклассники	13	81	6
Студенты	22	67	11
Работающие	21	72	7

Взаимосвязь между восприятием личной конкурентоспособности («Считаете ли Вы себя конкурентоспособным (успешным)?») и отказом от социальных сетей прослеживается для большинства временных периодов отказа. Во всех подгруппах молодежь, считающая себя конкурентоспособной, чаще готова отказаться от социальных сетей на период от суток до месяца. Исключение составляет работающая молодежь с отказом от виртуальных социальных сетей на месяц — 31% среди конкурентоспособных и 39% среди неконкурентоспособных (Табл. 2). Вероятно, это связано с изменением роли социальных сетей для конкурентоспособной работающей молодежи — это уже не только инструмент коммуникации и потребления информации, но и «портфолио» для позиционирования себя в качестве профессионала [4]. Соответственно, продолжительный выход конкурентоспособной молодежи из социальных сетей может восприниматься как «виртуальная смерть» и негативно отразиться на карьерном росте и социальной «карьере» в целом. Максимальный период, на который конкурентоспособная молодежь готова отказаться от социальных сетей — до месяца.

Таблица 2

Взаимосвязь уровня конкурентоспособности (самооценка) и готовности к отказу от социальных сетей (в %)

«Да, могу и уже имею опыт»	Конкурентоспособен	Неконкурентоспособен
	На сутки	
Старшеклассники	86	81
Студенты	75	70
Работающие	77	68
	На неделю	
Старшеклассники	47	42
Студенты	43	37
Работающие	49	42
	На месяц	
Старшеклассники	25	19
Студенты	28	21
Работающие	31	39

Полученные данные свидетельствуют, что среди всех подгрупп молодежи наблюдается схожая тенденция: молодежь, допускающая однодневный детокс, редко готова на отдых от социальных сетей в течение месяца;

молодежь, допускающая отказ от виртуального общения на неделю, чаще готова на его продление до месяца. Более высокая готовность молодежи отказаться от социальных сетей на сутки отмечена среди старшеклассников. Для работающей молодежи характерен отказ от виртуальной реальности на более длительный период (до месяца) в силу социальной зрелости и сформированности ценностной мотивации.

Результаты исследования подтверждают наличие реальных факторов, влияющих на готовность молодежи временно отказаться от социальных сетей, и подтверждают выдвинутые предположения, конкретизирующие общую гипотезу исследования. Так, подтвердилась прямая связь между субъективной оценкой личной конкурентоспособности и уровнем готовности к отказу от социальных сетей; были выявлены различия в готовности к отказу от социальных сетей в зависимости от уровня обобщенного доверия (чем ниже доверие к окружающим людям, тем проще респондентам отказаться от виртуального взаимодействия в социальных сетях).

Среди ограничений исследования можно отметить невыявленность социально-психологических типов пользователей социальных сетей, что позволило бы определить мотивы реализации практик цифрового детокса. Эту задачу можно решить в дальнейших исследованиях с применением качественных методов (глубинных и фокус-групповых интервью). Кроме того, важно рассмотреть практики цифрового детокса молодежи не только в отношении социальных сетей, но и в целом во взаимодействии с ИКТ.

Информация о финансировании

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования «Формирование конкурентоориентированности и конкурентоспособности молодежи в российском обществе в контексте современной социокультурной динамики» (проект 28.2941.2017/4.6).

Библиографический список / References

- [1] Анашкина Н.А. Digital detox: новый тренд в коммуникациях // Сборник трудов XV международной научно-практической конференции «Визуальная культура: дизайн, реклама, информационные технологии». Омск, 2016 /Anashkina N.A. Digital detox: novy trend v kommunikatsiyakh [Digital detox: A new trend in communications]. *Sbornik trudov XV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Vizualnaya kultura: dizain, reklama, informatsionnye tekhnologii"*. Омск; 2016 (In Russ.).
- [2] Вачкова С.Н. Особенности сетевых форм коммуникации современных школьников // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5. № 4 / Vachkova S.N. Osobennosti setevykh form kommunikatsii sovremennykh shkolnikov [Features of the network communications of today's schoolchildren]. *Sotsialnaya Psikhologiya i Obshchestvo*. 2014; 5 (4) (In Russ.).
- [3] Войскунский А.Е. Социальная перцепция в социальных сетях // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2014. № 2 / Voiskunsky A.E. Socialnaya pertseptsija v socialnyh setjah [Social perception in social networks]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya*. 2014; 2 (In Russ.).
- [4] Ефимова Г.З., Зюбан Е.В. Влияние социальных сетей на личность // Мир науки. 2016. Т. 4. № 5 / Efimova G.Z., Zyuban E.V. Vliyanie sotsialnykh setei na lichnost [The impact of social networks on personality]. *Mir Nauki*. 2016; 4 (5) (In Russ.).

- [5] *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ.; под ред. О.И. Шкаратана. М., 2000 / Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kultura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Ed. by O.I. Shkaratan. Moscow; 2000 (In Russ.)
- [6] Подросток в социальной сети: норма жизни — или сигнал опасности? // ВЦИОМ. 06.03.2019 / Podrostok v sotsialnoi seti: norma zhizni — ili signal opasnosti? [Teenager in the social network: A norm or a danger signal?]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9587> (In Russ.).
- [7] Правила жизни Павла Дурова // Esquire. 16.04.2015 / Pravila zhizni Pavla Durova [Rules of life of Pavel Durov]. URL: <https://esquire.ru/rules/6599-10-2006-durov/#part0> (In Russ.).
- [8] Семенов М.Ю. Виртуальная конкурентоспособность: оценка молодежи // Образование и наука. 2018. № 3 / Semenov M.Yu. Virtualnaya konkurentosposobnost: otsenka molodezhi [Virtual competitiveness: The youth's estimates]. *Obrazovanie i Nauka*. 2018; 3 (In Russ.).
- [9] Собкин В.С., Федотова А.В. Подросток в социальных сетях: к вопросу о социально-психологическом самочувствии // Национальный психологический журнал. 2018. № 3 / Sobkin V.S., Fedotova A.V. Podrostok v sotsialnyh setyah: k voprosu o sotsialno-psihologicheskom samochuvstvii [Teenager in social networks: Social-psychological well-being]. *Natsionalny Psikhologicheskyy Zhurnal*. 2018; 3 (In Russ.).
- [10] Соловьев Д.Н., Белоус П.Э. Медийная аскетика как феномен цифровой культуры // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2014. Т. 2. № 8 / Soloviev D.N., Belous P.E. Mediinaya asketika kak fenomen tsifrovoi kultury [Media asceticism as a phenomenon of digital culture]. *Filosofskie Problemy Informatsionnykh Tekhnologiy i Kiberprostranstva*. 2014; 2 (8) (In Russ.).
- [11] Шаев Ю.М. Информационная избыточность и цифровой детокс: в контексте онтологии коммуникаций // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 2 / Shaev Yu.M. Informatsionnaya izbytochnost i tsifrovoi detoks: v kontekste ontologii kommunikatsii [Information redundancy and digital detox: Ontology of communication]. *Gumanitarnyy Vektor*. 2018; 13 (2) (In Russ.).
- [12] Эко У. Утраченная укромность частной жизни // Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ. М., 2007 / Eco U. Utrachennaya ukromnost chastnoi zhizni [The loss of privacy]. *Polny nazad! "Goryachie voiny" i populizm v SMI*. Moscow; 2007 (In Russ.).
- [13] 22+ Instagram Stats That Marketers Can't Ignore This Year. URL: <https://blog.hootsuite.com/instagram-statistics>.
- [14] Digital Detox LLC. URL: <http://digitaldetox.org>.
- [15] Digital Detox. URL: https://en.oxforddictionaries.com/definition/digital_detox.
- [16] Emek M. Digital detox for the holidays: Are we addicted? *International Conference on Tourism Transport & Technology*. Dogus University; 2014.
- [17] International Internet-Free Day. URL: <https://www.encyclopedia.com/computing/news-wires-white-papers-and-books/international-internet-free-day>.
- [18] Granovetter M.S. The strength of weak ties. *American Journal of Sociology*. 1973; 78 (6).
- [19] Mass 'digital detox' challenge begins. URL: <http://www.bbc.co.uk/schoolreport/35706226>.
- [20] McLuhan M. *The Medium is the Massage: An Inventory of Effects*. New York; 2002.
- [21] Colier N. *The Power of off: The Mindful Way to Stay Sane in a Virtual World*. Sounds True Inc.; 2016.
- [22] Sister of Facebook creator Mark Zuckerberg says we're too plugged in. URL: <https://www.smh.com.au/technology/sister-of-facebook-creator-mark-zuckerberg-says-were-too-plugged-in-20150708-gi7ssf.html>.
- [23] Moeller S., Powers E., Roberts J. "The World Unplugged" and "24 Hours Without Media". *Communicar*. 2012; XX (39).
- [24] Twenge J.M. *iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy — and Completely Unprepared for Adulthood and What That Means for the Rest of Us*. New York; 2017.

- [25] Xu G., Strathearn L., Liu B., Yang B., Bao W. Twenty-year trends in diagnosed attention-deficit/hyperactivity disorder among US children and adolescents, 1997–2016. *JAMA Network Open*. 2018; 1 (4).

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-572-581

Digital detox of the youth (on the example of social networks)*

G.Z. Efimova, M.Yu. Semenov

Tyumen State University
Lenina St., 16, Tyumen, 625049, Russia
(e-mail: g.z.efimova@utmn.ru; m.y.semenov@utmn.ru)

The article considers practices of using virtual social networks and attitudes of the student and working youth to the digital detox under the influence of objective and subjective factors (age, social status, competitiveness, social trust). The research was conducted with the survey of students (high school, vocational and higher education) and working youth in the Tyumen Region. The sample consisted of 10th-11th grade students (N=1130), university students (N=1097) and working youth (N=942). The results show that the main purpose of using social networks is to get new information (81%), entertaining video- and audio-content (72%); only 32% of students satisfy their educational needs. When getting older, the intensity of the youth's search for identity decreases together with the desire to keep one's social status in the virtual reality. The high school students show the highest level of readiness for digital detox for a short period (84%), the long-term detox is more typical for the working youth (32% vs. a quarter in two other groups). The lower the level of the general social trust, the easier respondents choose digital detox from social networks. The results of the survey prove the following trend in using virtual social networks: those who accept a day detox are rarely ready for a month detox; those who accept a week detox from virtual communication consider it quite realistic to extend it to a month.

Key words: youth; high school students; university students; working youth; social networks; digital detox; media asceticism; information-communication technologies

Funding

The research was conducted by the state assignment of the Russian Ministry of Science and Higher Education “Development of competitive orientation and competitiveness of the Russian youth under the contemporary social-cultural dynamics” (project No. 28.2941.2017/4.6).

---

* © G.Z. Efimova, M.Yu. Semenov, 2020.

The article was submitted on 19.02.2020. The article was accepted on 22.05.2020.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-582-594

Динамика политико-идеологических ориентаций населения России в постсоветский период*

Т.Н. Юдина, Ю.Н. Мазаев, С.В. Бабакаев

Российский государственный социальный университета
ул. Вильгельма Пика, 4–1, Москва, 129226, Россия
(e-mail: JudinaTN@rgsu.net; MazaevJUN@rgsu.net; BabakaevSV@rgsu.net)

В ходе перманентных трансформационных процессов во всех сферах жизнедеятельности российского общества особую значимость обретает динамика политико-идеологических воззрений граждан, их отношение к формированию и реализации стратегических направлений развития общества. В последнее время среди ученых господствуют представления о кризисе либеральных идей и росте консерватизма, «левом повороте», востребованности государственной идеологии как способа преодоления идейного раскола общества и обеспечения его единства и целостности. В то же время в научном анализе нередко игнорируются противоположные тенденции, что приводит к явному недопониманию реального развития идеологической ситуации в постсоветский период в целом. Цель статьи — некоторое заполнение данного пробела по результатам анализа динамики ключевых политико-идеологических ориентаций россиян за последнюю четверть века. На эмпирическом материале социологического мониторинга «Как живешь, Россия?» и авторских исследований анализируется динамика умонастроений россиян, их идеологические взгляды и политические ориентации. В частности, исследование подтвердило гипотезы о снижении роли идеологии в жизни общества, смягчении идейной поляризации граждан, мозаичности их идеологических воззрений и некоторой утрате идеологическими маркерами политического устройства статуса терминальных ценностей. Авторы делают вывод, что при нынешней размытости идеологических ориентаций формирование государственной идеологии не будет способствовать преодолению существующей эклектики идейных воззрений без современного социального и правового государства, которое придет на смену существующему «гибридному режиму».

Ключевые слова: мониторинг; идеологические и нравственные маркеры; идеологические взгляды и ориентации; деидеологизация; государственная идеология; «гибридный режим»; правовое демократическое государство

«Демократический транзит» российского общества, как и многих других «модернизирующихся» государств, носит незаконченный и амбивалентный характер. Вследствие этой незавершенности возникают так называемые «гибридные режимы», в которых либеральные принципы сочетаются с усилением государственного регулирования, приватизация — с национализацией, частный бизнес — с госкапитализмом [30; 31]. В сфере выбора идеологических обоснований проводимого курса наблюдается разброс идеологических представлений, спектр которых охватывает как модернистские, так и традиционные идеологические конструкты [12; 22; 30; 31]. Амбивалентность и

---

* © Юдина Т.Н., Мазаев Ю.Н., Бабакаев С.В., 2020.

Статья поступила 22.04.2020 г. Статья принята к публикации 10.06.2020 г.

гибридность затрудняет понимание динамики социальных, политических и идеологических процессов, так как классические теории и концепции не справляются с их описанием. Несмотря на то, что научные попытки выявить особенности и закономерности динамики идущих процессов предпринимаются уже в течение длительного времени и накопился немалый теоретический и эмпирический материал, здесь до сих пор нет ясности, поскольку эти процессы далеко не прямолинейны или поступательны. Амбивалентность постсоветского развития привела к поляризации мнений ученых относительно государственной политики в сфере идеологической жизни российского общества [8; 9; 23] и общего вектора развития идеологических ориентаций и воззрений граждан, понимание которых имеет принципиальное значение для дальнейших общественных преобразований [19; 25; 28].

Сложившиеся подходы к исследованию динамики идеологических ориентаций можно классифицировать по разным основаниям и выделить несколько главных. Первый связан с изучением динамики идеологических ориентаций в контексте общественной безопасности, с позиций национального интереса и формирования единой государственной идеологии [7; 9; 14; 21; 28]. Второй исследует идеологические ориентации в контексте демократизации и развития правового государства — с точки зрения социальной защищенности личности, ослабления социальной напряженности и снижения уровня тревожности россиян [16, 17; 18; 25; 26]. Третий направлен на выявление динамики идеологических ориентаций как особой формы синтеза консервативных и модернистских воззрений, социалистических и либеральных ценностей [1; 4; 20]. Четвертый ориентирован на поиск «институциональной матрицы», наиболее соответствующей менталитету народа и его идеологии. Идеологическое взаимодействие разных воззрений в истории российского общества рассматривается как цикличное — от консерватизма к прогрессивному либерализму и обратно [2; 3; 10].

Специфика нашего подхода в том, что, не отрицая перечисленных направлений, мы фокусируемся на поиске констант идеологических ориентаций, полагая, таковые определяются и корректируются, с одной стороны, жизненными стратегиями и моделями поведения индивида, с другой — курсом экономического, политического и социального развития. Объект исследования — идеологические ориентации в динамике и с точки зрения представлений о желаемом пути развития России и обществе, в котором люди хотели бы жить, разделяемых позиций по широкому спектру идей, социокультурных маркеров капиталистического и социалистического развития. Цель исследования — изучение динамики идеологических ориентаций в течение длительного двадцатипятилетнего постсоветского периода для выявления мировоззренческих констант и особенностей развития идеологического процесса, которые фиксируются по трем осям: идеологизация–деидеологизация сознания, левый поворот — правый поворот, идеологическая поляризация — идеологическая конвергенция воззрений.

В качестве основных гипотез исследования выступили следующие предположения, по поводу которых наблюдаются наибольшие разногласия ученых: 1) идеологический раскол не носит опасный для общества характер и во многом вызван гибридностью режима и многовекторностью проводимого курса; 2) гибридные режимы позволяют опираться на разные, зачастую противоположные идеологические установки, которые повышают его устойчивость и стабильность; 3) синтез разных идеологических воззрений может обеспечить нормальный процесс формирования государственной идеологии, отражающей общественный мировоззренческий консенсус; 4) маркеры социализма и капитализма, справедливости и свободы постоянно меняются, но в целом соотношение коммунитарных и субсидиарных воззрений и стратегий остается относительно стабильным в контексте определенного социально-идеологического состояния общества. Для проверки гипотез были обозначены ключевые идеологические конструкты массового сознания и рассмотрены в динамике, после чего планируется определить инварианты социально-идеологического портрета российского общества, которые остаются неизменными или мало меняются со временем, несмотря на серьезные трансформации социально-экономических и социально-политических процессов.

В качестве эмпирической базы для вторичного анализа выступили результаты мониторинга ИСПИ РАН «Как живешь, Россия?» за 1995–2019 годы (общероссийская выборка в 1607 респондентов) [17], а также результаты социологических исследований, проведенных при участии авторов: «Оценка итогов и перспектив приватизации» (2005 год, общероссийская выборка в 2800 респондентов) [10] и «Оценка населением итогов и перспектив радикальных преобразований российского общества» (2019 год, репрезентативная выборка в 900 респондентов). Данные всех исследований были собраны методом очного личного стандартизированного интервью. Сравнительному анализу были подвергнуты методически сопоставимые показатели, измеренные по идентичным пятипозиционным порядковым шкалам, где крайние позиции характеризуют максимальную и минимальную степень выраженности измеряемого признака.

Результаты исследований свидетельствуют, что на протяжении двадцати пяти лет, несмотря на перипетии политического и экономического характера, большинство россиян выражают приверженность особому национальному пути. В значительной мере эти умонастроения сопряжены с выбором вектора социально-ориентированной экономики с преобладанием государственных форм собственности, тогда как преимущества свободной рыночной экономики привлекают лишь каждого десятого (Табл. 1).

Оценивая отношение респондентов к политической системе (принимая во внимание, что кардинальных изменений в ней за анализируемый период не произошло), можно говорить если не о принятии, то о «привыкании» массового сознания к изменениям. Так, если крах советской системы и официальной

идеологии воспринимался подавляющей частью населения как катастрофа — в 1994–1999 годы лишь 3% «полностью устраивала политическая система нашего общества», то в 2000–2010 годы эта доля выросла до 8%, а в 2019 — до 20%. О феномене «привыкания» свидетельствует и снижение доли считающих, что «политическую систему необходимо изменить» (в 1994 году — 88%, в 2010 — 77%, в 2019 — 66%), причем доля полагающих, что это нужно сделать радикальным образом, уменьшилось в 1,5 раза [18. С. 9].

Таблица 1

Наиболее приемлемый путь социально-экономического развития России

Путь экономического развития России	Распространенность мнения, в %			
	1992	2004	2011	2017
Свой особый путь развития	52	44	45	42
Социально-ориентированная экономика наподобие Швеции	24	24	20	26
Экономика с преобладание государственных форм собственности по образцу Китая	5	9	11	10
Свободная рыночная экономика, как в США, Великобритании, ФРГ, Франции	11	9	8	9
Затруднились ответить	24	24	20	26

Здесь и далее, если не указано иное, источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН (2017).

Вместе с тем динамика представлений о типе общества, в котором россияне хотели бы жить, свидетельствует об устойчивой поляризации умонастроений и одновременно об идеологической неопределенности: более половины населения примерно в равной мере ориентировано на социализм и капитализм, наметилась тенденция к снижению доли граждан, связывающих свое благополучие с социалистическим типом общества, и, наоборот, к увеличению доли ориентированных на капитализм. Однако важнее то, что значительная доля респондентов затрудняется дать ответ, в каком обществе они хотели бы жить. Очевидно, что понятия «социализм» и «капитализм» применительно к желаемому типу общества не имеют для этой части населения практического смысла. Вероятно, население воспринимает нынешнее улучшение своего материального положения по сравнению с 1990-ми годами как достижения нынешнего типа политического устройства (Табл. 2). Впрочем, сравнительный анализ оценок населением идеологического фундамента общественного устройства России показывает, что в массовом сознании наметился рост диффузной неопределенности и рассеивания мнений. Если в 2005 году около 70% оценивали общественный строй России как олигархический и криминальный капитализм, то в 2019 году выделить доминирующие представления невозможно, несмотря на некоторое усиление позиции «государственный капитализм». Треть опрошенных не может однозначно оценить тип общественного устройства современной России (Табл. 3).

Таблица 2

Тип общества, в котором россияне хотели бы жить

Тип общества, в котором россияне хотели бы жить	Доля населения, в %			
	1998	2008	2014	2018
В социалистическом	38	30	33	29
В капиталистическом	22	18	16	24
В каком-то другом	10	10	7	6
Затруднились ответить	30	39	44	41

Таблица 3

Тип общественного устройства, сложившийся в России

Общественный строй в России	Распространенность мнения, в %	
	2005	2019
Олигархический капитализм	41	20,3
«Криминальный капитализм»	29	13,7
Государственный капитализм	7	13,3
Что-то неопределенное, строй, соединяющий черты социализма, капитализма и феодализма	–	10,7
Клановый капитализм	8	9,2
Социально-ориентированный рыночный капитализм	5	8,4
Классический (свободный) капитализм	3	3,4
Народный капитализм	2	2,8
Военно-феодальный строй (диктатура)	–	1,4
Затрудняюсь ответить	3	16,9

Источник: результаты социологического исследования ИСПИ РАН (2005); результаты авторского исследования «Оценка итогов и перспектив радикальных преобразований российского общества» (2019).

Еще более мозаичны идеологические взгляды населения: около четверти респондентов затрудняются в определении таковых, у остальных наблюдается их разброс по декларируемой направленности и устойчивости (Табл. 4).

Таблица 4

Разделяемые населением идеологические позиции

Идеологические взгляды	Распространенность мнения, в %				
	2002	2005	2015	2018	2019
Демократические	16	23	29	26	26
Патриотические	17	24	34	28	28
Коммунистические	7	8	7	7	8
Либеральные	4	6	11	9	7
Социалистические	9	9	6	9	8
Социал-демократические	1	4	5	7	5
Консервативные	3	5	6	5	4
Националистические	1	4	2	3	4
Затрудняюсь ответить	17	32	22	24	26

Наиболее значимо представлены понятные для массового сознания, интерпретируемые и пропагандируемые в СМИ «демократические» и «патриотические» взгляды, незначительные доли (в среднем 7–9%) разделяют коммунистические, социалистические и либеральные взгляды. Их несоотнесенность с соответствующим типом общества, видимо, говорит о том, что в основном в построении своих жизненных стратегий и реализации субъективно значимых

потребностей и интересов россияне практически не руководствуются какой-либо идеологией. Об этом свидетельствует и отсутствие в обществе поддержки политических партий: около половины россиян (44%) не поддерживают никакую политическую партию, хотя эта доля за двадцать лет выросла в 1,8 раза. Причем поддержка правящей партии («Единая Россия») и КПРФ статистически сопоставима — 14% и 8% соответственно [18. С. 17].

Если схематично описать отношение россиян к состоянию общества и их идеологические установки, то можно сделать вывод, что, несмотря на неопределенность и противоположность идеологических взглядов, наблюдается единодушный отказ поддерживать пути социально-политического и экономического развития (Табл. 5).

Таблица 5

**Идеологические установки и оценка путей
социально-политического и экономического развития**

Идеологические ориентации	%		Политические и социально-экономические референты общественной ориентации	Индексы***	
	1998	2018		1998	2018
На социалистический тип общественного устройства	38	29	Одобрение политической системы общества	-0,79	-0,46
			Поддержка курса экономических реформ	-0,65	-0,17
			Поддержка правящей партии	-0,27*	-0,15
На капиталистический тип общественного устройства	22	24	Соответствие экономических преобразований интересам большинства населения	-0,63**	-0,51
Затруднились с ответом	30	41	Людьми у власти нет никакого дела до простых людей	-0,65	-0,67

* 1999 год

** 2004 год

*** Индекс — это разность положительных и отрицательных оценок, соотнесенных с количеством опрошенных. Индекс принимает значения от -1 — абсолютная не поддержка — до +1 — абсолютная поддержка.

Таким образом, анализируя динамику идеологических ориентаций россиян в постсоветский период, можно говорить о беспорядочном вплетении идейно-политических установок в контекст социально-экономических факторов. Более того, с середины 1990-х годов в общественном мнении наблюдается постепенный отказ от веры в идеологические постулаты как маяки благогого жизнеустройства [25. С. 48].

Оценивая многообразие субъективных проекций населения в отношении социалистической и капиталистической моделей, можно выделить ряд устойчивых маркеров этих антагонистических общественно-политических систем (Табл. 6).

Маркеры социализма — это, главным образом, нравственные основы (коллективизм, порядок, патриотизм, справедливость) и производные от них (взаимопомощь и права человека). Для капитализма, по мнению россиян, в первую очередь, характерны частная собственность, конкуренция, коррупция, власть

узкой группы людей и, как следствие, социальная незащищенность и бедность. Примечательно, что такие, казалось бы, атрибутивные качества капитализма, как свобода, права человека, высокий уровень жизни и даже технический прогресс со временем отходят на задний план и становятся почти сопоставимы с качествами, приписываемыми социализму. Другой примечательной особенностью сопоставления социализма и капитализма в массовом сознании россиян является то, что негативные черты — преступность, бедность, подавление личности — в большей мере связываются с капиталистическим, чем с социалистическим укладом жизни, а такие качества, как гуманизм и духовность, по мнению россиян, капиталистическому строю практически не свойственны. Можно утверждать, что идеологические маркеры общественного устройства теряют статус терминальных ценностей, и россияне перестают связывать свои жизненные перспективы исключительно с типом политического устройства.

Таблица 6

**Идеологические и нравственные маркеры
социалистического и капиталистического общества**

Распространенность, в % СОЦИАЛИЗМ				Маркеры	Распространенность, в % КАПИТАЛИЗМ			
1998	2006	2014	2018		1988	2006	2014	2018
58	42	43	39	Коллективизм	0	2	5	2
44	37	42	38	Порядок	17	7	9	6
40	39	40	41	Патриотизм	2	2	3	2
29	26	34	30	Справедливость	7	4	4	3
23	15	19	26	Народовластие	2	2	4	2
13	17	23	18	Права человека	19	11	9	8
–	–	19	19	Взаимопомощь	–	–	1	1
18	11	13	14	Бедность	32	28	20	22
10	14	19	11	Свобода	30	22	20	190
16	8	14	12	Духовность	3	2	2	1
11	12	9	11	Высокий уровень жизни	35	19	13	15
12	21	13	11	Гуманизм	2	2	3	1
23	17	13	14	Подавление личности	17	18	15	15
9	13	7	6	Социальная незащищенность	40	40	26	24
25	9	9	9	Власть узкой группы людей	36	38	30	31
–	–	6	2	Конкуренция	–	–	43	38
15	16	11	16	Технический прогресс	37	25	24	26
–	–	–	–	Коррупция	–	–	45	37
2	2	3	1	Частная собственность	62	52	55	61
21	16	9	8	Экономическая отсталость	7	8	4	3
5	3	3	2	Преступность	48	37	24	15

Источник: составлено авторами по данным Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН за май 2018 года.

В научном сообществе высказываются опасения, что отсутствие идеологического единства, общих идеалов и ориентиров развития общества и государства может стать причиной социальной аномии, угрожает духовно-нравственному развитию нации, подрывает легитимность и устойчивость власти, общественных и государственных институтов [5; 15]. Результаты исследований позволяют предположить, что эти опасения преувеличены: несмотря на

расхождения в выборе приемлемого пути социально-экономического развития общества (социально-ориентированная экономика, либеральная экономика или государственный капитализм), идейный раскол не носит устойчивого или массового характера. Существует своего рода «стабилизационный фонд» двух наиболее распространенных политико-идеологических позиций, которые препятствуют подобному расколу: во-первых, это индифферентное отношение к идеологическому «называнию» курса общественного развития; во-вторых, широкое распространение идеологием поиска «особого пути» для России, который, как правило, сочетает в себе социальные блага синтеза ценностей социализма и капитализма, свободы и порядка, демократии и централизованного правления. Причем в структуре ценностей «особого пути России» слабо выражены позиции национализма (лишь 4% респондентов) и консерватизма (5%) — доминируют патриотические (26%) и демократические (28%). Доля россиян, для которых политико-идеологические маркеры проводимого курса не имеют существенной роли, составляет большинство (в среднем за период 68–76%), что во многом отражает гибридность проводимых в постсоветский период реформ. И соотношение подобных мировоззренческих ориентаций мало изменились за период опросов, что может говорить о некоторой инвариантной структуре политических взглядов.

В современном российском обществе одна часть граждан следует модели «человека модерна», другая — модели «человека традиции», но все же большинство сочетают в разных пропорциях элементы обеих моделей [1; 29]: на словах могут придерживаться эгалитарных принципов, а в практической жизни руководствоваться либеральными ценностями. Многие исследователи политических взглядов населения полагают, что идеология россиянина — это идеология выживания, ориентированная на ценности утилитарного и прагматического характера, поэтому индивидуализм и ценности личного благополучия преобладают над коллективными мотивациями, на основе которых возникает солидарность и гражданская самоорганизация [4; 25].

В целом можно сделать вывод о снижении роли идеологии в жизни людей: отмечается смягчение идейной поляризации граждан, мозаичность их идеологических воззрений, утрата идеологическими маркерами политического устройства статуса ценностей высшего порядка — безусловных ориентиров общественного развития и связанной с ними смысловой траектории жизни. Поэтому реализация идеи создания государственной идеологии вряд ли будет способствовать преодолению эклектики идейных воззрений, обусловленной диалектикой ценностей социально-экономического и политического развития. В условиях гибридного режима и проводимого разновекторного и противоречивого в идеологическом плане курса вряд можно сформировать единую ценностно-нормативную систему социальной регуляции и контроля, а также единую основу государственной политики в разных областях жизни, которая, апеллируя к идеям солидарности и взаимопомощи,

заставит людей жертвовать своими интересами ради общего дела и коллективного блага [5. С. 5]. Большинство граждан уже не связывают социально-политические и экономические маркеры ни с какими идеологемами общественного устройства, не видят в них основания для солидарности, коллективного участия и взаимопомощи. На смену четким идеологическим ориентациям приходит клиповое сознание и политический консьюмеризм, имеющие чисто практическое, потребительское значение и слабо связанные с политической идеологией и ценностями [6; 13; 27]. Во многом это объясняется тем, что гибридные режимы, к которым часто относят и Россию, позволяют человеку опираться на разные, нередко противоположные принципы, выраженные в популярных лозунгах и воззваниях и охватывающие многие терминальные ценности индивида, связанные с его жизненными стратегиями.

Результаты проведенного сопоставительного анализа не позволяют говорить о том, что наблюдается тенденция архаизации или модернизации идеологических ориентаций россиян, их однозначно «левый» или «правый» поворот — скорее можно констатировать наличие своего рода идеологических качелей в контексте вызовов времени и разнонаправленности идеологических посылов власти в зависимости от политической конъюнктуры. Тем не менее, позволим себе сделать два гипотетических умозаключения: во-первых, в ситуации отсутствия четкой и ясной национальной идеи во взглядах и политических ориентациях россиян наблюдается эклектизм (в частности, нравственные императивы социализма соседствуют с прагматическим субъективизмом капитализма, люди хотят жить свободно и богато в обществе тотальной социальной незащищенности, отсутствия духовности и гуманизма). Традиционные устойчивые стереотипы всеобщего благоденствия постоянно наталкиваются на негативные факты повседневной жизни, что вносит сумбур и путаницу в их взгляды и ориентации. Во-вторых, идеологические и нравственные максимы российского общества не являются определяющими факторами протекающих социальных процессов. По сути, все социальное пространство находится в ситуации неопределенности, в критической точке, которую предстоит преодолеть, что требует от социальных субъектов анализа ситуации, значительных усилий, принятия решений, а иногда даже смены установок, когнитивных и поведенческих схем [24. С. 84]. Несмотря на то, что не все выдвинутые гипотезы нам удалось проверить, они позволили очертить круг проблем, которые нуждаются в дальнейшей проработке.

Библиографический список

- [1] *Андреев А.Л.* Российский менталитет и проблема модернизации // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 3.
- [2] *Ахиезер А.С.* Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. 2001. № 2.
- [3] *Бессонова О.Э.* Институциональная матрица для модернизации России // Вопросы экономики. 2012. № 8.

- [4] *Бызов Л.Г.* Динамика идейно-политических предпочтений за 25 лет. Три этапа трансформации общественного сознания // Россия XXI. 2019. № 1.
- [5] *Волков Ю.Г.* Идеология в жизни современного российского общества // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 6.
- [6] *Гиренок Ф.* Клиповое сознание. М., 2016.
- [7] *Глухова А.В.* Консервативная волна: запрос общества или выбор власти? // Социально-политическая трансформация в современной России: поиск модели устойчивого развития / Отв. ред. Л.И. Никовская. М., 2015.
- [8] *Горшков М.К., Тихонова Н.Е.* Социокультурные факторы консолидации российского общества. М., 2013. Вып. 1.
- [9] *Горячев А.И.* Конфликт идеологий в современной России // Военно-академический журнал. 2016. № 1.
- [10] *Иванов В.Н., Воротников В.П., Анохин М.Г., Бабакаев С.В., Мазаев Ю.Н., Яковлев С.Д.* Приватизация-национализация: российские альтернативы. Результаты комплексного социологического исследования. М., 2006.
- [11] *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. СПб., 2014.
- [12] *Клокова А.И.* Анализ теории гибридных политических режимов и их классификации // Молодой ученый. 2018. № 11.
- [13] *Коблева Э.А., Схалято З.Ч.* Идеология потребления в духовной жизни современного общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 1.
- [14] *Козин Н.Г.* Национальная идеология: сущность и пути обретения // Государственная идеология и современная Россия. М., 2014.
- [15] *Краснова Е.А.* Приоритетные национальные проекты и идеологическая функция государства // Вестник Челябинского университета. 2008. № 14.
- [16] *Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С.* Состояние гражданского общества в России / Под общ. ред. В.К. Левашова. М., 2018.
- [17] *Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С.* Экспресс-информация «Как живешь, Россия?»: XLVIII этап социологического мониторинга / Под общ. ред. В.К. Левашова. М., 2019.
- [18] *Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С.* Экспресс-информация «Как живешь, Россия?»: XLIX этап социологического мониторинга / Под общ. ред. В.К. Левашова. М., 2019.
- [19] *Лутцев М.В.* Идеология в контексте современного авторитарного общественного сознания: российская теория и практика // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2018. № 3.
- [20] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1.
- [21] *Никовская Л.И.* Политическая консолидация и уровни сознания // Разум на распутье: Общественное сознание между прошлым и будущим / Отв. ред. Ю.А. Красин. М., 2017.
- [22] *Николаева Е.М., Ивишина О.Я.* Политический консюмеризм, или «пустая» объективация // Ученые записки КГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. Кн. 1.
- [23] *Общественное сознание между прошлым и будущим / Отв. ред. Ю.А. Красин. М., 2017.*
- [24] *Осьмук А.А.* Социальная неопределенность и метаморфозы современного общества // Идеи и идеалы. 2010. Т. 1. № 4.
- [25] *Петухов В.В.* Динамика мировоззренческих и идеологических установок россиян // Мониторинг общественного мнения. 2008. № 1.
- [26] *Петухов В.В.* Политическая активность и гражданская самоорганизация россиян // Общественные науки и современность. 2002. № 6.

- [27] *Пишизова С.Н.* От «гражданского общества» к «сообществу потребителей»: политический консьюмеризм в сравнительной перспективе // URL.: http://www.civisbook.ru/files/File/Pshizova_2009_1.pdf.
- [28] Россия: процесс консолидации власти и общества. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2007 году / Под ред. Г.В. Осипова, В.В. Локосова. М., 2008.
- [29] *Тихонова Н.Е.* Особенности нормативно-ценностной системы российского общества через призму теории модернизации // *Terra Economicus*. 2011. Т. 9. № 2.
- [30] *Bogaards M.* How to classify hybrid regimes? Defective democracy and electoral authoritarianism // *Democratization*. 2009. Vol. 16. No. 2.
- [31] *Morse Y.L.* Review: The era of electoral authoritarianism // *World Politics*. 2012. Vol. 64. No. 1.
- [32] *Trotsuk I.* “To trust or not to trust” is not the question; “How to study trust” is much more challenging task // *Russian Sociological Review*. 2016. Vol. 15. No. 4.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-582-594

Dynamics of the Russian population political-ideological orientations in the post-Soviet period*

T.N. Yudina, Yu.N. Mazaev, S.V. Babakaev

Russian State Social University

Wilhelma Pika St., 4–1, Moscow, 129226, Russia

(e-mail: JudinaTN@rgsu.net; MazaevJUN@rgsu.net; BabakaevSV@rgsu.net)

Abstract. Under permanent transformations in all spheres of life in the Russian society, the dynamics of the political-ideological views of people, their attitudes to the choice and implementation of the strategic directions of social development become especially important. Russian scientists prefer the ideas of the crisis of liberal ideas, growth of conservatism, ‘left turn’, and consider the state ideology a way to overcome the ideological split in the society and to ensure its unity and integrity. At the same time, some opposite tendencies are often ignored in the scientific analysis, which leads to misunderstanding of the real development of the ideological situation in the post-Soviet period. The article aims at filling this gap based on the analysis of the dynamics of the Russians’ key political-ideological orientations in the last quarter of the century. Based on the empirical data of the sociological monitoring “How are you, Russia?” and the authors’ research, the article describes the dynamics of the Russians’ views, ideological and political orientations. In particular, the study confirmed the hypotheses about the decreasing role of ideology, society’s ideological polarization, mosaic ideological views of Russians, and the loss by ideological markers of the political structure of their status of terminal values. The authors conclude that the blurred ideological orientations would not allow the state ideology to overcome the existing eclecticism of ideological views without a contemporary welfare legal state that would replace the ‘hybrid regime’.

Key words: monitoring; ideological and moral markers; ideological views and orientations; deideologization; state ideology; ‘hybrid regime’; legal democratic state

References

- [1] Andreev A.L. Rossijsky mentalitet i problema modernizatsii [Russian mentality and the issue of modernization]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya*. 2010; 3 (In Russ.).

---

* © T.N. Yudina, Yu.N. Mazaev, S.V. Babakaev, 2020.

The article was submitted on 22.04.2020. The article was accepted on 10.06.2020.

- [2] Akhiezer A.S. Arhaizatsiya v rossijskom obshchestve kak metodologicheskaya problema [Archaization in the Russian society as a methodological problem]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*. 2001; 2 (In Russ.).
- [3] Bessonova O.E. InstitutSIONalnaya matritsa dlya modernizatsii Rossii [Institutional matrix for the modernization of Russia]. *Voprosy Ekonomiki*. 2012; 8 (In Russ.).
- [4] Byzov L.G. Dinamika idejno-politicheskikh predpochteniy za 25 let. Tri etapa transformatsii obshchestvennogo soznaniya [Dynamics of the ideological-political preferences over 25 years. Three stages of the public consciousness transformation]. *Rossiya XXI*. 2019; 1 (In Russ.).
- [5] Volkov Yu.G. Ideologiya v zhizni sovremennogo rossijskogo obshchestva [Ideology in the life of the contemporary Russian society]. *Sotsialno-Gumanitarnye Znaniya*. 1999; 6 (In Russ.).
- [6] Girenok F. *Klipovoe soznanie* [Clip Consciousness]. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [7] Glukhova A.V. Konservativnaya volna: zapros obshchestva ili vybor vlasti? [Conservative wave: A social request or the authorities' choice?]. *Sotsialno-politicheskaya transformatsiya v sovremennoj Rossii: poisk modeli ustojchivogo razvitiya*. Otv. red. L.I. Nikovskaya. Moscow; 2015 (In Russ.).
- [8] Gorshkov M.K., Tikhonova N.E. *Sotsiokulturnye faktory konsolidatsii rossijskogo obshchestva* [Social-Cultural Factors of the Russian Society Consolidation]. Moscow; 2013. Issue 1 (In Russ.).
- [9] Goryachev A.I. Konflikt ideologij v sovremennoj Rossii [Conflict of ideologies in contemporary Russia]. *Voенно-Akademicheskij Zhurnal*. 2016; 1 (In Russ.).
- [10] Ivanov V.N., Vorotnikov V.P., Anokhin M.G., Babakaev S.V., Mazaev Yu.N., Yakovlev S.D. *Privatizatsiya-natsionalizatsiya: rossijskie alternativy. Rezultaty kompleksnogo sociologicheskogo issledovaniya* [Privatization-Nationalization: Russian Alternatives. Results of the Complex Sociological Study]. Moscow; 2006 (In Russ.).
- [11] Kirdina S.G. *Institutsionalnye matritsy i razvitie Rossii: vvedenie v X-Y-teoriyu* [Institutional Matrices and Development of Russia: Introduction to the X-Y Theory]. Saint Petersburg; 2014 (In Russ.).
- [12] Klokoval A.I. Analiz teorii gibridnykh politicheskikh rezhimov i ih klassifikatsii [Analysis of the theory of hybrid political regimes and their classification]. *Molodoj Uchyonyj*. 2018; 11 (In Russ.).
- [13] Kobleval E.A., Skhalyato Z.Ch. Ideologiya potrebleniya v duhovnoj zhizni sovremennogo obshchestva [Ideology of consumption in the spiritual life of the contemporary society]. *Istoricheskie, Filosofskie, Politicheskie i Yuridicheskie Nauki, Kulturologiya i Iskuststovovedenie. Voprosy Teorii i Praktiki*. 2017; 1 (In Russ.).
- [14] Kozin N.G. Natsionalnaya ideologiya: sushchnost i puti obreteniya [National ideology: Essence and ways of development]. *Gosudarstvennaya ideologiya i sovremennaya Rossiya*. Moscow; 2014 (In Russ.).
- [15] Krasnova E.A. Prioritetnye natsionalnye proekty i ideologicheskaya funktsiya gosudarstva [Priority national projects and the ideological function of the state]. *Vestnik Chelyabinskogo Universiteta*. 2008; 14 (In Russ.).
- [16] Levashov V.K., Afanasiev V.A., Novozhenina O.P., Shushpanova I.S. *Sostoyanie grazhdanskogo obshchestva v Rossii* [The State of Civil Society in Russia]. Pod obshch. red. V.K. Levashova. Moscow; 2018 (In Russ.).
- [17] Levashov V.K., Afanasiev V.A., Novozhenina O.P., Shushpanova I.S. Ekspress-informatsiya "Kak zhivesh, Rossiya?" [Express information "How are you, Russia?"]: XLVIII etap sociologicheskogo monitoringa. Pod obsh. red. V.K. Levashova. Moscow; 2019 (In Russ.).
- [18] Levashov V.K., Afanasiev V.A., Novozhenina O.P., Shushpanova I.S. Ekspress-informatsiya "Kak zhivesh, Rossiya?" [Express information "How are you, Russia?"]: XLIX etap sociologicheskogo monitoringa. Pod obsh. red. V.K. Levashova. Moscow; 2019 (In Russ.).
- [19] Lutsev M.V. Ideologiya v kontekste sovremennogo avtoritarnogo obshchestvennogo soznaniya: rossijskaya teoriya i praktika [Ideology in the contemporary authoritarian public consciousness: Russian theory and practice]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*. 2018; 3 (In Russ.).

- [20] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelny analiz tsennostnykh orientatsiy (Chast 1) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (Part 1)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1) (In Russ.).
- [21] Nikovskaya L.I. Politicheskaya konsolidatsiya i urovni soznaniya [Political consolidation and levels of consciousness]. *Razum na rasputie: Obshchestvennoe soznanie mezhdru proshlym i budushchim*. Otv. red. Yu.A. Krasin. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [22] Nikolaeva E.M., Ivshina O.Ya. Politicheskyy konsyumerizm, ili "pustaya" ob'ektivatsiya [Political consumerism, or "empty" objectivation]. *Uchenye Zapiski KGU. Seriya: Gumanitarnye Nauki*. 2009; 151 (1) (In Russ.).
- [23] *Obshchestvennoe soznanie mezhdru proshlym i budushchim* [Public Consciousness between Past and Future]. Otv. red. Yu.A. Krasin. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [24] Osmuk A.A. Socialnaya neopredelennost i metamorfozy sovremennoy obshchestva [Social uncertainty and metamorphoses of contemporary society]. *Idey i Idealy*. 2010; 1 (4) (In Russ.).
- [25] Petukhov V.V. Dinamika mirovozzrencheskikh i ideologicheskikh ustanovok rossiyan [Dynamics of worldview and ideological attitudes of Russians]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya*. 2008; 1 (In Russ.).
- [26] Petukhov V.V. Politicheskaya aktivnost i grazhdanskaya samoorganizatsiya rossiyan [Political activity and civil self-organization of Russians]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*. 2002; 6 (In Russ.).
- [27] Pshizova S.N. Ot "grazhdanskogo obshchestva" k "soobshchestvu potrebitelej": politicheskyy konsyumerizm v sravnitelnoy perspektive [From "civil society" to "consumer community": Political consumerism in the comparative perspective]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Pshizova_2009_1.pdf (In Russ.).
- [28] *Rossiya: protsess konsolidatsii vlasti i obshchestva. Sotsialnaya i sotsialno-politicheskaya situatsiya v Rossii v 2007 godu* [Russia: Process of Power and Society Consolidation. Social and Social-Political Situation in Russia in 2007]. Pod red. G.V. Osipova, V.V. Lokosova. Moscow; 2008 (In Russ.).
- [29] Tikhonova N.E. Osobennosti normativno-tsennostnoy sistemy rossijskogo obshchestva cherez prizmu teorii modernizatsii [Features of the normative-value system of the Russian society in the modernization theory perspective]. *Terra Economicus*. 2011; 9 (2) (In Russ.).
- [30] Bogaards M. How to classify hybrid regimes? Defective democracy and electoral authoritarianism. *Democratization*. 2009; 16 (2).
- [31] Morse Y.L. Review: The era of electoral authoritarianism. *World Politics*. 2012; 64 (1).
- [32] Trotsuk I. "To trust or not to trust" is not the question; "How to study trust" is much more challenging task. *Russian Sociological Review*. 2016; 15 (4).

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-595-610

Гражданский активизм студентов: риск деструктивных проявлений в Поволжском регионе*

В.В. Щебланова¹, Л.В. Логинова¹, Д.В. Зайцев², И.Ю. Суркова³

¹Саратовская государственная юридическая академия
ул. Вольская, 16, Саратов, 410028, Россия

²Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина
ул. Политехническая, 12, Саратов, 410054, Россия

³Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина — филиал РАНХиГС
Соборная пл., 23/25, Саратов, 410017, Россия
(e-mail: vsheblanova@mail.ru; lvloginova66@mail.ru;
zaitsevd@bk.ru; irina_surkova@mail.ru)

В статье представлены результаты регионального социологического исследования специфики гражданского активизма студенческой молодежи и прогноз развития деструктивных проявлений в Поволжском регионе. Гражданская активность — неотъемлемый компонент обновления и социального развития, который строится на высокой разноформатной и разновекторной активности молодежи в целях осуществления социальных преобразований «здесь и сейчас». Для части молодых людей активизм стал своеобразной занятостью в офлайн- и онлайн-форматах. В ряде случаев наблюдается деструктивный (вплоть до делинквентного) гражданский активизм молодежи — как ответная реакция на несправедливое, неправомерное действие или отношение, прежде всего со стороны власти. На основе комплекса теоретических положений структурного функционализма, конфликтологической и интерпретативной парадигм в статье раскрыты особенности реализации активистских интенций молодежи Поволжского региона и представлена их интерпретация. В ходе эмпирического исследования, реализованного методом экспертного опроса, были установлены зависимости между социальной несправедливостью и гражданской активностью, участием в волонтерской деятельности. Выявлено активное распространение радикальных идей на низовом уровне повседневной жизни, в рамках бытовых форм взаимодействия и на фоне снижения публичной гражданской активности, что определяет нарастание скрытого конфликта между населением и властью. Риск роста социальной деструктивности обусловлен назреванием кризиса ожиданий изменений, консервацией социально-экономических проблем, ренессансом социалистических идей, которые становятся популярны в молодежной среде, увеличением количества числа иногородних и особенно иностранных студентов. Концентрация студенческой гражданской активности в Поволжском регионе наблюдается вокруг наиболее актуальных проблем федерального и локального уровней. Применение санкций к студентам, участвующим в митингах и протестных группах социальных сетей, только стимулирует интерес молодежи к протестной деятельности. Необходима молодежная политика, чувствительная к нуждам и потребностям молодежи и способная создать разноформатное пространство для позитивного молодежного активизма.

Ключевые слова: гражданский активизм; молодежь; социальная активность; студенчество; социальная деструктивность; Поволжский регион

* © Щебланова В.В., Логинова Л.В., Зайцев Д.В., Суркова И.Ю., 2019.

Статья поступила в редакцию 01.04.2020 г. Статья принята к публикации 10.06.2020.

Проблемам гражданской активности студенческой молодежи традиционно уделяется повышенное внимание со стороны государства, общества, различных социально-политических структур и ученых. Это объясняется спецификой молодежной когорты как особой социально-возрастной группы с высокой когнитивной активностью, мобильностью, находящейся в поиске приемлемых для самореализации условий и сфер жизнедеятельности, вплоть до политического протеста, радикализма. Соответственно, необходима целенаправленная политика по формированию гражданственности молодежи, созданию условий для того, чтобы каждое новое поколение отождествляло себя с общим благом и становилось заинтересованным членом общества [25]. Развитие гражданской активности молодежи предполагает формирование способностей к разрешению конфликтов, связанных с предвзятостью и предубеждениями, сбору информации о государственных, национальных и глобальных проблемах, организации других вокруг общего дела [24]. Без продуктивного гражданского участия разочарование и неудовлетворенность молодежи могут привести к аномии и негативному поведению [26].

В современных социально-политических условиях наблюдается рост молодежного гражданского активизма, социологи фиксируют запрос российского общества на развитие сфер гражданского участия с привлечением молодежи. По данным всероссийских опросов, проведенных ВЦИОМ в 2017 и 2019 годы, 90% россиян заявляют о важности активного вовлечения молодежи в общественную жизнь (75% в 2007 году) [15]. При этом возникают новые формы протестной активности, имеющие деструктивный характер, например, либеральный (неолиберальный) радикализм и экстремизм, преследующие цель переустройства незападных обществ посредством «ненасильственного протеста» по западному образцу. В России ответом на данную угрозу стала активизация казачьих обществ, создание «сверху» проправительственных движений «Наши» и «Антимайдан», призванных противостоять экстремистским проявлениям политической оппозиции, но оказавшихся на грани экстремизма в своей деятельности [17. С. 129]. Массовые протесты и акции с участием студентов, прошедшие в 2019 году в Москве (за свободные выборы в городскую думу), Санкт-Петербурге (в поддержку журналиста Ивана Голунова), Екатеринбурге (против строительства храма), Архангельской области (против строительства мусорного полигона), Саратовской области (против переработки опасных отходов) и других регионах, показывают наличие оппозиционных настроений у молодого поколения, его стремление к деструктивной гражданской активности, вплоть до политического радикализма, как в реальной среде, так и в интернет-пространстве. Появились молодые лидеры-активисты, которые ведут блоги, язвительные и разоблачительные каналы на YouTube, привлекая внимание значительного числа молодых людей, что происходит на фоне спада экстремистских акций.

Так, МВД России за семь первых месяцев 2019 года зарегистрировало 371 преступлений экстремистской направленности, что почти на 60% меньше

в сравнении с показателями аналогичного периода 2018 года [7]. Возникает вопрос: действительно ли это устойчивый спад, или же деструктивный активизм меняется в поисках новых практик? Использование Интернета в протестном движении [12], террористическими и экстремистскими организациями [4] приводит к созданию онлайн-пространства с новыми субъектами, формирует феномены виртуальной деструктивной гражданской активности, виртуального протеста, экстремизма, хактивизма (ненасильственного легального и нелегального использования компьютерных технологий для политических задач) как новых видов политического участия студентов, являющихся наиболее интернет-активной социальной группой.

Традиционно внимание исследователей концентрируется на позитивных форматах гражданского участия молодежи [14] или политическом радикализме и экстремизме как феноменах деструктивной протестной активности [1; 7; 16]. Активность второго типа бинарна и характеризуется синтезом конструктивных целей (активизация социальных групп, сплочение людей) и деструктивных (снижение активности социума, дестабилизация, дезорганизация) [13]. Деструктивным протестное поведение считается, когда активистские практики по отношению к политической системе квалифицируются как преступления (политический экстремизм и терроризм [3]), происходят несанкционированные акции протеста, сопровождающиеся моральным и материальным ущербом вплоть до террористических актов, представляют угрозу для здоровья и жизни [1. С. 1718]. Вместе с тем некоторые исследователи при концептуализации протестного движения отмечают его функцию общественной самокритики, необходимой для развития гражданского общества, создания и поддержания социальных институтов [22].

Несмотря на сложность локализации «плохих» форм протеста (скажем, правого радикализма), которые оказываются в конфронтации со своим «хорошим» врагом (скажем, движениями «антифа») [2. С. 128], обращение к деструктивности позволяет очертить формы гражданской активности, несводимые к агрессии или насилию (отказ от выполнения социальной роли), но приводящие к разрушению [6. С. 68]. Деструктивная гражданская активность — это действия, возникающие вследствие социальной несправедливости, неравенства, социально-политической напряженности с целью противодействия им и проявляющиеся в коллективных и индивидуальных дискурсах, протестных акциях (в том числе открытого сопротивления, экстремизма) — как явно неодобряемых, так и латентно одобряемых обществом [9. С. 98]. Граница между конструктивностью/деструктивностью гражданского активизма во многом определяется возможностями достижения социального консенсуса относительно перспектив общественного развития [10. С. 246].

Молодежь — социальный ресурс, необходимый для осуществления социальных преобразований: при ее непосредственном «оживляющем посредничестве» общество быстро адаптируется к новым условиям [12. С. 444]. Соответственно, гражданская активность является неотъемлемым компонентом

социального развития. Однако для активизации молодежного движения необходим благоприятный структурный контекст, векторно обозначенный неуверенностью в завтрашнем дне, непрозрачностью функционирования общества при наличии явных признаков социальной аномии [21. С. 172]. Вряд ли следует оценивать современную молодежь как аполитичную, индифферентную и эгоцентрированную — представители молодежи относительно пессимистично оценивают свои перспективы на фоне конгломерата объективных социальных проблем, опираясь на интериоризированную в ходе социализации систему ценностей [18. С. 360]. Необходимым условием гражданского активизма является и «структурное напряжение» в коллективном поведении [30]: оно появляется, когда в обществе обостряются социальные противоречия между экономическими интересами, шансами на удовлетворение потребностей, оценкой и пониманием ценностей. Структурная напряженность в соответствующем контексте начинает провоцировать чувство относительной депривации молодежи, что порождает деструктивное социальное поведение молодежи.

С позиций конфликтологической парадигмы деструктивный гражданский активизм — это реакция граждан молодого возраста на несправедливое, иногда непропорциональное действие или отношение, проявляющаяся при обострении социальных проблем. Социальная несправедливость и гражданская активность имеют четкую причинно-следственную связь: активность индуцируется в практиках, полезных для общества, катализируя социально-политические изменения (конфликт как проявление социального противоречия полифункционален), однако зачастую направлена на корректировку или замену социокультурных целей и легитимных средств их достижения [27]. В теории социальной справедливости [19; 29] деструктивная гражданская активность — механизм отстаивания интересов на основании оценки конкретной ситуации через соотнесение текущего и желаемого положения дел [20]. При широкой трактовке становится очевидным, что это тематически вариативное, многоуровневое проявление социально-политической активности с большим набором конструктивных и деструктивных маркеров, определяющих потенциал воздействия на общественные структуры и акторов. Позитивный вектор деструктивности при отстаивании молодежью своих гражданских позиций может заключаться в нивелировании последствий социального недовольства, смягчении причин неодобрения действия властей, что приводит к модификации устаревших норм (традиционных), формированию новых элементов социальной структуры, оптимизации адаптивных механизмов. В макросоциологической теории «новых социальных движений» [23; 28; 31] фреймы проявления гражданской активности молодежи, которая выступает проводником (выразителем) идентичности нового типа и структурирует свою деятельность вокруг ценностей прав человека, антикоррупционных, антивоенных, экологических и пр., враждебны не властным структурам, а социальным группам и конкретным людям с иной идентичностью [12].

Цель статьи — выявить особенности гражданской активности студентов и оценить риски деструктивных проявлений в региональном социуме. Эмпирическую базу исследования составили полуструктурированные экспертные интервью (N=31), собранные в августе–сентябре 2019 года для оценки деструктивных проявлений гражданского активизма студентов Саратовской области. В опросе приняли участие руководители учреждений системы среднего профессионального и высшего образования, органов государственного и местного управления, специалисты по молодежной политике региона и муниципальных районов, представители молодежных некоммерческих организаций, студенческого актива учебных заведений, руководители центров социологических и социально-политических исследований, ученые, занимающиеся вопросами гражданского общества, молодежной политики и девиантного поведения.

Гражданский активизм студенческой молодежи: результаты опроса экспертов

Фокус студенческой гражданской активности в Поволжском регионе — комплекс наиболее актуальных для всей России и региональных проблем. Молодежь активно реагирует на *«резонансные федеральные проблемы, которые ярко представлены в СМИ»*; *«те, которые широко освещаются в понятном пространстве социальной сети, в новостных ресурсах. Глобальные и острые проблемы, по которым идет целенаправленная информация — яркая, скандальная, без подкрепления, без скидки на достоверность... Очевидный пример — ситуация с переработкой отходов 1 и 2 класса опасности в поселке Горном: митинги идут как следствие работы по продвижению оппозиционных задач. Участники митинга не понимают сути происходящего, мало кто знает, что строится, что там будет происходить»*.

Локальное проблемное поле Саратовской области является типичным, включает стандартный набор проблем, характерных для большинства провинциальных регионов: *«низкий уровень благосостояния, достатка, заработных плат, социальных благ, сокращение рабочих мест, закрытие предприятий, невозможность найти достойную работу, безработица — в конечном итоге создающие большие напряжения, которые вырастают в активность граждан, в том числе и молодых»*. По мнению экспертов, от *«нехватки рабочих мест и низкого уровня заработной платы больше других страдают молодые, недавно закончившие учебные заведения. Даже устроиться на работу с зарплатой около 15 тысяч не просто, а если у молодого человека уже есть семья и дети, то содержать их на такую сумму нереально»*.

Актуальна проблема отсутствия возможностей для профессиональной реализации в регионе: *«проблемы стандартные в нашем городе, как и во всей Саратовской области... — малое количество рабочих мест, где молодой человек может применить свои профессиональные навыки, выходя из стен учебного заведения»*; *«за счет наших выпускников с юридическим, техническим, экономическим образованием пополняются различные учреждения питания,*

кафе. Они предпочитают уходить в увеселительные учреждения, осознавая, что там зарплата будет выше, — это очень печально». Столкновение с проблемами региона, которые остаются нерешенными, «формирует определенный гражданский запрос у неравнодушных, социально активных студентов, порождает состояние неудовлетворенности и протестные настроения».

Протестный характер гражданской активности студентов, радикальные настроения молодежи, как полагают эксперты, порождают факторы, связанные как с общим ухудшением социально-экономического состояния в регионе, неблагоприятным социально-политическим климатом, так и проблемами социокультурного, социально-психологического и коммуникативного характера: «встаешь утром — в умывальнике нет воды, включаешь чайник — нет света, выехал — попал в пробку, колесом в яму..., доехал до работы — дали маленькую зарплату. Все эти социально-экономические проблемы, бытовые, давят на человека, заставляют злиться, искать выход эмоциям, виноватых, и этот виноватый чаще всего — власть метафоричная, не кто-то конкретный, а власть государственная, и идут бороться с государством»; «радикальные настроения у молодежи порождает социальная незащищенность, невозможность себя реализовать». Углубление социального неравенства увеличивает запрос молодежи на социальную справедливость, формирует установки «устранить пропасть между богатыми и бедными, так как люди видят, что чиновники кичатся этим, хотят уважения, признания. Саратовская область — богатый природный, промышленный регион (аграрный сектор, авиационный, троллейбусный), но это рушится под личными меркантильными запросами кучки жуликов»; «усиление социальной несправедливости, отрыв местных элит от простого населения способны повысить у молодежи аппетит к риску, что может вылиться в голосование за левую оппозицию»; «отсутствие диалога с властью, социальных лифтов возмущает жителей — градус активности повышается, приводит к экстремизму»; «рост нареканий в адрес региональной власти, явное расхождение отчетов о социально-экономической ситуации в регионе с ощущениями простых людей способны подтолкнуть молодежь к деструктивному, политически неодобряемому, поведению»; «конфликты с властью из-за экологических проблем, бездумной градостроительной политики вполне могут раскрутить спираль протестов».

Эксперты отмечают и «психологические проблемы — неудовлетворенность, невостребованность... — ищут выход и находят ответ в Интернете, но не понимают последствий», «узкий горизонт жизненного планирования». Некоторые хотят «найти свою войну, юношеская бравада, любопытство»; «вся деструкция идет от того, что они не заняты, не знают куда себя применить, энергия прет, одной учебы не хватает, чтобы себя реализовать»; «деструкция может возникнуть у студентов, которые по личным ощущениям являются лидерами, которым хочется быть увиденными, услышанными, которых, может быть, в школе недооценили, здесь не заметили, не те оценки получают, которые бы хотели получить, амбиции свои не

реализовали». Прозвучало и такое мнение: *«когда мы говорим про деструкцию в гражданской активности, то надо понимать, что все очень индивидуально и субъективно... участие в несанкционированных митингах — весьма импульсивно, плохо осознаваемо, когда присутствует непонимание того, что за всем этим стоит».*

Ряд причин протеста носит социокультурный характер: *«доминирование у молодежи идеологии успеха, денег, лидерства»; «мода на протест — символику соответствующую студенты носят на браслетах, на накладках телефона»; «социализация агрессии в семье, влияние окружения, кругов общения, оппозиционных партий, радикальных групп и организаций»; «негативное отношение к закону»; «недостаток образования, воспитания»* и т.д.

Эксперты называют разные формы гражданского активизма студентов: в первую очередь, участие в публичных мероприятиях (митинги, протесты, пикеты), которые часто сопровождаются неправомерными действиями. В Саратовском регионе наиболее высокая протестная активность студентов наблюдалась в 2016–2018 годы на митингах несистемной оппозиции. Значительная часть участников протестов, по мнению экспертов, — студенты и молодежь, люди до 35 лет: *«Саратовские студенты вовлечены в протестные формы гражданской активности и достаточно в большом количестве. Не случайно протестные акции по поводу и без организовывались в учебный период, когда были выборы в областную и городскую думу. Здесь Навальный, конечно, вместе с Собчак нашли возможность побывать в Саратове, завезли сюда определенную сумму средств. Те митинги, которые они организовывали у нас за счет этого финансирования, собирали достаточно большое количество людей, в том числе студентов, которые “ведутся” и на деньги»; «посмотрите всевозможные одиночные пикеты — кто там стоит? Это наши студенты, они стоят и от ЛДПР, и от КПРФ, и от Навального».* Вместе с тем есть и такое мнение: *«были наши студенты, участвовали, но их очень мало... сказать, что у нас есть оппозиционно настроенные, не могу».* Причинами протестов были: *«деятельность правительства и парламентов по отмене некоторых социальных гарантий (запрет критики, неуважения власти, инициатива сенатора от Саратовской области о суверенном Интернете), повышение тарифов, некачественный сбор и утилизация мусора, ситуация с выборами, активизация системной и несистемной оппозиции».*

В протестной повестке региона за последний год на первые позиции вышли проблемы экологии (размещение на территории региона вредных производств). Роль лидера в организации подобных акций важна (иначе это просто толпа), но не обязательна (если проблема не политизирована, то общество самоорганизуется за счет сетевых интернет-ресурсов). От массового участия в протестных акциях студентов удерживают: *«мнение, что от их участия ничего не зависит»; «недоосмысленность, непонимание серьезности предлагаемых мер, проблем, что поднимаются на митингах»; «боязнь ответных мер в отношении себя (попадание в полицию, обвинения в экстремизме, нежелание публичности, жесткое давление в вузах, угроза отчисления)».*

Мнения экспертов о количестве студентов, готовых выйти на улицы городов Саратовской области и поддержать протесты, разделилось. Одни считают, что это число за последний год увеличилось (незначительно или значительно) вследствие *«общего роста демократии в стране; возрастания стремлений молодежи влиять на жизнь свою и общества; появления дополнительных политизировавшихся средств коммуникации (Инстаграм); увеличения ресурсов оппозиционных сил привлекать больше студентов через социальные сети»*. Другие эксперты считают, что это количество не увеличивается, так как новое поколение молодежи более конформистское: *«рожденные в 2000-е позиционируют себя как путинское поколение.., это по большей части конформистская молодежь, ей удобнее демонстрировать одобряемое поведение»; «студентов, готовых выходить на улицы, становится меньше, ведь свою гражданскую позицию можно показать через лайки, репосты и другие доступные способы в Интернете»; «на мероприятия официального характера ходить не любят и там свою позицию не проявляют; есть такие, кто слушает на YouTube оппозиционные каналы, журналистов, ...а самое неприятное — пойти на митинги протеста»*.

По мнению экспертов, экстремистские настроения не распространены в Саратове, но существуют: *«я не назвал бы присутствующую в городе активность деструктивной — это больше вопрос взглядов и позиций, которые отличаются от мнения власти и большинства»; «настроения пытаются насадить, но опять же аморфность людей нас спасает, — ведь по большому счету противопоставить критическим настроениям нечего»; «прослойка радикалов очень маленькая в процентном отношении»; «экстремистски настроенных, готовых выйти со знаменами, соорудить баррикады, нет — есть те радикально настроенные, кто заиклен на решении личных вопросов, своих проблем.., но как системы организаций экстремистского толка нет»*. *«Исследование Амелиной самой большой группы наших студентов в соцсетях (почти 17 тысяч)... выявило готовых к деструктивной активности. Их немного, но они были готовы к Колумбайну... Я не могу сказать, что он завтра пойдет стрелять, но были суицидальные настроения... Несколько человек (иногородние студенты) относились к исламскому экстремизму — их взяли на особый контроль, вызывали, проводили беседы»*.

Большинство экспертов затруднилось назвать организации экстремистского толка в Саратовской области, но отметили их наличие: *«в Саратовской области есть радикальные организации. Мы проводили опросы саратовских студентов, результаты которых показали, что студенты... знакомы как с деструктивными организациями, так и с их лидерами. Это не только радикальные полуфашистские организации, но и религиозные организации с националистическим уклоном... Ответов о названиях, месте нахождения этих организаций, фамилиях лидеров не было — в силу нежелания раскрывать эту информацию»; «о том, что такие организации есть, свидетельствует и работа фсбэшников, которые, то одних арестуют, то других»*. Экспертам *«встречалась статистика, что около 3 тысяч молодых людей из*

Саратовской области воевали в Сирии на стороне ИГИЛ (запрещенной в России организации) ... После разгрома многие из них легально или нелегально вернулись в регион, здесь находятся и представляют определенную опасность».

Среди известных экспертам радикальных групп в социальных сетях были названы: *«группа ВКонтакте, направленная на экстремистские вещи, — “Мужское государство” ... Была группа “Саратовский кэжуал”, ее участники делили людей по одежде — дорогая/недорогая, оригинальная/поддельная, в жесткой форме обсуждалось это, унижали кого-то по признаку “кто как одет”. С ними боролась другая группа из студенческих отрядов — спортсмены. С такими группами борются, закрывают, но открывают новые. Интересно, что на 3 экстремистские группы в сети создаются 4 противодействующие им, причем самой молодежью, так что у нашей молодежи самоочищение присутствует».* Один из экспертов упомянул *«анархистов и рационалистов», имеющих высокий протестный накал: «Например, в 2018 году толпа людей по проспекту Кирова двинулась в сторону здания правительства с антипрезидентскими лозунгами. Это было экстремистское мероприятие, призывающее власть к ответственности. Власть с каждым лидером таких групп работает точно: уволить с работы, отчислить из вуза, завести уголовное дело, оштрафовать, лишить жилплощади. За последние 10 лет в Саратове перестали существовать десять политических организаций разных взглядов (левые, правые, радикальные, конструктивные)».*

«В Саратовской области в 2018 году из 18 уголовных дел, возбужденных по фактам преступлений экстремистской направленности, одно дело в отношении студента..., обучавшегося по технической специальности (высказывания в ВКонтакте против выходцев из Средней Азии, Северного Кавказа, Закавказья; распространение символики войск СС, свастики, взглядов Гитлера, неонацистов). За 9 месяцев 2019 года из 7 возбужденных дел по статьям УК экстремистской направленности одно — против студента Саратова, обучающегося на специальности, связанной со сферой обслуживания, по статье о реабилитации нацизма, были высказывания антисемитской направленности». «Все уголовные дела по преступлениям экстремистской направленности — по фактам размещения в Интернете материалов экстремистского характера: возбуждение ненависти или розни по национальным, религиозным признакам. В группах ВКонтакте, например, после проведения национально-культурных праздников или размещения новостей по миграционной политике, шли комментарии с экстремистским содержанием, размещались свастика, символы запрещенных экстремистских организаций, музыкальные произведения крайне правой направленности».

Риск роста экстремистской активности одни эксперты видят для молодежи в целом — поскольку она *«демонстрирует незаконные формы поведения — от размещения граффити, плакатов, листовок с оскорбительной лексикой до готовности к радикальным действиям в виде перекрытия дорог, неподчинения полиции».* По мнению других экспертов, опасность радикализации настроений

в большей степени касается студентов — *«в силу их психологической незрелости, зависимости от чужого мнения»*, особенно для первокурсников, которые *«вырвались в самостоятельное плавание»*. По мнению третьих, *«потенциал радикализма переходит на рабочую молодежь, а студенты сегодня не самая радикальная группа, потому что стали рациональнее»*. *«В регионе есть примеры работы деструктивных организаций, например, неоязычников, вербовщиков молодежи, мотивированной на спорт... Эта молодежь не охвачена гражданской активностью, здесь есть большое поле для антиэкстремистской профилактической работы»*. Радикально настроенные — это молодые люди, которые, независимо от уровня достатка, *«не чувствовали себя защищенными... в семье, не получали от родителей, педагогов должного внимания, поэтому уходят в агрессию, находят поддержку в радикальных группировках»*, или те, кто не видит перспектив самореализации.

Социальная профилактика деструктивности

В Саратовской области профилактические мероприятия ориентированы, в первую очередь, на массовое вовлечение студенческой молодежи в разнообразные формы позитивной гражданской активности. В регионе *«созданы широкие возможности для этого: в образовательных учреждениях — начиная от волонтерства и заканчивая патриотическими клубами, студенческими отрядами правопорядка»*; в органах государственной власти и местного самоуправления, на общественных советах, в политических партиях, молодежных организациях, на публичных мероприятиях по выражению общественного мнения и развитию городской среды, в добровольческом (волонтерском) движении и т.д. Однако эксперты отмечают и ряд проблем в профилактике деструктивной гражданской активности: упущения в региональной молодежной политике (добровольно-принудительный порядок, низкая квалификация кадров, нестыковки региональной молодежной политики с муниципальной и др.); низкий уровень региональной идентичности молодежи; хроническое недофинансирование; *«низкий охват вузовской молодежи»*; *«злоупотребления волонтерской помощью»*.

Риск перерастания гражданской активности в деструктивные формы *«вероятен, возможен»* и даже *«объективно неизбежен»* при наличии определенных обстоятельств: прежде всего, если *«пожелания, потребности, нужды студентов останутся без внимания со стороны власти, которая, в частности, не занимается решением вопросов социально-экономического развития Поволжского региона»*; *«уровень протестных настроений, общественно-политическую атмосферу следующих 2–3 лет будут определять социальная неустроенность, депрессия при латентной социальной конфликтности — следует ожидать нарастания скрытого конфликта населения и власти»*. Риск роста деструктивности в перспективе обусловлен *«назреванием кризиса ожиданий — ожидание перемен к лучшему затянулось»*; консервацией социально-экономических проблем (отсутствие реальных шагов власти по

улучшению жизни); ренессансом социалистических идей, лозунгов, которые становятся популярны в молодежной среде; тем, что «лидеры оппозиционных партий и общественных движений пытаются использовать активную студенческую молодежь в своих интересах». Такой риск увеличивается из-за «провокационной деятельности лидеров несистемной оппозиции», «отсутствия у молодежи чувства страха, опасности участия в гражданских акционистских практиках в защиту каких-либо социальных интересов и прав или для решения экологических проблем, в отличие от политических протестов, которые считаются опасными». Распространению радикальных взглядов среди студентов может способствовать «увеличение числа студентов-мигрантов, а также граждан иностранных государств. В саратовских вузах обучается все больше приезжих как из республик Северного Кавказа, так и из-за рубежа (более 2000 студентов из 60 стран): Таджикистана, Ливии, Сирии, Египта, Ирака, Пакистана, где распространены организации экстремистской направленности». Кроме того, «распространение радикальных идей сегодня переходит на бытовые формы межличностного взаимодействия, ненавязчивые практики низового уровня частной жизни».

Эксперты рассуждали и о трудностях, с которыми приходится сталкиваться при мониторинге деструктивных (экстремистских) форм активизма: «для нашей власти каждый, кто говорит правду и правдивые слова, оценивая реальность за окном, является экстремистом»; «радикальные, экстремистские настроения трудно считываются — всегда важно понимать, в каких условиях они опрашиваются, кто попытался на них повлиять.., как сформулированы вопросы».

В системе профилактики большинство информантов отмечает волонтерство как необходимый и действенный способ перенаправления деструктивной молодежной активности в созидательное русло. «Пусть не решается личная проблема человека, но он может помочь в решении проблем других людей, участвуя в помощи малообеспеченным, сиротам, пенсионерам, и это смягчит его»; «он почувствует себя причастным к общему делу»; «ему прививается культура координаторов, руководителей волонтерских мероприятий, к минимуму сводится желание конфликтно решать проблемы». Однако эксперты уверены, что добровольчество нельзя насаждать, иначе это будет «мертворожденное дело — не заставишь, только изнутри должно быть, важно, как доносят до молодежи — главное, чтобы не разрядкой»; «важно, чтобы волонтеры не рассматривались как бесплатная рабочая сила — надо относиться к людям по-человечески»; «мы не признаем это слово — волонтеры. У нас есть участники команды. Мы не считаем себя бесплатной рабочей силой, мы помогаем людям. Но важно, чтобы эта помощь действительно требовалась, а не так, что кто-то, привлекая нас, решает проблемы экономики бюджета».

Такой вид профилактики, как отслеживание и применение санкций к студентам, участвующим в митингах, в протестных группах социальных сетей, по мнению ряда экспертов, только стимулирует интерес молодежи к протестной

деятельности: «если в рамках профилактики студентов отслеживают, которые сидят в сети, ходят на митинги, то это все, наоборот, вызывает еще больший интерес... Отчислять за такие моменты, которые не связаны с нарушением внутренних правил, устава вуза, — нельзя. Пришел с митинга студент — проведи работу, поговори, выясни, что он извлек, поговори и не делай акцент, что это он сделал неправильно»; «отчисление может канонизировать в кругу сторонников, друзей, сделать лидером — ага, он пострадал за борьбу с режимом, значит, режим с ним расплатился»; «с каждым годом будет больше и больше тех, кто этого не боится — пусть отчислят, зато я буду честен перед собой»; «бывали случаи, когда вузы и ссузы ограничивали участие студентов в таких мероприятиях, однако только усугубляли ситуацию и подогревали интерес ребят».

Некоторые эксперты видят в отслеживании протестных групп в социальных сетях возможность своевременно пресечь деструктивные, радикальные настроения: «материал на страничке говорит о том, что студент в эту тему погружен, не просто так выставляет свои исламские картинки... С такими проводятся профилактические беседы, привлекаются диаспоры..., но это не национальная проблема, не национальный вопрос»; «в процесс социализации вторгаются совершенно новые институты, в том числе через Интернет, поэтому его контроль необходим. Здравый смысл нам подсказывает: главное, чтобы в этом не было перегибов, не устраивались публичные порки для устрашения». Эксперты отмечают важность системного характера профилактики деструктивности: «только работы силовых структур недостаточно — необходимо, чтобы внизу была разветвленная сеть молодежных, студенческих организаций, в цели которых входило бы и идейное воспитание молодежи»; «должны превалировать меры воспитания, обеспечения досуговой занятости и социальной поддержки семей»; нужна и «материальная основа, чтобы преподавательское сообщество могло доносить правильные слова до молодежи, а не примыкало к ней в своих протестных настроениях — как обездоленная часть российского общества».

Информация о финансировании

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ. Проект № 19-011-31219.

Библиографический список

- [1] Баранова Г.В., Костенко В.В. Деструктивность социально-политической активности молодежных общественных организаций // В мире научных открытий. 2014. № 3–4.
- [2] Бараиш Р.Э. Системно-коммуникативная теория протеста: протест как «альтернатива без альтернативы» // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3.
- [3] Дейнека О.С., Забарин А.В. Психолого-политические основания деструктивного поведения // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6.
- [4] Жаворонкова Т.В. Использование сети Интернет террористическими и экстремистскими организациями // Вестник ОГУ. 2015. № 3.

- [5] *Зайцев Д.В., Калиева Ж.А.* Опыт активистской молодежной деятельности в Саратовском регионе // *Инновационная деятельность*. 2016. № 2.
- [6] *Злоказов К.В.* Деструктивное поведение в различных контекстах его проявления // *Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2016. Т. 26. Вып. 4.
- [7] Количество экстремистских преступлений в России за год снизилось вдвое // URL: <https://ria.ru/20190821/1557724554.html>.
- [8] *Ксенофонтова И.В.* Роль Интернета в развитии протестного движения // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2012. № 3.
- [9] *Логина Л.В., Щебланова В.В.* Деструктивная гражданская активность молодежи: теоретико-методологическая концептуализация // *Logos et Praxis*. 2019. Т. 18. № 2.
- [10] *Логина Л.В., Щебланова В.В., Суркова И.Ю.* Концептуальная модель деструктивной гражданской активности студентов (на материалах исследований в Саратовской области) // *Вестник СГЮА*. 2019. № 6.
- [11] *Лубавин И.В.* Молодежный активизм как социальная проблема. Саранск, 2019.
- [12] *Мангейм К.* Диагноз нашего времени. М., 1994.
- [13] *Мельник Г.С.* Тактические медиа в деструктивных технологиях протеста // *Вестник СПбГУ*. 2015. Серия 16. Вып. 3.
- [14] *Михайлова Е.В., Скогорев А.П.* Протесты как форма гражданской активности в современной России // *Власть*. 2017. № 1.
- [15] Молодежный активизм = общественная польза? // URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9775>.
- [16] *Никовская Л.И.* Гражданский активизм и публичная политика в России: состояние и вызовы // *Государство и граждане в электронной среде*. 2017. Вып. 1.
- [17] *Расторгуев С.В.* Экстремизм в молодежной среде современной России: Виды, факторы распространения, мягкие технологии профилактики // *Политическая наука*. 2018. № 4.
- [18] *Сохадзе К.Г.* Социальная активность российской молодежи: масштабы и факторы сдерживания // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2017. № 3.
- [19] *Троцук И.В.* Справедливость в социологическом дискурсе: семантические, эмпирические, исторические и концептуальные поиски // *Социологическое обозрение*. 2019. Т. 18. № 1.
- [20] *Ушкин С.* На пути к лучшему обществу, или почему люди становятся активистами? // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2016. № 3.
- [21] *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества. М., 2005.
- [22] *Advancing Youth Civic Engagement and Human Rights with Young Women and Young Men*. Nairobi. 2013.
- [23] *Buechler S.* Social Movements in Advanced Capitalism: The Political Economy and Cultural Construction of Social Activism. Oxford, 1999.
- [24] *Fassett K.T., Priddie Ch., BrckaLorenz A., Kinzie J.* Activists, non-activists, and allies: Civic engagement and student types at MSIs // *Frontiers in Education*. 2018. № 3.
- [25] *Flanagan C.A., Faison N.* Youth civic development: Implications of research for social policy and programs // *Social Policy Report*. 2001. Vol. XV. № 1.
- [26] *Fuchs Ch.* The self-organization of social movements // *Systemic Practice and Action Research*. 2005. Vol. 19. № 1.
- [27] *Merton R.K.* Social structure and anomie // *American Sociological Review*. 1938. Vol. 3.
- [28] *Offe C.* New social movements: Challenging the boundaries of institutional politics // *Social Research*. 1985. Vol. 52. № 4.
- [29] *Runciman W.G.* Relative Deprivation and Social Justice: A Study of Attitudes to Social Inequality in 20th Century England. Oakland, 1966.
- [30] *Smelser N.* Theory of Collective Behavior. London, 2013.
- [31] *Scott A.* Ideology and the New Social Movements. London, 1990.

Student civil activism: Risk of destructive manifestations in the Volga Region*

V.V. Shcheblanova¹, L.V. Loginova¹, D.V. Zaitsev², I.Yu. Surkova³

¹Saratov State Law Academy
Volskaya St., 16, Saratov, 410028, Russia

²Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin
Polytechnicheskaya St., 12, Saratov, 410054, Russia

³Volga Institute of Management named after P.A. Stolypin — a branch of the RANEPA
Sobornaya Sq., 23/25, Saratov, 410017, Russia
(e-mail: vsheblanova@mail.ru; lvloginova66@mail.ru;
zaitsevd@bk.ru; irina_surkova@mail.ru)

Abstract. The article presents the results of the regional sociological study of the student youth civil activism and predicts the development of its destructive manifestations in the Volga Region. Civil activity is an integral component of renewal and social development, which is based on the multi-format and multi-vector activity of young people who strive for social transformations ‘here and now’. For some young people, activism became a kind of employment in offline and online formats. In some cases, destructive (even delinquent) civil activism of the youth is a response to an unfair, unlawful action or attitude, primarily of the authorities. Based on the theoretical ideas of structural functionalism, conflictological and interpretive approaches, the article reveals peculiarities of the youth activism in the Volga Region and presents their interpretation. The expert survey allowed to identify relationships between social injustice and civil activity. The authors also identified active dissemination of radical ideas at the grassroots level of everyday life, within everyday forms of interaction and under the decrease in public civil activity, which determines latent conflicts between the population and the government. The risk of an increase in social destructiveness is determined by the crisis of expectations of changes, unsolved social-economic problems, renaissance of socialist ideas that become popular among the youth, and an increase in the number of nonresident and especially foreign students. The student civil activity in the Volga Region focuses on the most pressing challenges at the federal and local levels. Sanctions against students participating in rallies and protest groups in social networks only stimulate the youth’s interest in protest activities. The region needs a youth policy responsive to the needs and demands of the youth and capable of creating a multi-format space for positive youth activism.

Key words: civil activism; youth; social activity; students; social destructiveness; Volga Region

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research and EISR. Project No. 19-011-31219.

References

- [1] Baranova G.V., Kostenko V.V. Destrktivnost sotsialno-politicheskoy aktivnosti molodezhnykh obshchestvennykh organizatsiy [Destructiveness of the social-political activity of the youth public organizations]. *V Mire Nauchnykh Otkrytiy*. 2014; 3-4 (In Russ.).
- [2] Barash R.E. Sistemno-kommunikativnaya teoriya protesta: protest kak “alternativa bez alternativy” [System-communicative theory of protest: Protest as “an alternative without an

* © V.V. Shcheblanova, L.V. Loginova, D.V. Zaitsev, I.Yu. Surkova, 2020.

The article was submitted on 01.04.2020. The article was accepted on 10.06.2020.

- alternative”]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2018; 3 (In Russ.).
- [3] Deineka O.S., Zabarin A.V. Psikhologo-politicheskie osnovaniya destruktivnogo povedeniya [Psychological-political foundations of the destructive behavior]. *Sovremennye Problemy Nauki i Obrazovaniya*. 2014; 6 (In Russ.).
- [4] Zhavoronkova T.V. Ispolzovanie seti Internet terroristicheskimi i ekstremistskimi organizatsiyami [The use of the Internet by terrorist and extremist organizations]. *Vestnik OGU*. 2015; 3 (In Russ.).
- [5] Zaitsev D.V., Kalieva Zh.A. Opyt aktivistskoy molodezhnoy deyatel'nosti v Saratovskom regione [Youth activism in the Saratov Region]. *Innovatsionnaya Deyatel'nost*. 2016; 2 (In Russ.).
- [6] Zlokazov K.V. Destruktivnoe povedenie v razlichnykh kontekstakh ego proyavleniya [Destructive behavior in different contexts of its manifestation]. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. 2016; 26 (4) (In Russ.).
- [7] Kolichestvo ekstremistskikh prestupleniy v Rossii za god snizilos v dvoe [The number of extremist crimes in Russia halved in a year]. URL: <https://ria.ru/20190821/1557724554.html> (In Russ.).
- [8] Ksenofontova I.V. Rol Interneta v razvitii protestnogo dvizheniya [The role of the Internet in the development of the protest movement]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2012; 3 (In Russ.).
- [9] Loginova L.V., Shcheblanova V.V. Destruktivnaya grazhdanskaya aktivnost molodozhi: teoretiko-metodologicheskaya kontseptualizatsiya [Destructive civil activity of the youth: Theoretical-methodological conceptualization]. *Logos et Praxis*. 2019; 18 (2) (In Russ.).
- [10] Loginova L.V., Shcheblanova V.V., Surkova I.Yu. Kontseptual'naya model destruktivnoy grazhdanskoy aktivnosti studentov (na materialakh issledovaniy v Saratovskoy oblasti) [Conceptual model of the youth destructive civil activity (research data from the Saratov Region)]. *Vestnik SGYuA*. 2019; 6 (In Russ.).
- [11] Lubavin I.V. *Molodezhny aktivizm kak sotsialnaya problema* [Youth Activism as a Social Problem]. Saransk; 2019 (In Russ.).
- [12] Mannheim K. *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of Our Time]. Moscow; 1994 (In Russ.).
- [13] Melnik G.S. Takticheskie media v destruktivnykh tekhnologiyakh protesta [Tactic media in destructive protest technologies]. *Vestnik SPbGU*. 2015; 3 (In Russ.).
- [14] Mikhailova E.V., Skogorev A.P. Protesty kak forma grazhdanskoy aktivnosti v sovremennoy Rossii [Protests as a form of civil activity in contemporary Russia]. *Vlast*. 2017; 1 (In Russ.).
- [15] Molodozhny aktivizm = obshchestvennaya polza? [Youth activism = public benefit?]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9775> (In Russ.).
- [16] Nikovskaya L.I. Grazhdansky aktivizm i publichnaya politika v Rossii: sostoyanie i vyzovy [Civil activism and public policy in Russia: Situation and challenges]. *Gosudarstvo i Grazhdane v Elektronnoy Srede*. 2017; 1 (In Russ.).
- [17] Rastorguev S.V. Ekstremizm v molodezhnoy srede sovremennoy Rossii: Vidy, faktory rasprostraneniya, myagkie tekhnologii profilaktiki [Extremism among the contemporary Russian youth: Types, factors of development, soft preventive technologies]. *Politicheskaya Nauka*. 2018; 4 (In Russ.).
- [18] Sokhadze K.G. Sotsialnaya aktivnost rossiyskoy molodezhi: masshtaby i faktory sderzhivaniya [Social activity of the Russian youth: Scale and obstacles]. *RUDN Journal of Sociology*. 2017; 3 (In Russ.).
- [19] Trotsuk I.V. Spravedlivost v sotsiologicheskom diskurse: semanticheskie, em-piricheskie, istoricheskie i kontseptualnye poiski [Justice in sociological discourse: Semantic, empirical, historical, and conceptual challenges] // *Sotsiologicheskoe Obozrenie*. 2019; 18 (In Russ.).
- [20] Ushkin S. Na puti k luchshemu obshchestvu, ili pochemu lyudi stanovyatsya aktivistami? [Towards a better society, or why do people become activists?]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2016; 3 (In Russ.).

- [21] Sztompka P. *Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obshchestva* [Sociology. Analysis of Contemporary Society]. Moscow; 2005 (In Russ.).
- [22] *Advancing Youth Civic Engagement and Human Rights with Young Women and Young Men*. Nairobi; 2013.
- [23] Buechler S. *Social Movements in Advanced Capitalism: The Political Economy and Cultural Construction of Social Activism*. Oxford; 1999.
- [24] Fassett K.T., Priddie Ch., BrckaLorenz A., Kinzie J. Activists, non-activists, and allies: Civic engagement and student types at MSIs. *Frontiers in Education*. 2018; 3.
- [25] Flanagan C.A., Faison N. Youth civic development: Implications of research for social policy and programs. *Social Policy Report*. 2001; XV (1).
- [26] Fuchs Ch. The self-organization of social movements. *Systemic Practice and Action Research*. 2005; 19 (1).
- [27] Merton R.K. Social structure and anomie. *American Sociological Review*. 1938; 3.
- [28] Offe C. New social movements: Challenging the boundaries of institutional politics. *Social Research*. 1985; 52 (4).
- [29] Runciman W.G. *Relative Deprivation and Social Justice: A Study of Attitudes to Social Inequality in 20th Century England*. Oakland; 1966.
- [30] Smelser N. *Theory of Collective Behavior*. London; 2013.
- [31] Scott A. *Ideology and the New Social Movements*. London; 1990.

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-611-621

Вынужденное дистанционное обучение как стимул технологических изменений высшей школы России*

Н.П. Нарбут^{1, 3}, И.А. Алешковский²,
А.Т. Гаспаршвили^{1, 2, 3}, О.В. Крухмалева^{1, 2}

¹Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, 117198, Россия

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Россия

³Институт социологии ФНИСЦ РАН
ул. Кржижановского, 24/35–5, Москва, 117218, Россия
(e-mail: narbut-np@rudn.ru; aleshkovski@yandex.ru;
gasparishvili@yandex.ru; kruhoks@yandex.ru)

Объективный запрос на соответствие всех сфер жизни требованиям информационного общества ускорил процессы, обусловленные вынужденными ограничительными мерами пандемии covid-19. С необходимостью перехода на удаленный режим работы столкнулись практически все отрасли экономики, но самый сильный удар приняла система образования. Массовый переход на удаленный формат обучения выявил целый ряд проблем и противоречий в дистанционном формате программ высшего образования и заставил российскую систему образования искать ответы на вызовы цифрового общества. Это потребовало проведения глубокого анализа различных сторон дистанционного обучения, готовности к нему участников образовательного процесса, наличия материально-технического, методического и программного обеспечения, а также перспектив и сценариев развития российской системы образования после пандемии. В мае 2020 года для изучения опыта перехода вузов России на дистанционный формат обучения Центр стратегии развития образования МГУ и кафедра социологии РУДН при поддержке общественной организации «Российское профессорское собрание» провели опрос профессорско-преподавательского состава российских вузов. Результаты опроса показали реальную ситуацию в системе образования, особенности вынужденного перехода на дистанционный формат и проблемы такой формата обучения, а также позволили составить «портрет» наиболее негативно настроенных на дистанционную работу преподавателей. Исследование помогло сформулировать ряд рекомендаций по совершенствованию форм и методов обучения и воспитания, развитию образовательных технологий в вузах, обозначить основные риски дистанционного обучения и предложить возможные варианты смешанной формы обучения в российских вузах.

Ключевые слова: высшее образование; дистанционное обучение; цифровизация; онлайн обучение; технологии удаленного доступа; система управления обучением; интернет-ресурсы; качество образования

---

* © Н.П. Нарбут, И.А. Алешковский, А.Т. Гаспаршвили, О.В. Крухмалева, 2020.
Статья поступила 17.05.2020 г. Статья принята к публикации 23.06.2020 г.

Цифровизация общества требует пересмотра целого ряда функций всех социальных институтов. На необходимость и неизбежность таких трансформаций указывали философы, социологи, экономисты и футурологи: в работах В. Вернадского, Э. Тоффлера, М. Кастельса, Н. Кондратьева, М. Маклюэна, Н. Моисеева, Ф. Фукуямы и многих других исследователей XX века с разных точек зрения обосновывается значимость принятия и понимания грядущих изменений, которые в полной мере касаются и института образования [2; 5]. Как отмечал М. Кастельс, информационные технологии определяют картину настоящего и в еще большей мере — картину будущего [1].

Дискуссии о внедрении дистанционных технологий в образовательный процесс ведутся давно — экспертами, профессорско-преподавательским сообществом, ректорами, представителями профильных органов власти и общественностью. Необходимость применения дистанционных технологий в образовании сомнений не вызывает — это универсальная тенденция, проявляющаяся в цифровизации большинства социальных институтов и структур. Однако соотношение офлайн и онлайн форм в образовательном процессе получает противоречивые оценки общества, хотя развитие онлайн обучения — уже объективный процесс.

Тоффлеровский «шок будущего» наступил внезапно и потребовал адаптации в ускоренном, стрессовом режиме от абсолютно всех сфер общества и социальных институтов. Экстренный переход на дистанционный формат обучения, связанный с пандемией covid-19, внес существенные коррективы в процесс внедрения новых информационных технологий в традиционную систему очного обучения вузов, что требует проведения глубокого анализа особенностей дистанционного формата обучения, готовности к нему участников образовательного процесса, наличия материально-технического, методического, программного обеспечения, а также перспектив и сценариев развития российской системы образования после пандемии. Для изучения опыта перехода российских вузов на дистанционный формат в мае 2020 года Центр стратегии развития образования МГУ, кафедра социологии РУДН и Российское профессорское собрание провели опрос профессорско-преподавательского состава вузов по проблемам работы в вынужденном дистанционном формате. Объект исследования — система высшего образования в период вынужденного перехода на дистанционный формат работы, предмет — особенности организации образовательного процесса и его оценка преподавателями.

В опросе принимали участие профессора и преподаватели вузов, которые входят в общероссийскую общественную организацию «Российское профессорское собрание». Сбор данных проводился на платформе Google Forms с помощью стандартизированной анкеты. Доступ к анкете осуществлялся по ссылке из письма, разосланного в вузы: в опросе приняли участие 3467 представителя профессорско-преподавательского состава из всех федеральных округов и всех видов вузов, которые представляли все укрупненные

направления подготовки высшей школы России. Данные исследования по большинству параметров подтверждают результаты масштабного проекта социологов РАНХиГС и Минобрнауки, проведенного в тот же период (2020 год, N=33987) [3].

Итак, 99% респондентов отметили, что их вуз перешел на дистанционный формат работы (1% указал, что вуз на такой формат работы не перешел, поэтому они не участвовали в опросе), т.е. количество преподавателей, отвечавших на вопросы анкеты, составило 3431 человек (эта цифра принята за 100%). Перейти на удаленный режим две трети вузов (69,6%) смогли в течение одной недели, 24,1% — в течение двух недель, остальные (около 6%) — в течение трех недель. Для эффективной организации дистанционного обучения вузам необходима система дистанционного обучения (СДО), или система управления обучением (Learning Management System — LMS). Вузы, у которых такой ресурс был до введения ограничительных мер, имели существенное преимущество как в плане оптимизации технического перехода в дистант, так и в плане вовлечения профессорско-преподавательского состава и студентов в учебный процесс. О наличии в их вузе такого ресурса сообщили более половины преподавателей (57,2%). Наиболее широко внедрены вузовские СДО в академиях и вузах, имеющих статус федерального, опорного, научно-исследовательского университета (более 60%) (Рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос о наличии в вузе системы дистанционного обучения (СДО — LMS), в %

Показательно, что использовать возможности вузовской СДО на постоянной основе могла треть опрошенных; для трети респондентов из тех вузов, где имеется данная система, работа на платформе — обязательная

составляющая образовательного процесса; чуть больше трети отметили, что работать на платформе можно было по желанию. Имели предварительный опыт работы на платформе около 70% респондентов, регулярно использовали ее возможности в образовательном процессе — 31,9%, 36,7% работали на ней в пассивном режиме в рамках выполнения необходимых требований.

Оценивая в целом организацию работы в дистанционном формате, преподавательское сообщество разделилось следующим образом: половина (51%) считает, что обучение реализуется в полном объеме, но со снижением качества, треть (31,3%) — что обучение проходит без ущерба для качества, 17,7% — что работа носит скорее формальный характер, поскольку как такового дистанционного обучения в вузе нет.

Анализ преподавательской занятости показал, что она практически не отличается от работы в обычном формате: в весеннем семестре вели занятия по расписанию 93,6%, 52,3% работали со студентами над курсовыми и дипломными проектами, а 30,3% вели практику в дистанте.

До введения ограничительных мер имели опыт работы в дистанционном формате менее половины опрошенных — 44,7%. Большинство из них указали, что использовали такую форму работы как дополнительную (72,7%), а треть респондентов в данной группе работали в качестве преподавателей онлайн курсов (32,2%). Работают в такой форме в основном по курсовым и дипломным проектам 29,1% группы. Как основной дистанционный формат указали только 16,5% респондентов, имеющих опыт работы онлайн. С большой долей вероятности можно утверждать, что среди опрошенных преподавателей практически лишь каждый десятый имел реальный опыт работы в дистанционном формате, а остальные 90% включались в процесс и приобретали необходимые навыки по мере вхождения в ситуацию и решения возникающих проблем.

Самым популярным инструментом работы в дистанционном формате выступает электронная почта — ее использовали 85,8%. Работают на платформе вуза 67%, на онлайн платформах для конференций (в основном ZOOM, Skype и MS Teams) около половины (46,7%). Использовали возможности мессенджеров 44,9%, организовали работу посредством социальных сетей — 41,6%. Иными словами, значительная часть преподавателей организовывала обучение по своей дисциплине в удаленном режиме в привычных для себя формах: большинство используемых ими инструментов не предназначены для образовательного процесса, но были доступны, привычны и не требовали приобретения дополнительных навыков и долгого освоения. Разнообразие ресурсов показывает, что система дистанционного обучения российских вузов накануне введения ограничительных мер находилась на начальной стадии формирования и не имела ни ресурсной базы, ни методических наработок, ни подготовленных кадров.

Это объясняет, почему большинство опрошенных отметили, что, несмотря на удаленный формат обучения, работают скорее в режиме оффлайн:

размещают учебные материалы для самостоятельной работы студентов в текстовом формате на интернет-ресурсе (78,6%), проверяют присланные на электронную почту студенческие работы (69,6%). Активную работу в онлайн формате отметила примерно половина преподавателей — они вели лекции (54,1%) и семинары (56,2%) в режиме реального времени. Значительная группа респондентов не производит интернет-контент по своей дисциплине, но активно использует возможности открытых образовательных ресурсов: размещают материалы для самостоятельной работы студентов в формате видеолекций на платформе вузовской СДО (29%), дают студентам ссылки на прохождение готовых тестов на открытых ресурсах (26,7%), используют готовые онлайн курсы и отправляют студентам ссылки на них (16,2%).

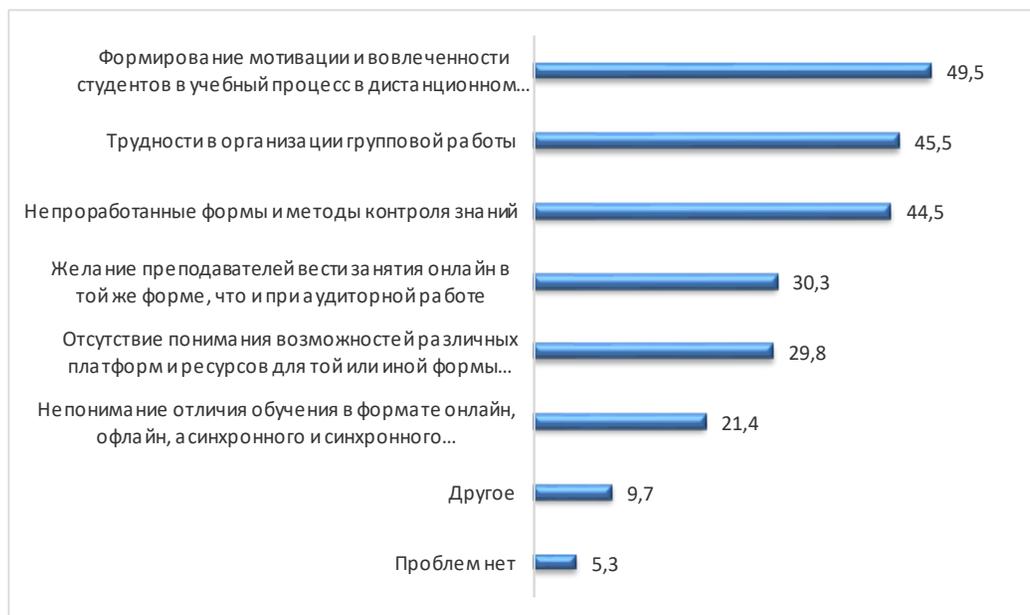
Вопрос о формах работы допускал множественный выбор ответов, и большинство респондентов отметило 4–5 вариантов, т.е. вынужденный уход в дистант стимулировал преподавателей к поиску разнообразных способов и ресурсов для быстрой организации работы и вовлечению в нее студентов. Данное наблюдение также свидетельствует, что успешная реализация современной образовательной модели и постепенное внедрение информационных технологий в обучение зависит не только от технологического оснащения вузов, но и от готовности профессорско-преподавательского состава осваивать и использовать новые технологии. Их умения и навыки играют определяющую роль в организации процесса обучения и обеспечения качества знаний студентов.

Получают удовлетворение от работы в дистанционном формате далеко не все преподаватели: категорически не нравится работать в дистанционном формате 49,2% — как правило, они работают в вузах, где есть своя СДО (53,6%), но в основном используют ее в пассивном режиме, т.е. формально. Практически все опрошенные в весеннем семестре вели учебную деятельность в полном объеме (96,9%) и имели, помимо лекционной и семинарской работы, другие виды нагрузки, хотя большинство преподавателей до марта 2020 года не имели опыта преподавания в дистанционном формате (62,6%).

Оценивая свой опыт работы в дистанте, более трети респондентов отметили, что эффективность работы со студентами снизилась (38,8%), четверть (26,1%) считает, что она снизилась незначительно, не заметили изменений 17,6%, и только 8,4% полагают, что их работа стала более эффективной. Примечательно, что не смог дать однозначный ответ на данный вопрос каждый десятый (9%). В то же время почти все преподаватели (92,7%) уверены, что при снижении эффективности их работы со студентами их личные трудовые затраты возросли (25,7%), и очень существенно (67,1%), т.е. при переходе на дистант преподавателям приходится работать больше при меньшей отдаче.

С учетом высокой нагрузки преподавателей в традиционном режиме работы фиксация ими роста трудовых затрат свидетельствует о напряженной ситуации в дистанционном формате обучения. Кроме того, данное наблюдение — весомый аргумент в дискуссии о безоговорочных плюсах удаленного формата,

поскольку оно не согласуется с идеями онлайн обучения, которые направлены как раз на снижение нагрузки преподавателей и организацию комфортного обучения студентов без потери качества образования. Ответы преподавателей о проблемах, которые порождает дистант, вполне ожидаемы и в большинстве своем разрешимы: основные сложности носят методический, а не технический характер (Рис. 2).

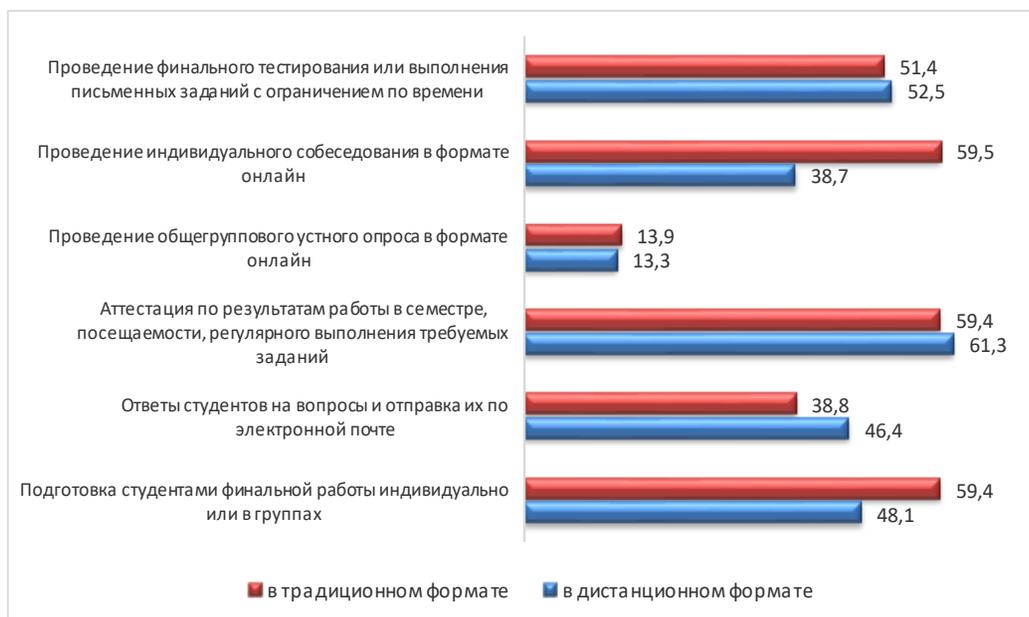
Рис. 2. Проблемы при переходе на дистанционный формат работы, в %

Больше всего преподавателей беспокоит мотивация и вовлеченность студентов в обучение (49,5%), отсутствие проработанных технологий организации групповой работы студентов (45%) и адекватных форм контроля знаний (44%). Как показывает опыт проведения промежуточных и итоговых аттестаций в мае–июне 2020 года, готовых и оптимальных решений для последней проблемы пока нет. Системе высшего образования необходимы новые технические решения и инструменты, которые бы позволили проводить идентификацию студентов, прокторинг, выполнение тестовых заданий в разных форматах, творческих проектов и т.п. При этом предлагаемые решения должны быть понятны и доступны для освоения всем пользователям, независимо от уровня цифровой грамотности, но вузы в нынешней вынужденной ситуации решали эти вопросы в стрессовом, авральном режиме.

Для организации контроля знаний студентов в весеннем семестре преподаватели использовали доступные им формы и ресурсы: в основном это проверка знаний и контроль в пассивном, оффлайн режиме. 22,9% указали, что проводят проверку усвоения пройденного материала в письменной форме, через электронную почту, еще 18% — в форме индивидуальных творческих

заданий через электронную почту, проводят тестирование по собственным тестам — 21,1%, по готовым тестам — 4,4%, применяют индивидуальный опрос — 14,3%, выборочный опрос в онлайн формате — 9,8%. Перекрестная проверка и самопроверка студентами в онлайн формате не является распространенной формой контроля знаний — ее указали, соответственно, 3,4% и 3,9%. Разброс ответов о формах контроля знаний студентов подтверждает вывод о непроработанности и неадаптированности фонда оценочных средств для работы в дистанционном формате.

В этой связи ожидаемыми оказались и ответы о форме зачетов и экзаменов в текущем семестре: большинство преподавателей назвали письменную форму и письменные задания по электронной почте (тесты, творческие задания, проекты). Аттестовали студентов по результатам работы в семестре около четверти участников опроса. Показательно, что ответов на этот вопрос практически совпадают с ответами об обычной форме аттестации, с той лишь разницей, что часть письменных работ выполняются в аудитории (Рис. 3). К моменту опроса уже провели итоговые аттестации за семестра 77,3% респондентов.

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос о формах организации аттестаций в дистанционном и традиционном режимах работы, в %

Что касается оптимального формата работы в дистанционном режиме, то большинство респондентов выступили за смешанное обучение, сочетающее онлайн и оффлайн форматы. Сторонники синхронного обучения (чтение лекций и проведение семинаров в режиме реального времени) — 14,3% опрошенных, асинхронного обучения (запись лекций) и расширения самостоятельной работы студентов — только 4,7%, что подтверждает тенденцию постепенного перехода образования к модели *blended learning*, в которой

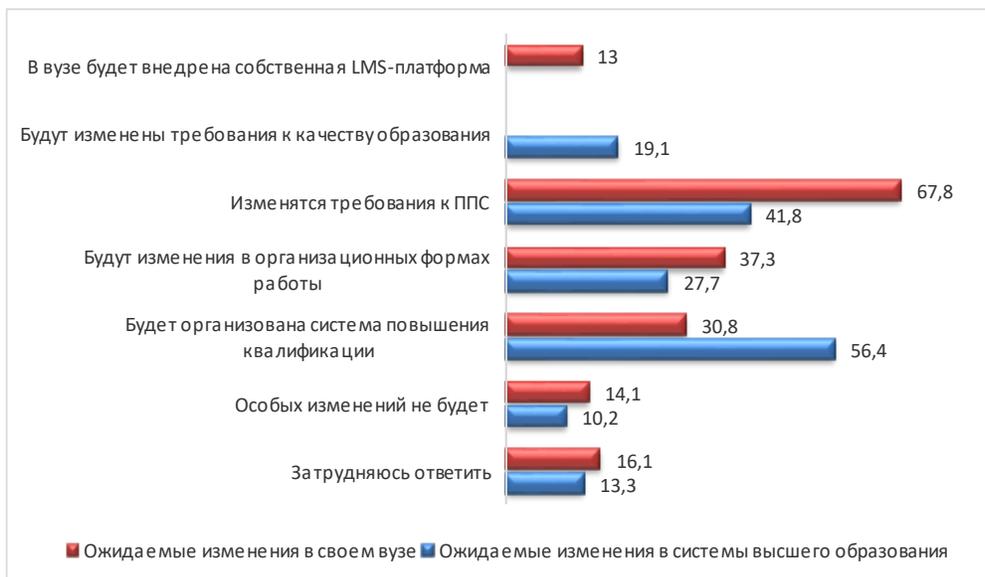
традиционное обучение сочетается с дистанционными и онлайн-методами. Такой формат обучения согласуется и с мнением специалистов по современным формам обучения — они считают его наиболее эффективным и оправданным для системы высшего образования [4].

Говоря о возможности перевода своей преподавательской деятельности полностью в онлайн формат, треть респондентов отметили, что пока не рассматривают для себя такой вариант и не готовы работать только в онлайн (29%). Для большинства такая форма работы в принципе возможна, но в ограниченном режиме (61,3%). Только 5% готовы полностью перевести свою преподавательскую деятельность в дистант. Ответы респондентов говорят о том, что к дистанту у них скорее психологические, внутренние барьеры, препятствующие полному отказу от традиционных форм обучения.

В период вынужденного дистанционного обучения в СМИ, среди экспертов и в общественном мнении неоднократно поднимался вопрос о том, что ожидает вузы после выхода из карантина — закрытие части вузов, сокращение преподавателей, изменения требований к их квалификации и навыкам работы. Оценки ожидаемых изменений преподаватели давали относительно и своего вуза, и системы образования в целом (Рис. 4). Преподаватели считают, что изменения в системе высшего образования затронут, в первую очередь, организацию работы со студентами и будут иметь методический характер (56,4%), изменятся и требования к преподавательскому составу (41,8%). Что касается ожидаемых изменений в вузах, то большинство предположений связаны с работой профессорско-преподавательского состава: ожидают изменений требований к преподавателям 38,8%, прогнозируют их сокращения 29%, предполагают масштабное повышение квалификации — 30,8%, пересмотр организационных форм работы — 32,1%. Такие радикальные изменения, как реорганизация вуза, в ответах преподавателей почти не встречаются. Таким образом, предполагаемые перемены в своем вузе связаны с работой профессорско-преподавательского состава, а в системе высшего образования в целом — с методической составляющей подготовки студентов и с качеством образовательного процесса, что вполне ожидаемо.

Результаты исследования позволяют сделать ряд выводов и высказать ряд рекомендаций. Преподавательский корпус российских вузов уверенно перешел на дистанционный формат обучения и фактически без предварительной подготовки реализовал учебный план по своим дисциплинам, хотя и с некоторой потерей качества обучения. Учитывая, что 77% респондентов на момент опроса уже имели опыт проведения онлайн-аттестаций, можно утверждать, что преподаватели вузов справились и с сессией. По мнению преподавателей, основная проблема дистанционного обучения — организация групповой работы студентов и контроля знаний. Для ее решения усилий преподавателей недостаточно — необходим комплекс системных мер по разработке соответствующих программных ресурсов и инструментов,

позволяющих на одной образовательной платформе организовать весь процесс обучения, включая контрольные функции, сдачу экзаменов и зачетов, систему прокторинга, работу в группах и проектную работу студентов под контролем преподавателя в оффлайн и онлайн режимах.

Рис. 4. Ожидаемые изменения в системе высшего образования и в своем вузе, в %

Преподаватели признают необходимость внедрения онлайн технологий в образовательный процесс, половина не имеет категорических возражений против нового формата обучения, однако практически все отмечают, что самой комфортной и продуктивной формой обучения является смешанное — сочетание традиционного обучения с дистанционными и онлайн-методами [6]. Реализация такой модели требует наличия у вузов ресурсов качественного воплощения в жизнь такого подхода. В настоящее же время только чуть более половины преподавателей говорят о наличии в их вузах собственных систем дистанционного обучения, причем до пандемии работа в этой системе, как правило, носила скорее формальный характер.

Преподавательский состав российских вузов — это высоко мотивированные и социально ответственные профессионалы [6]. Несмотря на отсутствие у 90% из них реального опыта работы в дистанте, они в стрессовом и авральном режиме осваивали ресурсы удаленного обучения, разрабатывали методические материалы, используя различные возможности для обеспечения непрерывного образовательного процесса. Дополнительные мотивационные стимулы большинству преподавателей не нужны — им необходима методическая помощь в виде рекомендаций по работе с конкретными программами и ресурсами в понятной и доступной цифровой среде, а также информационные материалы о возможностях различных ресурсов (создание своих и использование готовых тестов, инструменты создания онлайн курсов, записи лекций и т.д.).

Вынужденное дистанционное обучение, на которое перешли вузы России в условиях пандемии, стало стимулом к технологической трансформации системы высшего образования. Оно показало возможности и перспективы онлайн технологий в образовательном процессе, выявило наиболее слабые звенья в методической, технологической и информационной работе вузов и продемонстрировало реальный потенциал развития и устойчивости системы образования перед вызовами современности.

Библиографический список

- [1] *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
- [2] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Ценностные ориентации и социальное самочувствие студенчества (результаты исследовательского проекта). М., 2017.
- [3] Отчет о массовом опросе профессорско-преподавательского состава вузов о развитии онлайн-среды в условиях коронавирусной инфекции // URL: https://minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=2603.
- [4] Смешанное обучение: традиции и будущее // URL: <https://misis.ru/university/events/conference/2016-09/123>.
- [5] *Тоффлер Э.* Шок будущего. М., 2008.
- [6] *Троцук И.В., Суховерова Д.В.* Корпоративная культура как инструмент повышения конкурентоспособности вуза // *Высшее образование в России*. 2018. Т. 27. № 11.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-611-621

Forced shift to distance learning as an impetus to technological changes in the Russian higher education*

N.P. Narbut^{1,3}, I.A. Aleshkovski²,
A.T. Gasparishvili^{1,2,3}, O.V. Krukhmaleva^{1,2}

¹RUDN University
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991, Russia

³Institute of Sociology of the FCTAS RAS
Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia
(e-mail: narbut-np@rudn.ru; aleshkovski@yandex.ru;
gasparishvili@yandex.ru; kruhoks@yandex.ru)

Abstract. The objective request for the compliance of all spheres of life with the requirements of the information society has accelerated processes determined by the restrictive measures of the covid-19 pandemic. Almost all sectors of the economy were forced to switch to remote working; however, the education system was the most affected. The mass transition to distance learning revealed a number of challenges and contradictions in distant forms of the higher education programs and made the Russian

---

* © N.P. Narbut, I.A. Aleshkovski, A.T. Gasparishvili, O.V. Krukhmaleva, 2020.
The article was submitted on 17.05.2020. The article was accepted on 23.06.2020.

education system respond to the challenges of the digital society. This required a deep analysis of various aspects of distance learning, readiness of all education actors to work remotely, availability of material-technical facilities, methodological support and software, and also an assessment of prospects and scenarios for the development of the Russian education system after the pandemic. In May 2020, the Center for Education Development Strategy at Lomonosov Moscow State University and the RUDN Department of Sociology, with the support of the Russian Professors Assembly, conducted a survey of the academic personnel to study universities' transition to distance learning. The survey data revealed the real situation in the education system, features of the forced transition to remote working and challenges of such an educational format, and allowed to reconstruct a 'portrait' of the teacher most skeptical to distance learning. The study helped to make a number of recommendations on improving forms and methods of learning and on developing education technologies in universities; to identify the main risks of distance education and to suggest possible forms of mixed learning in Russian universities.

Key words: higher education; distance learning; digitalization; online education; remote access technologies; learning management system (LMS); Internet resources; quality of education

References

- [1] Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kultura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow; 2000 (In Russ.).
- [2] Narbut N.P., Trotsuk I.V. *Tsennostnye orientatsii i sotsialnoe samochuvstvie studenchestva (rezultaty issledovatel'skogo proekta)* [Student Value Orientations and Social Well-Being (Results of the Research Project)]. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [3] Otchet o massovom oprose professorsko-prepodavatelskogo sostava vuzov o razvitiy onlayn-sredy v usloviyakh koronavirusnoy infektsii [Report on the mass survey of the university teaching staff on the development of the online environment under the covid-19]. URL: https://minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=2603 (In Russ.).
- [4] Smeshannoe obuchenie: traditsii i budushcheye [Mixed learning: Traditions and the future]. URL: <https://misis.ru/university/events/conference/2016-09/123> (In Russ.).
- [5] Toffler E. *Shok budushchego* [Future Shock]. Moscow; 2008 (In Russ.).
- [6] Trotsuk I.V., Sukhoverova D.V. Korporativnaya kultura kak instrument povysheniya konkurentosposobnosti vuza [Corporate culture as a tool for improving university's competitiveness]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2018; 27 (11) (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-622-635

Вуз вне системы профессиональной подготовки специалистов как итог многолетних реформ российского высшего образования*

В.В. Щербина¹, Е.П. Попова²

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН
ул. Кржижановского, 24/35–5, Москва, 117218, Россия

²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия
(e-mail: sherbina.vyacheslav@mail.ru; eppopova@hse.ru)

Статья посвящена проблеме радикального изменения результатов деятельности российских вузов за последние 30–35 лет, приведшего к растущему дисбалансу между структурой, количеством и качеством производимых вузами кадров и потребностью работодателей в профессионалах высокой квалификации. Авторы считают, что это изменение было вызвано: а) разрушением советской системы высшего образования; б) ее переводом на западные модели организации; в) унификацией вузов и сведением их разнообразия к единой модели; г) переводом вузов на двухуровневую систему обучения (бакалавр — магистр); д) предоставлением вузам права формировать образовательные программы и зарабатывать деньги на их реализации, принимая абитуриентов, не соответствующих уровню подготовки. Эти процессы привели к значительному увеличению числа вузов, подготовка в которых ведется вне связи с объективной социальной потребностью в квалифицированных кадрах. Вуз перестал быть заключительным звеном в системе профессиональной подготовки кадров — деятельности, где заказчиком выступало либо государство, либо организации-работодатели. Вуз стал организацией, оказывающей образовательные услуги студенту и его родителям. Изменения системы высшего образования в этом направлении уже привело к неостребованности большого количества выпускников на рынке труда и к попыткам крупных работодателей готовить специалистов, не прибегая к услугам вузов. Система высшего образования в этом виде не только не выполняет свои социальные функции, но и является расточительной, порождает избыток формальных носителей высшего образования, для которых нет места в реальной экономике. Авторы связывают развитие системы высшего образования с выделением небольшого числа вузов и дифференциацией их на группы в соответствии с предстоящими видами деятельности выпускников (академически-исследовательская, проектно-технологическая/конструкторская, педагогическая и др.), а также с обоснованными прогнозами потребностей работодателей.

Ключевые слова: результат деятельности вуза; организационная специфика вуза; заказчики и потребители результатов деятельности вуза; качественная подготовка высококвалифицированных кадров; качество образования

Еще тридцать лет назад ответ на вопрос «какова цель деятельности вузов (и, соответственно, ее результат)» был очевиден — подготовка определенного количества квалифицированных кадров определенных специальностей под определенные задачи. Существовала достаточно стройная дифференциация

* © Щербина В.В., Попова Е.П., 2020.

Статья поступила 24.04.2020 г. Статья принята к публикации 10.06.2020 г.

вузов по критерию того, кого и под какие задачи они готовят: ученых (исследователей), разработчиков технологий, квалифицированных пользователей знаниями и технологиями. Новые вузы и направления подготовки определялись государством, планирующим развитие тех или иных сфер социальной жизни, оно же являлось единственным заказчиком и работодателем.

С середины 1990-х годов российская система высшего образования находится в состоянии перманентного реформирования, что меняет представление о деятельности вузов и ее результатах. Эти процессы, продолжающиеся по сей день, неоднородны по содержанию и могут быть разделены на два этапа. Первый этап продолжался до 2010-х годов — фактического присоединения России к Болонскому процессу. Если верить его инициаторам, он был направлен на адаптацию и модернизацию советской системы высшего образования к условиям новой социально-экономической и социально-политической реальности и на максимальную унификацию отечественной системы вузовской подготовки с системой подготовки студентов в странах Запада. Обозначенные задачи первого этапа реформирования уже осуществлены: его итоги нашли отражение в отечественном законодательстве, а осмысление проблем, порожденных этими итогами, служит основанием для подготовки ко второму этапу реформ.

Итогом первого этапа реформирования стало разрушение дифференцированной системы высшего образования, закончившееся увеличением числа вузов, появлением универсального типа вуза — университета и полным отрывом подготовки студентов от запросов работодателей. Переход ко второму этапу реформ, свидетелями которого мы сегодня являемся, зачастую связан с ревизией прежних представлений о сути вузов, их задачах и функциях. Он обосновывается стремлением к повышению качества образования, необходимостью преодолеть типичную для вузов обособленность от реалий жизни, желанием сориентировать вузы на работу в рыночных условиях, стремлением учесть при формировании образовательных программ фактор нарастающей неопределенности и динамичности конъюнктуры рынка, на который они по факту работают, обеспечить условия для выживания и развития вузов в условиях сокращающегося государственного финансирования и учесть при формировании образовательных программ те макросдвиги, которые происходят в мировой и отечественной экономике (развитие «экономики услуг», «экономики знаний», «цифровой экономики» и т.д.) [2; 9; 15; 17].

Отмеченные процессы нашли отражение и в политике руководства ряда вузов, которое стремится рассматривать вузы как особый тип бизнес-организаций, формулировать их миссии и стратегии развития, изменять (иногда радикально) содержание образовательных программ, внедрять так называемые «гибкие организационные структуры», радикально пересматривать сложившиеся ранее представления о вузовском образовании как подготовке высококвалифицированных специалистов, ориентированных на успешную деятельность

и карьеру в рамках определенной профессии. В результате высшее образование перестало быть связано с подготовкой профессионалов высокой квалификации, в которых нуждаются работодатели. Избыток вузов и студентов, растущая несоотнесенность структуры выпускников с потребностями работодателей, ухудшающееся качество их подготовки порождают их невостребованность на рынке труда. Проблема нарастающей изолированности вузов от потребностей рынка давно не связана с недостатками советской системы — это итог реформ, которые предполагали модернизацию советской системы.

Чтобы решить вопрос об оправданности и ориентирах произошедших и планируемых изменений, необходимо поставить и попытаться ответить на следующие вопросы. 1) Чем порождены, насколько реальны и значимы те проблемы, которые заставляют многих ученых, администраторов и политиков призывать к новому этапу реформ? 2) Какова направленность этих изменений? Насколько они реалистичны и социально оправданы? 3) В чем состоит специфика вуза как особого типа образовательных организаций? 4) Что является главным продуктом деятельности вузов? 5) Кто выступает конечным потребителем и заказчиком этого продукта? 6) Может ли вуз быть рассмотрен в отрыве от функции подготовки профессионалов высшей квалификации?

Чем были вызваны изменения в российских вузах?

Сложившаяся в СССР и просуществовавшая до середины 1990-х годов дифференциация отечественных вузов строилась по нескольким основаниям, важнейшими из которых были тип деятельности и масштаб задач. Вузы в СССР были представлены: многопрофильными классическими университетами, готовившими кадры для науки, других вузов и местных управленческих элит; отраслевыми вузами, ориентированными на обеспечение кадрами конкретного сектора экономики (например, институты инженеров транспорта или авиационные вузы в регионах), научное обеспечение индустрии в национальном масштабе и методическую поддержку других специализированных вузов (например, Московский нефтяной институт им. И.М. Губкина); вузами, созданными по территориально-производственному принципу и ориентированными на кадровое обеспечение конкретных секторов региональной социально-экономической системы (педагогические, медицинские, политехнические) [9. С. 23]. Одни вузы готовили к исследовательской деятельности, другие — к разработке технологий, третьи — квалифицированных пользователей технологиями. Содержание и форма обучения были напрямую связаны с этими задачами.

С 1990-х годов начинается трансформация советской системы высшего образования. Ориентируясь на установление рыночных отношений и в этой сфере, государство ограничило объем финансового содержания вузов, предоставив им право зарабатывать деньги. Основная (образовательная) деятельность теперь рассматривается как источник заработка за счет открытия

популярных направлений (подготовка экономистов, юристов, менеджеров), снижения требований к поступающим и других источников финансирования (например, сдачи помещений в аренду и т.д.). Одним из очевидных результатов таких изменений стало увеличение числа вузов (частично за счет появления негосударственных) и числа обучающихся в них. С 1998 до 2006 годы численность студентов увеличилась почти в три раза, а количество вузов к 2011 году достигло 1115 (в 1991 — 514) [9. С. 16].

Другим важным новшеством стало изменение формата высшего образования: отказ от пятилетней подготовки и переход к формуле «4+2». Это обосновывалась необходимостью присоединения России к единому европейскому образовательному пространству, что обеспечивало возможности мобильности для студентов. Интересы отечественной экономики не учитывались: уже тогда было понятно, что подготовка квалифицированных кадров по такой схеме сомнительна. Поэтому к 2011–2012 учебному году — времени официального завершения перехода к модели «бакалавриат–магистратура» [3] — более чем для 100 специальностей в важнейших сферах (оборона, медицина и др.) осталась прежняя схема подготовки специалистов (5 или 6 лет).

Таким образом, уже к 2000-м годам государство в попытке реформировать советскую систему высшего образования породило новые проблемы: размывание сложившейся дифференциации вузов и, как следствие, переизбыток «носителей» высшего образования сомнительного качества, которые не были востребованы на рынке труда (надежда на регуляторные возможности рынка не оправдалась). Была предпринята попытка дифференцировать вузы по качеству образования. Была выделена группа элитарных вузов, с которыми связывалось решение таких задач, как развитие науки, попадание в международные рейтинги, развитие регионов и др. (например, национальные исследовательские университеты; вузы, входящие в проект «5-100»; федеральные университеты). Была и попытка разделить вузы по ориентации образовательных программ — на академические и прикладные задачи. Но эти попытки оказались малопродуктивными, поскольку до сих пор неясно, каких специалистов, в каком количестве, какого качества и для кого должны готовить российские вузы. Ответы на эти вопросы обосновываются западными стандартами, а не потребностями отечественной экономики.

Пытаясь определить ориентиры развития вузов, реформаторы принимают во внимание, прежде всего, вызовы внешней среды, на которые указывают на Западе: кардинальные и все более ускоряющиеся изменения в экономике и невозможность прогнозировать изменения рынка труда делают бессмысленной глубокую профессиональную подготовку; переход к «экономике знаний» якобы требует большого числа высококвалифицированных кадров широкого профиля для творческой деятельности; стремление большого числа людей получить высшее образование; проникновение во все сферы социальной жизни «цифровизации» [2. С. 72–98; 8]. Соответственно, вузам

предлагается модель «открытого образования» — увязка возможностей цифрового обучения со стремлением широких масс к образованию. Ее реализацию связывают с электронным обучением (e-learning) и расширением сферы массовых открытых онлайн-курсов (МООС). Все это направлено на замену старых принципов и технологий обучения, поскольку они делают высшее образование долгим, неэффективным и дорогим [2]. Эти направления предельно актуализировались на фоне пандемии и грозят превратить тему онлайн образования из форс-мажорной в постоянную.

Модель открытого образования определяет и ориентиры развития вузов: эталоном успешности выступает «глобальный университет» — в перспективе мега-организация, контролирующая производство и продажу образовательного продукта (онлайн-дисциплин) как другим вузам, так и частным клиентам. Согласно еще более радикальной позиции в перспективе вуз вообще не рассматривается как центр обучения — эта функция связывается с общегосударственным фондом электронных учебных курсов и методическим центром, устанавливающим порядок получения разных форм высшего образования на основе освоения студентом необходимых учебных курсов. В качестве преимуществ такой организации обучения называют низкие издержки и высокую потенциальную доступность для всех желающих.

Однако предлагаемые направления изменений противоречат друг другу. Например, тезис о необходимости массового высшего образования наталкивается на контрдовод, что новой экономике, базирующейся на автоматизации и роботизации, не нужно большое количество профессионалов, наделенных творческими способностями. Тезис о массовой потребности населения в знании противоречит указаниям на то, что современные студенты имеют «клиповое сознание», не позволяющее воспринимать материал в формате лекций. Согласно ряду социологических исследований лишь 17% российской молодежи способно адекватно воспринимать информацию [2. С. 74].

Авторы лукавят, когда говорят о массовой потребности в высшем образовании. У населения есть потребность в хорошем образовании, представление о котором базируется на ложном допущении, что получение диплома вуза — все еще реальный фактор, способный гарантировать карьеру и доход: в условиях затянувшегося спада экономики и падения спроса на профессионалов такие ожидания сомнительны. На негативные социальные последствия всеобщего высшего образования указывают и западные авторитеты (П. Бурдье), фиксирующие факт уменьшения карьерных возможностей для индивида (переизбыток выпускников блокирует восходящую мобильность) и повышения потенциала конфликта для государства [4. С. 64]. Очевидно, что система высшего образования в России столкнулась с рядом серьезных проблем, обусловленных ее перестройкой по западным стандартам. В их основе лежат идеологемы, не отражающие организационную природу ни вуза, ни системы высшего образования в целом.

Специфика вуза как организации

Среди исследователей высшего образования вопрос о принадлежности университетов к классу организаций достаточно дискусионен [21. Р. 245; 22; 24]. Типичным является противопоставление бизнес-организаций университетам: первые рассматриваются как обладающие более эффективными и гибкими структурами в противовес неэффективным и негибким бюрократиям. Отсюда делается вывод, что университеты должны отказаться от бюрократических структур, которые им мешают становиться эффективными и социально полезными [12; 23. Р. 131–132]. Эталоном выступает «предпринимательский университет» или «инновационный университет» — модели, описывающие вузы как организации, находящиеся в состоянии постоянных изменений.

У социологии организационная природа вузов никогда не вызывала сомнений, поскольку организация рассматривается как целевая общность. Вуз может быть определен как деловая организация, ориентированная на выпуск продукта или услуги [14. С. 65]. Становление вуза как формальной организации — части системы высшего образования — связано с потребностью государства, экономики, социума в большом количестве высококлассных профессионалов со стандартной подготовкой. Вуз относится к организациям, чей продукт специфичен (с трудом поддается подсчету) [10. С. 322]. Однако вполне возможно подсчитать количество выпускников — носителей знаний и умений, дипломы которых подтверждены профессионалами, работающими в вузе.

Формальная структура для вузов (как и для других типов организаций) предельно важна, поскольку является основой предсказуемости продукта деятельности с определенными качественными характеристиками и критериями их оценки [20]. Параметры структуры вузов задаются особенностями их деятельности, характеристик персонала и внешней среды.

Образовательная деятельность является достаточно рутинной (ориентирована на передачу определенного объема знаний и умений для подготовки профессионалов). Оптимальной для нее остается структура с бюрократическими характеристиками, обеспечивающая производство стандартного продукта. Отсутствие стандартизации делает абсолютно непредсказуемым отбор работодателем на рынке труда нужного специалиста. Под распространенным понятием «гибкая организация» скрывается структура, позволяющая производить постоянно меняющийся инновационный продукт с нестандартными характеристиками [19]. Заказ на такой продукт со стороны работодателей в принципе не может быть массовым.

Наряду с образовательной деятельностью вузы ведут и исследовательскую работу. В качестве формально заданной и сосуществующей с образовательной эта деятельность присутствует, прежде всего, в национальных исследовательских университетах. Считается, что она требует включения всех преподавателей и студентов вуза, но практически выполнить это требование невозможно, что находит отражение в структурах вузов, для которых типично

выделение и обособление подразделений, ориентированных на образовательную деятельность и на исследования. Организационная специфика вуза проявляется и в требованиях к персоналу, поскольку здесь реализуется и образовательная (рутинная), и исследовательская (нерутинная) деятельность. Персонал является носителем профессиональных норм, на основании и в рамках которых деятельность осуществляется и оценивается (вуз — «профессиональная бюрократия» [11]).

Кроме целевой функции системы высшего образования — подготовки специалистов — вузы выполняют и ряд других. П. Бурдые выделяет две основные функции вузов: техническую сортировку людей для рынке труда и социальную — маскировку классовых детерминант итогов образования (доминирующий класс определяет относительную важность документов об образовании, структуру образования, доступ к нему, его содержание, тем самым обеспечивая неузнаваемость классового господства) [4. С. 69]. В последнее время появляются и другие трактовки социальных функций вузов, например: сигнальная (сообщает о престижности вуза), воспроизводство человеческого капитала (обеспечивает востребованность выпускника и ожидаемый размер зарплаты), барьерная (обеспечивает однородность студенческого состава по способности набрать нужное количество баллов для поступления или оплатить обучение), научно-исследовательская, инновационная (регистрирует результаты интеллектуальной деятельности), предпринимательская (является площадкой для малых инновационных компаний) [6. С. 205]. Очевидно, что здесь преобладают функции, ориентированные на индивидуального клиента, и нет места функции подготовки квалифицированных профессионалов, т.е. утрачивается смысл института высшего образования. Конечно, функции вузов могут меняться в ответ на изменение внешней среды, но их изменение должно происходить не за счет замены старых норм и ориентиров новыми, а путем добавления новых функций к уже имеющимся (теория организационной экологии) [20] — в противном случае организация деградирует.

Как любая организация в условиях динамичной среды, вуз осуществляет два плохо совместимых типа деятельности: базовую — внутри организации, связанную, прежде всего, с профессиональным образованием, что предполагает работу в условиях стабильности; ориентированную на работу с внешним окружением — с разнотипными социальными образованиями, из которых рекрутируется потенциальный студент и в которых должен найти применение выпускник (работа в условиях нестабильности). Оптимальным способом совмещения этих деятельностей является дифференциация подразделений вуза по критерию фокусировки на внутренних (техническое ядро) и внешних (буферные подразделения) проблемах [26]. Вузам необходимо обеспечивать стабильность процесса обучения и создавать подразделения, снижающие неопределенность в критичных для вуза сферах (например, отдел по работе с абитуриентами, с иностранными студентами, по обеспечению международной мобильности и др.).

Рассматривая основных заказчиков вузов, некоторые авторы подчеркивают, что университеты долгое время существовали как «башня из слоновой кости», ориентируясь на запросы интеллектуалов внутри себя, а сейчас столкнулись с необходимостью изменять модель функционирования «в направлении более активного взаимодействия с окружением — государственными институтами, бизнесом, венчурным капиталом» [17. С. 28]. Однако эта претензия не имеет отношения к советской системе высшего специального образования, поскольку она была полностью привязана к запросам государственной экономики [9. С. 26]. В 1990-е годы, в результате реформирования системы высшего образования, была утрачена связь российских вузов с реальной экономикой.

Сегодня основными заказчиками и потребителями продукта базовой деятельности вузов являются государство, бизнес-структуры и студенты, но идет ли речь об одном и том же продукте? Рассматривая квалифицированные кадры как целевой продукт вузов, можно выделить три их типа, принципиально различающихся по особенностям будущей деятельности, что определяет специфику подготовки: ученые (ориентированы на исследовательскую деятельность), разработчики технологий (ориентированы на проектную деятельность), квалифицированные пользователи знаний и технологий. Государство может выступать заказчиком всех трех типов специалистов, бизнес-структуры заинтересованы в подготовке разработчиков технологий и пользователей, отдельное домохозяйство (родители и абитуриенты) заинтересовано в получении в таких знаний и умений, которые обеспечат ему в будущем доход и социальный престиж.

По каким критериям оценивается «продукт» разными заказчиками? Государство использует федеральные образовательные стандарты, но они вырабатывались не с целью решения национальных задач, а с целью соответствия требованиям единого европейского образовательного пространства. Кроме того, они позволяют оценить не столько продукт, сколько условия и принципы его производства. Бизнес-структуры могут опираться на соответствие вуза профессиональным стандартам, что также не гарантирует эффективность будущей деятельности выпускников. Например, согласно исследованию Boston Consulting Group о перспективах развития России до 2025 года, 91% работодателей отмечают нехватку практических знаний у выпускников вузов [18]. Для родителей и абитуриентов критериями качества «продукта» является его цена, время, затраченное на его получение, и упущенные возможности [2. С. 80–81]. Однако эти критерии не позволяют выбрать лучший вуз даже с точки зрения абитуриента, поскольку не гарантируют успешную карьеру.

Источником информации о лучших вузах (предположительно производят лучший продукт) выступают многочисленные рейтинги, которые выполняют разные функции не только для заказчиков, но и для вуза. Рейтинги используются абитуриентами (в том числе иностранными) при выборе вуза для поступления (соотношение стоимости обучения и престижности вуза), работодателями —

при символическом построении иерархии вузов для первичной оценки выпускников в процессе отбора персонала, государством — в качестве внешнего индикатора развития науки и образования, для определения объектов и направлений финансирования в сфере высшего образования и науки, самим вузом — для получения финансирования (в том числе бюджетных мест).

Действительно, позиция университета в международных рейтингах ТНЕ и QS стала не только внешним индикатором успешности вуза, но и критерием государственной поддержки и финансирования (особенно программы «5–100»). Но к рейтингам есть много вопросов: критерии международных рейтингов завышают возможности вузов стран-разработчиков; рейтинги оценивают не столько достижения, сколько имидж университетов, «искусство маркетингового позиционирования»; часто фокусируются не на образовании, а на условиях обучения [15]. Новые рейтинги, пытаясь, устранить эти недостатки, создают другие критерии, например, рейтинг MosIUR «Три миссии университета» использует критерии развития образования, науки и взаимодействия с обществом. Однако оценка «взаимодействие с обществом» базируется на допущении, что наличие персональной страницы выпускника в Википедии свидетельствует о его важной социальной роли (соответственно, это показатель успешности карьеры) [15].

Главный внешний показатель качества деятельности вузов — востребованность выпускников работодателями. Мнение работодателей о том, кто им нужен, формально является критерием для прохождения образовательной программой аккредитации. Но инструментарий мониторинга востребованности выпускников только разрабатывается и планируется к вводу в 2022 году, хотя и без него есть основания утверждать, что качество подготовки выпускников вызывает много вопросов. Ряд крупных предприятий (включая госкорпорации) создают корпоративные университеты, что доказывает несоответствие подготовки выпускников вузов требованиям практической деятельности. В то же время, согласно ряду исследований [25] профессиональные навыки выпускников не являются для работодателя приоритетными критериями отбора сотрудников [1], что может свидетельствовать либо о неопределенных представлениях работодателей о профессионалах, которые им нужны, либо о скептическом отношении к тем навыкам, которые формируются у студентов в вузах и обозначаются как «профессиональные». Реальная востребованность выпускников проявляется в том, что работодатель из года в год предпочитает выпускников одного вуза другим, но эта востребованность может сформироваться, только если вуз обеспечивает подготовку выпускников со стандартными характеристиками, подтвердившими эффективность в реальных условиях.

Кого готовят и кого должны готовить российские вузы?

Подготовка высококвалифицированных кадров — деятельность, обусловленная функциями системы высшего образования. В официальных документах в качестве целей вузов, наряду с обеспечением подготовки высоко-

квалифицированных кадров, называются также «удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии» [16]; «обеспечение высокого качества российского образования в соответствии с меняющимися запросами населения» [13] и т.д. Такое разнообразие создает трудности в определении принципов производства качественного продукта, поэтому получает распространение подход, когда оценивается не результат деятельности, а его процесс. Качество образования постоянно отслеживается и подтверждается, в частности, государственной аккредитацией, общественной и профессионально-общественной (ее могут проводить работодатели) аккредитацией, а также независимой оценкой [16. Ст. 92, 95, 96].

Основой оценки качества образования являются федеральные государственные образовательные стандарты, а также стандарты, устанавливаемые университетами. Они в значительной степени повторяют международные стандарты и имеют сомнительное отношение к реальной деятельности (например, компетенции — скорее инструмент демонстрации лояльности вуза институциональным требованиям, чем реальная оценка качества образования). Некоторые критерии государственной аккредитации явно ориентированы на то, чтобы сделать процесс обучения удобным для студентов, а не на подготовку квалифицированного специалиста и тем более развитие науки (например, критерий обеспеченности учебного процесса литературой), что также демонстрирует усиление значения формальных административных требований в ущерб профессиональным нормам, без которых невозможно развитие высшего образования.

Многие исследователи говорят о сомнительности оценки влияния качества образования как на социально-экономические показатели, так и на успешность отдельных индивидов [1]. Кроме того, ни государство, ни бизнес-структуры не являются потребителями образования — им нужен профессионал как носитель знаний и умений. Кого же вуз готовит: квалифицированного специалиста — носителя знаний и умений в определенной области, который может их применить, или обладателя уникального набора разрозненной информации и умений (полученного в виде образовательной услуги), который, возможно, обеспечит ему карьеру?

В основе разработки образовательных программ в российских вузах лежат следующие ориентации: на постоянное изменение содержания программ в соответствии с успешностью или неуспешностью набора абитуриентов и с оценкой студентами тех или иных дисциплин с абсолютно непрофессиональной точки зрения; на подготовку «универсалов» (многочисленные образовательные программы, базирующиеся на принципе междисциплинарности, как «интегрированные коммуникации», «доказательное развитие образования» и т.д.); на построение индивидуальных образовательных траекторий обучающихся (как это увязывается с подготовкой «универсалов» — загадка; студент выступает как субъект, способный оценить, что ему понадобится в будущей карьере [2. С. 82–83]; отсутствие стандартизированных программ подготовки

(«паспорт компетенций» вместо диплома) делает невозможным прогнозирование эффективности выпускника на определенном рабочем месте); на расширение количества онлайн дисциплин и в целом на дистанционное обучение (что доводит оторванность вузов от производственных структур до абсолюта); на предельную формализацию отношений, в частности между преподавателем и студентом (рейтингование, формулы оценивания с указанием весов и т.д.), что ставит под сомнение профессионализм преподавателя, а студента делает полноценным субъектом оценки качества полученной услуги; на совершенствование методического обеспечения образовательного процесса (стремление разработать формат, в котором любое содержание будет понятным и интересным для студента с клиповым сознанием и с ориентацией на минимизацию усилий) в ущерб содержанию [2. С. 78–79, 85]; на проектную деятельность, которая должна связывать обучение с практической деятельностью, но непонятно, как выпускники междисциплинарных программ, не обладающие специализированными знаниями и навыками, будут решать практические задачи. Очевидно, что такие принципы формирования образовательных программ ориентированы на предоставление образовательных (или даже информационных, поскольку клиент оценивает, нужна ему эта информация или нет) услуг студентам и принципиально противоречат не только задаче подготовки квалифицированных кадров, но и функциям вуза как организации.

***

Российские вузы перестали производить высококвалифицированные кадры для потребностей экономики. Критерии оценки результата деятельности вуза, стандарты, по которым эта деятельность осуществляется, и принципы разработки образовательных программ свидетельствуют о том, что вуз теперь производит образовательные услуги для студентов, которые рассматриваются как важнейший заказчик деятельности вуза. Развитие вузов в этом направлении делает ненужным для работодателей их образовательный продукт и способствует дальнейшему формированию на базе крупных производственных организаций структур, выполняющих функции подготовки специалистов. Соответственно, высшее образование разрушается как система, выполняющая ряд социальных функций и являющаяся основой развития науки, — ни корпоративные университеты, ни другие организации эти функции выполнить не могут.

Вуз как специфическая организация может сохраниться, только решая задачу подготовки определенного количества квалифицированных специалистов разных направлений и отказавшись от ориентации только на интересы студентов. Для решения этой задачи государству необходимо: определить потребности экономики в количестве специалистов для разных направлений (например, путем создания специализированных центров, задача которых — прогнозирование потребностей рынка труда); определить относительно небольшую группу вузов, на которые возлагается задача подготовки таких

специалистов; дифференцировать вузы по типу деятельности и с учетом прогноза запросов работодателей; обеспечить полное финансирование вузов государством или работодателем, используя кредитование студентов с обязательной отработкой или возвращением кредита; обеспечить трудоустройство выпускников с сохранением за государством (или иным работодателем) права потребовать вернуть затраченные на их подготовку ресурсы в случае отказа работать на выделенных местах.

Библиографический список

- [1] *Агранович М.Л.* Ресурсы в образовании: насыщение или пресыщение // Вопросы образования. 2019. № 4.
- [2] *Балацкий Е.В.* Новые тренды в развитии университетского сектора // Мир России. 2015. Т. 24. № 4.
- [3] Болонская система // URL: <http://www.hse.ru/news/1163611/34502118.html>.
- [4] *Буравой М.* Нищета философии: Маркс встречается с Бурдые // Социологические исследования. 2018. № 5.
- [5] *Галанов В.А.* Модель электронного высшего образования // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2019. № 6.
- [6] *Земцов С.П., Еремкин В.А., Баринова В.А.* Факторы востребованности ведущих вузов России // Вопросы образования. 2015. № 4.
- [7] *Клячко Т.Л.* Высшее образование: больше, лучше или дешевле // URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0669/print.php>.
- [8] *Красильщиков В.А.* Карл Маркс: двести лет молодости? // Социологические исследования. 2018. № 5.
- [9] *Кузьминов Я.И., Семенов Д.С., Фрумин И.Д.* Структура вузовской сети: от советского к российскому «мастер-плану» // Вопросы образования. 2013. № 4.
- [10] *Мейер Дж.В., Роуэн Б.* Институционализированные организации: формальная структура как миф и ритуал // Теория организации / Под ред. Т.Н. Клеминой. СПб., 2010.
- [11] *Мицберг Г.* Структура в кулаке: создание эффективной организации. СПб., 2002.
- [12] *Павлюткин И.В.* Конструирование университета как организации // Экономическая социология. 2011. Т. 12. № 1.
- [13] Паспорт государственной программы «Развитие образования» на 2013–2020 гг. // URL: <https://programs.gov.ru/Portal/programs/passport/02>.
- [14] *Пригожин А.И.* Методы развития организации. М., 2003.
- [15] Три миссии рейтинга: зачем создан Московский международный рейтинг университетов // URL: <https://indicator.ru/humanitarian-science/tri-missii-rejtinga.htm>.
- [16] ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 №273-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // URL: <https://fzrf.su/zakon/ob-obrazovanii-273-fz>.
- [17] *Чепуренко А.Ю.* Маркс в университете 3.0? // Социологические исследования. 2018. № 5.
- [18] Эксперт: для нового поколения россиян работа станет привилегией // URL: <https://newizv.ru/article/general/05-02-2018/ekspert-dlya-novogo-pokolenie-rossiyan-rabota-stanet-privilegiyey>.
- [19] *Burns T., Stalker G.M.* Management of Innovation. Oxford, 1961.
- [20] *Hannan M.T., Freeman J.* Organization Ecology. Cambridge–L., 1989.
- [21] *Kehm B.M.* Universities as specific and incomplete organizations? New theories of ‘universities as organizations’ // 4th International Conference “University Traditions: A Resource or a Burden?”. Moscow, 2013.
- [22] *Krücken G., Meier F.* Turning the university into an organizational actor // Globalization and Organization: World Society and Organizational Change. Oxford, 2006.

- [23] *Mainardes E.W., Alves H., Raposo M.* The process of change in university management: From the “ivory tower” to entrepreneurialism // *Transylvanian Review of Administrative Sciences*. 2011. Vol. 33.
- [24] *Musselin C.* Are universities specific organizations? // *Towards a Multiversity? Universities between Global Trends and National Traditions* / Ed. by G. Krücken, A. Kosmützky, M. Torca. Bielefeld, 2006.
- [25] *Succi Ch., Canovi M.* Soft skills to enhance graduate employability: Comparing students and employers’ perceptions // *Studies in Higher Education*. DOI: 10.1080/03075079.2019.1585420.
- [26] *Thompson J.D.* *Organizations in Action*. New York, 1967.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-622-635

University outside the system of professional training as a result of many years of reforms in the Russian higher education*

V.V. Shcherbina¹, E.P. Popova²

¹Institute of Sociology of the FCTAS RAS
Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia

²National Research University Higher School of Economics
Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia
(e-mail: sherbina.vyacheslav@mail.ru; eppopova@hse.ru)

Abstract. The article considers radical changes in the Russian universities’ activity in the last 30–35 years. The authors believe that such changes were determined by: a) destruction of the Soviet system of higher education; b) its transfer to the Western models of the education organization; c) unification of different university models; d) transfer to the two-level system (bachelor-master); e) universities’ right to change education programs and earn money by admitting poorly prepared students. These features of the contemporary education led to a significant increase in the number of universities that do not take into account objective social needs in various types of training. Therefore, the university is no longer a final point in the system of professional training, whose previous customers were either the state or employer. The university has turned into an organization providing educational services to the student and his parents. Such a higher-education system does not fulfill its social functions and is wasteful for it contributes to potential conflicts due to the excess of formal holders of higher-education diplomas, for whom there is no place in the real economy. The authors believe that the Russian higher education can change the trend of development by selecting and differentiating a small group of universities according to the future types of their graduates’ activities (research, technology, education, etc.), and by reliable forecasting of the employers’ needs.

Key words: product of university’s activities; organizational specifics of university; customers and consumers of the university work results; high-quality training of highly qualified personnel; quality of education

References

- [1] Agranovich M.L. Resursy v obrazovanii: nasyshchenie ili presyshchenie. [Resources in education: Saturation or satiety]. *Voprosy Obrazovaniya*. 2019; 4 (In Russ.).
- [2] Balatsky E.V. Novye trendy v razvitií universitetskogo sektora [New trends in the development of the university sector]. *Mir Rossii*. 2015; 24 (4) (In Russ.).

* © V.V. Shcherbina, E.P. Popova, 2020.

The article was submitted on 24.04.2020. The article was accepted on 10.06.2020.

- [3] Bolonskaya Sistema [Bologna system]. URL: <http://www.hse.ru/news/1163611/34502118.html> (In Russ.).
- [4] Burawoy M. Nishcheta filosofii. Mark vstrechaetsya s Bourdieu [The poverty of philosophy. Marx meets Bourdieu]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2018; 5 (In Russ.).
- [5] Galanov V.A. Model elektronnoy vysshego obrazovaniya [Model of online higher education]. *Vestnik REU im. G.V. Plekhanova*. 2019; 6 (In Russ.).
- [6] Zemtsov S.P., Eremkin V.A., Barinova V.A. Faktory vostrebovanosti vedushchikh vuzov Rossii [Demand factors of leading Russian universities]. *Voprosy Obrazovaniya*. 2015; 4 (In Russ.).
- [7] Klyachko T.L. Vysshee obrazovanie: bolshe, luchshe ili deshevle [Higher education: More, better or cheaper]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0669/print.php> (In Russ.).
- [8] Krasilshchikov V.A. Karl Marx: dvesti let molodosti? [Karl Marx: Two hundred years of youth?]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2018; 5 (In Russ.).
- [9] Kuzminov Ya.I., Semenov D.S., Frumin I.D. Struktura vuzovskoy seti: ot sovetskogo k rossiyskomu “master-planu” [Structure of the university network: From the Soviet to the Russian “master plan”]. *Voprosy Obrazovaniya*. 2013; 4 (In Russ.).
- [10] Meyer J.W., Rowan B. Institutsionalizirovannyye organizatsii: formalnaya struktura kak mif i ritual [Institutionalized organizations: Formal structure as myth and ceremony]. *Teoriya organizatsii*. Pod red. T.N. Kleminoy. Saint Petersburg; 2010 (In Russ.).
- [11] Mintzberg H. *Struktura v kulake: sozдание effektivnoy organizatsii* [Structure in Fives: Designing Effective Organizations]. Saint Petersburg; 2002 (In Russ.).
- [12] Pavlyutkin I.V. Konstruirovaniye universiteta kak organizatsii [Designing a university as an organization]. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya*. 2011; 12 (1) (In Russ.).
- [13] Paspport gosudarstvennoy programmy “Razvitiye obrazovaniya” na 2013–2020 gg. [Passport of the Russian state program “Development of Education” for 2013–2020]. URL: <https://programs.gov.ru/Portal/programs/passport/02> (In Russ.).
- [14] Prigozhin A.I. *Metody razvitiya organizatsii* [Organization Development Methods]. Moscow; 2003 (In Russ.).
- [15] Tri missii reytinga: zachem sozdan Moskovskiy mezhdunarodnyy reyting universitetov [Three ranking missions: Why the Moscow international university rating was created]. URL: <https://indicator.ru/humanitarian-science/tri-missii-rejtinga.htm> (In Russ.).
- [16] FZ “Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii” ot 29.12.2012 No. 273 (red. ot 24.04.2020) [Federal Law “On Education in the Russian Federation” from December 29, 2012 No. 273 (as amended on April 24, 2020)]. URL: <https://fzrf.su/zakon/ob-obrazovanii-273-fz> (In Russ.).
- [17] Chepurenskiy A.Yu. Marx v universitete 3.0? [Marx at the university 3.0?]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2018; 5 (In Russ.).
- [18] Ekspert: dlya novogo pokoleniya rossiyan rabota stanet privilegiyey [Expert: For a new generation of Russians, work will be a privilege]. URL: <https://newizv.ru/article/general/05-02-2018/ekspert-dlya-novogo-pokolenie-rossiyan-rabota-stanet-privilegiyey> (In Russ.).
- [19] Burns T., Stalker G.M. *Management of Innovation*. Oxford; 1961.
- [20] Hannan M.T., Freeman J. *Organization Ecology*. Cambridge–London; 1989.
- [21] Kehm B.M. Universities as specific and incomplete organizations? New theories of ‘universities as organizations’. *4th International Conference “University Traditions: A Resource or a Burden?”*. Moscow; 2013.
- [22] Krücken G., Meier F. Turning the university into an organizational actor. *Globalization and Organization: World Society and Organizational Change*. Oxford; 2006.
- [23] Mainardes E.W., Alves H., Raposo M. The process of change in university management: From the “ivory tower” to entrepreneurialism. *Transylvanian Review of Administrative Sciences*. 2011; 33.
- [24] Musselin C. Are universities specific organizations? *Towards a Multiversity? Universities between Global Trends and National Traditions*. Ed. by G. Krücken, A. Kosmützky, M. Torka. Bielefeld; 2006.
- [25] Succi Ch., Canovi M. Soft skills to enhance graduate employability: Comparing students and employers’ perceptions. *Studies in Higher Education*. DOI: 10.1080/03075079.2019.1585420.
- [26] Thompson J.D. *Organizations in Action*. New York; 1967.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-636-654

Высшее образование в КНР: институты и механизмы государственного и партийного управления*

Т.Л. Гурулева^{1,2}, Бин Ван³¹Институт Дальнего Востока РАН
*Нахимовский просп., 32, Москва, 117997, Россия*²Военный университет Министерства обороны РФ
*ул. Б. Садовая, 14, Москва, 125047, Россия*³Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: gurulevatatiana@mail.ru; 1321666299@qq.com)

Система высшего образования Китая в последнее время достигла значимых результатов, в связи с чем представляется актуальным исследование институтов и некоторых базовых механизмов ее государственного и партийного управления. Цель статьи — определить институты государственного и партийного управления системой высшего образования КНР и охарактеризовать его основные механизмы. Основной метод исследования — анализ открытых источников данных, в частности, документов в области развития системы высшего образования Китая (законы, государственные программы, проекты и планы) и результатов исследований российских и китайских ученых. Институты управления высшим образованием КНР определены как единая система сращения государственных и партийных органов: центрального и местного партийного руководства и управления партийных организаций центральных и местных государственных органов и первичных организаций партии (КПК) с государственными центральными и местными органами исполнительной власти. К институтам партийного управления относятся: центральные руководящие исполнительные органы КПК (ЦК КПК) и местные исполнительные партийные комитеты, партийные организации центральных и местных государственных органов и первичных партийных комитетов вузов. Институты государственного управления — центральные исполнительные органы (Госсовет КНР, включающий Министерство образования и другие структуры Госсовета, управляющие вузами) и местные органы исполнительной власти (народные правительства, включающие департаменты образования провинций и автономных районов, а также комитеты образования городов центрального подчинения). Основными механизмами, определяющими порядок деятельности органов государственной и партийной власти по управлению системой высшего образования, выступают разработка и реализация специальных проектов и планов. В статье рассмотрены пять базовых планов развития высшего образования Китая, показаны их специфические особенности.

Ключевые слова: система высшего образования КНР; институты и механизмы управления высшим образованием Китая; проект «два первоклассных»; план 2.0 «шесть превосходных, один выдающийся»; план «два десятитысячных»; «экстренный план» реформы инновационного предпринимательского образования

Во втором десятилетии XXI века Китай достиг значительных результатов в развитии системы образования. Выдающимися успехами стали увеличение

---

* © Гурулева Т.Л., Бин Ван, 2020.

Статья поступила 19.03.2020 г. Статья принята к публикации 22.05.2020 г.

валового коэффициента охвата высшим образованием населения с 24,2% (2009) до 48,1% (2018) и выход ряда китайских университетов на ведущие позиции в мировых рейтингах. Так, в первую сотню рейтинга THE-2020 вошли три вуза континентального Китая, а в первую сотню рейтинга QS-2020 — шесть. Ведущие места в мировых рейтингах свидетельствуют как о высокой академической репутации китайских вузов в мировом научно-образовательном сообществе и среди работодателей, так и о значительном числе цитирований трудов сотрудников этих университетов и весомой доле иностранных исследователей, преподавателей и студентов, работающих и обучающихся в Китае — это своего рода «мировой знак качества» китайских университетов.

Достижения в развитии системы высшего образования связаны с реализацией Государственной программы среднесрочной и долгосрочной реформы и развития образования на 2010–2020 годы, с выполнением задач Программы 13-го пятилетнего плана социально-экономического развития в области образования и решений 19-го съезда КПК о превращении Китая в мировую образовательную державу и интенсивном развитии высшего образования, с принятием в 2019 году Стратегии модернизации системы образования Китая до 2035 года в целях повышения ее конкурентоспособности. Также реализуются специальные проекты и планы развития системы высшего образования.

Наше исследование основано на анализе открытых источников, прежде всего документов в области развития системы высшего образования — Закона КНР о высшем образовании [29], Комплексного проекта создания университетов мирового уровня и первоклассных научных дисциплин (Проект «два первоклассных») [26], планов Министерства образования КНР (Плана 2.0. «шесть превосходных, один выдающийся» [19], Плана создания первоклассных специальностей бакалавриата «два десятитысячных» [17], «Экстренного плана» реформы инновационного предпринимательского образования [23], Плана помощи выпускникам вузов в трудоустройстве и создании бизнеса [12]) — и результатов исследований российских [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8] и китайских ученых [9; 24].

Институты государственного и партийного управления системой высшего образования КНР

В Ст. 13 «Закона КНР о высшем образовании», принятого 29 августа 1998 года, указано, что Госсовет осуществляет руководство и управление высшим образованием. Народные правительства провинций, автономных районов и городов центрального подчинения координируют работу в своих районах и управляют вузами, которые в основном осуществляют подготовку кадров на местном уровне. В Китае сформирована система центрального и местного провинциального управления высшим образованием (провинциальный уровень — первый уровень административного деления КНР, к которому относятся провинции, автономные районы и города центрального подчинения), и роль руководства провинций становится все более заметной [24. С. 13].

Центральным органом управления системой образования является Министерство образования КНР, созданное 1 ноября 1949 года. В июне 1985 года на 11 сессии Постоянного комитета ВСНП шестого созыва было принято решение о создании Государственной комиссии по вопросам образования и об упразднении Министерства образования. Однако уже в марте 1998 года Государственная комиссия была преобразована в Министерство образования. Оно входит в состав Госсовета КНР, имеет 26 отделов [21], включая отдел высшего образования (*гаодэн цзяююй сы*). Отдел осуществляет общее управление системой высшего образования, ее реформированием и работой по совершенствованию системы оценки качества образования, разрабатывает список специальностей, инструктивные документы по организации обучения в вузах, координирует работу систем непрерывного и дистанционного обучения [10].

Местный орган управления образованием — подразделение, в котором местные органы власти организуют и управляют работой системы образования. На уровне провинций в местных народных правительствах созданы департаменты образования провинций и автономных районов (*цзяююй тин*) и комитеты образования городов центрального подчинения (*цзяююй вэйюань хуэй*), в которых функционируют отделы высшего образования. Соответственно, вузы могут быть центрального подчинения и местного. В Китае 116 вузов центрального подчинения: 76 находятся в подчинении Министерства образования, а 40 вузами управляют другие структуры Госсовета КНР (например, Центральный университет национальностей находится в подчинении Госкомитета по делам национальностей Госсовета). Вузы центрального подчинения в основном входят в национальные образовательные проекты: «Проект 211», «Проект 985», «Инновационная платформа Проекта 985» и «План 2011» и др. Вузы, подчиненные Министерству образования, нацелены на изучение реформ в стране и играют ведущую роль в повышении качества образования и проведении научных исследований. Местные вузы находятся в подчинении провинций, автономных районов и городов центрального подчинения, в основном финансируются местными администрациями, служат экономическому и социальному развитию региона и осуществляют подготовку высококвалифицированных кадров на местах.

Кроме центрального и местного управления, существует и смешанная модель: вуз, совместно управляемый провинцией и министерством, — сегодня таковых в Китае 51. Например, Хэйлунцзянский университет создан правительством провинции Хэйлунцзян, Министерством образования КНР и Госкомитетом обороны, техники и промышленности. Его главный орган управления — правительство провинции Хэйлунцзян. Модель смешанного управления допускает и других субъектов управления: например, Чжуннаньский университет экономики и права был создан Министерством образования, Министерством финансов и Правительством провинции Хубэй, а его главным органом управления является Министерство образования. Кроме того, существуют отраслевые вузы — они, как правило, подчиняются

центральному министерству, комитетам (или другим структурам Госсовета) либо совместно управляются центральными министерствами, комитетами и местными правительствами. Например, Юго-западный нефтяной университет ранее подчинялся Министерству нефтяной промышленности, а сегодня его главный орган управления — правительство провинции Сычуань. В ведущих отраслевых вузах для повышения их конкурентоспособности был реализован проект «Инновационная платформа Проекта 985».

По форме собственности вузы делятся на государственные и частные: первые созданы и финансируются центральным или местным правительством и обычно являются некоммерческими организациями (Пекинский университет, Университет Цинхуа). Некоторые государственные вузы были созданы совместно китайскими и зарубежными вузами, например, Ливерпульский Университет в Сучжоу, Ноттингемский университет в Нинбо, Пекинский политехнический университет (при участии МГУ) и др. Такие вузы могут быть зарегистрированы как совместные образовательные учреждения (СОУ) или функционировать как обычный государственный вуз [4. С. 114].

В отличие от государственных вузов частные вузы создаются негосударственными образовательными фондами, которые финансируются предприятиями, общественными организациями или отдельными гражданами. В Китае действует система разрешений на создание вузов общественными силами, которые выдают органы управления образованием провинциального уровня. Частные вузы бывают двух видов: созданные с разрешения государства — имеют право выдавать дипломы о высшем образовании и о квалификации, иногда ведут подготовку по программам бакалавриата (с присвоением ученой степени бакалавра) в сочетании с профессиональными программами *чжунанькэ*, но чаще работают только по последним программам; созданные за счет собственных средств на базе государственных вузов — они имеют право вести деятельность по подготовке бакалавров и специалистов *чжунанькэ* и самостоятельно финансируются. Частные вузы подчинены местному провинциальному управлению, например, главный орган управления Пекинского городского колледжа (*Бэйцзин чэнши сюэюань*) — комитет образования Пекина, а главный орган управления Яньцзинского политехнического института (*Яньцзин лигун сюэюань*) — департамент образования провинции Хэбэй.

В системе высшего образования Китая существует понятие «общий вуз» (*путун гаодэн сюэсяо*) — они подчиняются Госсовету, народным правительствам провинций или органам управления образованием в составе народных правительств, включают в себя государственные и частные вузы, осуществляют подготовку по программам бакалавриата и профессиональным программам *чжунанькэ*.

Вузы Китая можно разделить на те, что ведут подготовку по программам бакалавриата — университеты и институты (*дасюэ, сюэюань*) — и высшие профессиональные учебные заведения, ведущие подготовку специалистов *чжунанькэ* (*гаодэн чжи'е сюэсяо*). В университетах и институтах представлено

также послевузовское (последипломное) образование (*яньцзюшэн цзяююй*) для повышения квалификации. Высшие профессиональные учебные заведения включают в себя специальные вузы (институты с каким-либо профилем) (*гаодэн чжуанькэ сюэсяо*), профессиональные колледжи/институты (*чжи'е сюэюань/дасюэ*), профессионально-технические колледжи/институты (*чжи'е цзишу сюэюань*). Высшие профессиональные учебные заведения являются общими вузами, созданными с разрешения Министерства образования по специальностям профессионального образования, т.е. относятся одновременно и к профессиональному образованию, и к общему высшему образованию [2]. На 15 июня 2019 года в Китае насчитывалось 2956 вузов (Табл. 1), в том числе 2688 общих (из них 756 частных) и 268 вузов для взрослых. В этот список не включены вузы из специальных административных районов (САР): САР Сянган (Гонконга), САР Аомэня (Макао) и провинции Тайвань [1].

Таблица 1

Количество вузов по форме собственности и видам высшего образования [1]

Форма собственности вузов	Общее количество вузов	Количество вузов, осуществляющих подготовку по программам бакалавриата	Количество вузов, осуществляющих подготовку по программам <i>чжуанькэ</i>
Государственные общие	2688	1265	1423
Частные общие	756	434	322

Помимо государственного управления в вузах также существует система партийного управления. В Ст. 39 «Закона КНР о высшем образовании» указано, что в государственных вузах ректор подотчетен Первичному комитету КПК [29], который избирается членами первичной партийной организации вуза. Первичный комитет КПК в вузе осуществляет его единое руководство и поддерживает самостоятельную работу ректора, за которую тот несет ответственность. Основные обязанности Первичного партийного комитета — реализация курса и политики КПК, гарантии социалистического управления вузом, руководство идеологической, политической и морально-нравственной работой в вузе, обсуждение и принятие решений о внутренней структуре вуза и назначении руководителей, о реформировании и развитии системы управления вузом, о выполнении задач по подготовке кадров.

В частных вузах создаются советы директоров. Органы внутреннего управления частных вузов делятся на два уровня: органы принятия решений (совет директоров) и исполнительные органы во главе с ректором. Совет директоров — высший орган, принимающий решения по внутренним делам, который состоит из учредителей вуза или их представителей, ректора, представителей профессорско-преподавательского состава, секретаря Первичного комитета КПК и других сотрудников. Секретарь Первичного партийного комитета как член Совета директоров участвует в принятии его решений, управляет Первичным комитетом и профсоюзом, отвечает за пропагандистскую,

организационную и другую работу. Первичная партийная организация и Совет директоров частного вуза разделяют полномочия и сотрудничают.

Основные механизмы управления системой высшего образования КНР

Создание вузов и научных дисциплин мирового уровня имеет большое значение для социалистической модернизации Китая, научно-технического прогресса и социально-экономического развития страны, поэтому с конца XX века Китай приступил к реализации целого ряда проектов. В ноябре 1995 года Национальный комитет по планированию, Национальный комитет по образованию и Министерство финансов опубликовали План реализации Проекта 211, который запустил поддержку государством около 100 передовых вузов для их выхода на мировой уровень. К 2012 году в рамках третьего этапа Проекта 211 в него вошли 112 вузов [9. С. 22].

В январе 1999 года Госсовет утвердил План действий Министерства образования по возрождению образования в XXI веке, в котором впервые на государственном уровне была поставлена задача создания «первоклассных университетов» и «первоклассных дисциплин». Проект 985 на первом этапе включал 34 университета, а к концу 2008 года — уже 39.

В 2006 году была запущена Инновационная платформа Проекта 985 (Платформа 985). Она была составной частью Проекта 985 и предназначалась для отраслевых университетов (геология, медицина, сельское и лесное хозяйство, водное хозяйство и химическая промышленность). Основная ее цель — усиление приоритетных дисциплин отраслевых вузов, создание в них группы первоклассных дисциплин. В настоящее время платформа включает 33 вуза (например, Харбинский инженерный университет).

План повышения инновационного потенциала вузов (*гаодэн сюэсяо чуансинь нэнли тишэн цзихуа*, сокр. План 2011) был принят в 2011 году Министерством образования и Министерством финансов, начал реализовываться в 2012 году. Его цель — содействовать реальным потребностям интенсивного развития высшего образования, углубить реформу в сфере науки и техники. В рамках проекта с 2012 года вузы Китая создают совместные инновационные центры, например, в 2013 году — 14, в 2018 — 53. Одним из таких центров является Российско-китайский инновационный центр всестороннего стратегического сотрудничества на базе Хэйлунцзянского университета.

Проект «два первоклассных»

Создание университетов мирового уровня и первоклассных дисциплин является стратегическим решением ЦК КПК и Госсовета КНР. 18 августа 2015 года на 15 заседании Руководящей группы по всестороннему углублению реформ ЦК КПК был принят Комплексный проект создания университетов мирового уровня и первоклассных научных дисциплин» (Проект «*шуан и лю*», или «два первоклассных») [26]. Проект является основным в области развития

высшего образования после выполнения Проекта 211 и Проекта 985 — он направлен на повышение международной конкурентоспособности системы высшего образования Китая и является одной из основ идеи о великом возрождении китайской нации.

24 января 2017 года Госсовет КНР, Министерство образования, Министерство финансов и Госкомитет по развитию и реформам опубликовали «Уведомление о публикации Временных мер по реализации Комплексного проекта создания университетов мирового уровня и первоклассных научных дисциплин» [13]. 21 сентября вышло «Уведомление о публикации Перечня университетов мирового уровня и первоклассных научных дисциплин» [14]: в первый пул Проекта вошли 137 университетов, включая 42 университета мирового класса (класс А — 36, класс В — 6) и 95 университетов, имеющих первоклассные научные дисциплины (на начальном этапе было 465 первоклассных научных дисциплин). В состав 42 университетов мирового уровня вошли все 39 университетов из Проекта 985, а также Синьцзянский, Юньнаньский и Университет Чжэнчжоу. В конце декабря в Пекинском университете, Университете Цинхуа, Университете Фудань, Шанхайском университете Цзяотун, Пекинском педагогическом университете, Китайском аграрном университете, Китайском народном университете, Университете Нанкай и др. были представлены программы реализации Проекта — дорожные карты по превращению в университеты мирового уровня с китайской спецификой.

28–29 сентября 2018 года Министерство образования КНР провело в Шанхае встречу по рассмотрению мер ускорения реализации Проекта и усиления его специфики и качества [27]. В 2019 году на сайте Министерства образования было опубликовано заявление, что ключевые проекты высшего образования — Проект 211 и Проект 985 — были объединены в Проект «два первоклассных» [11]. Его поэтапные задачи: к 2020 году добиться выхода нескольких университетов и ряда научных дисциплин на ведущие мировые позиции; к 2030 году увеличить количество университетов и научных дисциплин, вышедших на ведущие мировые позиции, добиться выхода нескольких из них на первые позиции в мире, а к середине века — выйти на первые позиции в мире по количеству и мощи первоклассных университетов и научных дисциплин, т.е. превратить страну в мировую образовательную державу [3].

Задачи Проекта «два первоклассных» таковы: во-первых, подготовка группы первоклассных преподавателей — акцент на развитии страны за счет молодых кадров, увеличение поддержки высококвалифицированных кадров, ускорение подготовки ведущих ученых и междисциплинарных, межотраслевых инновационных команд для их интеграции в международное академическое пространство и удовлетворения стратегических запросов страны, духовно-нравственное развитие преподавателей, чтобы создать когорту идейных специалистов с глубокими знаниями и добрыми сердцами. Во-вторых, подготовка первоклассных инновационных кадров — усиление

морального воспитания, концентрация на подготовке инновационных кадров, обладающих прикладной квалификацией, комплексными компетенциями, чувством исторической миссии и социальной ответственности, инновационным духом и практическими способностями; укрепление инновационного и предпринимательского образования, активное развитие индивидуальной подготовки, всестороннее развитие международного кругозора, научного духа, предпринимательского сознания и творческих способностей студентов; поддержка выпускников вузов в их активном участии в массовом предпринимательстве и инновационной деятельности.

В-третьих, повышение качества научных исследований, вносящих вклад в экономическое и социальное развитие и реализацию национальной стратегии страны — «достигать того, что не достигли другие», усиливать стратегическое планирование распределения научных дисциплин, сосредоточиться на создании первоклассных научных дисциплин, повысить уровень фундаментальных исследований, выйти на ведущие и даже первые позиции в мировой науке, способствовать исследованию стратегических, глобальных и перспективных проблем, всемерно способствовать созданию новых моделей научно-исследовательских организаций, сосредоточиться на крупных научно-исследовательских проектах, оптимизировать распределение ресурсов и повысить научно-технический инновационный потенциал, развивать системы академической оценки и стандартов с китайской спецификой.

В-четвертых, сохранение и создание первоклассной университетской культуры — необходимо укрепить культурное самосознание и уверенность в общественном устройстве, сформировать особый университетский дух и культуру, способствующие социальному прогрессу и ориентированные на прогресс; координировать образовательный процесс с позиции нравственных ценностей, опираться в процессе обучения и воспитания на ценности социализма; стимулировать преподавателей обретать знания, овладевать наукой; побуждать студенческую молодежь старательно учиться, совершенствовать свои нравственные качества, чтобы основные ценности социализма стали руководством к действию и сформировали университетские традиции, духовный облик преподавателей и студентов на основе сочетания традиционной китайской культуры и базовых ценностей социализма.

В-пятых, следует углубить интеграцию производства и образования, сочетать создание университетов мирового уровня и первоклассных дисциплин с содействием экономическому и социальному развитию, чтобы усилить вклад университетов в трансформацию и модернизацию предприятий, внедрять в производство результаты фундаментальных исследований, создавать прочные механизмы применения достижений, включая рыночные подходы, усиливать сопряжение науки и техники с экономикой, инновационных проектов и достижений с реальным производством, способствовать ориентации университетов на социально-экономическое развитие страны [26].

План 2.0 «шесть превосходных, один выдающийся»

В октябре 2018 года Министерство образования КНР опубликовало Предложения по ускорению создания программ бакалавриата высокого качества и всестороннему усилению подготовки кадров [19] и другие документы по реализации в 2019–2021 годы Плана 2.0 «шесть превосходных, один выдающийся», объединяющего шесть «планов обучения и подготовки превосходных специалистов»: инженеров, врачей, специалистов в области лесоводства и земледелия, учителей и преподавателей, юристов, специалистов новостного вещания и выдающихся студентов в области фундаментальной науки. План 2.0 направлен на создание системы подготовки кадров мирового уровня с китайской спецификой на базе Плана подготовки инженеров (*чжююэ гунчэнши цзихуа*), который Министерство образования начало реализовывать в 2010 году, чтобы превратить Китай в инновационную страну за счет кадров (План 1.0 «шесть превосходных, один выдающийся»). 29 апреля 2019 года Министерство образования, Политико-правовая комиссия ЦК КПК, Министерство науки и технологий и другие 13 департаментов дали старт Плану 2.0 для развития новой инженерной науки, медицины, аграрной и гуманитарной наук, а также экономического и социального развития вузов [22].

В течение пяти лет должна быть сформирована система подготовки высококвалифицированных кадров, создан ряд образцовых вузов, осуществляющих подготовку специалистов с высокими моральными ценностями, создан ряд первоклассных вузов, реализующих подготовку по программам бакалавриата, повышена эффективность учебного процесса, развит механизм обучения на базе промышленных предприятий, осуществлена интеграция информационных технологий в обучение, улучшена система руководства и оценки качества обучения в вузах. Согласно Плану 2.0 к 2035 году планируется создать бакалаврское образование мирового уровня с китайской спецификой, заложить мощную основу для создания мировой державы высшего образования и ускорения модернизации образования [19]. Так, создание новой инженерной науки будет отвечать потребностям четвертой промышленной революции; новая медицина обеспечит здоровье народа и полный охват населения медицинской помощью; новая аграрная наука будет использовать научно-технические достижения для модернизации сельского хозяйства и превращения Китая в страну с чистой водой и безопасными продуктами питания; создание новых гуманитарных наук позволит интегрировать их в новую технологическую революцию и распространять образцы китайской культуры в мире.

Основные задачи Плана 2.0 таковы:

- Наполнить идейно-политическим воспитанием весь процесс обучения по программам бакалавриата: твердо придерживаться социалистического курса в реализации обучения, укрепить партийное строительство в вузах; усилить морально-нравственное воспитание, основанное на патриотизме, социалистических ценностях и нравственных

- идеалах; повысить качество идеологической и политической работы; укрепить идейно-политическую составляющую учебных дисциплин;
- Углубить реформу образования в целях повышения интереса студентов к учебе и раскрытия их потенциала, что подразумевает реформирование системы управления преподаванием в вузах и системы аудиторного обучения, усиление контроля за обучением студентов и предоставлением услуг в образовании (информационных услуг, социального кредитования, профориентации, трудоустройства), расширение форматов инновационного и предпринимательского образования;
  - Всесторонне развить обучающие и воспитательные компетенции преподавателей за счет, прежде всего, этического воспитания и повышения культуры поведения преподавателей и реформирования системы оценивания в вузах;
  - Способствовать созданию первоклассных специальностей: выполнить План «два десятитысячных», повысить качество обучения в бакалавриате, упорядочить специальности бакалавриата и оптимизировать их региональные конфигурации;
  - Содействовать интеграции информационных технологий в образование, что подразумевает разработку облачных сервисов для системы высшего образования, создание «умных» аудиторий, лабораторий и кампусов, использование Интернета, больших данных, технологий искусственного интеллекта и виртуальной реальности, внедрение сетевого, цифрового, интеллектуального и персонализированного образования, разработку массовых открытых онлайн-курсов (МООС), технологий виртуальных симуляционных экспериментов и обмен ресурсами;
  - Создать механизм совместного обучения с промышленными предприятиями — улучшить форматы совместного обучения, ускорить создание платформы практического обучения, укрепить законодательную базу совместного обучения, усилить международное сотрудничество и углубить реформу ключевых областей совместного обучения. В 2018–2019 годы Министерство образования КНР опубликовало списки проектов сотрудничества предприятий и университетов: например, Пекинский университет осуществляет несколько таких проектов, включая проект создания новых технологий совместно с корпорацией Google «Профессиональные технологии искусственного интеллекта в 2018–2019 годы»;
  - Укрепить качество и культуру обучения в университетах — усовершенствовать системы оценки и гарантии качества обучения, усилить надзор за качеством образования, расширить роль профессиональных организаций и социальных институтов в оценке качества высшего образования;
  - Вести работу по развитию программ бакалавриата — усилить ответственность руководителей всех уровней в вузах, поддерживать

координацию между центральным и местными органами управления образованием, сделать акцент на информировании об общей ситуации в системе высшего образования [19].

План «два десятитысячных»

В 2019 году Министерство образования опубликовало «Уведомление о начале реализации Плана создания первокурсных специальностей бакалавриата «два десятитысячных». Его цель — создать в 2019–2021 годы по 10 тысяч первокурсных специальностей бакалавриата на государственном и провинциальном уровнях [25. С. 84]. Особенности Плана «два десятитысячных» таковы: во-первых, беспрецедентный масштаб охвата — все прежние и нынешние проекты и планы выборочно затрагивают ряд вузов, дисциплин или специальностей, а План «два десятитысячных» ориентирован на все вузы страны и все специальности бакалавриата. В 2019 году Министерство образования утвердило новый перечень специальностей бакалавриата (прежний перечень был утвержден в 2012 году), в который вошло 703 специальности, распределенные по 12 отраслям науки: философия, экономика, право, образование, литература, история, естественные науки, технология, сельское хозяйство, медицина, менеджмент, искусствоведение (нет военной науки). Каждая отрасль разделена на укрупненные группы, которые поделены на специальности: например, экономика как отрасль разделена на четыре укрупненные группы — экономика, финансовое дело, банковское дело, экономика и торговля, а эти группы включают в себя 23 специальности [20]. Во-вторых, План «два десятитысячных» является способом реализации Плана 2.0 «шесть превосходных, один выдающийся». В-третьих, План «два десятитысячных» сосредоточен на создании инновационной модели подготовки кадров за счет формирования перекрестной первокурсных специальностей и их обязательной сертификации.

«Экстренный план» реформирования инновационного предпринимательского образования

В 2010 году Министерство образования опубликовало «Предложения по развитию инновационного предпринимательского образования и предпринимательской инициативы студентов» [18], в которых предлагало адаптировать инновационное предпринимательское образование к социально-экономической стратегии развития страны. В 2015 году Канцелярия Госсовета опубликовала «Предложения по углублению реформы инновационного предпринимательского образования в вузах» [16], в которых отметила необходимость оптимизации стандартов качества подготовки специалистов, обновления механизмов подготовки кадров, совершенствования учебных программ предпринимательского образования, реформирования методов обучения и оценки, укрепления практик инновационного предпринимательства, развития компетенций преподавателей в области инновационного предпринимательства и

совершенствования системы финансовой поддержки инновационного предпринимательского образования.

В 2017 году глава Отдела высшего образования КНР У Янь представил «Экстренный план» реформы инновационного предпринимательского образования [23], который можно свести к следующим основным задачам: осуществить прорыв в предпринимательском образовании для развития инновационных компетенций будущих специалистов; разработать модель подготовки кадров в интересах создания выпускниками инновационного бизнеса и стимулирования их занятости; создать новую платформу для студентов, позволяющую им демонстрировать свои компетенции и расширяющую их возможности учиться, рисковать и достигать успехов; привнести новый опыт в реформирование и развитие мировой системы высшего образования.

В китайских вузах инновационное предпринимательское образование реализуется различными способами: организация конкурсов студенческих стартапов, проведение обучающих курсов по трудоустройству, разработка платформ для студенческого бизнеса, создание при университетах институтов инновационного предпринимательства и пилотных групп для обучения инновационному предпринимательству, разработка универсальных учебных программ в области инновационного предпринимательства, интеграция инновационного предпринимательства в программы подготовки кадров и др. Так, 15 октября 2019 года в Ханчжоу завершился 5 конкурс инноваций и предпринимательства среди студентов и выпускников вузов «Интернет+», в котором приняли участие 4,57 млн студентов и 1,09 млн команд, в том числе около 6 тысяч человек из 120 стран. Специалисты называют этот конкурс инструментом углубления реформы инновационного предпринимательского образования в вузах и платформой содействия всестороннему взаимодействию студентов с производством.

План помощи выпускникам вузов в трудоустройстве и создании бизнеса

В 2016 году Министерство трудовых ресурсов и социального обеспечения и Министерство образования выпустили «Уведомление о реализации плана помощи выпускникам вузов в трудоустройстве и создании бизнеса» [12], согласно которому все выпускники вузов, у которых есть желание устроиться на работу, будут включены в план помощи в трудоустройстве и создании бизнеса. Основная цель Плана — содействовать студенческой занятости и предпринимательству, комплексно использовать политические меры помощи, прилагать точечные усилия для расширения возможностей трудоустройства и создания бизнеса выпускниками вузов, поддерживать инновационную предпринимательскую деятельность, оказывать выпускникам адресную помощь, способствовать согласованию спроса и предложения на рынке труда, предоставлять выпускникам гарантии реализации права на труд.

В «Уведомлении» были указаны пять основных мер реализации Плана:

- Способствование трудоустройству выпускников вузов: организация обучающих курсов карьерного роста и трудоустройства для студентов и специальных мероприятий по трудоустройству выпускников, всесторонне повышение способностей выпускников к трудоустройству и др.;
- Усиление ориентации на предпринимательство: совершенствование системы политических мер содействия занятости и предпринимательству выпускников, интеграция инновационного предпринимательского образования в процесс подготовки кадров, разработка обучающих курсов по созданию бизнеса, расширение каналов финансовой поддержки трудоустройства и предпринимательства выпускников, развитие общественных услуг в сфере трудоустройства и создания бизнеса и др.;
- Адресная работа университетов по трудоустройству выпускников, включая создание баз данных о выпускниках и платформ для поиска работодателями кандидатов, проведение опросов выпускников о трудоустройстве, информирование работодателей о профессиональных компетенциях и количестве выпускников, изучение рынка труда, проведение переговоров с предприятиями и т.д.;
- Содействие занятости выпускников: предоставление выпускникам вузов информационных услуг по трудоустройству с тем, чтобы каждый желающий трудоустроиться выпускник вуза в течение полугода мог найти работу и др.;
- Защита прав и интересов выпускников вузов: обеспечение добросовестной конкуренции на рынке труда, защита права на труд выпускников вузов и т.д. [12].

5 марта 2020 года Министерство образования опубликовало «Уведомление о готовности к трудоустройству выпускников вузов во время вспышки коронавируса в 2020 году» [15]: численность выпускников общих вузов составит 8,74 млн, и ЦК КПК и Госсовет своевременно принимают меры по их трудоустройству. Вузы осознают важность и срочность работы по трудоустройству выпускников, использования инновационных подходов в обеспечении занятости (например, предоставление онлайн услуг в сфере трудоустройства, разработка онлайн инструкций по созданию бизнеса, расширение возможностей для дальнейшего образования и др.).

***

Итак, КПК принимает прямое участие как в разработке общей стратегии развития системы образования страны, так и в создании и реализации конкретных механизмов управления системой высшего образования с помощью специальных институтов (на высшем уровне — ЦК КПК, на местах — партийные комитеты КПК провинций, автономных районов и городов центрального подчинения). Кроме того, в Министерстве образования создана

партийная организация (секретарь — министр образования), в народных правительствах провинций, автономных районов и городов центрального подчинения действуют партийные организации, в вузах — первичные комитеты КПК. Система партийного управления высшим образованием представляет собой сложное переплетение центральных и местных исполнительных органов КПК: органом центрального управления является Госсовет (включает в себя Министерство образования), органами местного управления — народные правительства провинциального уровня (в провинциях и автономных районах включают департаменты образования, в городах центрального подчинения — комитеты образования). Соответственно, сложилось четыре модели управления вузом: 1) управление министерством, комитетом или другой структурой Госсовета (центральное управление); 2) управление правительством провинциального уровня (местное управление); 3) управление органами образования в составе правительства провинции (местное подчинение); 4) смешанное управление с центральным или местным органом образования в качестве главного (центральное или местное управление), но все частные вузы находятся в ведении местных властей. Системы партийного и государственного управления в КНР сращены за счет партийных организаций в центральных и местных государственных органах, а также первичных партийных организаций на предприятиях и в учреждениях.

Основными механизмами, определяющими порядок деятельности органов государственной и партийной власти в управлении образованием, можно назвать разработку и реализацию специальных программ, проектов и планов. Ныне действующие имеют ряд особенностей: являются результатом политики пятого поколения руководителей во главе с Си Цзиньпином, пришедшим к власти на 18 съезде КПК в ноябре 2012 года, и отражают идеи модернизации образования к 2035 году и превращения Китая в мировую образовательную державу; сохраняют преемственность с планами и проектами предыдущего поколения руководителей во главе с Ху Цзиньтао (Проект «два первоклассных» — преемник Проекта 211 и Проекта 985, План 2.0 и План «два десятитысячных» — Плана 1.0, а Экстренный план реформы инновационного предпринимательского образования развивает идеи Министерства образования, озвученные в 2010 году); взаимосвязаны отношениями иерархии (главным и системообразующим является Проект «два первоклассных», в рамках которого за создание нового бакалаврского образования отвечают План 2.0 и План «два десятитысячных», а инновационное качество проекту и планам придает Экстренный план реформы инновационного предпринимательского образования в вузах, который поддерживает План помощи выпускникам вузов в трудоустройстве и создании бизнеса); являются первоочередными мероприятиями в реформировании и развитии высшего образования в рамках Плана ускорения модернизации образования (2018–2022), который является первым этапом в Стратегии модернизации образования Китая до 2035 года, принятой ЦК КПК и Госсоветом КНР в 2019 году.

Библиографический список

- [1] 2019 年中国普通高等学校名单 [Список вузов Китая в 2019 г.] // URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xhgk/s5743/s5744/201906/t20190617_386200.html.
- [2] Гурулева Т.Л. Система образования Китайской Народной Республики и российско-китайское образовательное сотрудничество. М., 2018.
- [3] Гурулева Т.Л. Университеты КНР: современное состояние и стратегия глобального развития до 2035 года // Вестник ВГУ. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 2.
- [4] Гурулева Т.Л., Бедарева Н.И. Сотрудничество России и Китая в области создания сетевых университетов и совместных образовательных учреждений // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 4.
- [5] Карнеев А.Н. Некоторые аспекты современного этапа в развитии высшего образования в Китайской Народной Республике // Вестник БГУ. Педагогика. Филология. Философия. 2017. Вып. 7.
- [6] Кузнецова В.В., Машикина О.А. Проект «шуан и лю»: глобализация китайского высшего образования // Образовательная политика. 2019. Т. 80. № 4.
- [7] Троцук И.В. Дискурсивные репрезентации (капиталистических) итогов «китайского экономического чуда» // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 2.
- [8] Троцук И.В. Сравнительный анализ как способ реконструкции мировой экономической истории, или Почему Китай не стал капиталистическим одновременно с Европой // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 3.
- [9] 德吉夫, 包艳华 (Дэ Чжифу, Бао Яньхуа). 新中国成立 70 年来高等教育重点建设政策的选择与变迁 [Выбор и изменение политики приоритетного строительства высшего образования за 70 лет создания КНР] // 中国高教研究 [Исследование высшего образования в Китае]. 2019. № 11.
- [10] 高等教育司 [Отдел высшего образования] // URL: http://www.moe.gov.cn/s78/A08/gjs_left/s7187.
- [11] 关于 985、211 名单的咨询 [Справочная информация о Перечнях «Проекта 985» и «Проекта 985»] // URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_hygq/hygq_zcqx/moe_1346/moe_1366/201911/t20191128_409940.html.
- [12] 关于实施高校毕业生就业创业促进计划的通知 [Уведомление о реализации плана помощи выпускникам вузов в трудоустройстве и создании бизнеса] // URL: http://www.mohrss.gov.cn/SYrlzyhshbzb/jiuye/zcwj/gaoxiaobiYESheng/201611/t20161101_258588.html.
- [13] 关于印发《统筹推进世界一流大学和一流学科建设实施办法（暂行）》的通知 [Уведомление о публикации «Временных мер по реализации Комплексного проекта создания университетов мирового уровня и первоклассных научных дисциплин»] // URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A22/moe_843/201701/t20170125_295701.html.
- [14] 关于公布世界一流大学和一流学科建设高校及建设学科名单的通知 [Уведомление о публикации Перечня университетов мирового уровня и первоклассных научных дисциплин] // URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A22/moe_843/201701/t20170125_295701.html.
- [15] 关于应对新冠肺炎疫情做好 2020 届全国普通高等学校毕业生就业创业工作的通知 [Уведомление о готовности к трудоустройству выпускников вузов во время вспышки коронавируса в 2020 году] // URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A15/s3265/202003/t20200306_428194.html.

- [16] 国务院办公厅关于深化高等学校创新创业教育改革的实施意见 [Предложения по углублению реформы инновационного предпринимательского образования в вузах] // URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/13/content_9740.htm.
- [17] 教育部办公厅关于实施一流本科专业建设“双万计划”的通知 [Уведомление о начале реализации Плана создания первоклассных специальностей бакалавриата «два десятитысячных»] // URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A08/s7056/201904/t20190409_377216.html.
- [18] 教育部关于大力推进高等学校创新创业教育和大学生自主创业工作的意见 [Предложения по развитию инновационного предпринимательского образования и предпринимательской инициатив студентов] // URL: http://old.moe.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/info_list/201105/xxgk_120174.html.
- [19] 教育部关于加快建设高水平本科教育 全面提高人才培养能力的意见 [Предложения Министерства по ускорению создания программ бакалавриата высокого качества и всестороннему усилению потенциала подготовки кадров] // URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A08/s7056/201810/t20181017_351887.html.
- [20] 教育部权威发布《普通高等学校本科专业目录（2020年版）》 [Министерство образования опубликовало каталог специальностей бакалавриата общих вузов] // URL: https://www.sohu.com/a/383834943_120162492.
- [21] 教育部司局机构设置 [Отделы Министерства образования] // URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_zzjg/moe_350/201807/t20180730_343824.html.
- [22] 介绍“六卓越一拔尖”计划 2.0 有关情况 [Презентация Плана 2.0 «шесть превосходных, один выдающийся»] // URL: http://www.moe.gov.cn/fbh/live/2019/50601/twwd/201904/t20190429_380086.html.
- [23] 开启新时代中国特色社会主义高等教育强国新征程 [Открытие нового пути развития страны за счет высшего образования в новую эпоху социализма с китайской спецификой] URL: // http://www.moe.gov.cn/s78/A08/moe_745/201712/t20171204_320494.html.
- [24] 申素平,左磊 (Шэнь Сунпин, Чжо Лэй). 论省级政府高等教育统筹权 [О полномочиях провинциального правительства в планировании работы системы высшего образования] // *中国高教研究* [Исследование высшего образования в Китае]. 2019. № 5.
- [25] 深化拓展“六卓越一拔尖计划”培养德学兼修高素质人才 [Углубление и расширение Плана 2.0 «шесть превосходных, один выдающийся», подготовка высококвалифицированных высокоморальных кадров] // *教育发展研究* [Исследование развития образования]. 2017. № 10.
- [26] 统筹推进世界一流大学和一流学科建设总体方案 [Комплексный проект создания университетов мирового уровня и первоклассных дисциплин] // URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/moe_1777/moe_1778/201511/t20151105_217823.html.
- [27] 推动“双一流”加快建设、特色建设、高质量建设 [Ускорение создания, усиление спецификации, повышение качества Проекта «два первоклассных»] // URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/moe_1485/201809/t20180930_350535.html.
- [28] 习近平 (Си Цзиньпин). 在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 [Доклад на 19 Всекитайском съезде КПК] // URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660-11.html>.
- [29] 中华人民共和国高等教育法 [«Закон КНР о высшем образовании»] // URL: http://old.moe.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/moe_619/200407/1311.html.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-636-654

Higher education in China: Institutions and mechanisms of the state and party management*

T.L. Guruleva^{1,2}, Bing Wang³

¹Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences
Nakhimovskii Prosp., 32, Moscow, 117997, Russia

²Military University of the Russian Ministry of Defense
Bolshaya Sadovaya St., 14, Moscow, 125047, Russia

³RUDN University
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia
(e-mail: gurulevatatiana@mail.ru; 1321666299@qq.com)

Abstract. The higher education of China has achieved significant results in recent years. Therefore, it is important to study management of this system and basic mechanisms used by the party and state institutions. The article is based on the analysis of open data sources, including official documents on the development of the higher education (laws, national programs, projects and plans), and the results of the Russian and Chinese scientific research. The authors consider state and party institutions as a unified system of the education system management: central and local party institutions, party organizations of the central and local government and primary organizations of the party (CPC), central and local executive authorities of the state. Party institutions of the higher education management include executive bodies of the CPC and the local provincial party committees, party organizations of the central and local governments (Ministry of Education and other State Council's structures, local people's governments) and primary party committees of universities. State administrative bodies in the higher education include central (State Council of the PRC including Ministry of Education and other institutions) and local administrative bodies (local people's governments, including education committees of provinces, autonomous regions and municipalities under the central government). The main mechanism that determines activities of the party bodies and the state university management system consists of special projects and plans. The authors present five main plans for the development of the higher education system in China and identify their features and goals.

Key words: higher education system in China; institutions and mechanisms of the higher education management; Project "Two First-Class"; Plan 2.0 "Six Excellent, One Outstanding"; Plan "Double Ten Thousand"; "Emergency Plan" of the innovative entrepreneurial education reform

References

- [1] List of Chinese universities in 2019. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/s5743/s5744/201906/t20190617_386200.html (In Chinese).
- [2] Guruleva T.L. *Sistema obrazovaniya Kitaiskoi Narodnoi Respubliki i rossijsko-kitaiskoe obrazovatelnoe sotrudnichestvo* [Education System of the People's Republic of China and the Russian-Chinese Educational Cooperation]. Moscow; 2018 (In Russ.).
- [3] Guruleva T.L. Universitety KNR: sovremennoe sostoyanie i strategiya globalnogo razvitiya do 2035 goda [Universities of the PRC: The current condition and global development strategy until 2035]. *Vestnik VGU. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye Otnosheniya*. 2020; 2 (In Russ.).

---

* © T.L. Guruleva, Wang Bing, 2020.

The article was submitted on 19.03.2020. The article was accepted on 10.06.2020.

- [4] Guruleva T.L., Bedareva N.I. Sotrudnichestvo Rossii i Kitaya v oblasti sozdaniya setevykh universitetov i sovmestnykh obrazovatelnykh uchrezhdeniy [Cooperation of Russia and China in creating network universities and joint educational institutions]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii*. 2019; 4 (In Russ.).
- [5] Karneev A.N. Nekotorye aspekty sovremennogo etapa v razvitiі vysshego obrazovaniya v Kitayskoy Narodnoy Respublike [Some aspects of the current stage in the development of the higher education in the People’s Republic of China]. *Vestnik BGU. Pedagogika. Filologiya. Filosofiya*. 2017; 7 (In Russ.).
- [6] Kuznetsova V.V., Mashkina O.A. Proekt “shuan i lyu”: globalizatsiya kitajskogo vysshego obrazovaniya [Globalization of the Chinese higher education: The Shuang-yi-liu project]. *Educational Policy*. 2019; 4 (In Russ.).
- [7] Trotsuk I.V. Diskursivnye reprezentatsii (kapitalisticheskikh) itogov “kitayskogo ekonomicheskogo chuda” [Discursive representations of the (capitalist) results of the ‘Chinese economic miracle’]. *Sotsiologicheskoe Obozrenie*. 2020; 19 (2) (In Russ.).
- [8] Trotsuk I.V. Sravnitelny analiz kak sposob rekonstruktsii mirovoy ekonomicheskoy istorii, ili Pochemu Kitay ne stal kapitalisticheskim odnovremenno s Evropoy [Comparative analysis as a way to reconstruct the world economic history, or why China did not become capitalist at the same time as Europe]. *Krestyanovedenie*. 2018; 3 (3) (In Russ.).
- [9] Dejiu, Bao Yanhua. Selection and changes of the higher education policy since the founding of China 70 years ago. *Research on the Chinese Higher Education*. 2019; 11 (In Chinese).
- [10] Department of the Higher Education. URL: http://www.moe.gov.cn/s78/A08/gjs_left/ s7187 (In Chinese).
- [11] Consulting on the lists of the Project 985 and Project 211. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_hyq/hyq_zcx/moe_1346/moe_1366/201911/t20191128_409940.html (In Chinese).
- [12] Notification of implementing the Plan to help graduates to find job and start business. URL: http://www.mohrss.gov.cn/SYrlzyhshbzb/jiuye/zcwj/gaoxiaobiyesheng/201611/t20161101_258588.html (In Chinese).
- [13] Notification of publishing the Interim measures for implementing the Comprehensive project to create world-class universities and first-class scientific disciplines. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-11/05/content_10269.htm (In Chinese).
- [14] Notification of publishing the List of world-class universities and first-class scientific disciplines. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A22/moe_843/201709/t20170921_314942.html (In Chinese).
- [15] Notification of readiness for employing the graduates during the coronavirus outbreak in 2020. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A15/s3265/202003/t20200306_428194.html (In Chinese).
- [16] Proposals for deepening the innovation-entrepreneurship reform in the higher education institutions. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/13/content_9740.htm (In Chinese).
- [17] Notification of the implementation of the first-class undergraduate professional Plan “Double Ten Thousand”. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A08/s7056/201904/t20190409_377216.html (In Chinese).
- [18] Proposals for the development of the innovative entrepreneurial education and independent entrepreneurial activity of students. URL: http://old.moe.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/info_list/201105/xxgk_120174.html (In Chinese).
- [19] Proposals to speed up the creation of high-quality bachelor’s programs and to strengthen their training. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A08/s7056/201810/t20181017_351887.html (In Chinese).
- [20] The Ministry of Education published a catalog of bachelor’s degrees in general universities. URL: https://www.sohu.com/a/383834943_120162492 (In Chinese).

- [21] Department and administration in the Ministry of Education. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_zzjg/moe_350/201807/t20180730_343824.html (In Chinese).
- [22] Presentation of the Plan 2.0 “Six Excellent, One Outstanding”. URL: http://www.moe.gov.cn/fbh/live/2019/50601/twwd/201904/t20190429_380086.html (In Chinese).
- [23] Opening a new way to develop the country by the higher education in the new era of the Chinese socialism. URL: http://www.moe.gov.cn/s78/A08/moe_745/201712/t20171204_320494.html (In Chinese).
- [24] Shen Suping, Zuo Lei. On the power of the provincial government to coordinate higher education. *Research on the Chinese Higher Education*. 2019; 5 (In Chinese).
- [25] Deepening and expanding The Plan 2.0 “Six Excellent, One Outstanding”, training highly qualified personnel with a high level of morale. *Research on the Development of Education*. 2017; 10 (In Chinese).
- [26] A comprehensive project to create world-class universities and first-class disciplines. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/moe_1777/moe_1778/201511/t20151105_217823.html (In Chinese).
- [27] Speeding up the creation, strengthening the specifics, improving the quality of the Project “Two First-Class”. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/moe_1485/201809/t20180930_350535.htm (In Chinese).
- [28] Xi Jinping. Report at the 19th National Congress of the Communist Party of China. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660-11.html> (In Chinese).
- [29] Higher Education Law of People’s Republic of China. URL: http://old.moe.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/moe_619/200407/1311.html (In Chinese).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-655-668

Развитие доклассового общества в трактовках эволюционизма*

С.А. Давыдов

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
ул. Садовая, 21, Санкт-Петербург, 191023, Россия
(e-mail: licurg@inbox.ru)

Цель статьи — обобщение подходов к осмыслению эволюции доклассового общества в исторической социологии. Социологическая традиция ее осмысления возникла в конце XVIII века, когда А. Фергюсон определил развитие общества как естественный процесс, включающий три стадии: дикость, варварство и цивилизацию. В период становления классической социологии оформилось две линии осмысления развития доклассового общества: первая нашла отражение в работах Г. Спенсера, который предложил естественнонаучное его понимание, но более тонкую шкалу развития доклассовых обществ, различающихся по сложности социальной структуры; вторая линия представлена в исследованиях Л.Г. Моргана, который взял за основу трехстадийную периодизацию Фергюсона, но детализировал ее этапы и расширил перечень критериев их дифференциации (прогресс в изобретениях и открытиях, а также в развитии идей управления, семьи и собственности). С середины XX века социология сумела преодолеть зависимость от психологии и экономической науки в рамках неэволюционизма, связывавшего социальную эволюцию архаического общества с качественным изменением его структуры. Социологи предлагали схемы эволюции, основанные на эмпирических проявлениях его сложности — институционализации лидерства и росте социального неравенства. Важное значение сыграло включение в число критериев развития архаического общества достигнутого в нем уровня производительности труда, что позволяло приводить к единой шкале прогресса даже те общества, которые выработали качественно различные способы социальной организации. В ходе широкой дискуссии социологи пришли к выводу, что эволюция доклассовых обществ может быть связана не только с их развитием, но и с их деградацией и даже распадом, что всякая социальность может иметь свой аналог с сопоставимым уровнем сложности, и что достижение архаическим обществом определенного уровня сложности социальной организации может быть обеспечено разными эволюционными путями.

Ключевые слова: архаическое общество; дифференциация; доклассовое общество; иерархия; прогресс; социальная структура; стадия развития; эволюционизм

Возникновение эволюционистских воззрений на движущие силы и этапы развития доклассового общества

Хотя сегодня широко распространена точка зрения, что социологическая наука имеет отношение исключительно к современности [25. Р. 4607] и не должна углубляться в историю, традиция осмысления прошлого, которую в

---

* © Давыдов С.А., 2020.

Статья поступила 17.01.2020 г. Статья принята к публикации 24.04.2020 г.

наше время можно назвать социологической, оформилась более двухсот лет назад. Начало ей было положено, вероятно, исследованием А. Фергюсона «An Essay on the History of Civil Society», опубликованным в 1789 году: автор критиковал широко распространенные в то время представления о формировании цивилизованного общества в результате общественного договора — интеллектуального конструкта, созданного людьми с целью преодоления «естественного состояния», или состояния «войны всех против всех» [2. С. 164]. Прежде всего, Фергюсон был не согласен с тем, что основой объединения людей является их природная враждебность, и утверждал, что враждебность — не исходное, а производное состояние человека, «возникающее из реального отношения к той стороне, которую мы поддерживаем, и из желания отстаивать права нашей группы» [27. Р. 24]. Этим автор постулировал наличие в человеке врожденных социальных чувств, которые называл «привязанностью, создающей основу для объединения» [27. Р. 24].

Иными были взгляды Фергюсона и на рациональное формирование социальности. В отличие от представителей теории общественного договора, отводивших ключевое значение интеллектуальному конструированию общественных институтов, он считал роль рационального начала незначительной. «Характеризуя чужие действия, мы часто забываем о том, что делаем сами; и вместо переживаний, которые стимулируют мысль в присутствии другого человека, мы объясняем мотивы поведения теми соображениями, которые возникают в часы уединения и холодных размышлений» [27. Р. 26]. В действительности же, полагал Фергюсон, даже наиболее устойчивые из рациональных мотивов, как, например, стремление к обогащению и жизненным удобствам, не могут вызывать в людях желание объединиться: «человек далек от того, чтобы ценить в обществе только внешние удобства, он обыкновенно больше всего привязывается к группе, где эти удобства встречаются реже всего, и является тем более верным той группе, где дань его верности оплачивается кровью» [27. Р. 27].

Согласно Фергюсону, механизм социальной интеграции формируется в значительной мере за пределами человеческой рациональности, и если и поддерживается работой сознания, то скорее его аффективной стороной. Именно ею, полагал он, можно объяснить «упрямую привязанность дикаря к своему неустроенному незащищенному племени, когда искушения на стороне легкости и безопасности могли бы побудить его бежать от голода и опасности к месту более богатому и безопасному» [27. Р. 29]. В итоге Фергюсон предложил новый подход к объяснению причин возникновения и развития механизмов общественной интеграции в древности: формирование социальности — длительный естественный процесс, проистекающий из преимущественно неосознанных потребностей людей в сопричастности, и сводящийся к нормативному закреплению успешных практик взаимодействия.

Важным достижением Фергюсона является предложенная им периодизация развития общества. В главе «The History of Political Establishment» он

выделил три последовательных этапа эволюции — дикость, варварство и цивилизацию, и первые две определенно характеризуют разные уровни развития доклассового общества. Фергюсон утверждал, что на этапе дикости человек предоставлен самому себе: «его счастье заключено в его лачуге, одежде из шкур и руках... В спорах с равными ему людьми он не апеллирует к суду и не имеет в руках знаков власти магистратуры или знамени вечного командования» [27. Р. 185]. В эпоху варварства человек, напротив, независимо от личных качеств и блеска славы, вынужден «следовать за знаменами вождя и играть подчиненную роль в племени, он не понимает, что даже те его действия, что он воспринимает как совершенные по своему выбору, на самом деле являются предметом его обязательств» [27. Р. 185]. Фергюсон не только дифференцировал стадии развития древнего общества, но и обозначил характер социальных отношений в качестве критерия различий этих стадий, явным образом противопоставив свободе архаичных дикарей зависимость и подчинение, царящие в более развитых обществах варваров.

Взгляд классической социологии на эволюцию доклассового общества

Возникшая в конце XVIII века социологическая традиция осмысления эволюции человечества получила развитие в период становления классической социологии — с середины XIX до начала XX века. В этот период возникло две линии дифференциации этапов социального развития доклассового общества, которые связаны с именами Г. Спенсера и Л.Г. Моргана.

Спенсер сохранил исходное понимание эволюции как естественного процесса, дополнив его своим представлением о магистральном направлении развития органических систем в сторону их усложнения. «Прогресс — это не случайность, а необходимость. Вместо того, чтобы считать цивилизацию созданной искусственно, мы должны принять ее как часть природы... Изменения, которые претерпело и продолжает претерпевать человечество, вытекают из закона, лежащего в основе всех органических творений; и если человеческий род продолжает существовать, а устройство вещей остается тем же самым, то эти изменения должны закончиться следующим образом: усложнением» [38. Р. 80]. Спенсер остался верен и принципу методологического индивидуализма, декларированному Фергюсоном в анализе социогенеза. Он полагал, что социальной интеграции способствовали, прежде всего, «коллективные результаты ищущих удовлетворения человеческих желаний, ... которые вызвали ... добровольную кооперацию» [14. С. 114], а в качестве наиболее важного из тех свойств, что обусловили социальный прогресс, рассматривал способность применить свой ум и трудолюбие в целях самосохранения. «Независимо от того, порождаются ли опасности для существования избытком плодovitости или какими-либо другими причинами, ясно, что непрерывным упражнением способностей, необходимых для борьбы с ними, и смертью всех людей, которые не могут успешно бороться с ними,

обеспечивается постоянное движение к более высокой степени мастерства, интеллекта и саморегуляции, к лучшей координации действий, к более полноценной жизни» [38. Р. 60].

Сохранив верность традиционному пониманию движущих сил развития доклассового общества, Спенсер предложил собственную хронологию его эволюции. Его типология включает четыре формы социальной организации, дифференцированные по степени сложности социальной структуры: простые общества (*simple*), сложные (*compound*), общества двойной (*doubly compound*) и тройной сложности (*trebly compound*). Важно, что в его представлении эти типы социальности образовывали эволюционную последовательность, или своего рода станции на пути, по которому человечество должно пройти в ходе истории [39. Р. 49–51].

Морган пошел иным путем: он взял за основу трехстадийную периодизацию Фергюсона, но детализировал ее этапы и расширил перечень критериев их дифференциации. В основу своей схемы эволюции он положил не умозрительные рассуждения, как это преимущественно делалось до него, а результаты своих обширных этнографических и архивных исследований. В результате он выработал собственное понимание вопроса, поиск ответа на который и прежде занимал умы исследователей: «каким образом дикари, подвигаясь вперед медленными, почти незаметными шагами, достигли высшей ступени варварства; каким образом варвары, путем подобного же прогрессивного движения, достигли в конечном счете цивилизации; и почему некоторые племена и нации в одновременном ходе развития остались позади, одни — в состоянии цивилизации, другие — варварства, третьи — дикости» [11. С. 7].

В стремлении установить причины общественного прогресса Морган предпринял анализ двух основных линий социальной эволюции: «одна охватывает изобретения и открытия, другая — первобытные учреждения..., [которые] могут быть поняты как продукт роста отдельных идей» [11. С. 6]. Основное внимание Морган сконцентрировал на том, «чтобы представить некоторые доказательства человеческого прогресса в этих различных областях в течении последовательных этнических периодов, как это раскрывается в изобретениях и открытиях, а также в развитии идей управления, семьи и собственности» [11. С. 6]. В качестве движущих сил развития первобытного общества он рассматривал комплекс взаимосвязанных интеллектуальных, социальных, материальных и экономических факторов, объединенных направленностью на прогресс.

Принимая во внимание приверженность Моргана царившему в середине XIX века духу позитивизма, кажется естественным, что в основу исторической периодизации он положил эмпирически наблюдаемые признаки. Он был далек от стремления объяснять развитие доклассового общества исключительно совершенствованием его материальной культуры и технологий, и считал, что периодизации, основанные на материальных критериях, могут быть полезны разве что «для классификации предметов древнего производства» [11. С. 8]. Он

предложил широкий спектр эмпирических признаков общественного прогресса, которые могли наглядно охарактеризовать образ жизни и уровень развития духовной и материальной культуры на той или иной стадии развития доклассового общества (средства существования, ареалы обитания, развитие языка и верований, характер организации социально-политической и экономической жизни). В результате Моргану удалось непротиворечивым образом дифференцировать этапы эволюции первобытного общества, разбив каждый из них на низшую, среднюю и высшую стадии и определив комплексные критерии их различий [11. С. 9–14]

Несмотря на прогресс, достигнутый с середины XIX до начала XX века в понимании эволюции доклассового общества, этот вопрос не стал центральным в социологическом дискурсе — большинство социологов-эволюционистов заостряло все внимание на описании качественного своеобразия современного им капиталистического общества в сравнении с тем обществом, из которого оно выросло и которое отрицало. Преимущественно это делалось с помощью идеальных типов, предназначенных для сравнения уходящей и формирующейся социальной реальности, таких как «общество статуса — общество контракта» Г. Мэйна [12], «*Gemeinschaft — Gesellschaft*» Ф. Тенниса [15], «механическая солидарность — органическая солидарность» Э. Дюркгейма [4], и, очевидно, не способствовавших расширению представлений об эволюции доклассового общества. В последующие полвека теоретические схемы эволюционизма и вовсе выпали из социологического мейнстрима, чему, вероятно, способствовало укрепление позиций марксизма, подвергавшего эволюционизм острой критике и предложившего собственную парадигму общественного развития — через революционную смену общественно-экономических формаций [8. С. 7; 16. С. 1–2].

Следует согласиться с Р. Карнейро, который отмечал, что примерно с 1896 по 1959 годы в общественных науках «доминировали анти-эволюционистские представления... [в результате чего они] повернулись спиной к культурной эволюции. Это упущение создало антропологии и ее сестре — науке социологии печальную репутацию» [20. Р. 16–17]. В результате даже ученые, исследовавшие первобытные общества на предмет их преобразования в первые государства, в этот период в большинстве своем отрицали «идею, что ...все общества должны пройти в своем развитии одни и те же этапы... [осуждая] даже попытку указать различные стадии, на которых более простые общества обязательно имели бы тенденцию усложнения» [30. Р. 112].

Социология середины XX века: основания периодизации и новые градации эволюции доклассового общества

И все же «концепция эволюции оказалась слишком фундаментальной и плодотворной, чтобы ее бесконечно долго могло игнорировать все, что именует себя наукой» [41. Р. xii]. Толчком к возникновению нового понимания

причин и этапов эволюции доклассового общества послужил важный юбилей: в 1959 году исполнилось сто лет со дня выхода в свет первого издания монографии Ч. Дарвина «Происхождение видов». По всему миру прошла серия научных конференций, организованных представителями различных наук, но объединенных общей целью — оценить эвристическую значимость идеи эволюции и выработать ее новое понимание, соответствующее современному состоянию науки. Не обошли вниманием это событие и обществоведы, поставившие в центр обсуждения проблему социальной эволюции. Некоторые значимые результаты дискуссии были обобщены в 1960 году в книге «*Evolution and Culture*» [33], где нашла отражение новая попытка осмысления развития доклассового общества, которая оказалась весьма востребованной на протяжении второй половины XX — начала XXI века.

Методологическим основанием этой парадигмы стал неозволюционизм, в рамках которого в качестве критерия эволюции доклассового общества вновь стало рассматриваться усиление его дифференциации [22. Р. 6]. В неэволюционистской схеме о развитии общества следовало судить не по образу жизни людей, характеру изобретений, уровню развития технологий или верований, а по степени сложности его социальной структуры [35]. Получив возможность оперировать этим исключительно социологическим критерием, социология окончательно обрела методологическую независимость от других наук, что облегчило ей формирование собственного понятийного пространства и упорядочение доклассовых обществ в эволюционную последовательность.

Закономерно, что с середины XX века арсенал социологии архаических обществ стал пополняться новыми понятиями. Некоторые из них были заимствованы из этнографии и антропологии: благодаря сделанным представителями этих наук детальным описаниям жизни, быта и рутинизированных практик доклассовых культур социологи научились находить структурные различия в разнообразных архаичных общностях, отличать лидеров нестратифицированных групп от правителей иерархически организованных обществ, а вождей от царей.

Так, М. Саллинз выявил целый спектр признаков, позволяющих увидеть разницу между облаченным институционализированной властью вождем и бигменом — мужчиной, завоевавшим авторитет благодаря личным заслугам перед определенной группой людей [34]. К. Оберг описал признаки вождества (*chiefdom*) как особой формы социальности общества, сумевшего создать иерархическую структуру, но не достигшего уровня цивилизации: вождества «контролируются верховным вождем, объединяющим под своей властью районы и поселения, управляемые иерархически соподчиненными вождями... вожди обладают судебной властью улаживать споры и выносить преступникам приговоры вплоть до смертной казни и, будучи военными предводителями, имеют право использовать людские и материальные ресурсы сообщества для войны» [31. Р. 484]. Г. Классен и П. Сальник объединили вокруг себя специалистов, исследовавших высокоорганизованный социальный конструкт

древнего мира — раннее государство [21]. Обобщив ключевые признаки этого типа социальности, Л.Е. Гринин определил его как «особую форму политической организации достаточно крупного и сложного аграрно-ремесленного общества..., определяющую его внешнюю политику и частично социальный и общественный порядок; эта политическая форма в то же время есть отделенная от населения организация власти: а) обладающая верховностью и суверенностью; б) способная принуждать к выполнению своих требований; менять важные отношения и перераспределять ресурсы; в) построенная (хотя бы в значительной части) не на принципе родства» [3. С. 150]. Почти сразу новые понятия сложились в систему «хронологических линеек», описывающих поступательное развитие древнего общества.

Используя критерий сложности социальной структуры, А.У. Джонсон и Т.К. Йорл в работе «*The Evolution of Human Societies: From Foraging Group to Agrarian State*» предлагают упорядочить все известные общества следующим образом: на первом этапе возникает семейная группа; за ней следует локальная группа; более сложной является группа бигмена; следующий уровень сложности — вождество; и, наконец, вершина общественного прогресса — государство: на первом этапе архаическое, на завершающем — национальное [29. Р. 304]. М. Фрид строит свою схему на признаке, который считает неизбежным следствием роста структурной дифференциации — усилении социального неравенства: сначала люди были объединены в эгалитарные общества; затем создали ранжированное общество; его развитие привело к возникновению стратифицированного общества; на завершающем этапе формируется государство с самым высоким уровнем неравенства [28].

Ряд ученых фокусируют внимание на другом следствии усложнения социальной структуры — изменении характера лидерства. Например, Э. Сервис [36] выстроил соответствующую эволюционную последовательность: вначале люди организуются в локальные группы номадов без явного лидера и с коллективным присвоением продуктов природы; затем, в связи с переходом к оседлому образу жизни, создаются племена — союзы общин и кланов, лидерство в которых является харизматическим и завоевывается благодаря личным заслугам — преимущественно для укрепления социального положения [36. Р. 101, 103, 105]. Упрочение власти лидера, вызванное ростом численности населения [18], приводит к возникновению вождества — лидеры получают права на престижные функции: отправлять правосудие, верховодить в войне, перераспределять материальные блага и трудовые ресурсы, координировать всю социальную, хозяйственную и культурную жизнь общин [36. Р. 113]. В рамках вождества окончательно складывается иерархическая структура с устойчивым соподчинением социальных агентов и координирующим центром, а также обеспечивается возможность передачи власти по наследству. Вершиной развития древнего общества является раннее государство, в котором власть лидера институционализируется, опирается на аппарат принуждения, защищается нормами права и получает культурную легитимацию [36. Р. 134].

Методологические основания и результаты дискуссии о новом понимании эволюции доклассового общества

Предпринятые в социологии попытки разложить эволюцию доклассового общества на стадии явно или имплицитно основывались на методологическом допущении о поступательности и непрерывности общественного развития. Однако неэволюционизм продемонстрировал достаточно гибкости, чтобы не ограничивать себя выработкой новых однолинейных исторических градаций. В его рамках была инициирована широкая теоретическая дискуссия, в ходе которой социологи и антропологи вновь вернулись к концептуальным проблемам эволюции.

На методологическом уровне возможность такой дискуссии обеспечивалась двумя обстоятельствами. Во-первых, хотя эволюционизм традиционно концентрировал внимание на выявлении универсальных направлений прогресса, он никогда не отрицал полезности идеографических описаний отдельных общностей, а также того очевидного факта, что всякая социальность далеко не всегда повторяла генеральную линию прогресса, нередко приходя и к гибели. Подобные явления вполне соответствовали эволюционистским представлениям о магистральном прогрессе человечества как результате борьбы за выживание отдельных его частей: «Те, у кого возрастающая трудность получения средств к существованию... не стимулирует улучшения в производстве, т.е. большую умственную деятельность, находятся на прямой дороге к вымиранию и в конечном счете должны быть вытеснены теми, кого давление стимулирует именно таким образом» [38. Р. 60]. В этом смысле уникальность развития отдельных культур с их взлетами и даже распадом можно было бы рассматривать как столь же соответствующую эволюционистской парадигме, как и их поступательное линейное развитие. Однако изучение этого аспекта прогресса обычно занимало периферийное положение в эволюционистских исследованиях.

Во-вторых, даже при генерализованной версии истории эволюционизму не было свойственно безоговорочное признание прогресса исключительно прямолинейным. Например, хотя Морган утверждал, что дикость, варварство и цивилизация «связаны между собой естественной и необходимой прогрессивной последовательностью... [и она] является историческим фактом для всей человеческой семьи» [10. С. 5], в то же время верил в неизбежность возрождения основополагающих принципов доклассового общества: «Демократия в управлении, братство внутри общества, равенство прав, всеобщее образование освятят следующую, высшую ступень общества, к которой непрерывно стремятся опыт, разум и наука. Оно будет возрождением — но в высшей форме — свободы, равенства и братства древних родов» [10. С. 349]. Тем самым Морган обозначил не прямолинейный, а спиралевидный путь эволюции, что открывало возможности расширить представления о ней с точки ее направленности и поступательности.

Гибкость эволюционной парадигмы позволила социологам и этнологам XX века в новых исторических условиях возобновить обсуждение важнейших аспектов эволюции: ее содержания, направленностей и даже непрерывности. Осознание необходимости подобных обсуждений было подкреплено эмпирическими данными, полученными к середине XX века археологами и антропологами. Например, по истечении срока своего существования (700–1300 гг. до н.э.) государство с центром в Теотиуакане (Центральная Мексика) распалось на незначительные по численности политии, в которых отсутствовала бюрократия, но они по-прежнему управлялись дифференцированным слоем элиты, использовали письменность и вели интенсивную торговлю [17]. Объяснений требовал и распад государств в высокогорьях Анд [23], на месте которых также образовались небольшие политии — «малые государства» или «города-государства» [17. Р. 261–284]. Похожие процессы происходили в средневековых сообществах Ближнего Востока и Центральной Азии [26. Р. 39].

Одним из первых социологов, высказавшихся против однолинейности общественного прогресса, стал П.А. Шифферд. Он полагал, что социальная эволюция не должна отождествляться с непрерывной централизацией, которая является не самым распространенным, и скорее нетипичным проявлением эволюции [37]. Еще более артикулированной эта позиция выглядит у Н. Йöffфи, считавшего, что стадии эволюции могут быть дополнены такими естественными фазами, как стагнация, деградация и коллапс [43]. Но наиболее ясно различия между традиционным и неэволюционистским подходами к пониманию эволюции представил Х.Дж. Классен: оставаясь убежденным сторонником трактовки эволюции как структурного изменения, он полагал верным утверждение о многолинейности прогресса архаического общества, в которое вписывается любое изменение социальной структуры, в том числе не связанное с ростом сложности. «У вас сложилось впечатление, что мой подход к эволюционизму представляет собой “откровенно однолинейный социальный эволюционизм”. Пока вы рассматриваете только возможную линию эволюции “община — вождество — раннее государство — зрелое государство”, вы правы. Но, так как мы никогда не утверждали, что это единственная линия, ваше утверждение, к счастью, не является верным... Мы намереваемся предложить совершенно другой подход... Эволюция есть ни что иное, как структурное изменение, а изменение в направлении упадка и коллапса так же эволюционно, как и структурное изменение в направлении роста. На самом деле... упадок и деградация являются в человеческой истории более обычными феноменами, чем рост и расцвет» [7. С. 68]. В рамках подобного понимания социальное развитие не связывается исключительно с формированием вертикально-интегрированных обществ и государств из нестратифицированных образований — развитие представляется многолинейным, а перечень возможных исторических градаций каждой эволюционной линии расширяется за счет таких стадий, как стагнация, деградация и распад.

Закономерно встал вопрос о критериях оценки уровня развития социальной организации [13]. Так, Р. Карнейро, следуя заложенной Спенсером традиции, интерпретировал эволюцию как «переход общества в результате устойчивого процесса дифференциации и интеграции от состояния относительно неопределенной рыхлой гомогенности к состоянию структурированной неоднородности» [19. Р. 90]. Аналогичных преставлений придерживался Ф. Вогет, который определял эволюцию как «продолжительный процесс, сопровождающийся такими структурными изменениями, которые в итоге приводят к возникновению новой структуры, качественно отличающейся от прежней» [40. Р. 862]. Иными словами, уровень сложности социальной структуры доклассового общества трактовался как верный критерий развитости и всех остальных его сторон. Он сохранял свою эвристическую ценность при анализе развития большинства архаических обществ, что доказывалось результатами антропологических исследований, в ходе которых была установлена значимая корреляция между уровнем экономического развития архаических обществ и сложностью их социальной организации. В ходе эмпирических исследований был подтвержден тот факт, что кочующие собиратели и охотники чаще всего создают эгалитарные общества без признаков социальной иерархии, в то время как оседлое хозяйство обычно набирает силу в условиях заметного социального расслоения и институционально защищенной власти [6].

Также предпринимались попытки выработать новые критерии оценки уровня развития доклассовых обществ — вне связи со сложностью социальной структуры. Например, Л. Уайт считал формой эволюционного развития рост производительности труда: он отталкивался от не слишком многочисленных, но оттого не менее релевантных эмпирических данных, говорящих о том, что экономическое развитие может и не приводить к усложнению социальной структуры, и относительно «неразвитые» в социальном отношении общества способны создавать более эффективные экономические системы, чем общества с со сложной социальной организацией [41]. Например, в отсталом с экономической точки зрения обществе индейцев на юго-востоке Калифорнии была сформирована иерархическая структура с наследственной властью аристократии, в то время как племена на северо-западе Калифорнии имели более развитую экономику, но управлялись лидерами, статус которых не имел институционального закрепления и определялся лишь размером их богатств [5]. Племена ифугао (Филиппинские острова) имели достаточно сложное хозяйство, но не знали родовой аристократии [9. С. 183–197]. Сложные ирригационные системы, созданные аграрными племенами Восточной Африки управлялись не аристократией или вождями, а коллегиально — советом старейшин или общим собранием мужчин [24. Р. 16–35]. Зафиксированный в эпоху средневековья политический распад ряда сообществ Ближнего Востока и Центральной Азии на племена [26. Р. 39] не сопровождался хозяйственной деградацией и ухудшением условий жизни людей [7].

Применение критерия роста производительности труда как фактора эволюции имело важное значение, поскольку открывало возможность приводить к общей шкале эволюционного развития общества с качественно разной социальной структуры и позволяло сравнивать развитость первобытных культур, вставших на разные пути эволюции и выработавших разные способы социальной организации [19].

Теоретические дискуссии о возможности многолинейного и непоступательного развития доклассовых обществ, а также эмпирические аргументы разных сторон привели исследователей к выводу, что эволюция общества представляет собой процесс, допускающий альтернативные пути достижения одного и того же уровня сложности. Иными словами, к одному уровню сложности социальной структуры разные общества могут приходить разными эволюционными путями. Наверное, впервые эта идея была озвучена Р. Карнейро в работе «The Four Faces of Evolution», где автор аргументировано доказывал, что всякий уровень экономического развития может достигаться разными способами организации социальной жизни и разными эволюционными путями [19. P. 89–110]. Та же мысль звучит в работах отечественных социологов и антропологов, допускающих, что один и тот же уровень структурной сложности может быть достигнут «на разных траекториях развития» [1. С. 15]. При таком понимании социогенеза уже не важно, сколько направлений эволюции готов признать реальностью исследователь — одну или несколько: все возможные подходы становятся лишь «разными интерпретациями единого понимания социального прогресса» [32. P. 13].

Библиографический список / References

- [1] *Бондаренко Д.М., Гринин Л.Е., Коротаев А.В.* Альтернативы социальной эволюции // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006 / Bondarenko D.M., Grinin L.E., Korotaev A.V. *Alternativy socialnoj evolyutsii* [Alternatives of social evolution]. *Rannee gosudarstvo, ego alternativy i analogi*. Volgograd; 2006 (In Russ.).
- [2] *Гоббс Т.* Левиафан или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 2001 / Hobbes T. *Leviafan ili Materiya, forma i vlast gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan, or The Matter, Form, and Power of a Commonwealth, Ecclesiastical and Civil]. Moscow; 2001 (In Russ.).
- [3] *Гринин Л.Е.* Аналоги раннего государства: альтернативные пути эволюции // Личность. Культура. Общество. 2007. Вып. 1 / Grinin L.E. *Analogi rannego gosudarstva: alternativnyye puti evolyutsii* [Analogues of the early state: Alternative paths of evolution]. *Lichnost. Kultura. Obshchestvo*. 2007; 1 (In Russ.).
- [4] *Дюркгейм Э.* О разделение общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана, прим. В.В. Сапова. М., 1996 / Durkheim E. *O razdelenie obshchestvennogo truda* [The Division of Labor in Society]. Trasl. by A.B. Gofman, comm. V.V. Saponov. Moscow; 1996 (In Russ.).
- [5] *Кабо В.Р.* Первобытная доземледельческая община. М., 1986 / Kabo V.R. *Pervobytnaya dozemel'delcheskaya obshchina* [Primitive Pre-agricultural Community]. Moscow; 1986 (In Russ.).
- [6] *Коротаев А.В.* Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М., 2003 / Korotaev A.V. *Socialnaya evolyutsiya: faktory, zakonomernosti, tendentsii* [Social Evolution: Factors, Patterns, Trends]. Moscow; 2003 (In Russ.).

- [7] *Коротаяев А.С.* Апология трайбализма: племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ (по материалам Северо-Восточного Йемена) // Социологический журнал. 1995. № 4 / Korotaev A.S. Apologiya trajbalizma: plemya kak forma socialno-politicheskoj organizatsii slozhnyh nepervobytnyh obshchestv (po materialam Severo-Vostochnogo Yemena) [Apology of tribalism: Tribe as a form of the social-political organization of complex non-primitive societies (based on the data from North-Eastern Yemen)]. *Sociologicheskyy Zhurnal*. 1995; 4 (In Russ.).
- [8] *Маркс К.* К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 13. М., 1959 / Marx K. K kritike politicheskoy ekonomii [A contribution to the critique of political economy]. Marx K., Engels F. *Sobr. soch.* Vol. 13. Moscow; 1959 (In Russ.).
- [9] *Мешков К. Ю.* Филиппины // Чебоксаров Н.Н., Кузнецов А.И. (ред.). Малые народы Индонезии, Малайзии и Филиппин. М., 1982 / Meshkov K.Yu. Filippiny [Philippines]. Cheboksarov N.N., Kuznetsov A.I. (Ed.). *Malye narody Indonezii, Malajzii i Filippin*. Moscow; 1982 (In Russ.).
- [10] *Морган Л.Г.* Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации // Материалы по этнографии. Т. 1. Л., 1934 / Morgan L.H. Drevnee obshchestvo ili issledovanie linij chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k tsivilizatsii [Ancient society, or Researches in the lines of human progress from savagery, through barbarism to civilization]. *Materialy po etnografii*. Leningrad; 1934. Vol. 1 (In Russ.).
- [11] *Морган Л.Г.* Древнее общество: Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / Под ред. М.О. Косвена. М., 2016 / Morgan L.H. Drevnee obshchestvo: Issledovanie linij chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k tsivilizatsii [Ancient Society, or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery, through Barbarism to Civilization]. Ed. by M.O. Kosven. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [12] *Мэйн Г.* Древнейшая история учреждений: Лекции. М., 2011 / Maine H. Drevnejshaya istoriya uchrezhdenij: Lektsii [Lectures on the Early History of Institutions]. Moscow; 2011 (In Russ.).
- [13] *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М., 2000 / Parsons T. O strukture socialnogo dejstviya [The Structure of Social Action]. Moscow; 2000 (In Russ.).
- [14] *Спенсер Г.* Личность и государство. Челябинск, 2007 / Spencer H. Lichnost i gosudarstvo [The Man versus the State]. Chelyabinsk; 2007 (In Russ.).
- [15] *Тённис Ф.* Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д.В. Скляднева. М.—СПб., 2002 / Tönnies F. Obshchnost i obshchestvo. Osnovnyye ponyatiya chistoj sociologii [Community and Society]. Transl. by D.V. Sklyadnev. Moscow—Saint-Petersburg; 2002 (In Russ.).
- [16] *Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии. Предисловие к немецкому изданию 1883 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 21. М., 1959 / Engels F. Manifest kommunisticheskoy partii. Predislovie k nemetskomu izdaniyu 1883 g. [Communist Manifesto (Preface)]. Marx K., Engels F. *Sobr. soch.* Vol. 21. Moscow; 1959 (In Russ.).
- [17] Brumfiel E. Aztec state making: Ecology, structure, and the origin of the state. *American Anthropologist*. 1983; 85.
- [18] Carneiro R.L. The chiefdom: Precursor of the state. Jones G.D., Kautz R.R. (Eds.). *The Transition to Statehood in the New World*. New York; 1981.
- [19] Carneiro R.L. The four faces of evolution. Honigman J.J. (Ed.). *Handbook of Social and Cultural Anthropology*. Chicago; 1973.
- [20] Carneiro R.L., Grinin I.E., Korotayev A.V. *Chiefdoms: Yesterday and Today*. New York; 2017.
- [21] Claessen H.J.M., Skalnik P. (Eds.). *The Early State*. Hague; 1978.
- [22] Claessen H.J.M., van de Velde P., Smith M.E. (Eds.). *Development and Decline: The Evolution of Sociopolitical Organization*. South Hadley; 1985.

- [23] Costin C.L., Earle T.K. Status distinction and legitimation of power as reflected in changing patterns of consumption in late prehispanic Peru. *American Antiquity*. 1989; 54.
- [24] Davies M. Wittfogel's dilemma: Heterarchy and ethnographic approaches to irrigation management in Eastern Africa and Mesopotamia. *World Archaeology*. 2009; 41 (1).
- [25] Delanty G. Sociology. Ritzer G. (Ed.). *The Blackwell Encyclopedia of Sociology*. Oxford; 2009.
- [26] Dietrich W. (Ed.). *The Early Monarchy in Israel: The Tenth Century B.C.* Atlanta; 2007.
- [27] Ferguson A. *An Essay on the History of Civil Society*. Basil; 1789.
- [28] Fried M.H. *The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology*. New York; 1967.
- [29] Johnson A.W., Earle T.K. *The Evolution of Human Societies: From Foraging Group to Agrarian State*. Stanford; 2000.
- [30] Lowie R.H. *The Origin of the State*. New York; 1927.
- [31] Oberg K. Types of social structure among the lowland tribes of South and Central America. *American Anthropologist*. 1955; 57.
- [32] Sahlins M.D. Evolution: specific and general. Sahlins M.D., Service E.R. (Eds.). *Evolution and Culture*. Ann Arbor; 1960.
- [33] Sahlins M.D., Service E.R. (Eds.). *Evolution and Culture*. Ann Arbor; 1960.
- [34] Sahlins M. Poor man, rich man, big man, chief: Political types in Melanesia and Polynesia. *Comparative Studies on Society and History*. 1963; 5 (3).
- [35] Service E.R. *Primitive Social Organization*. New York; 1971.
- [36] Service E.R. *Primitive Social Organization. An Evolutionary Perspective*. New York; 1962.
- [37] Shifferd P.A. Aztecs and Africans. Political processes in twenty-two early states. Claessen H.J.M., van de Velde P. (Eds.). *Early State Dynamics*. Leiden; 1987.
- [38] Spencer H. *Social Statics*. New York; 1851.
- [39] Spencer H. *The Evolution of Society: Selections from Herbert Spencer's Principles of Sociology*. Chicago; 1967.
- [40] Voget F.W. *A History of Ethnology*. New York; 1975.
- [41] White L.A. *The Science of Culture. A Study of Man and Civilization*. New York; 1949.
- [42] White L.A. Foreword. Sahlins M.D., Service E.R. (Eds.). *Evolution and Culture*. Ann Arbor; 1960.
- [43] Yoffee N. The decline and rise of Mesopotamian civilization: An ethno-archaeological perspective on the evolution of social complexity. *American Antiquity*. 1979; 44.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-655-668

Development of pre-class society in the evolutionist interpretation*

S.A. Davydov

Saint Petersburg State University of Economics
Sadovaya St., 21, Saint Petersburg, 191023, Russia
(e-mail: licurg@inbox.ru)

Abstract. The article aims at systematization of approaches to understanding the evolution of pre-class society in historical sociology. The sociological tradition of interpreting the history of pre-class

---

* © S.A. Davydov, 2020.

The article was submitted on 17.01.2020. The article was accepted on 24.04.2020.

society developed in the late 18th century, when A. Ferguson defined the development of society as a natural process consisting of three stages: savagery, barbarism, and civilization. In classic sociology, there were two approaches to understanding the pre-class society evolution. The first approach is presented in the works of H. Spencer, who suggested a natural-scientific interpretation of social evolution but with a more elaborated scale of the development of pre-class societies — as differing by the complexity of their social structure. The second approach is presented in the research of L.H. Morgan, who used Ferguson's three-stage periodization as a basis but expanded the list of fundamental criteria for their differentiation (progress in inventions and discoveries, ideas of management, family and property). In the middle of the 20th century, sociology managed to overcome its dependence on psychology and economics by neo-evolutionism that linked social evolution of the archaic society with qualitative changes in its structure. Sociologists proposed schemes for the evolution of pre-class society based on the empirical evidence of its complexity — institutionalization of leadership and increasing social inequality. Moreover, sociologists included the level of labor productivity achieved in the archaic society into the list of criteria for its development, which determined a single scale of progress even for societies with other types of social organization. After debates, sociologists came to the conclusion that the evolution of pre-class societies is determined not only by their development but also by their degradation and even collapse; that all social systems can have analogues with a comparable level of complexity; and that a certain level of social organization can be achieved by different evolutionary paths.

Key words: archaic society; differentiation; pre-class society; hierarchy; progress; social structure; stage of development; evolutionism

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-669-680

Метод кейс-стади в исследованиях российской сельской кооперации*

Л.А. Овчинцева

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия
(e-mail: lovchintseva@gmail.com)

Качественные методы пользуются заслуженно высокой оценкой как в зарубежной, так и в российской практике социологических исследований, ориентированных на получение практических результатов и рекомендаций. Из общего числа качественных методов кейс-стади представляется наиболее подходящим для изучения сельской кооперации. Кооперативы традиционно относятся к числу значимых инструментов поддержки мелких производителей в сельском хозяйстве. Исторические исследования показывают, что сельская кооперация всегда возрождалась в моменты социальных трансформаций. До настоящего времени в России трансформационные процессы в сельской местности не завершены и проходят с серьезными социально-экономическими последствиями, поэтому кооперация становится важным объектом исследований. Государственная поддержка кооперации и малых форм хозяйствования — одно из приоритетных направлений сельского развития, но она оказывает противоречивое воздействие на кооперативный процесс. Ежегодно регистрируются все новые кооперативы, но их оказывается меньше кооперативов, прекративших свою деятельность. Цель исследования — понять мотивы создания кооперативов, выявить механизмы экономического взаимодействия участников кооперативов, определить риски и конфликты, влияющие на срок существования кооператива. Автор показывает релевантность метода кейс-стади для изучения процессов образования и функционирования кооперативов и проверки гипотезы о сочетании формальных и неформальных механизмов экономического взаимодействия внутри кооперативов. Благодаря кейс-стади была выявлена зависимость степени формализации экономических отношений внутри кооператива от масштабов его деятельности, определены мотивы кооперирования сравнительно небольших сельхозтоваропроизводителей. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС «Неформальная экономика сельских домохозяйств: возможности и ограничения хозяйственных практик в повышении потенциала и общей привлекательности сельских территорий».

Ключевые слова: качественные методы социологических исследований; кейс-стади; полуструктурированное интервью; сельская кооперация; потребительские кооперативы; механизмы экономического взаимодействия; неформальная экономика

Качественные методы — незаменимый инструмент наблюдения и раскрытия механизмов социально-экономических процессов, которые на первый взгляд кажутся очевидными, но содержат в себе набор скрытых мотиваций и неявных зависимостей, как, впрочем, и многие другие явления хозяйственной жизни. Личный опыт участия в значительном числе проектов сельского

---

* © Овчинцева Л.А., 2020.

Статья поступила 07.04.2020 г. Статья принята к публикации 10.06.2020 г.

развития убедительно показал достоинства качественных методов, которые, в отличие от количественных, позволяют ответить не на вопрос, сколько человек считает так-то, а выяснить — почему они считают именно так.

Можно назвать целый ряд авторов как в отечественной [3; 17; 19], так и в зарубежной литературе [15; 25; 28], которые отмечают, что качественные методы решают задачи практико-ориентированных исследований, в частности, помогая концептуализировать проблемы и формулируя новые гипотезы [23; 24; 26; 27]. Исследователи, использующие качественные методы, справедливо называют их преимущества — наличие обратной связи с респондентами, возможность уточнения гипотез в ходе процесса исследования, быстрота и относительная простота администрирования проекта, обработка результатов без использования сложного программного или математического аппарата [31]. Кроме того, исследование на основе качественного подхода можно провести со сравнительно меньшими затратами, что делает их незаменимыми на начальной стадии проекта, когда вопросы финансирования еще не вполне ясны. Обозначенные преимущества обусловили широкое применение качественных методов в мониторинговых исследованиях неформальной экономики, особенно в сельской местности. Пример крупномасштабного проекта по изучению сельского развития в условиях трансформации социально-экономической системы — проект Т. Шанина «Социальная структура советского и постсоветского села» [22].

В проектах сельского развития нам приходилось использовать такие качественные методы, как включенное наблюдение, разные виды интервью, фокус-группы, «оценку изнутри» (*participatory rural appraisal*) и экспертный опрос, который занимает промежуточное положение между количественным и качественным подходами. С одной стороны, экспертный опрос основан на полуструктурированном интервью, проходит неформально, отклонения от темы допускает, а порой и приветствует. Но, с другой стороны, в зависимости от гипотез и числа опрашиваемых, возможна и количественная обработка результатов опроса, особенно когда речь идет о оценках занятости и доходов сельского населения, его вовлечения в процессы сельского развития [8; 9; 10].

Сельскохозяйственная кооперация справедливо считается одним из важнейших инструментов поддержки малых форм хозяйствования и всегда активизировалась в периоды социальных трансформаций — более слабые экономически игроки объединяются, чтобы противостоять более крупным и сильным. Проблемы трансформации аграрного сектора России, сопровождавшейся тяжелыми социально-экономическими последствиями, обнищанием сельского населения и разрушением социальной сферы села [2; 13; 20; 21], не могли не переместиться в фокус аграрной политики, и поддержка кооперации и малых форм хозяйствования стала одним из приоритетных направлений сельского развития, вошла в Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья

и продовольствия на 2013–2020 годы (далее — Госпрограмма). Министерство сельского хозяйства утверждает госзадания по созданию кооперативов, например в 2016–2017 годы в регионах должно было быть создано 1500 кооперативов [6] за счет грантов и субсидированных кредитов (в 2016 году средний размер гранта составил более 7 млн рублей, в 2017 году — 10). Национальные доклады о реализации Госпрограммы свидетельствуют, что задания по поддержке кооперативов выполняются и обеспечивают рост объема реализованной продукции [7]. Ежегодно регистрируются новые кооперативы, но их число неизменно оказывается меньше, чем число кооперативов, прекративших свою деятельность.

К сожалению, статистической информации о кооперативах не много и она отрывочна: публикации Ростата о сельскохозяйственных потребительских кооперативах, за исключением кредитных, перерабатывающих и снабженческо-сбытовых, не носят регулярного характера; сведения Министерства сельского хозяйства, учитывающего все виды кооперативов, носят ведомственный характер и не всегда доступны. По расчетам отечественных ученых, на 2018 год было зарегистрировано 7524 кооператива, из них работали 4606, или 61%, 2484 (треть) прекратили деятельность, остальные 434 находились на стадии ликвидации. Средняя продолжительность жизни кооперативов, которые уже были закрыты, составила 7,2 года. Менее трех лет проработали 15,5% кооперативов, от 3 до 5 лет — 12,3%, от 5 до 10 — 54,7%, свыше 10 — 17,5% [6. С. 65; 11]. Обследования кооперативов, в том числе и качественными методами, регулярно проводят саморегулирующиеся организации, например «Агроконтроль»: так, в 2018 году экспертный опрос позволил выявить причины, препятствующие развитию сельскохозяйственных потребительских кооперативов, и трудности, с которыми они столкнулись.

В данной статье мы бы хотели кратко охарактеризовать методику кейс-стади в изучении сельской кооперации, описать в общих чертах инструментарий обследования отдельных кооперативов и показать на конкретном примере, какие результаты могут быть получены с помощью подобных проектов. Итак, кейс-стади широко используются в изучении социальных и экономических процессов, однако не каждый ученый считает нужным подробно изложить методику исследования [34]. Кейс-стади нацелены на анализ вопроса таким образом, чтобы понять действия участников проблемной ситуации, направленные на ее разрешение, т.е. объект исследований рассматривается в его взаимодействии с окружающей средой [23]. Соответственно, и в исследовании кооперативного процесса важно описание составляющих его событий вместе с их контекстом, что позволяет учитывать особенности регулирования кооперации в разных регионах.

Все авторы отмечают, что в кейс-стади можно сочетать разные формы сбора информации: «субъективные» (личные впечатления, интервью участников, сбор и анализ историй, краткие опросы, сбор визуальной информации) и «объективные» (например, статистические), однако при анализе данных

обязательно должна использоваться триангуляция — сопоставление полученных результатов друг с другом и с данными из иных источников и проектов, чтобы выявить факторы, определившие развитие события в заданном направлении, понять поведение участников и сложившиеся практики в конкретном контексте. Для этого модель оценки ситуации может пересматриваться и уточняться, информация собираться из первичных и вторичных источников, контекст подробно описываться с разных точек зрения.

Целью нашего исследований 2016–2018 годов было изучение опыта функционирования успешных сельскохозяйственных потребительских кооперативов по сбыту и переработке сельскохозяйственной продукции и выявление особенностей экономического взаимодействия членов этих кооперативов. В ходе исследования 2018 года проверялась гипотеза, что в успешно работающих кооперативах имеется сложившийся механизм взаимодействия членов, который обеспечивает устойчивость и успех работы и может быть как формализованным (договор), так и не формализованным (правила, которые все соблюдают). Предполагалось, что этот механизм существует не сам по себе, а для решения конкретной проблемы: если она решена, то механизм утрачивает актуальность и перестает действовать; если ситуация меняется, то механизм либо изменится в соответствии с ней, либо прекратит действовать и будет заменен. Инструментарий для проведения исследований в 2016 году разрабатывался нами самостоятельно, а в 2018 году — в сотрудничестве с В.А. Сарайкиным, С.Н. Скомороховым, Е.Ю. Фроловой и Р.Г. Янбых [4; 12; 14].

Относительно структуры кейса в методической литературе имеются только общие рекомендации, и мы выбрали следующую последовательность действий: выбор объектов исследования; формулировка цели кейс-стади (выявление особенностей механизма экономического взаимодействия членов обследуемых кооперативов); предварительная стадия I — подбор и анализ источников, характеризующих ситуацию и деятельность выбранных кооперативов; предварительная стадия II — подготовка полевого исследования (обоснование и выбор регионов и конкретных «кейсов»); выбор ключевых информантов — членов кооперативов, в том числе руководителей, представителей кооперативных и ревизионных союзов, структур поддержки кооперации, представителей региональных управлений сельского хозяйства, взаимодействующих с кооперативами в рамках реализации программ по поддержке кооперации: полевые исследования; сопоставление данных, полученных из разных источников (из органов статистики и региональных управлений сельского хозяйства, от участников интервью и из личных наблюдений); анализ данных; подготовка отчетной документации с приложениями (расшифровки интервью, статистические данные, фото- и видеоматериалы).

Для исследования в 2016 году были выбраны Липецкая, Пензенская, Калужская и Московская области, в 2018 году — Липецкая и Белгородская области. Липецкая область — общепризнанный лидер в развитии кооперации: по данным областной администрации, на 1 января 2019 года в регионе было

зарегистрировано 904 сельскохозяйственных потребительских кооператива, в том числе 337 кредитных, 61 перерабатывающих и 506 снабженческо-сбытовых. На момент исследования в области действовала региональная программа по развитию кооперации. В Белгородской области меньше кооперативов, но кооперация широко использовалась для объединения усилий мелких сельхозтоваропроизводителей при поддержке областной программы. Пензенская и Калужская области также имеют немалое число кооперативов. В Московской области действующих кооперативов почти нет, что важно для сравнения с регионами-лидерами кооперативного развития.

Кооперативы в регионах отбирались по нескольким критериям: опыт работы более года, расположение на разном удалении от центра региона, различная специализация и готовность беседовать с интервьюером. Предварительно составленные списки кооперативов были серьезно скорректированы после консультаций в региональных структурах управления, потому что отобранные по формальным признакам из имеющихся баз данных кооперативы нередко только числились сельскохозяйственными кооперативами, а вели другую деятельность, либо уже прекратили работу. Встречались и обратные случаи: когда у региона не было никаких сведений о сельскохозяйственном потребительском кооперативе, который проходил по базе данных как зарегистрированный и работающий.

На полевом этапе были использованы следующие методы сбора информации: обход и осмотр территории, где действует кооператив, интервьюирование ключевых информантов и рядовых членов кооператива, анализ информации, полученной из областного управления сельского хозяйства и региональных органов статистики. Ключевыми информантами были председатель кооператива, члены правления (не менее двух), исполнительный директор, председатель наблюдательного совета, бухгалтер, рядовые члены кооператива (2–3 человека). В ходе интервью исследователи старались раскрыть следующие моменты: общие сведения (полное название кооператива, когда был зарегистрирован, где находится, каково число членов и ассоциированных членов); краткое описание ситуации, в которой возник кооператив (кто был инициатором, какие события предшествовали и сопровождали процесс возникновения кооператива); описание кооператива (направления деятельности, состав имущества и основные фонды); описание экономического взаимодействия членов кооператива на основе прямых сведений о наличии соответствующих регламентов и косвенных сведений, вытекающих из описания разных ситуаций из практики работы кооператива); характеристика финансового положения кооператива и его членов на основе опроса и официальных сведений; выявление текущих задач, проблем и рисков в деятельности кооператива, конфликтных ситуаций и механизмов их разрешения; описание экономических и трудовых взаимоотношений членов кооператива (формальные и неформальные правила); выявление видения развития кооператива руководителями,

рядовыми членами и экспертами, наблюдающими за деятельностью кооператива со стороны.

Сбор информации проводился на основе трех анкет: первая была направлена на сбор общих сведений о кооперативе и заполнялась бухгалтером. Вопросы первой анкеты были предельно конкретны, ответы на них позволяли выяснить общие сведения о кооперативе, на территории каких сельских поселений он действует, где расположен офис и поля, если они имелись, кооперативные предприятия по переработке и реализации продукции, где зарегистрирован кооператив, когда он был создан, сколько членов и работников было в организации, какова динамика этих показателей и вступительные взносы, делаются ли кооперативные выплаты и каков их размер, какую деятельность преимущественно осуществляет кооператив, каков ее масштаб и техническое оснащение кооператива.

Вторая анкета представляла собой план интервью и использовалась для опроса лиц, принимающих решения в кооперативе: руководитель кооператива мог пояснить, с какой целью тот был создан, какую выгоду приносит участникам, как организована деятельность кооператива, как распределяются прибыли и убытки, принимаются стратегические и тактические решения по управлению, возникают ли конфликты и как они решаются. Третья анкета также имела вид плана полуструктурированного интервью и была адресована участникам кооператива, чтобы оценить их степень участия в управлении, осведомленности и вовлеченности в решение текущих дел, возможные конфликты с точки зрения рядовых членов и механизмы их разрешения. Впрочем, поскольку изначально предполагалось обследовать успешные кооперативы, нам попался лишь один объект наблюдения с нерешенными конфликтами. Кроме того, не всегда удавалось взять интервью отдельно у руководителя и членов кооператива — иногда беседа проходила совместно, и тогда мы обращали внимание на поведение интервьюируемых, степень открытости, свободу выражаемых мнений.

Исследование подтвердило гипотезу и позволило описать механизмы экономического взаимодействия членов кооперативов в процессе хозяйственной деятельности, содержащие в себе как элементы, направленные на достижение бизнес-целей (выход на новые рынки сбыта продукции и повышение доходов участников кооператива), так и цели некоммерческого характера, направленные на решение общественно значимых задач (поддержка местного самоуправления, снижение социальной напряженности). Исследование показало определенную связь между степенью формализации отношений и масштабом деятельности кооператива: чем больше было число участников и/или объем продукции, которая сбывалась через кооператив, тем выше была степень формализации механизма экономических отношений. В успешных кооперативах операции по движению товаров и средств были тщательно задокументированы. Причем респонденты подчеркивали роль личных качеств участников кооператива, т.е. демонстрировали осознанное отношение к тому,

что механизм субсидиарной ответственности в законодательстве обозначен в полной мере, без градаций по видам деятельности и степени кооперирования.

Также в ходе исследования были выделены три типа кооперативов по переработке и сбыту сельскохозяйственной продукции и закупке материально-технических ресурсов: социальные, интеграционные и бизнес-кооперативы. «Социальные» кооперативы объединяют большое число жителей определенной территории, производящих сельскохозяйственную продукцию. Мелкие сельхозпроизводители объединяются, формирует товарную партию и продают ее по выгодной цене переработчику. В создании и поддержании таких кооперативов большую роль играла местная администрация, решая с их помощью задачи повышения занятости населения на периферийных территориях и снижения социальной напряженности.

«Интеграционные» кооперативы — прямое следствие программ господдержки развития кооперации: их центральным звеном является крепкое фермерское хозяйство или индивидуальный предприниматель, которому создание кооператива давало возможность получить грант, увеличить основные фонды, развивать бизнес. Мелкие сельхозпроизводители входили в кооператив как ассоциированные члены и сдавали излишки продукции. Такое сотрудничество было им выгодно, поскольку каналы сбыта сельхозпродукции для мелких производителей крайне ограничены. Если кооператив не использовал форму ассоциированного членства, то, как правило, число его членов было ограничено; если использовал, то число членов могло составлять несколько тысяч, объединять всех жителей поселения или группы поселений. Фактически возникал смешанный тип кооперации, сочетающий черты социальной и интеграционной структур. Участие в сбытовых кооперативах социального и интеграционного типов способствует росту товарности личных подсобных хозяйств — респонденты подтверждали рост своих доходов и их устойчивый характер.

Третий тип — это кооперативы крепких фермеров или средних по масштабу сельхозтоваропроизводителей, которые понимают, какие выгоды дает им объединение в «бизнес-кооператив». Их цель — объединение сравнительно небольших сельхозпроизводителей для выхода на рынок, где действуют более крупные игроки. Объединение дает шанс воспользоваться преимуществами крупного игрока: стабильными каналами гарантированных объемов сбыта продукции и фиксированными ценами по долгосрочным контрактам.

***

Сопоставление кейсов развития кооперативов позволило выявить мотивы кооперации. Так, одни кооперативы создавались «для взаимного удобства», для постепенного решения ряда внутренних проблем сельскохозяйственного производства, например, совместного пользования дорогостоящей техникой. Другие кооперативы возникали «как прорыв» — для устранения внешних препятствий и выхода на новый рынок. (Кооперативы второго типа

менее устойчивы: проблема решена — необходимость в кооперации отпала). Особый случай — кооперативы, нашедшие свою приносящую прибыль нишу: обслуживание мелких товаропроизводителей в условиях наступления торговых сетей, производство уникальной продукции, например, сортового картофеля. Такие кооперативы работают достаточно стабильно.

Сегодня большую роль играет административный ресурс: предприниматели регистрируют бизнес в кооперативной форме, потому что рассчитывают получить субсидии, льготные кредиты, гранты. На этот же случай сохраняется зарегистрированный, но не работающий кооператив. К сожалению, господдержка сельхозтоваропроизводителя характеризуется несистемностью, «кампанейщиной» («проектным подходом») — отсюда столько «мертвых душ» в кооперативной статистике.

Кооперация в области переработки и сбыта сельскохозяйственной продукции — это предпринимательская деятельность, которая развивается, как любой бизнес, ориентируясь на принципы получения максимальной выгоды. Выполнение кооперативами социальных функций (например, достаточно хлопотная и затратная процедура организации закупки продукции мелких сельхозтоваропроизводителей) — это своего рода плата предпринимателей за административную и финансовую поддержку. Региональные власти заинтересованы в сохранении социальной стабильности на сельских территориях, где уровень жизни ниже, чем в городах. Данный вывод не отрицает склонности успешных предпринимателей-кооператоров к оказанию благотворительной помощи сельским школам, клубам, учреждениям здравоохранения, муниципалитетам и храмам. Любой бизнесмен-кооператор — это, прежде всего, человек, а если он направляет развитие бизнеса по кооперативному пути, то, видимо, обладает не только предпринимательской сметкой, но и стремится к гармонизации окружающей социальной среды.

Рассчитывать на то, что мелкие сельхозтоваропроизводители будут сами объединяться в кооперативы (даже при наличии поддержки) не приходится. Люди разобщены, не доверяют друг другу и государству и не знают законов, которые все время меняются. Для создания кооператива необходим лидер, способный учиться новому и готовый взять на себя ответственность.

Все эти выводы невозможно было бы сделать, если бы исследование проводилось только на основе данных официальной статистики и отчетов административных структур. Иными словами, кейс-стади подтвердил свою эффективность и пользу для изучения процессов сельского развития, кооперации сельхозтоваропроизводителей и экономических отношений, носящих неформальный, неочевидный характер.

Библиографический список

- [1] *Божков О.Б., Троцук И.В.* Тенденции развития сельских районов России: постановка исследовательской задачи и первые результаты повторного кейс-стади // *Вестник РУДН. Серия «Социология»*. 2018. Т. 18. № 4.

- [2] *Бондаренко Л.В.* Концепция снижения сельской бедности. М., 2007.
- [3] *Клюева Н.В.* Качественные методы. Ярославль, 2016.
- [4] *Крылатых Э.Н., Фролова Е.Ю.* Потребительская кооперация и фермеры: взаимные интересы // *Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики*. 2019. № 2.
- [5] *Максимов А.Ф.* Количественный анализ и оценка численности сельскохозяйственных потребительских кооперативов // *Прикладные экономические исследования*. 2018. № 6.
- [6] *Максимов А.Ф.* Особенности функционирования сельскохозяйственных потребительских кооперативов в современных условиях // *Никоновские чтения*. 2018. № 23.
- [7] *Максимов А.Ф.* Сельскохозяйственные кредитные потребительские кооперативы в современных условиях их функционирования // *Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики*. 2017. № 2.
- [8] *Овчинцева Л.А.* «Оценка изнутри» социальных процессов на селе // *Никоновские чтения*. 1997. № 2.
- [9] *Овчинцева Л.А.* Вовлечение населения в устойчивое развитие сельских территорий // *Никоновские чтения*. 2004. № 9.
- [10] *Овчинцева Л.А.* Будет ли в ближайшее время решена проблема сельской бедности? // *Индекс. Досье на цензуру*. 2004. Т. 21.
- [11] *Сарайкин А.В., Янбых Р.Г.* Анализ устойчивости кооперативной формы хозяйствования аграрного сектора России в контексте институциональной теории фирмы // *Вестник СПбГУ. Серия: Экономика*. 2019. Т. 35. № 2.
- [12] *Сарайкин А.В., Янбых Р.Г.* Классификация кооперативов и развитие сельскохозяйственной кооперации // *АПК: экономика, управление*. 2018. № 7.
- [13] *Семин А.Н.* Сельская бедность: факторы генерации и механизмы преодоления // *Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий*. 2009. № 12.
- [14] *Скоморохов С.Н.* Конкретизация потенциальных проблем кооператива, требующих регламентации во внутренних правилах и регламентах // *Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики*. 2018. № 5.
- [15] *Страусс А., Корбин Дж.* Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М., 2001.
- [16] *Стрекалова Н.Д.* Кейс-метод в научных исследованиях магистров менеджмента // *Проблемы устойчивого развития социально-экономических систем: регион, город, район, организация*. Нижний Новгород, 2014.
- [17] *Тавокин Е.П.* Социологическая информация в управлении: роль, методы получения и обработки. М., 2008.
- [18] *Троцук И.В.* Возможности метода кейс-стади в изучении социальных проблем села // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2007. № 4.
- [19] *Троцук И.В.* Мониторинги развития сельских территорий: «количество», «качество» или их сочетание? // *Материалы IX Грушинской конференции «Социальная инженерия: как социология меняет мир»*. М., 2019.
- [20] *Троцук И.В.* Путеводитель по постсоветской аграрной реформе в России: объективное и субъективное измерение сельской жизни // *Крестьяноведение*. 2017. Т. 2. № 3.
- [21] *Шабанов В.Л.* Факторы и причины сельской бедности в современной России // *Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология*. 2014. Т. 14. № 4.
- [22] *Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А.* Качественные методы. Полевые исследования. СПб., 2009.
- [23] *Baxter P.E., Jac S.M.* Qualitative case study methodology: Study design and implementation for novice researchers // *Qualitative Report*. 2010. Vol. 13. No. 4.
- [24] *Bennett A., Elman C.* Qualitative research: Recent developments in case study methods // *Annual Review of Political Science*. 2006. Vol. 9. No. 1.
- [25] *Collier D., Whright J.S., Brady H.E.* Qualitative versus quantitative: What might this distinction mean? // *Qualitative Methods*. 2003. Vol. 1. No. 1.

- [26] *Creswell J.W., Hanson W.E., Plano C., Vicki L., Morales A.* Qualitative research designs: Selection and implementation // *Counseling Psychologist*. 2007. Vol. 35. No. 2.
- [27] *Creswell J.W.* Qualitative Inquiry and Research Design: Choosing among Five Approaches. Thousand Oaks, 2013.
- [28] *Creswell J.W.* Research Design: Qualitative, Quantitative and Mixed Methods Approaches. Thousand Oaks, 2014.
- [29] *George A.L., Bennett A.* Case Studies and Theory Development in Social Sciences. Cambridge, 2005.
- [30] *Kurakin A., Visser O.* Post-socialist agricultural cooperatives in Russia: A case study of top-down cooperatives in the Belgorod region // *Post-Communist Economies*. 2017. Vol. 29. No. 2.
- [31] *Looi Theam Choy.* The strengths and weaknesses of research methodology: Comparison and complimentary between qualitative and quantitative approaches // *IOSR Journal Of Humanities And Social Science*. 2014. Vol. 19. No. 4.
- [32] *Sobolev A., Kurakin A., Pakhomov V., Trotsuk I.* Cooperation in rural Russia: Past, present and future // *Mir Rossii*. 2018. Vol. 27. No. 1.
- [33] *Mills E.J., Duperos G., Wiebe E.* Encyclopedia of Case-Study Research. London, 2010.
- [34] *Starman A.B.* The case study as a type of qualitative research // *Journal of Contemporary Educational Studies*. 2013. No. 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-669-680

Case-study method in the studies of the Russian rural cooperation*

L.A. Ovchintseva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
prosp. Vernadskogo, 84, Moscow, 119571, Russia

Abstract. Qualitative methods are highly appreciated in both foreign and Russian sociological research focused on practical results and recommendations. Among numerous qualitative methods, case study seems to be the most relevant for the study of rural cooperation. Cooperatives are traditionally the most important means for supporting small producers in agriculture. Historical studies show that rural cooperation has always revived under social transformations. Today in Russia, transformations in rural areas are not complete and still determine serious social-economic consequences. The state support for cooperatives and small business is one of the priorities in rural development, but it has contradictory effects. Every year, many new cooperatives are registered, but their number is always smaller than the number of closed cooperatives. The study aims at understanding motives for creating cooperatives, and at identifying mechanisms of economic interaction of cooperative members and risks and conflicts that affect the life of the cooperative. The author shows the relevance of the case study method for studying the formation and functioning of cooperatives and for testing the hypothesis about combination of formal and informal mechanisms of economic interaction in cooperatives. The case study proved the dependence of formalization of economic relations in the cooperative on the scale of its activities, and revealed motives for cooperation of small agricultural producers. This work is a part of the research within the state assignment of the RANEPА “Informal economy of rural households: Possibilities and limitations of economic practices in increasing the potential and general attractiveness of rural areas”.

Key words: qualitative methods of sociological research; case-study; semi-structured interview; rural cooperation; consumer cooperatives; mechanisms of economic interaction; informal economy

---

* © L.A. Ovchintseva, 2020.

The article was submitted on 07.04.2020. The article was accepted on 10.06.2020.

References

- [1] Bozhkov O.B., Trotsuk I.V. Tendentsii razvitiya selskikh rayonov Rossii: postanovka issledovatel'skoy zadachi i pervye rezultaty povtornogo keys-stadi [Tendencies of the Russian rural areas development: The research task and first results of the comparative case-study]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (4) (In Russ.).
- [2] Bondarenko L.V. *Kontseptsiya snizheniya selskoy bednosti* [Concept of the Rural Poverty Reduction]. Moscow; 2007 (In Russ.).
- [3] Klyueva N.V. *Kachestvennye metody* [Qualitative Methods]. Yaroslavl; 2016 (In Russ.).
- [4] Krylatykh E.N., Frolova E.Yu. Potrebitelskaya kooperatsiya i fermery: vzaimnye interesy [Consumer cooperation and farmers: Mutual interests]. *Fundamentalnye i Prikladnye Issledovaniya Kooperativnogo Sektora Ekonomiki*. 2019; 2 (In Russ.).
- [5] Maksimov A.F. Kolichestvenny analiz i otsenka chislennosti selskokhozyaystvennykh potrebitelskikh kooperativov [Quantitative analysis and assessment of the number of agricultural consumer cooperatives]. *Prikladnye ekonomicheskie Issledovaniya*. 2018; 6 (In Russ.).
- [6] Maksimov A.F. Osobennosti funktsionirovaniya selskokhozyaystvennykh potrebi-telskikh kooperativov v sovremennykh usloviyakh [Features of the agricultural consumer cooperatives in the contemporary conditions]. *Nikonovskie Chteniya*. 2018; 23 (In Russ.).
- [7] Maksimov A.F. Selskokhozyaystvennye kreditnye potrebitelskie kooperativy v sovremennykh usloviyakh ikh funktsionirovaniya [Agricultural credit-consumer cooperatives in the contemporary conditions]. *Fundamentalnye i Prikladnye Issledovaniya Kooperativnogo Sektora Ekonomiki*. 2017; 2 (In Russ.).
- [8] Ovchintseva L.A. “Otsenka iznutri” sotsialnykh protsessov na sele [“Participatory rural appraisal” of social processes in the countryside]. *Nikonovskie Chteniya*. 1997; 2 (In Russ.).
- [9] Ovchintseva L.A. Vovlechenie naseleniya v ustoychivoe razvitie selskikh territoriy [Involvement of the population in the sustainable development of rural areas]. *Nikonovskie Chteniya*. 2004; 9 (In Russ.).
- [10] Ovchintseva L.A. Budet li v blizhayshee vremya reshena problema selskoy bednosti? [Will the problem of rural poverty be solved in the near future?]. *Indeks. Dosie na tsenzuru*. 2004; 21 (In Russ.).
- [11] Saraykin A.V., Yanbykh R.G. Analiz ustoychivosti kooperativnoy formy khozyaystvovaniya agrarnogo sektora Rossii v kontekste institutsionalnoy teorii firmy [Analysis of the stability of the cooperative form of farming in the Russian agrarian sector in the framework of the institutional theory of enterprise]. *Vestnik SPbGU. Seriya: Ekonomika*. 2019; 35 (2) (In Russ.).
- [12] Saraykin A.V., Yanbykh R.G. Klassifikatsiya kooperativov i razvitie selskokhozyay-stvennoy kooperatsii [Classification of cooperatives and the development of agricultural cooperation]. *APK: Ekonomika, Ipravlenie*. 2018; 7 (In Russ.).
- [13] Semin A.N. Selskaya bednost: faktory generatsii i mekhanizmy preodoleniya [Rural poverty: Factors of development and mechanisms of overcoming]. *Ekonomika Selskokhozyaystvennykh i Pererabatyvayushchikh Predpriyatiy*. 2009; 12 (In Russ.).
- [14] Skomorokhov S.N. Konkretizatsiya potentsialnykh problem kooperativa, trebuyushchikh reglamentatsii vo vnutrennikh pravilakh i reglamentakh [Potential problems of the cooperative, which require regulation in the internal rules and regulations]. *Fundamentalnye i Prikladnye Issledovaniya Kooperativnogo Sektora Ekonomiki*. 2018; 5 (In Russ.).
- [15] Strauss A., Korbin J. *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, protsedury i tekhniki* [Basics of *Qualitative Research: Grounded Theory Procedures and Techniques*]. Moscow; 2001 (In Russ.).
- [16] Strekalova N.D. Keys-metod v nauchnykh issledovaniyakh magistrrov menedzhmenta [Case-method in the scientific research of masters of management]. *Problemy ustoychivogo razvitiya sotsialno-ekonomicheskikh sistem: region, gorod, rayon, organizatsiya*. Nizhniy Novgorod; 2014 (In Russ.).

- [17] Tavokin E.P. Sotsiologicheskaya informatsiya v upravlenii: rol, metody polucheniya i obrabotki [Sociological information in management: Role, methods of collecting and processing]. Moscow; 2008 (In Russ.).
- [18] Trotsuk I.V. Vozmozhnosti metoda keys-stadi v izuchenii sotsialnykh problem sela [Possibilities of the case study method in the study of rural social problems]. *RUDN Journal of Sociology*. 2007; 4 (In Russ.).
- [19] Trotsuk I.V. Monitoringi razvitiya selskikh territoriy: “kolichestvo”, “kachestvo” ili ikh sochetanie? [Rural development monitorings: “quantity”, “quality”, or a combination of both?]. *Materialy IX Grushinskoy konferentsii “Sotsialnaya inzheneriya: kak sotsiologiya menyaet mir”*. Moscow; 2019 (In Russ.).
- [20] Trotsuk I.V. Putevoditel po postsovetsoy agrarnoy reforme v Rossii: ob’ektivnoe i sub’ektivnoe izmerenie selskoy zhizni [A guide to the post-soviet agrarian reform in Russia: Objective and subjective dimensions of rural life]. *Krestyanovedeniye*. 2017; 2 (3) (In Russ.).
- [21] Shabanov V.L. Faktory i prichiny selskoy bednosti v sovremennoy Rossii [Factors and causes of rural poverty in contemporary Russia]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*. 2014; 14 (4) (In Russ.).
- [22] Shteinberg I., Shanin T., Kovalev E., Levinson A. *Kachestvennyye metody. Polevyye issledovaniya* [Qualitative Methods. Field Studies]. Saint Petersburg; 2009 (In Russ.).
- [23] Baxter P.E., Jac S.M. Qualitative case study methodology: Study design and implementation for novice researchers. *Qualitative Report*. 2010; 13 (4).
- [24] Bennett A., Elman C. Qualitative research: Recent developments in case study methods. *Annual Review of Political Science*. 2006; 9 (1).
- [25] Collier D., Whright J.S., Brady H.E. Qualitative versus quantitative: What might this distinction mean? *Qualitative Methods*. 2003; 1 (1).
- [26] Creswell J.W., Hanson W.E., Plano C., Vicki L., Morales A. Qualitative research designs: Selection and implementation. *Counseling Psychologist*. 2007; 35 (2).
- [27] Creswell J.W. *Qualitative Inquiry and Research Design: Choosing among Five Approaches*. Thousand Oaks; 2013.
- [28] Creswell J.W. *Research Design: Qualitative, Quantitative and Mixed Methods Approaches*. Thousand Oaks; 2014.
- [29] George A.L., Bennett A. *Case Studies and Theory Development in Social Sciences*. Cambridge; 2005.
- [30] Kurakin A., Visser O. Post-socialist agricultural cooperatives in Russia: A case study of top-down cooperatives in the Belgorod region. *Post-Communist Economies*. 2017; 29 (2).
- [31] Looi Theam Choy. The strengths and weaknesses of research methodology: Comparison and complimentary between qualitative and quantitative approaches. *IOSR Journal Of Humanities And Social Science*. 2014; 19 (4).
- [32] Mills E.J., Duperos G., Wiebe E. *Encyclopedia of Case-Study Research*. London; 2010.
- [33] Sobolev A., Kurakin A., Pakhomov V., Trotsuk I. Cooperation in rural Russia: Past, present and future. *Mir Rossii*. 2018; 27 (1).
- [34] Starman A.B. The case study as a type of qualitative research. *Journal of Contemporary Educational Studies*. 2013; 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-681-693

Геймификация бизнес-процессов: социологический анализ передовых управленческих практик*

А.А. Диева

Аппарат Правительства Российской Федерации
Краснопресненская наб., 2, Москва, 103274, Россия
(e-mail: anna.dieva@yandex.ru)

Геймификация — новый управленческий подход, предполагающий использование технологичных компьютерных игр в неигровых контекстах, в частности, для повышения эффективности труда и организационных процессов: считается, что привнесение игровых элементов в рутинную трудовую деятельность способно повысить мотивацию, вовлеченность и лояльность персонала. Первые попытки социологической рефлексии относительно практик геймификации отражали позицию критической социологии, т.е. констатировали, что эта технология усиливает неравенство, эксплуатацию и контроль. Однако достоверность этого вывода не подтверждена, в том числе потому, что основная масса эмпирических исследований выполнена в рамках менеджериального подхода, фокусирующегося на условиях эффективности геймифицированных бизнес-процессов. Статья основана на вторичном анализе результатов изучения опыта геймификации в восьми компаниях, призванном проверить тезис критической социологии о преимущественно эксплуатирующем характере новой технологии. В настоящее время геймификация является полифункциональной технологией, решающей различные задачи: повышение производительности труда, качества рабочих операций, организационных коммуникаций и трансфера знаний, обучение, командообразование, учет и контроль, обеспечение лояльности сотрудников. Геймификация способна оказывать положительное воздействие, но часто оно кратковременно и сопряжено с побочными эффектами. Обобщение материалов доступных кейсов не подтверждает выводы критической социологии, хотя в ряде случаев геймификация действительно используется для усиления контроля и воспроизводства структурного неравенства. Критическая социология недооценивает влияние институциональной и социокультурной среды, способствующее ориентации компаний на баланс интересов, а также способности работников к стратегическому планированию. Геймификация, при всей своей неоднозначности, обладает позитивным потенциалом — способна повысить качество человеческого и социального капитала.

Ключевые слова: игра; геймификация; игровые технологии; менеджмент; бизнес-процессы; социальное неравенство; критическая социология

Традиционно игра определяется через противопоставление «серьезным» видам деятельности и относится преимущественно к досуговой сфере, что выводит ее за пределы труда и производственных процессов — как прямой противоположности игре. Долгое время единственной сферой применения игр в организационно-управленческом контексте были деловые игры — метод

---

* © Диева А.А., 2020.

Статья поступила 09.01.2020 г. Статья принята к публикации 24.04.2020 г.

Статья отражает личную позицию автора.

обучения и подготовки персонала, основанный на моделировании принятия решений в гипотетической ситуации [23], вызывающий интерес со стороны компаний и обладающий признанной эффективностью [7].

Революционные изменения в восприятии игры начались в конце первого десятилетия XXI века, когда компании начали экспериментировать с применением компьютерных игровых технологий для решения бизнес-задач. Использование технологий компьютерных игр в неигровых контекстах получило название геймификации [6; 10; 18] — это использование как отдельных элементов компьютерных игр (виртуальные награды, таблицы лидеров и т.п.), так и разработка и внедрение целых игровых систем с продуманным дизайном и глубокой интеграцией в бизнес-процессы. За последние годы попытки геймифицировать те или иные аспекты «серьезной» деятельности предпринимались в самых разных областях: маркетинге, образовании, менеджменте, социальной работе, охране окружающей среды, СМИ, науке и др. [см., напр.: 9; 10].

Геймификация стала возможна благодаря сочетанию трех факторов. Во-первых, это развитие технологий и индустрии компьютерных игр, которые предоставляют широкие возможности для использования визуальных эффектов, моделирования различных систем коммуникации и персонализации. Во-вторых, это выход на рынок труда представителей «поколения Y» — людей, родившихся в 1982–2000 годы и с детства погруженных в новую информационную среду, для которых характерна особая мотивация: высокий уровень ожиданий, ориентация на быстрые достижения, креативность, потребность в комфортной социальной среде и интересной работе и др. [5; 15]. В-третьих, успешный опыт использования деловых игр в управленческой практике способствует принятию новой управленческой технологии менеджментом: к числу преимуществ геймификации следует отнести высокие возможности автоматизации, масштабируемость, функциональную гибкость и адаптируемость, полифункциональность и возможности прямой интеграции с бизнес-процессами. Кроме того, геймификация — важный инструмент решения таких универсальных управленческих задач, как повышение мотивации и рост вовлеченности, командообразование, развитие коммуникативных и других «мягких» навыков [3].

Будучи принципиально новой управленческой технологией, трансформирующей организационные практики, геймификация представляет интерес для социологии, но ее теоретическое описание пока крайне ограничено и опирается преимущественно на психологические подходы, прежде всего теорию мотивации [20]. В свою очередь, управленческие подходы рассматривают геймификацию в менеджериальной перспективе, фокусируясь на ее возможности решать организационно-управленческие задачи [4; 9; 18]: исследователи фактически принимают позицию менеджмента, для которого геймификация играет лишь инструментальную роль, т.е. за рамками рассмотрения остаются мнения работников, выступающих объектом воздействия

геймификации, и ее возможные последствия для организационных практик, социальных отношений и установок работников как внутри организации, так и за ее пределами.

Первые попытки социологического анализа указывают на потенциальные риски и социальные проблемы в связи с активным внедрением геймификации. В целом ряде работ выдвигается идея, что распространение и популярность геймификации отражают лишь новые формы эксплуатации и неравенств [19; 21; 25]. В традициях критической социологии теоретики отмечают, что за внешним «фасадом» геймификации, риторики эмансипации и движения навстречу интересам «поколения Y» скрывается рост классового неравенства, контроля и манипуляций и усугубление консьюмеризма. Однако критический подход, справедливо подвергая сомнению менеджериальную парадигму и обращая внимание на последствия и скрытые факторы распространения новой технологии, не предоставляет достаточных исследовательских возможностей для всестороннего эмпирического анализа практик геймификации в конкретных контекстах и обобщения имеющихся данных. С другой стороны, практическая значимость геймификации привлекает интерес конкретных компаний и управленческих дисциплин. Являясь ценным источником данных об опыте применения новой технологии, существующие исследования предоставляют материал для вторичного анализа практик геймификации.

В качестве метода исследования выступил вторичный анализ кейс-стади, опубликованных в международной и российской научной литературе и предоставляющих достаточно информации для социологической интерпретации практик геймификации. Во-первых, метод кейс-стади, в отличие от массовых опросов, позволяет детально и глубоко рассмотреть разные аспекты геймификации и ее социального контекста. Учитывая уникальность и экспериментальный характер большинства проектов и их организационных и культурных контекстов, опросные и другие количественные методы не могут уловить особенности социальных условий внедрения игровых практик в различных компаниях. Во-вторых, проведение кейс-стади в конкретной организации сталкивается с проблемой обобщения результатов. Соответственно, анализ ряда кейс-стади позволяет в определенной мере решить эти проблемы.

Для этого был проведен систематический поиск и отбор исследований, описывающих опыт геймификации внутриорганизационных процессов и управленческих задач, т.е. в фокус исследования не входят проекты геймификации в маркетинге, педагогике, социальной работе и т.п. В организационно-управленческом контексте геймификация представляет собой наиболее радикальную инновацию, вводящую игровые практики в трудовую деятельность, которая традиционно считалась полной противоположностью игре. В качестве рамочной была использована аналитическая модель геймификации [1], включающая в себя четыре взаимосвязанных элемента: акторы (компетенции, ресурсы, установки, мотивы, стратегии руководителей, работников и

модераторов проекта), содержание (игровая модель, дизайн, игровые практики), эффекты (организационные, групповые, индивидуальные) и контекст (социокультурный, институциональный, внутриорганизационный).

Было отобрано 10 исследований, описывающих 8 проектов из разных сфер бизнеса. Ниже представлено краткое описание каждого отобранного кейса.

Кейс 1. Геймификация сборочного производства. Немецкая промышленная компания использовала геймификацию для повышения трудовой мотивации и «потокowego» режима труда слабослышащих работников старшего возраста [13; 14]. Два экспериментальных проекта использовали визуальные эффекты и дизайн, напоминающий игру «Тетрис», для отображения этапов технологического процесса на сборочном производстве. Визуализация использовалась в качестве обратной связи, позволяющей работнику отслеживать ход и время выполнения задачи. За успешное выполнение задач ему начислялись очки и предоставлялась возможность перейти на новый уровень сложности с соответствующими изменениями в уровне вознаграждения. По итогам проекта исследователи зафиксировали рост скорости выполнения задач, но также и рост числа ошибок. Первый дизайн системы воспринимался работниками как слишком сложный и утомительный, а второй, более простой и проецирующий процесс выполнения задач на рабочую поверхность, — как мотивирующий и забавный.

С социологической точки зрения данный проект был реализован в менеджериальной парадигме, которая рассматривает геймификацию с инструментальной точки зрения: цели и установки руководителей связаны с повышением производительности труда и управлением мотивацией и вовлеченностью в рутинные операции; работники воспринимаются как часть технической системы, а использование игровых технологий обеспечивает не только лучший фокус работников на выполняемых операциях, но и большую степень контроля со стороны менеджмента. Информация о восприятии работниками новой технологии и оценке нового опыта редуцирует их к совокупности технических навыков и показателей производительности, т.е. их мотивация и вовлеченность также рассматриваются исключительно с инструментальной точки зрения.

Реализация данного проекта отчасти отражает контекстуальные особенности социально-ориентированной европейской экономической политики. Институциональное давление на компании, направленное на расширение возможностей и вовлечение людей с ограниченными способностями, заставляет организации искать новые управленческие решения. Даже незначительное повышение качества труда такой специфической категории отвечает этому запросу, несмотря на то, что менеджмент в целом реализует прагматичную стратегию, ориентированную на организационные цели. Однако влияние геймификации на организацию и социальные характеристики работников здесь оказалось краткосрочным (только в ходе проекта) и не привело к устойчивым изменениям в поведении, установках и мотивации работников.

Кейс 2. Разработка новых продуктов в Oracle. Одна из крупнейших мировых компаний по разработке корпоративного программного обеспечения использует систему виртуальных наград и бейджей для стимулирования обмена знаниями при производстве новых продуктов с геймифицированными интерфейсами [16]. Однако разработчики с трудом воспринимали идею игрофикации, что заставило компанию серьезно изучить проблему [24], провести предварительную подготовку и продвижение новой технологии среди сотрудников, а также специальное мероприятие Design Jam, в ходе которого разработчики приняли участие в масштабной деловой игре командно-соревновательного типа.

Данный кейс показывает, прежде всего, исходный конфликт интерпретаций работников и руководителей, которые имеют разные представления и установки в отношении игрофикации основных трудовых операций. Образ профессионала в глазах разработчиков не соотносится с игровыми практиками, которые считаются легковесными и неуместными в рабочем процессе. По сути, навязанное сверху вовлечение в игровые практики способно изменить эти установки и восприятие работников, и эти изменения носят устойчивый и долгосрочный характер: позитивный опыт участия в проекте геймификации способен компенсировать исходные негативные установки. Насколько можно судить, социальная организация игры, а не ее технологическое воплощение стало залогом успеха проекта. Элементами этой социальной организации стали новые социальные контакты, командная работа, межгрупповая соревновательность, коллективное обсуждение и оценка результатов. Немаловажными были тщательная подготовка к реализации проекта, вовлеченность менеджмента и комплексный подход. Вовлечение персонала носило не формальный, а содержательный характер: менеджмент исследовал исходные установки работников, обеспечивал высокую степень информированности и взаимодействия с работниками на всех этапах проекта, а его результаты получили воплощение в новых продуктах компании. Оснований полагать, что геймификация выступает как элемент эксплуатации или средство усиления контроля, здесь нет. Реализация проекта имела позитивные эффекты на всех уровнях (организационном, групповом и индивидуальном), чему способствовало исходное высокое качество человеческого капитала компании и применение геймификации для улучшения организационных коммуникаций и обмена знаниями.

Кейс 3. Геймификация колл-центра. Работа в колл-центрах относится к числу наиболее стрессовых и характеризуется быстрым эмоциональным выгоранием и высокой текучестью кадров. Компания [17] попыталась решить эту проблему с помощью геймификации: специальный игровой интерфейс превращал поступающие клиентские звонки в виртуальные билеты, разыгрываемые случайным образом среди работников. Работники-игроки, решая проблемы клиентов, соревнуются друг с другом, получают виртуальные награды и медали, повышают игровой статус — виртуальные награды конвертируются в материальные поощрения, а публичный игровой статус влияет на социальный статус. По мнению руководства, геймификация социально-

стрессовых трудовых операций должна способствовать росту мотивации и лояльности работников. Для предотвращения возможных негативных последствий игровой иерархии и конкуренции проект предусматривал возможности кооперации и многопользовательского решения задач, а также периодическое обнуление результатов.

На первый взгляд, внедрение новой технологии способствует решению ряда социально-психологических проблем организации: работники восприняли новую модель решения задач, их установки в трудовой деятельности стали более позитивными. Однако привнесение игровых элементов лишь маскирует источник проблем, но не устраняет его: негативные социальные контакты не исчезают и не трансформируются, и геймификация используется менеджментом для повышения эффективности операций и качества обслуживания клиентов, т.е. инструментально и манипулятивно. Работники не вовлечены в процесс принятия решений о геймификации, равно как и в анализ ее результатов и собственного опыта участия. Проект способен оказать воздействие на социальные стратегии и поведение работников, но возможные побочные последствия такой трансформации для организации и отношений в коллективе, особенно в долгосрочной перспективе, не исследуются менеджментом.

Кейс 4. Геймификация корпоративных практик устойчивого развития в крупной ИТ-компании SAP. Компания разработала игровое приложение TwoGo для корпоративного райдшеринга — совместных поездок сотрудников [12]. Проект разработан в логике концепции «устойчивого развития» — геймификация направлена на стимулирование райдшеринга, который, в свою очередь, преследует цели содействия экологической устойчивости (принцип «пользуйся, а не владей»), экономической устойчивости (снижение расходов на транспорт и инфраструктуру, а также рост репутации компании) и развитию социальных контактов сотрудников и, как следствие, повышению их лояльности и мотивации, а главное — развитию организационных знаний.

Проект представлял собой комплексное решение, основанное на предварительном изучении социально-психологических и демографических характеристик сотрудников и их практик пользования транспортом. Для разных типов практик были разработаны свои стратегии вовлечения и мотивации. Игровая модель включала систему накопления очков за выполненные задания, последовательные ступени игрового прогресса, квесты, командную игру, виртуальные товары и подарки, рейтинги, систему отображения социальных связей и другие элементы. Долгосрочный интерес к участию поддерживался разнообразием задач — как экологических (например, сэкономить за месяц определенное количество выбросов углекислого газа), так и социальных (совершить поездку с коллегой из определенного отдела). Игроки обладали высокой степенью автономии в выборе попутчиков, что в значительной степени стало ответом на недостатки «эксплуатирующих» моделей геймификации.

С социологической точки зрения проект интересен по нескольким причинам. Во-первых, он основан на предварительном изучении установок и

психологических черт сотрудников, что позволило разработать разные стратегии вовлечения, т.е. особенности работников принимались во внимание как важный элемент успеха проекта. Во-вторых, концепция и дизайн игры тщательно разрабатывались с учетом особенностей акторов и предполагали возможности адаптации в зависимости от реакции и поведения участников. В-третьих, проект признает важность контекстуальных факторов, прежде всего общественного запроса на поиск баланса интересов сторон в русле концепций корпоративной социальной ответственности и устойчивого развития. Игровая концепция, целевые показатели и критерии эффективности, многоуровневое и персонализированное вовлечение работников, гибкость и адаптивность проекта — все это свидетельствует о том, что менеджмент принимает и разделяет ключевые принципы этих концепций, и достижение бизнес-целей (рост организационных знаний и эффективности коммуникаций) не противоречит общественным интересам.

Кейс 5. Геймификация корпоративной социальной сети в крупной ИТ-корпорации (предположительно IBM) [22]. Цель геймификации заключалась в стимулировании сотрудников к обмену знаниями и консультационной помощи коллегам в корпоративной социальной сети. Игровая модель включала в себя систему виртуальных наград, бейджей, уровни прогресса и доски лидеров. Сотрудники получали виртуальные награды за размещение различных видов контента в сети. Чтобы оценить мотивирующий эффект геймификации, компания провела эксперимент, в ходе которого система накопления очков была включена в отдельный сегмент сети, затем распространена на всю сеть, а через несколько месяцев — удалена. Результаты эксперимента показали, что введение игровой системы вознаграждений привело к росту активности пользователей, а удаление системы накопления очков — к ее двукратному снижению.

Несмотря на свою простоту, кейс интересен с социологической точки зрения в трех аспектах. Во-первых, использование виртуальных вознаграждений способствует быстрым изменениям в поведении работников, позволяя управлять трудовой мотивацией в отношении значимых для организации видов деятельности. Во-вторых, такое воздействие носит краткосрочный характер и действует, только пока существует система вознаграждения. Ее отмена может полностью нивелировать эффект от ее внедрения и привести к противоположным результатам. В-третьих, эксперимент показал важность межкультурных различий в восприятии новой технологии: сотрудники из американского и индийского подразделений продемонстрировали различающиеся стратегии социальной активности. В частности, индийцы охотнее комментировали записи коллег из других стран и оставляли больше комментариев к персональным профилям, а американцы фокусировались на комментировании контента. Видимо, сами игровые технологии в разных культурах воспринимаются по-разному: так, конкуренция даже за виртуальные награды считается естественной и нормальной в культурах, ориентированных на достижения (США), но может быть неприемлема и дисфункциональна для культур, ориентированных на социальную гармонию и комфортные отношения. Такие различия, влияя на установки

и мотивацию акторов, могут привести к разным результатам одной и той же игровой технологии в разных странах или организационных культурах.

Кейс 6. Геймификация подготовки персонала. Традиционно игровые методы применялись для подготовки персонала, и современные компьютерные технологии могут значительно расширить такие возможности. Примером выступает игровая модель *Levee Patroller*, разработанная для подготовки инспекторов дамб [11]. Представляя собой симулятор работы инспектора по поиску нарушений целостности дамб, составлению отчетов и другим регламентным действиям, новая технология включила в себя игровые элементы — накопление очков и состязательность. Игровой опыт участников выходил за пределы игрового контекста и способствовал взаимодействию специалистов в реальной деятельности. На эффективность обучения оказывал влияние предыдущий игровой опыт и склонность к образовательному стилю «поколения Y». Сравнение опыта игры профессиональных инспекторов и обычных геймеров показало, что первые склонны более серьезно воспринимать игровую реальность и уделять повышенное внимание точности измерений и составлению отчетов, их игровое поведение носит более сфокусированный и целенаправленный характер.

Данный кейс показывает значимость исходных установок, компетенций и мотивации участников игрового проекта, которые оказывают влияние не только на игровые практики и стратегии, но и на их эффекты. Особый интерес кейс представляет с точки зрения формирования общего контекста восприятия профессиональной области, ставшего побочным следствием того обстоятельства, что игровая симуляция отражала лишь один из возможных экспертных взглядов на моделируемые объекты и ситуации. Конструируя определенную экспертную систему восприятия, игровая модель продемонстрировала и социализирующие функции игры за пределами игрового контекста.

Кейс 7. Геймификация для повышения качества программирования разработчиков и стимулирования использования ими специальных инструментов анализа кода [8]. Дело в том, что программисты предпочитают заниматься разработкой новых функций, а повышение качества и тестирование уже написанного кода является для них менее творческой и интересной задачей — предполагалось, что ее геймификация повысит мотивацию разработчиков за счет включения элементов развлекательности. Игровая модель представляла собой дополнительный модуль в системе анализа кода, который разработчик мог задействовать добровольно: он присоединялся к виртуальной игровой комнате, включающей несколько игроков. Модификации игры предполагали накопление баллов, получение бейджей и повышение позиции в рейтинге в зависимости от числа исправленных ошибок и других действий, способствующих повышению качества кода. Результаты периодически обнулялись, чтобы мотивировать новых игроков.

Исследователи зафиксировали несколько эффектов новой технологии. Во-первых, геймификация позитивно сказалась на настрое работников, выполняя развлекательную роль. Менеджмент пытался сформировать

позитивную игровую культуру, которая бы доставляла удовольствие, но не воспринималась сотрудниками слишком серьезно. Позитивному отношению способствовал и добровольный характер участия. Во-вторых, хотя игровой процесс, особенно игровой рейтинг, не стал существенным мотиватором, он способствовал социальному сравнению и, соответственно, ориентации на результаты других участников. В-третьих, некоторые игроки стали ориентироваться на игровые цели, подменяя ими цели, которые должны были быть достигнуты с помощью геймификации. Такого рода девиантным стратегиям способствовала и изначально высокая конкуренция, характерная для среды разработчиков. Наконец, понимание работниками целей и задач игры, того, как используются генерируемые при этом данные, важны для восприятия и эффективности проекта, а модератор, обеспечивающий сопровождение игры и поддержку работников, — обязательный элемент успешного проекта, способствующий вовлечению, обратной связи и позитивной атмосфере.

Кейс 8. Геймификация работы торговых представителей [2]: производитель алкогольной продукции использовал специальное приложение для геймификации работы сотрудников сбытового отдела: они получают задания («миссии»), отчитываются об их выполнении, получают виртуальные награды, отслеживают игровой рейтинг — система накопления очков и публичное рейтингование выполняют как контрольную, так и мотивационную функцию. Руководство воспринимает геймификацию, прежде всего, с точки зрения учета и контроля, т.е., подтверждая опасения критической социологии, использование новой технологии способствует ужесточению социальной иерархии и эксплуатации. Мотивационные возможности игровой модели используются как своего рода «приманка», а реальные цели компании связаны не с вовлечением или повышением качества труда, а с ростом производительности и интенсификацией труда.

Решение о реализации проекта было принято после предварительных исследований, подтвердивших востребованность игровых принципов работниками (в основном они представляли «поколение Y»). Проект был воспринят сотрудниками в целом положительно, а отдельные игровые решения способствовали росту корпоративной лояльности и идентичности. Однако были зафиксированы и стратегии сопротивления манипулятивным тактикам менеджмента, показавшие, что истинные цели геймификации для многих работников вполне очевидны. Также игровая конкуренция не отражает особенности национальной деловой культуры и воспринимается многими работниками негативно, что способствует социальной дезинтеграции и ухудшению социального климата.

***

При всем разнообразии представленных кейс-стади их обобщение позволяет сделать несколько предварительных выводов об особенностях новой технологии. Во-первых, в изучении геймификации сегодня доминирует менеджерский подход, который некритично принимает перспективу

руководителей и рассматривает новую технологию с точки зрения ее способности решать организационные задачи. Мотивация и установки работников (объект воздействия), их стратегии игрового и профессионального поведения рассматриваются технократически — как фактор, способный повлиять на успех проекта. Такой подход допустим в менеджменте и эмпирическом инжиниринге, но неприемлем для социологического дискурса. Сегодня очевиден дефицит социологических исследований геймификации с точки зрения столкновения перспектив акторов и «конфликта интерпретаций», социально-структурных отношений и их отражения в игровом проекте, влияния контекстуальных факторов, в том числе социокультурных и социально-экономических, а также социальных последствий геймификации.

Во-вторых, геймификация как управленческая технология действительно полифункциональна, и практика доказывает возможность включения игровых элементов для решения разных задач: роста производительности труда и качества продукта, обмена знаниями и организационных коммуникаций, командообразования, повышения лояльности и удержания персонала, обучения, контроля и др. Кратковременные положительные эффекты геймификации зафиксированы во всех рассмотренных кейсах. Вместе с тем долгосрочные изменения в поведении, мотивах и установках работников — более сложная задача, и существующие данные не позволяют сделать выводы о подобном влиянии геймификации.

В-третьих, можно сделать осторожный вывод, что геймификация, направленная на повышение производительности труда, в целом менее эффективна в долгосрочной перспективе и сопряжена с большим количеством побочных последствий, чем геймификация, направленная на рост вовлеченности и обмен знаниями, которая более эффективна и способна обеспечить баланс интересов разных акторов. Факторами успеха проектов геймификации выступают: изучение и уважение мнений работников, их установок, мотивов, особенностей социально-демографических групп; высокая степень вовлеченности руководства и наличие модераторов/фасилитаторов; вовлечение работников на разных стадиях проекта, в том числе в процесс его подготовки и анализа результатов; предоставление определенной автономии и возможностей выбора; предотвращение формирования игровой социальной структуры, параллельной и независимой от системы неигровых социальных отношений.

В целом имеющиеся данные не подтверждают опасения критической социологии, что использование игровых технологий усиливает неравенство руководства и работников и повышает возможности контроля и эксплуатации, маскируя их мнимой заботой о социально-психологическом благополучии работников. В ряде кейсов имеются признаки того, что геймификация выступает инструментом манипуляции и контроля, но такая модель не является универсальной и, следовательно, неизбежной. Целый ряд компаний, особенно высокотехнологичных, реализует проекты, которые отвечают принципам мультистейкхолдеризма и баланса интересов. Можно предположить, что

когда человеческий капитал является главной ценностью для компании, отказ от дополнительного управленческого контроля и использование геймификации для развития социального капитала работников становится объективно более выгодной стратегией.

Критическая социология, фокусируясь на социально-структурных факторах, способствующих воспроизводству неравенства, склонна недооценивать как давление институциональной и социокультурной среды, так и способности работников к выработке контрманипулятивных стратегий. Более того, работники способны реконструировать цели руководства и выработать стратегию использования новых технологий в своих интересах. Признание акторами различающихся интересов и наличие у каждой из сторон ценных ресурсов должно способствовать более сбалансированным и взаимовыгодным моделям применения игровых методов.

Сформулированные выводы, разумеется, носят предварительный характер. Описанные кейсы представляют опыт геймификации разных процессов в компаниях разного размера и отраслевой принадлежности, с разной структурой персонала, действующих в различных институциональных и социокультурных средах, что затрудняет обобщение выводов. Однако рамочная модель, используемая для структурирования эмпирических данных, является аналитической, а не объяснительной — фиксирует ключевые объекты изучения в рамках геймификационных практик и общую логику отношений между ними, но не устанавливает причинно-следственные связи. Разработка социологической теории геймификации должна учитывать все три группы факторов, описанных в этой модели. Во-первых, содержание технических и организационных решений геймификации, способ их использования в бизнес-процессах. Содержание этих факторов является наиболее неопределенным и динамичным, отражая инновационность геймификации и как технологии, и как управленческого инструмента. Во-вторых, диспозиционные характеристики ключевых акторов (работников и руководителей), которые носят более устойчивый характер и определяют цели и стратегии поведения. В-третьих, контекстуальные факторы, особенно социокультурная среда — обладая исключительной устойчивостью и инерцией, она задает базовые нормативные ориентации, регулирующие возможность включения игровых практик в деловой контекст и готовность к определенному типу игрового поведения (эгоистичному или коллаборативному). Интеграция трех групп факторов — перспективное направление эмпирических исследований и разработки социологической теории геймификации.

Таким образом, практика применения геймификации для совершенствования внутриорганизационных процессов пока значительно опережает теоретический анализ новой технологии организации трудовой деятельности, поэтому сегодня сложно оценить, насколько значимым окажется воздействие геймификации на трудовые и организационные процессы. Опыт ряда компаний показывает, что это воздействие может быть как локальным и

краткосрочным, так и устойчивым и долговременным. Потенциально являясь новым средством эксплуатации и контроля, усиления существующих неравенств, геймификация в то же время может использоваться для развития социального и человеческого капитала, поэтому ее ценность, вероятно, будет возрастать по мере увеличения на рынке труда доли поколений Y и Z, а также развития постиндустриальной экономики и секторов с высокими требованиями к качеству человеческого капитала.

Библиографический список / References

- [1] Диева А.А. Социологическая модель анализа процессов геймификации в организациях // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2018. № 1 / Dieva A.A. Sotsiologicheskaya model analiza protsessov geymifikatsii v organizatsiyakh [Sociological model of the organizational gamification analysis]. *Gosudarstvennoe i Munitsipalnoe Upravlenie. Uchenye Zapiski SKAGS*. 2018; 1 (In Russ.).
- [2] Цыплакова Е.О. Геймификация — мотивационная практика или механизм тотального контроля над трудовым процессом? // Экономическая социология. 2016. № 3 / Tsyplakova E.O. Geymifikatsiya — motivatsionnaya praktika ili mekhanizm totalnogo kontrolya nad trudovym protsessom? [Gamification — a motivation practice or a way to control the labor process?]. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya*. 2016; 3 (In Russ.).
- [3] Azadegan A., Riedel J.C.K.H., Hauge J.B. Serious games adoption in corporate training. *Proceedings of the 3rd International Conference on Serious Games Development and Applications*. Bremen; 2012.
- [4] Burke B. *Gamify: How Gamification Motivates People to Do Extraordinary Things*. Brookline; 2014.
- [5] Chen E.T. The gamification as a resourceful tool to improve work performance. *Gamification in Education and Business*. Ed. by T. Reiners, L.C. Wood. Cham; 2015.
- [6] Deterding S., Dixon D., Khaled R., Nacke L. From game design elements to gamefulness: Defining ‘gamification’. *Proceedings of the 15th International Academic MindTrek Conference “Envisioning Future Media Environments”*. ACM; 2011.
- [7] Faria A.J., Nulsen R. Business simulation games: Current usage levels a ten years update. *Developments in Business Simulation & Experiential Exercises*. 1996; 23.
- [8] Foucault M., Blanc X., Falleri J.-R., Storey M.-A. Fostering good coding practices through individual feedback and gamification: An industrial case study. *Empirical Software Engineering*. 2019. DOI: 10.1007/s10664-019-09719-4.
- [9] *Gamification for Human Factors Integration: Social, Education, and Psychological Issues*. Ed. by J. Bishop. Hershey; 2014.
- [10] *Gamification in Education and Business*. Ed. by T. Reiners, L.C. Wood. Cham; 2015.
- [11] Harteveld C., Bidarra R. Learning with games in a professional environment: A case study of a serious game about levee inspection. *Proceedings of the 1st Learning with Games*, 2007.
- [12] Huber S., Röpke K. How gamification can help companies to become more sustainable: A case study on ride sharing. *Gamification in Education and Business*. Ed. by T. Reiners, L.C. Wood. Cham; 2015.
- [13] Korn O. Industrial playgrounds. How gamification helps to enrich work for elderly or impaired persons in production. *EICS 2012*. Copenhagen; 2012.
- [14] Korn O., Funk M., Schmidt A. Towards a gamification of industrial production. A comparative study in sheltered work environments. *EICS 2015*. Duisburg; 2015.
- [15] Kultalahti S., Viitala R.L. Sufficient challenges and a weekend ahead — Generation Y describing motivation at work. *Journal of Organizational Change Management*. 2014; 27.
- [16] Rauch M. Best practices for using enterprise gamification to engage employees and customers. *Human-Computer Interaction: Applications and Services*. Ed. by M. Kurosu. Heidelberg; 2013.
- [17] Robson K., Plangger K., Kietzmann J.H., McCarthy I., Leyland P. Game on: Engaging customers and employees through gamification. *Business Horizons*. 2016; 59.

- [18] Routledge H. *Why Games Are Good for Business: How to Leverage the Power of Serious Games, Gamification and Simulations*. New York; 2016.
- [19] Russell F. I'm not playing: Gamification, mental illness, and neoliberal subjectivity. *Journal for Cultural Research*. 2018; 22 (4).
- [20] Seabon K., Fels D.I. Gamification in theory and action: A survey. *International Journal of Human-Computer Studies*. 2015; 74.
- [21] Smolen M. Gamification as creation of a social system. *Gamification. Critical Approaches*. Ed. by J. Kopec, K. Pacewicz. Warsaw; 2015.
- [22] Thom J., Millen D., DiMicco J. Removing gamification from an enterprise SNS. *Proceedings of the ACM 2012 Conference on Computer Supported Cooperative Work*. New York; 2012.
- [23] Watkins H.R. Business games in business. *Operational Research*. 1959; 10.
- [24] Webb E.N., Cantu A. Building internal enthusiasm for gamification in your organization. *Human-Computer Interaction: Applications and Services*. Ed. by M. Kurosu. Heidelberg; 2013.
- [25] Woodcock J., Johnson M.R. Gamification: What is it, and how to fight it. *Sociological Review*. 2017; 66 (3).

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-681-693

Gamification of business processes: Sociological analysis of the advanced management practices*

A.A. Dieva

Office of the Government of the Russian Federation
Krasnopresnenskaya nab., 2, Moscow, 103274, Russia
(e-mail: anna.dieva@yandex.ru)

Abstract. Gamification is a new management approach implying the use of computer games technologies in non-game contexts, particularly to improve motivation at work and efficiency of organizational processes. The key assumption is that introduction of game elements into the working routine can increase employees' motivation, involvement, and loyalty. The first attempts of sociological reflection on gamification were based on the critical approach and concluded that this technology could only exacerbate inequalities, exploitation, and control. However, this claim remains unconfirmed, partially due to the fact that the available evidence was provided by the managerial research that focus mainly on the gamification efficiency. The article is based on the analysis of gamification projects in eight companies and aims at testing the claim of critical sociology that gamification is mainly a tool of control and exploitation. Today gamification is a multifunctional technology and solves different tasks: increases productivity and quality of work operations, stimulates organizational communications and knowledge transfer, learning, teambuilding, control, and employees' loyalty. Gamification can have positive effects, but often they are short-term and accompanied by side effects. Generalization of the available data does not support the conclusions of critical sociology; however, in some cases, gamification is used to strengthen control and reinforce the structural inequality. The critical approach tends to underestimate the influence of institutional and sociocultural factors that make the company strive for a balance of actors' interests, and employees' strategic planning. Thus, gamification, despite its ambiguity, has a positive potential — it is capable of improving the quality of human and social capital.

Key words: game; gamification; game technologies; management; business processes; social inequality; critical sociology

---

* © A.A. Dieva, 2020.

The article was submitted on 09.01.2020. The article was accepted on 24.04.2020.

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-694-703

Расширяя пределы социогуманитарного познания мира*

А.В. Торкунов

Московский государственный институт международных отношений
просп. Вернадского, 76, Москва, 119454, Россия
(e-mail: rectorat@inno.mgimo.ru)

Статья представляет собой рецензию на книгу Т.А. Алексеевой «Теория международных отношений как политическая философия и наука» (М.: Аспект Пресс, 2019). Последние десятилетия отмечены масштабными трансформациями: меняются пространственно-временные характеристики политических процессов — ускоряется политическое время, сжимается политическое пространство, меняется очередность этапов политического развития; размываются грани между внутренним и внешним, центром и периферией, материальным и нематериальным. Причем данные изменения охватывают и внутреннюю, и международную политику, хотя сложность мирополитических сдвигов превосходит внутренние коллизии. Осмысление масштабных трансформаций запаздывает по сравнению с потребностью в их содержательном понимании. Необходимость постижения их сути — неизбежный и серьезный вызов для системы управления. В этой связи востребована теория международных исследований, которая станет точкой опоры и в постижении сути изменений, и в прогнозе будущего развития. Опираясь на достижения зарубежной и отечественной теории международных отношений (ТМО), Алексеева представляет развернутую концептуализацию данного научного направления. В ее книге все основные компоненты теории международных отношений нашли развернутое и детальное обоснование и сведены в единую логически непротиворечивую систему, что выводит ТМО на принципиально новый уровень теоретического и методологического обоснования. Основательность анализа позволяет использовать его результаты и для решения прикладных задач, в частности, разрешения кризисных международных ситуаций, реализации масштабных проектов научной дипломатии и подготовки нового поколения международных работников.

Ключевые слова: теория международных отношений; политическая теория; мировая политика; научная дипломатия

К представлению книги Т.А. Алексеевой «Теория международных отношений как политическая философия и наука» на страницах журнала побуждает целый ряд обстоятельств, важнейшее из которых — фундаментальный и инновационный характер издания, представляющего собой системное обоснование теории международных отношений (ТМО), что важно и для социогуманитарного знания в целом.

---

* © Торкунов А.В., 2020.

Статья поступила 04.05.2020 г. Статья принята к публикации 23.06.2020 г.

Прежде всего, книга позволяет лучше понять произошедшие за несколько последних десятилетий масштабные политические изменения. Порой кажется, что мир сошел с ума — настолько хаотичны разнокачественные и разнонаправленные изменения. Лавина изменений нарастает, подобно снежному кому, и образует сверхсложный социум. Тезис о сверхсложном характере современного мира иногда подвергается сомнению и воспринимается как метафора, ведь и XX век не был простым — он отмечен трагедиями мирового масштаба. Но специфическая особенность нынешнего времени состоит в том, что содержание изменений и их скорость порой превышают возможности среднестатистического человека их понять. К. Манхейм еще в середине XX века писал, что в индустриальном обществе человек лучше ориентируется, но хуже понимает суть сложных социальных явлений [4. С. 298]. Очевидно, что в постиндустриальном обществе проблема понимания социальной реальности обретает особую остроту, и осмысление перемен ощутимо запаздывает: «Указатели поставлены на колеса и имеют дурную привычку исчезать из вида, прежде чем вы успеете прочесть то, что на них написано, осмыслить прочитанное и поступить соответственно» [2. С. 113—114].

Особенно заметны изменения в сфере международной политики, которая все больше походит на игру без правил. Ушла в прошлое Ялтинско-Потсдамская система международных отношений, ломаются прежде казавшиеся незыблемыми границы и нормы, включая принципы международного права, а порой игнорируются даже формальные приличия. Книга Т.А. Алексеевой реконструирует широкоформатную картину «новой нормальности», где меняются даже пространственно-временные характеристики политических процессов: происходит не просто ускорение политического времени и сжатие политического пространства, но перемена очередности этапов политического развития. Обращает на себя внимание размывание грани между внутренним и внешним, центром и периферией, материальным и нематериальным в политической жизни. Виртуализация политики накладывается на кризис морального сознания и правосознания, причем изменения охватывают и внутреннюю, и международную политику, но непредвзятому наблюдателю очевидно, что степень сложности последней значительно превосходит внутренние коллизии: международные исследования «имеют дело с самой большой и сложной системой из возможных» [5. С. 16].

Конечно, человек не волен выбирать эпоху — «времена не выбирают», однако понимание содержания и возможных последствий трансформаций — неизбежный и серьезный вызов для системы управления. И основательная теория может стать точкой опоры как для постижения сути изменений, так и прогноза их будущего развития. Кажется априори очевидным, что эффективная работа со сверхсложными системами требует системных концептуальных подходов, но это утверждение не всегда разделяется практиками. Характерна в этой связи описанная Д. Миршаймером реакция М. Олбрайт на его отзыв о значимости теории в ее деятельности на посту госсекретаря США: «Я почти увидел дым, который пошел у нее из ушей, — так она была поражена».

Во взаимоотношениях практической политики и академического мира есть сложность, и она не исключительно субъективно-психологического свойства: не только предубеждение политиков по отношению к теории является источником недоверия к ней. В основе дистанции (порой говорят даже о разрыве) между реальной политикой и политической наукой — объективное противоречие: весьма непросто в реальном процессе отделить индивидуальное от социального и закономерное от случайного. При этом *de facto* многие политики-практики, подобно мольеровскому Журдену, «говорят прозой, не подозревая об этом»: в основе любого политически значимого решения лежат устойчивые мировоззренческие ориентации и смысложизненные убеждения. Другое дело, что эти установки, как правило, не имеют характера завершённой программы и не существуют как теоретические доктрины в сознании политиков. Однако от этого они не менее значимы: «Нам нужны теории, чтобы придать смысл тому огромному потоку информации, который обрушивается на нас ежедневно, — подчеркивает американский международник С. Уолт. — Даже те политики, которые пренебрегают теорией, должны при принятии решений опираться на собственные (часто несформулированные идеи) об устройстве мира» (С. 18). Еще более прямолинеен Д. Миршаймер: «Отрицание роли теорий — это фундаментальная ошибка... Нельзя понять мир и формулировать реальную политику, не опираясь на теории» (С. 25).

Проблема в том, что практическая политика и академическая наука опираются на принципиально отличные модусы мышления и деятельности и предполагают различные психологические типы. Высокодинамичный характер практической политики требует оперативности, в ней много субъективного — что продиктовано особенностями ситуации, личностно-психологическими характеристиками конкретных политиков, их взаимными отношениями, и случайность играет немалую роль. Иначе говоря, реальная политика — это арена страстей, борьба характеров, противостояние воли, столкновение интересов. А академическая традиция неспешна: ее творцы задумчивы, порой созерцательны; она как бы «парит» над коллизиями практической борьбы, ориентируясь на высокую абстракцию как идеал. Зная эти различия, нетрудно понять взаимный скептицизм политиков-практиков и мира академических штудий, хотя обе стороны взаимно нуждаются друг в друге.

Книга Т.А. Алексеевой содержит обширный материал для осмысления в том числе и этой задачи. Насыщенный фактурой текст прекрасно организован, концептуально систематизирован, открывает широкие возможности для масштабных обобщений и намечает два пути решения данной непростой задачи. Первый предполагает вовлечение представителей академических кругов во внешнеполитический процесс, например, в роли советников. В американской практике эта проблема решается иным способом — посредством так называемого «синдрома Киссинджера» (Э. Криппендорф), который предполагает вхождение академических интеллектуалов в узкий круг принимающих решения лиц. Для характеристики взаимодействия представителей двух миров

используется также понятие «вращающихся в двух направлениях дверей». Хотя подобные карьеры имеют место и в других странах, эта практика наиболее распространена в США (карьеры Д. Ная, К. Райс, М. Макфола и др.) Кроме того, в США сложилась традиция институционального участия в разработке внешнеполитических доктрин профильных «фабрик мысли». Тем не менее, отношение практиков к теории и в США остается неоднозначным, так что «синдром Киссинджера» вряд ли можно считать идеальным решением проблемы взаимодействия политической теории с практической политикой. В большинстве других политий этот сюжет не получил не только удовлетворительного решения, но даже должного понимания, хотя в целом проблема не имеет «национальной прописки», а почти повсеместна: отношения политических теоретиков и практиков, как правило, наполнены взаимным предубеждением.

Известен не только зарубежный, но и отечественный опыт участия представителей академической элиты в практической политике: на разных этапах истории к разработке внешнеполитических документов (но решения принимались, несомненно, политиками) привлекались известные ученые — Г.А. Арбатов, Н.Н. Иноземцев, Ф.М. Бурлацкий, О.Т. Богомолов (избирался народным депутатом СССР в 1989–1991 годы и депутатом Государственной Думы РФ в 1993–1995 годы). В бытность М.С. Горбачева Генсеком ЦК КПСС в качестве его советников работали член-корреспондент АН СССР Г.Х. Шахназаров и академик И.Т. Фролов, который впоследствии стал членом Политбюро и секретарем ЦК КПСС. Профессор В.П. Лукин в 1992–1994 годы служил послом России в США, а затем многократно избирался депутатом Государственной Думы от партии «Яблоко», депутатом от которой в 1993–2003 годы был и академик А.Г. Арбатов. Можно назвать и эталонный пример успешной политико-академической карьеры — биография Е.М. Примакова, который сочетал плодотворную научную деятельность с участием в большой политике, в том числе в качестве министра иностранных дел и председателя правительства России. Очевидно, что вовлечение представителей академического мира в политическое управление не только позитивно отражалось на качестве внешнеполитических решений, но и способствовало взаимному пониманию политиков и ученых. Подобная практика существует и в других странах, например во Франции (в биографии основателя и президента Французского института международных отношений Т. де Монбриаля есть период работы в системе МИДа), но такой взаимный обмен кадрами не повсеместен.

Пришедшие из академической среды политики составляют меньшинство. В условиях сверхсложной и высокодинамичной реальности совет теоретика может быть полезен, но в коллизиях большой политики далеко не всегда подобный, как правило, неспешный диалог возможен — зачастую требуются мгновенные реакции и молниеносные решения. Было бы наивно предполагать, что в критической ситуации дипломат обратится к академическим штудиям. Так есть ли здесь место теории?

Теория (как и история) в дипломатии востребована, причем по нескольким направлениям. Во-первых, она необходима как фундамент профессиональной подготовки будущих дипломатов. На решение этой задачи нацелены усилия МГИМО МИД России. Свой вклад вносит и кафедра международных отношений РУДН, на которой работают и выпускники МГИМО. Как готовить будущих международных работников? Как научить их ориентироваться в сверхсложном мире и принимать оперативные решения с учетом и теории? Социальные процессы нелинейного типа крайне сложны для постижения в образовательном процессе. Можно предположить, что знание теории в данном случае работает примерно так же, как правила математики: мало кто из взрослых действительно помнит школьный курс математики, но свою роль в дисциплинировании мышления на этапе его формирования математика уже сыграла. Кроме того, мы используем знание математики почти автоматически, не всегда сохраняя в памяти точные формулировки правил. Так что позитивную роль основательная подготовка в области политической теории в управленческой практике, несомненно, играет, хотя порой и опосредованно. Поэтому книга Т.А. Алексеевой может стать настольной в рамках подготовки будущих дипломатов, знаменуя новый подход не только к исследованию, но и к профильному обучению. Не случайно книга имеет статус адресованного магистрантам и аспирантам учебного издания — это тот случай, когда научное достижение позволяет обеспечить принципиально новое качество образовательного процесса. Причем основательность издания позволяет рекомендовать его результаты для использования в обширной социогуманитарной сфере, включая социологию, что обеспечит новое качество постижения студентами-гуманитариями закономерностей социального развития.

Следует отметить еще одну важную причину востребованности международных исследований Т.А. Алексеевой — роль ТМО в обосновании содержания и эффективных технологий научной дипломатии как направления современной публичной политики. Зарождение научной дипломатии можно отнести к середине XX века, когда обеспокоенность ученых последствиями распространения ядерного оружия побудила их объединить усилия в предотвращении атомной войны. Знаменитый манифест Рассела — Эйнштейна в 1955 году положил начало Пагуошскому движению ученых, выступающих за разоружение и международную безопасность. С тех пор контакты ученых обрели формат постоянного диалога, результаты которого в ряде кризисных ситуаций имели важное значение для урегулирования казавшихся тупиковыми обстоятельств.

Порой встречается упрощенное представление о научной дипломатии как о благостном хороводе «за все хорошее против всего плохого». Подчеркну: научная дипломатия может быть эффективной только в том случае, если опирается на точное понимание целей и мотивов партнеров, концептуализацию повестки дня, эффективные технологии межкультурной коммуникации. Конечно, не во всех случаях сотрудничество ученых достигало поставленных целей. Так, разразившаяся пандемия коронавируса показала, что, несмотря на осознание

опасности подобных глобальных рисков, преодоление национального эгоизма политиков остается актуальной задачей для ученых. Тем не менее, некоторый умеренный оптимизм внушают позитивные достижения научной дипломатии.

Почти двадцать лет действует совместная комиссия по изучению новейшей истории российско-германских отношений, сопредседателем которой является академик А.О. Чубарьян. Другой успешный формат взаимодействия представителей гражданских обществ России и Германии — Форум «Петербургский диалог», созданный в 2001 году по инициативе Президента России В.В. Путина и федерального канцлера ФРГ Г. Шредера. Форум призван углубить взаимопонимание между Германией и Россией посредством обсуждения вопросов германо-российских отношений. На базе «Петербургского диалога» развиваются совместные проекты в разных областях — от экономики до здравоохранения и культуры.

Определенный опыт есть и в работе с японскими и польскими учеными. Так, мне довелось руководить работой отечественной части Российско-польской группы по сложным вопросам двусторонних отношений, образованной в 2002 году по решению руководства России и Польши. Группа проанализировала возникшие в историческом прошлом проблемы в отношениях России и Польши и опубликовала в 2010 году монографию «Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях» [2], получившую высокие оценки отечественного и зарубежного политико-научного сообщества. В июне 2012 года российские ученые создали Комиссию по сложным вопросам истории российско-японских отношений, в состав которой вошли авторитетные представители академических сообществ двух стран. Итогом трехлетней напряженной работы стало фундаментальное издание объемом более тысячи страниц «Российско-японские отношения в формате параллельной истории», опубликованное в 2015 году в России и Японии. В 2019 году международное издательство Brill Publishers выпустило монографию на английском языке.

Реализация таких форматов научной дипломатии показывает, сколь важна в ней концептуальность. Так, важную роль в успехе Комиссии по сложным вопросам истории российско-японских отношений сыграл не только тот факт, что к моменту ее создания практика создания совместных комиссий для изучения деликатных вопросов в истории двусторонних отношений получила распространение в международном академическом сотрудничестве. Главным условием ее успеха стал точный выбор смыслового стержня деятельности — принципа «параллельной истории», предполагающего освещение одних и тех же исторических событий «параллельным взглядом», т.е. одновременно с двух сторон, что позволяет выявлять различия и точки соприкосновения в их интерпретации. Поэтому не оправдались предшествовавшие созданию Комиссии опасения, что копившиеся десятилетиями исторические обиды не позволят объективно взглянуть на прошлое (что произошло в ходе работы японских историков с китайскими и южнокорейскими коллегами), — японским и отечественным историкам удалось найти общий язык.

Приведу еще несколько примеров успешного сотрудничества ученых. С 2017 года действует инициированный на самом высоком уровне Форум «Трианонский диалог» — площадка двустороннего взаимодействия по линии гражданских обществ России и Франции. Как структура с минимальной вертикальной иерархией «Трианонский диалог» не является конкурентом для других форматов российско-французских отношений и ориентирован на максимальное присутствие во всех сферах двустороннего сотрудничества. Среди недавних по времени примеров научной дипломатии можно назвать Сочинский диалог — российско-австрийский форум, созданный в 2019 году на встрече президентов России и Австрии — В.В. Путина и А. ван дер Беллена. Осенью 2019 года состоялся первый саммит и Экономический форум Россия–Африка с участием представителей всех государств и региональных организаций континента. Форум был инициирован при непосредственном участии руководства Института Африки РАН.

Несмотря на очевидную востребованность упомянутых и аналогичных форматов, их успех был бы невозможен без опоры на концептуальное обоснование современных технологий международного взаимодействия. Именно такое глубокое по содержанию и элегантное по форме рассмотрение возможностей и функционала теории в современной политике демонстрирует Т.А. Алексеева. Вслед за Д. Миршаймером и С. Уолтом она подчеркивает, что факты сами по себе не способствуют пониманию политического процесса — постижение смысла событий возможно только в контексте качественной теории. Теория позволяет получить полное представление об истории, предлагает альтернативные пути объяснения прошлого и, соответственно, лучшего понимания настоящего. Вне теории невозможна ни диагностика проблем, ни оценка эффективности политических действий, ни, тем более, прогнозирование: «Теория особенно полезна, когда известных фактов недостаточно. Но благодаря теории мы можем догадаться о том, чего не знаем. Иными словами, теория приобретает важнейшее значение в новых ситуациях с минимальными историческими прецедентами» (С. 27).

Таким образом, книга Т.А. Алексеевой не только способствует более глубокому и точному пониманию тектонических сдвигов в современной мировой политике, но и демонстрирует возможности прикладного использования результатов исследований. Еще более важное значение рецензируемого издания состоит в системном обосновании статуса ТМО как теории среднего уровня, способной представить международное взаимодействие во всей его полноте — как включающего не только межгосударственные коммуникации, но и горизонтальные взаимодействия по линии институтов гражданского общества. Применительно к ТМО книга претендует на то, чтобы стать «большой теорией», и в этом качестве знаменует серьезный теоретический прорыв в ситуации, когда в последние годы и даже десятилетия развитие международных исследований характеризовалось фрагментацией предметного поля, дроблением ракурсов, снижением ожиданий прорывных результатов и

теоретических нововведений — большие теории, как и большие дебаты по вопросам теории, казались «уходящей натурой».

Значение системного обоснования ТМО очевидно не только для профессионалов: во-первых, концептуальное развитие ТМО — ответ критикам, которые отрицают научный статус дисциплины на основании ее вероятностной природы. Во-вторых, несмотря на то, что понятие «интернациональный» (международный) было введено еще в 1783 году И. Бентамом, предметное поле ТМО остается объектом интеллектуальных дебатов, как и теоретические основания международных исследований. Обстоятельное обсуждение этих системных для дисциплины вопросов — серьезный вклад в их решение. В-третьих, угасание интереса к крупномасштабной постановке задач свойственно не только международным исследованиям, но многих социогуманитарным направлениям на исходе и после модерна, и концептуальное обновление ТМО способно дать импульс обновлению и иных направлений. Наконец, книга вносит ясность в целый ряд остро дискуссионных сюжетов в организации социогуманитарного знания, к числу которых относятся, например, отношения ТМО с историей и политической наукой.

Что касается отношений ТМО с исторической наукой, то Т.А. Алексеева отмечает несколько линий их продуктивного взаимодействия. Продолжая линию английской школы традиционализма и либерального институционализма, она, кажется, намерена опровергнуть убеждение В.О. Ключевского, что «история учит тому, что ничему не учит», и убеждена, что возможно извлечение исторических уроков из межгосударственных отношений: «Такие уроки могут помочь пониманию настоящего и, насколько это возможно, формированию будущего, а также предотвращению проектов изменений, в основе которых во многих случаях лежит неверная интерпретация истории» (С. 50). Данная трактовка созвучна позиции Г. Киссинджера, который правомерно указывал, что, хотя уроки истории не становятся автоматически руководством к действию, история учит по аналогии — проливая свет на сходные последствия сопоставимых ситуаций, причем «каждое поколение должно определить для себя, какие обстоятельства на самом деле являются сопоставимыми». Другая роль истории в развитии ТМО — основа для преодоления дистанции между прошлым и настоящим и более глубокого понимания минувших событий.

Отношения ТМО и политической науки менее причудливы — это отношения не просто тесного переплетения, но взаимного обогащения: не случайно первая кафедра международных отношений возникла в 1919 году в Университете Абериствита в Уэльсе (Великобритания) как результат развития и специализации политической науки.

Предметный анализ содержательного взаимодействия ТМО с историей и политической наукой позволяет Т.А. Алексеевой вплотную подойти к определению статуса и внутренней организации ТМО. Масштабные изыскания приводят автора к убеждению, что в плюралистическом мире в принципе невозможно создание единой, универсальной ТМО (С. 68–69, 73). Тем сложнее

вызов, принятый и нашедший на страницах книги достойный ответ, — вызов концептуального построения ТМО как подлинной науки, опирающейся на мультипарадигмальную методологию. Это предполагает не просто демонстрацию концептуального многообразия дисциплины, но также анализ процессов ее формирования и эволюции, рассмотрение ее больших школ и больших дебатов, а также, как это ни парадоксально, их своеобразного отрицания в рамках «культурного поворота», включая своеобразную «конструктивистскую революцию» в международных исследованиях.

Даже простое перечисление сюжетов издания показывает, сколь широк диапазон рассмотренных в нем тем, что определяет невозможность их детального анализа в краткой рецензии, поэтому адресуем читателя к самой книге. Ее главное достоинство в том, что все существенные компоненты ТМО нашли в ней развернутое и детальное обоснование, будучи сведены в логически непротиворечивую систему. Это достижение делает работу прорывной, а ее предмет — ТМО — выводит на принципиально новый уровень теоретического обоснования и прикладной востребованности.

Библиографический список

- [1] Бауман З. Глобализация. Последствия для общества и человека. М., 2004.
- [2] Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под общ. ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда. М., 2010.
- [3] Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997.
- [4] Манхейм К. Человек и общество в эпоху преобразования // Диагноз нашего времени. М., 1994.
- [5] Российско-японские отношения в формате параллельной истории / Под общ. ред. А.В. Торкунова, М. Йокибэ. М., 2015.
- [6] Уолт С. Международные отношения: мир один, теорий много // Современная наука о международных отношениях за рубежом. Т. 1 / Под ред. И.С. Иванова. М., 2015.
- [7] Lake D.A. Why “isms” are evil: Theory, epistemology, and academic sects as impediments to understand and progress // *International Studies Quarterly*. 2011. Vol. 55. No. 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-694-703

Expanding the boundaries of the social-humanitarian knowledge of the world*

A.V. Torkunov

Moscow State Institute of International Relations
prosp. Vernadskogo, 76, Moscow, 119454, Russia

Abstract. The article is a review of the book by T.A. Alekseeva *Theory of International Relations as Political Philosophy and Science* (Moscow: Aspect Press; 2019). The last decades have been marked by large-scale transformations: the spatial-temporal characteristics of political processes change —

* © A.V. Torkunov, 2020.

The article was submitted on 04.05.2020. The article was accepted on 23.06.2020.

political time accelerates, political space shrinks, sequence of the political development stages changes; boundaries between internal and external, center and periphery, material and immaterial blur. Despite the fact that these changes affect both domestic and international policies, the complexity of global political shifts significantly exceeds all internal conflicts. However, understanding of large-scale transformations lags behind the need for their meaningful interpretation. The need to understand the essence of large-scale processes is an inevitable and serious challenge for the management system. Thus, we need a theory of international research that would become a basis for both understanding the essence of changes and predicting the future development. Based on the achievements of foreign and Russian theory of international relations, T.A. Alekseeva presents a detailed conceptualization of this science. In the book, all its essential components are described in detail and combined into a logically consistent system, which brings the theory of international relations to a new level of the theoretical-methodological conceptualization. The author's comprehensive analysis allows to use its results for solving practical problems, in particular, for resolving international crisis situations, implementing large-scale projects of scientific diplomacy, and training a new generation of experts.

Key words: international studies; political theory; global politics; scientific diplomacy

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-704-714

Справедливость как критерий оценки «качества» городского пространства (и счастья его жителей)*

И.В. Троцук

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия
(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru)

Статья представляет собой рецензию-размышление по мотивам книги Д. Харви «Социальная справедливость и город» (М.: Новое литературное обозрение, 2018). Хотя социальная справедливость заявлена в названии работы, исследователь вопросов справедливости, скорее всего, будет разочарован: в тексте она выступает скорее как рефрен политэкономического анализа пространственной организации городов, но его результаты действительно заставляют читателя рассуждать в терминах «справедливости — несправедливости». С другой стороны, такое рассмотрение справедливости и эклектичность текста оказываются его достоинствами для исследователей социального благополучия: если место жительства — критерий удовлетворенности жизнью, то «качество» места жительства (в том числе справедливое городское планирование и тип социальной дифференциации городского пространства) не может не оказывать влияние на социальное благополучие, что автор убедительно демонстрирует применительно и к либеральному, и к социалистическому (в его терминологии) дискурсам, но все же отдавая предпочтение марксистской методологии, дополненной рядом других концептуальных инструментов социально-пространственного анализа.

Ключевые слова: социальная справедливость; урбанизм; городское пространство; социально-пространственная дифференциация; теория города; междисциплинарный подход; социальное благополучие; счастье

В последние годы в России публикуется все больше переводных работ по социальным наукам, которые становятся доступны российскому читателю со значительным временным отставанием [см., напр.: 2; 5]. Один из ярких тому примеров — книга Э. Бэнфилда «Моральные основы отсталого общества» [1], с момента выхода которой прошло более шести десятилетий, а описывает она положение вещей в крошечном сельском фрагменте итальянской жизни 1955 года. Критически настроенный читатель может воспринимать подобные тексты лишь как исторические зарисовки, но они важны для социолога, поскольку подтверждают и поразительную устойчивость многих социальных практик, и нерешенность множества методологических проблем теоретического и эмпирического

* © Троцук И.В., 2020.

Статья поступила в редакцию 15.04.2020 г. Статья принята к публикации 22.05.2020.

поиска, и долгую историю кристаллизации популярных сюжетов исследовательской работы, и эвристическую живучесть классических концепций, которые переживают все новые витки бурного к ним интереса даже после периодов жесточайшей критики и почти полного забвения.

Все перечисленное в полной мере соответствует книге Дэвида Харви: наши города продолжают быть поразительно социально-дифференцированными пространствами; у нас до сих пор отсутствуют универсальные познавательные инструменты для изучения городской жизни, сбалансированно сочетающие географический, социологический и политологический подходы; удивительно, что уже полвека назад в урбанистике было востребовано понятие социальной справедливости; что, впрочем, неудивительно, если проводить анализ городского пространства посредством сочетания социологического и географического воображения с принципами марксистского подхода. Однако это не означает, что в ряде положений книга не устарела, хотя ее концептуально-методологический крен определил ее достаточно вневременный характер (вряд ли когда-либо марксистский подход перестанет быть интересен в критическом или апологетическом ключе). Но все же не соответствующие нынешним реалиям утверждения в книге редки: например, автор отмечает, что малоимущие жители центра города не могут пользоваться источниками занятости в пригородных зонах, что приводит к росту безработицы в центре, однако сегодня центры городов стали настолько дорогими для жизни, что в них вряд ли остались малоимущие, и пригороды сегодня стали дифференцированными — загородные дома богатых людей и рабочие районы окраин занимают разные зоны пригородного жилого пространства.

Заявленная в названии книги и третьей главы социальная справедливость несколько дезориентирует читателя, если он привык к иной структуре и содержанию как работ, декларативно посвященных справедливости (например, уровням проявления идеи справедливости в обществе [10], исторической реконструкции форм справедливости как сочетания моральных и правовых норм [4], критике теорий социальной справедливости, что ищут ее идеал вместо сравнительного анализа жизненных реалий и борьбы с несправедливостью [6] и т.д.), так и работ, в которых идея справедливости упоминается как один из сюжетов (например, как ценность, соответствующая определенному образу жизни, т.е. общества различаются видами неравенства и насилия, которые считаются в них справедливыми) [3]. Несмотря на упоминание социальной справедливости в названии, книга Харви — пример скорее второго подхода: справедливость в ней выступает как рефрен критического анализа пространственной организации капиталистических городов, в ходе ознакомления с результатами которого у читателя не может не возникнуть мысль о том, сколь эта организация несправедлива, и автор подталкивает его к такому марксистскому выводу — о невозможности социальной справедливости в капиталистическом городе, усиливающим неравенство проживающих в нем групп, в первую очередь, по экономическим основаниям, из чего вытекают и

все прочие ограничения проживания, мобильности, занятости и участия в принятии решений.

То, что проблематика социальной справедливости оказывается не главной, а подразумеваемой сквозной темой книги, вероятно, разочарует читателя, который хотел ознакомиться с ее преломлением в урбанистике, но в то же время делает работу еще более интересной для исследователей социального благополучия в нынешней ситуации повсеместной озабоченности поисками счастья. В научной и научно-публицистической литературе таковые имеют две формы: либо это практико-ориентированные публикации, призванные помочь читателю обрести личное счастье, исправив «неправильную» организацию или интерпретацию своей жизни; либо это «большие данные» — результаты разнообразных количественных исследований, на основе которых оценивается «счастливость» групп и даже обществ, а по итогам нормирования и ранжирования этих оценок делаются глобальные выводы о самых счастливых и несчастных странах мира.

Оба формата поисков счастья обусловлены легитимацией «эмоционального поворота» в социальных науках (эмоции — объяснительные механизмы социального поведения), который возродил, казалось бы, давно разрешенный спор о демаркационной линии между предметными областями психологии и других наук. В результате, например, субъективное (экономическое) благополучие рассматривается как в значительной мере (социально-)психологический феномен: исследователи опираются на количественные данные, но считают, что они недостаточны для оценки счастья и благополучия, потому что «деньги могут повышать субъективное благополучие, когда их смысл в преодолении бедности, но счастье мало зависит от дохода, когда он выше определенной черты, т.е. больше, чем реальные материальные запросы человека» [9. С. 8]. Книга Харви вносит еще одно уточнение в методологию оценки социального благополучия, отмечая необходимость более широкого взгляда на городское планирование — как задающее параметры территориальной дистрибутивной справедливости — и подчеркивая, что любые объективные данные (социально-пространственная дифференциация города) требуют четких концептуальных рамок рассмотрения.

Книга показывает, что нынешние реалии городского планирования можно рассматривать в политэкономическом ключе, поскольку через призму экономического (пере)распределения можно лучше понять исторически неизбежную социальную дифференциацию городского пространства, т.е. город выступает как главный объект рассмотрения, и постоянное воспроизводство социального неравенства в нем можно концептуализировать и в либеральных формулировках (первая часть книги), и в социалистических (вторая часть), но все же лучше сочетая элементы обоих дискурсов (третья часть). Такая фокусировка на городе как объекте достаточно нетипична для социальных наук, потому что городское (географическое) пространство обычно рассматривается как объективный контекст некоторой проблемы, например, паттернами

мобильности в пожилом возрасте считаются переезды «молодых пожилых» в курортные зоны и «старых пожилых» — поближе к родным, а отказ от переезда мотивируется доступной сферой социальных услуг, эмоциональной привязанностью к соседству и месту жительства: «место проживания имеет важное аналитическое значение, поскольку глобальные и локальные его особенности определяют проблемы и поведение пожилых, их семей, друзей, волонтеров, сотрудников соответствующих служб и т.д.» [11. С. 57].

Книга Харви интересна самой постановкой исследовательского вопроса — можно ли воспринимать город с позиций социальной справедливости, и этот вопрос требует серьезной концептуальной проработки и убедительных количественных данных (автор явно отдает предпочтение первой, заменяя вторые краткими описаниями кейсов). Для читателей, занимающихся изучением социального благополучия, книга в определенной мере созвучна работе Ричарда Флориды «Кто твой город?», где таковой рассматривается с позиций обретения счастья: «Место, которое мы выбираем для жизни, влияет на все аспекты нашего бытия. Оно может определять уровень нашего дохода, круг людей, с которыми мы встречаемся, друзей, которых мы заводим, партнеров, которых выбираем, и возможности, доступные нашим семьям и детям. Люди не везде одинаково счастливы, качество жизни не везде одинаково. Где-то живет рынок труда, лучше карьерные перспективы, выше стоимость жилья и надежнее вложения. Где-то более многообещающий брачный рынок. Где-то приятнее среда для воспитания детей. Место влияет на то, насколько мы счастливы и в других, менее осязаемых вещах» [8. С. 11].

Флорида полагает, что место (город) как условие счастья часто игнорируется исследователями, потому что приоритет они отдают вопросам «что делать» и «с кем», забывая, что многие слагаемые счастливой жизни — уровень заработка и образования, здоровье, подверженность стрессу, карьерные перспективы, круг общения и др. — определяются тем, где человек живет: «наряду с личными отношениями и работой место — третья опора благополучия» [8. С. 152]. Практически то же самое, что Флорида делает для места жительства как фактора счастливости, Харви пытается сделать для справедливости — показывает, что политэкономический анализ особенностей городского развития через показатели (пере)распределения доходов и пространственного планирования объясняет, как формируются (не)справедливые модели городской жизни, т.е. территориальная социальная справедливость — результат «справедливого распределения справедливым способом» (что малопонятно с позиций практической реализации).

Несколько сумбурное и затянутое начало рецензии объясняется эклектичностью книги: во Введении автор уточняет, что это сборник статей, написанных в разное время и отражающих поиски способа объединить перспективы социальной и моральной философии с проблемами материальной среды в городских центрах западного мира. В итоге книга представляет собой развитие четырех тем, которые «переплетаются, как будто кружась на

волшебной карусели» (С. 13): природа теории (автор различает теорию, революционную и контрреволюционную теории, поскольку «теория и есть практика»); природа пространства («пространство не является абсолютным, относительным или реляционным само по себе, но может принимать одну или все характеристики в зависимости от обстоятельств»); природа социальной справедливости (сопоставляется дистрибутивная справедливость либерального толка и социалистическая трактовка справедливости — как снимающая различие производства и распределения и дуализм эффективности и справедливости); природа урбанизма («урбанизм, вместе с социальными и пространственными трансформациями, составляющими его эволюцию, формирует надежную почву для социально-географической теории»). Отсутствие единого тематического стержня усугубляется отказом автора от последовательной хронологии рассматриваемых кейсов, поэтому, например, города средневековой Европы читатель встречает лишь на 317 странице книги. Однако именно эклектичность текста позволяет каждому читателю увидеть в нем что-то интересное лично для себя, а также освобождает рецензента от необходимости воспроизводства всех тематических линий и от возможных упреков в недопонимании авторской аргументации.

Итак, цель книги — «исследовать, как идеи из социальной и моральной философии могут быть связаны с географическими исследованиями... Исходной точкой стало предположение, что принципы социальной справедливости имеют прямое отношение к применению пространственных и географических принципов в городском и региональном планировании» (С. 11). Первая часть книги посвящена «либеральным формулировкам» социальной справедливости, которые основаны на утверждении, что перераспределение реального дохода в городской системе не зависит от производства. Эта часть — самая неполитэкономическая — автор сосредоточен на формулировке исследовательской проблемы: «Частично трудности, испытываемые при изучении города, порождены внутренне присущей ему сложностью. Но проблемы могут также проистекать из нашей неспособности правильно осмыслить ситуацию. Если наши концепции неадекватны или недостаточно продуманны, не стоит надеяться на то, что мы сможем адекватно распознать проблемы и сформулировать подходящие случаю политические рекомендации» (С. 25).

Харви убежден, что город не может быть адекватно концептуализирован в сложившейся системе научных дисциплин, потому что каждая «вспахивает свою борозду и живет в собственном замкнутом концептуальном мире» — нужен междисциплинарный подход, общая теория города, которая связывает социальные процессы с предлагаемой им пространственной формой. Такой подход автор видит в «наведении мостов между теми, у кого есть социологическое воображение, и теми, кто обладает пространственным сознанием, или географическим воображением» (С. 26). Подобная интеграция должна опираться на разработки тех, кто, будучи «одарен социологическим воображением, начал осознавать важность пространственного измерения социальных

процессов» (прежде всего, антропологи и экономисты), и тех, кто, будучи «воспитан в традиции пространственного восприятия, постепенно осознал, как моделирование пространственных форм влияет на социальные процессы» (городские планировщики, архитекторы и социальные географы) (С. 28–29).

Первая часть книги развивает методологическую рефлексию читателя и снимает его возможные возражения против междисциплинарного синтеза — автор убедителен в демонстрации как исторических траекторий плодотворного взаимодействия дисциплин, так и практической эффективности пространственно-социальной оптики: «Единственно адекватной концептуальной рамкой рассмотрения города является та, что вырастает из объединения социологического и пространственного воображений... Мы должны признать, что как только создается определенная пространственная форма, она стремится институционализироваться и в некотором отношении определять будущее социальных процессов (через символические качества, отражающие социальные нормы конкретной эпохи)» (С. 32). Харви признает, что его концептуальная модель еще не обладает адекватным инструментарием (мета-языком), но считает возможным использовать концепты теории города, а не отказываться от модели, которая прекрасно показывает, как скрытые механизмы перераспределения дохода в сложной городской системе увеличивают социальное неравенство.

Следует отметить, что, за исключением посвященной ей третьей главы, социальная справедливость — нечастое словосочетание на страницах книги: видимо, автор предлагает читателю самостоятельно приходиться к выводу о несправедливости городского социального порядка, описывая, как изменения в доступности и цене городских ресурсов оказываются неизбежными следствиями неотвратимого роста городов, и как влияние этих изменений на распределение доходов становится все более диспропорциональным (т.е. несправедливым). Проблема справедливости проистекает из свойств городской системы, которая содержит «рукотворные ресурсы большой экономической, социальной, психологической и символической значимости» (С. 86) — отсюда проблема контроля/распределения этих ресурсов/реального дохода, которую усугубляет коммерческая мотивация: «решения, принимаемые производителем с целью достижения максимальной прибыли и максимальной эффективности, не всегда означают максимально социально выгодное решение для потребителей» (С. 88). В итоге перераспределение реального дохода через скрытые механизмы постоянных переговоров влечет выгоды для богатых и потери для бедных: вторые буквально «пойманы пространством» и не могут использовать его как ресурс, не обладая необходимыми когнитивными навыками (образованием и опытом взаимодействия с окружающей средой). «Большинство решений, принимаемых относительно пространственного планирования городской системы, вероятно, принимаются небольшими и влиятельными олигопольными группами (или при их настойчивом давлении)» (С. 105).

Справедливость автор определяет как нормативный концепт, который должен был стать, но не стал неотъемлемой частью географического анализа, потому что последний предпочитает классическую теорию размещения, исходящую из критерия эффективности — минимизации совокупных издержек перемещения в рамках заданной пространственной системы. «Географы последовали за экономистами, переняв их стиль мышления, в котором вопросы распределения (дохода) выносятся за скобки (в основном потому, что провоцируют нежелательные этические и политические суждения)» (С. 121). Признавая, что не существует единственного и общепринятого принципа социальной справедливости, Харви предлагает сосредоточиться на такой ее трактовке, которая будет полезна для социально-пространственного анализа благодаря поиску ответов на два вопроса — что мы распределяем (доход в широком смысле слова) и среди кого/чего (например, центральная власть распределяет ограниченные ресурсы между территориями). Кстати, автор полагает, что «территориальная дистрибутивная справедливость автоматически предполагает справедливость на индивидуальном уровне» (С. 127), что вряд ли соответствует действительности.

Харви формулирует следующие принципы социально-пространственной справедливости (С. 135): пространственная организация и модель региональных инвестиций должны удовлетворять потребности населения (необходимы «социально справедливые методы определения и измерения потребностей») — разница между потребностями и распределением ресурсов «дает первичную оценку степени территориальной несправедливости»; справедливая пространственная организация и справедливое распределение ресурсов между территориями; отклонения от модели пространственной организации, основанной на территориальной дистрибутивной справедливости, допустимы для преодоления «сложных условий окружающей среды, которые иначе тормозили бы развитие системы, удовлетворяющей потребности и создающей общее благо» (дополнительные ресурсы должны идти на преодоление «отягощений физической и социальной среды» и максимизацию шансов самых бедных). Для справедливого распределения дохода (цель) необходимым и достаточным условием является применение социально справедливых способов распределения (средства), и задача состоит в том, чтобы «найти социальную, экономическую и политическую организацию, в которой бы достигался и поддерживался максимально возможный уровень жизненных шансов самых неудачливых» (С. 138). В качестве самых неудачливых могут выступать любые «объекты», поэтому речь может идти о справедливом способе создания территориальных образований (справедливое определение границ) и максимизации шансов наименее успешных регионов (справедливое распределение ресурсов).

Харви убежден, что первая часть книги ставит настолько важные вопросы, что без марксистского анализа они «увязают в беспомощном, бесформенном релятивизме, выход из которого ведет только к навязчивым

моральным проповедям... и решениям, основанным на произвольных характеристиках природы социальной справедливости». Он обращается к марксистскому анализу «не из априорного чувства присущего марксизму превосходства (хотя его мысли созвучны общим положениям марксизма и его порыву к изменениям), а потому что не может найти другого способа достижения цели» (С. 21). Во второй части книги автор последовательно показывает, как «социалистические формулировки» делают просто невозможным разговор о дистрибутивной социальной справедливости применительно к городской системе («либеральная концепция»), поскольку производство и распределение, а, соответственно, эффективность и социальная справедливость неразделимы («социалистическая концепция»). «Это не означает, что социальная справедливость должна пониматься как просто прагматическая концепция, которая может произвольно меняться, подстраиваясь под требования любой ситуации... Маркс поставил вопрос “Почему именно это мы считаем справедливым?”. И это совершенно законный вопрос [и современно-социологический], хотя и приводящий нас в смущение... И в отношении него не может быть философского ответа., а лишь ответ, проистекающий из изучения человеческой практики» (С. 19).

Во второй части книги представлены разные подходы к социально-пространственному анализу городской жизни, в частности, работы чикагских социологов, которые Харви считает вынужденно описательными, но принципиально важными, поскольку их авторы пытались выяснить, «кто чего достигает, и какие условия способствуют тому, что определенные группы оказываются в той или иной позиции (например, в гетто)» (С. 165). По мнению Харви, большинство подходов теории города недостаточны для решения самой важной для него задачи — «конструирования новой парадигмы путем глубокой и широкой критики существующих аналитических конструкций... и разработки концепций, категорий, теорий и аргументов, с помощью которых возможны гуманистические социальные преобразования» (С. 183). Он настаивает, что здесь необходим «марксистский способ рассмотрения потребительской и меновой стоимости в их диалектической связи друг с другом, предлагающий две манящие перспективы — наполнение новой жизнью географических и социологических исследований землепользования и наведение мостов между пространственными и экономическими подходами к проблеме городского землепользования, что может быть полезно в равной степени как для современной экономики, так и для современного пространственного анализа» (С. 197–198).

Несмотря на обещанный в начале книги синтез социологического и географического воображения, большая ее часть посвящена политэкономическому анализу капиталистического города, что интересно и понятно далеко не каждому читателю. Практически вся пятая, шестая и седьмая главы (более двухсот страниц) — это авторская реконструкция своего рода марксистской теории городского землепользования (ее элементы представлены и в других

главах) на основе соответствующей терминологии: город как запечатленная в застройке форма опирается на определенную технологию в контексте «господствующего способа производства», но может стать и местом зарождения «нового способа производства», поэтому «исследование урбанизма может внести значительный вклад в наше понимание социальных отношений в экономическом базисе общества, а также... политических и идеологических элементов надстройки» (С. 258).

Харви признает, что марксистская концепция способа производства слишком широка и всеохватна для «скрупулезного препарирования отношений между обществом и урбанизмом» и предлагает дополнить ее другими концептуальными инструментами — предложенными К. Поланьи тремя способами экономической интеграции (реципрокность, перераспределение и рыночной обмен), которые соотносятся с тремя способами социальной организации, описанными М. Фридом (эгалитарное, сословное и стратифицированное общество), и «могут стать простыми и работающими инструментами анализа связи между обществами и проявляющимися в них городскими формами» (С. 262). Однако Харви подчеркивает, что это лишь дополнения, а не замена марксистского анализа: во-первых, это упрощенные категоризации, требующие своей постепенной замены более тщательно проработанной системой концептов, которая отражает нюансы социально-экономической организации; во-вторых, понятия реципрокности, перераспределения и рыночного обмена лишь «дают нам в руки прочную нить, следуя которой мы можем проследить переходы от одного господствующего способа производства к другому» (С. 272).

Хотя в заключительных главах книги справедливость почти не упоминается, автор фактически предлагает два инструмента ее достижения в современном городе: с одной стороны, на застройку городов значительное влияние оказывает государственная политика, и она может сгладить наихудшие последствия рыночного обмена (например, Британия и скандинавские страны проводили политику государства благосостояния для бедных, что породило тип городской структуры, отличный от США); с другой стороны, никто не отменял реципрокность и перераспределение как способы социально-экономической интеграции в современном рыночном обществе (модели взаимной поддержки смягчают перекосы классовой и социальной дифференциации, что отражается и в пространственной структуре города).

Судя по статье «Право на город», написанной в 2008 году и включенной в книгу, Харви отдает предпочтение второму инструменту: «Право на город — это больше, чем индивидуальная свобода доступа к городским ресурсам: это право изменять себя, изменяя город. Более того, это общественное, а не индивидуальное право, поскольку такая трансформация неизбежно зависит от приложения коллективной силы к формированию процесса урбанизации. Свобода создавать и изменять наши города и самих себя является наиболее ценным, но при этом самым игнорируемым из наших человеческих прав» (С. 399). Это утверждение созвучно трактовкам субъективного благополучия/счастья,

согласно которым «для удовлетворенности жизнью человеку необходимо, в том числе, осознание того, что блага в обществе распределяются справедливо... Даже если люди имеют высокие доходы, разница между богатыми и бедными служит для них индикатором, что они живут в несправедливом, нечестном обществе» [9. С. 125]. Для Харви несправедливость распределения благ в городской жизни очевидна: «Мы живем во все более разделенных и конфликтогенных городских районах..., огороженных сообществах и приватизированных общественных местах... В развивающихся странах особенно заметно, что город разделяется на отдельные, весьма отличные составные части, в которых формируются особые “микросообщества” (богатые сообщества с доступом к эксклюзивным услугам и нелегальные трущобы без доступа к воде, электричеству и канализации)» (С. 410–411). Он считает необходимым бороться за «справедливое распределение справедливым способом», т.е., по сути, за социальное благополучие: общественные движения и местные сообщества должны противостоять попыткам «корпоративного капитала и все более предпринимательски мыслящего местного госаппарата» лишить массы прав на город и формировать его по собственному усмотрению.

Несомненно, книга Харви сложна для восприятия и требует от читателя признания марксистского подхода «путеводной линией» социально-пространственного анализа. Однако автор предоставляет читателю несколько инструментов, упрощающих чтение его работы: во-первых, можно сосредоточиться либо на концептуальных и методологических моментах, пропуская иллюстрации из городской жизни, либо, наоборот, на конкретных исторических и современных кейсах, пролистывая многочисленные страницы с обзорами теоретических подходов. Во-вторых, автор честно предупреждает читателя об ограничениях текста, признавая, что работает «неуклюже, но с большим воодушевлением», что предлагаемая им «общая характеристика принципов территориальной справедливости оставляет желать лучшего», что его «анализ достаточно сырой, это отправной пункт, который может казаться иногда слишком поверхностным, а иногда без необходимости слишком усложненным», а также предоставляя читателю право решать — либеральные или социалистические понятия формируют наиболее продуктивный подход к социально-пространственному анализу города. И, наконец, автор часто использует интересные метафоры, которые оживляют даже самые сложные и многостраничные описания, т.е. развивает не только географическое и социологическое, но и поэтическое воображение читателя: «природа пространства для социального исследователя кажется окутанной мистической пеленой»; «наша способность сплести сложное кружево аргументов вокруг концепции урбанизма»; «“нарастить плоть” на скелет базового утверждения “справедливое распределение справедливым путем”» и т.д.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 20-011-00307 «Субъективное и объективное измерения счастья: справедливость как критерий личного и социального благополучия».

Библиографический список

- [1] *Бэнфилд Э.* Моральные основы отсталого общества. М., 2019.
- [2] *Гилберт Д.* Спотыкаясь о счастье. М., 2020.
- [3] *Моррис И.* Собиратели, земледельцы и ископаемое топливо. Как изменяются человеческие ценности. М., 2017.
- [4] *Проди П.* История справедливости: от плюрализма форумов к современному дуализму совести и права. М., 2017.
- [5] *Селигман М.* Как научиться оптимизму: измените взгляд на мир и свою жизнь. М., 2020.
- [6] *Сен А.* Идея справедливости. М., 2016.
- [7] *Троцук И.В.* Справедливость в социологическом дискурсе: семантические, эмпирические, исторические и концептуальные поиски // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 1.
- [8] *Флорида Р.* Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства. М., 2014.
- [9] *Хащенко В.А.* Психология экономического благополучия. М., 2012.
- [10] *Штомпка П.* Справедливость // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6.
- [11] *Geographical Gerontology: Perspectives, Concepts, Approaches.* Ed. by M.W. Skinner, G.J. Andrews, M.P. Cutchin. London–New York, 2018.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-704-714

Justice as a criterion for assessing the ‘quality’ of urban space (and the happiness of its residents)*

I.V. Trotsuk

RUDN University

Mikulkho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Vernadskogo Prosp., 84, Moscow, 119571, Russia

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru)

The article is a review-reflection on the book by D. Harvey *Social Justice and the City* (Moscow: New Literary Review; 2018). Despite the fact that social justice is in the title of the book as its focus, the researcher of justice would be disappointed, because justice is rather a cross-cutting idea of the political-economic analysis of the spatial organization of the city; however, the results of this analysis would inevitably make the reader think in terms of ‘justice-injustice’. Such a presentation of justice together with the eclectic text can become advantages of the book for researchers of social well-being: if the place of residence is a criterion of life satisfaction, the ‘quality’ of the place of residence (including fair urban planning and the type of social differentiation of the urban space) significantly influences social well-being, which the author shows very convincingly in both liberal and socialist (in his terms) discourses, but clearly prefers the Marxist methodology supplemented by some other conceptual approaches.

Key words: social justice; urbanism; urban space; social-spatial differentiation; urban theory; interdisciplinary approach; social well-being; happiness

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 20-011-00307 “Subjective and objective measurements of happiness: Justice as a criterion for personal and social well-being”.

---

* © I.V. Trotsuk, 2020.

The article was submitted on 15.04.2020. The article was accepted on 22.05.2020.

НАШИ АВТОРЫ

Алексеенок Анна Алексеевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и информационных технологий Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: alexaconst@rambler.ru).

Алешковский Иван Андреевич — кандидат экономических наук, директор Центра стратегии образования факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (e-mail: aleshkovski@yandex.ru).

Архангельский Владимир Николаевич — кандидат экономических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского института организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы (e-mail: archangelsky@yandex.ru).

Бабакеев Сергей Васильевич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института перспективных направлений и технологий Российского государственного социального университета (e-mail: BabakaevSV@rgsu.net).

Бин Ван — аспирантка кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: 1321666299@qq.com).

Гаспаришвили Александр Тенгизович — кандидат философских наук, заместитель директора Центра стратегии образования факультета глобальных проблем Московского государственного университета им. В.М. Ломоносова (e-mail: gasparishvili@gmail.com).

Гурулева Татьяна Леонидовна — доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока Российской академии наук; профессор кафедры китайского языка Военного университета Министерства обороны РФ (e-mail: gurulevatatiana@mail.ru).

Давыдов Сергей Анатольевич — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета (e-mail: licurg@inbox.ru).

Данилов Александр Николаевич — доктор социологических наук, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси; заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета (e-mail: a.danilov@tut.by).

Диева Анна Александровна — сотрудник Аппарата Правительства Российской Федерации (e-mail: anna.dieva@yandex.ru).

Ефимова Галина Зиновьевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и экономической социологии Тюменского государственного университета (e-mail: g.z.efimova@utmn.ru).

Зайцев Дмитрий Викторович — доктор социологических наук, профессор кафедры психологии и прикладной социологии Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина (e-mail: dvzsaratov@mail.ru).

Зинькина Юлия Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Международной лаборатории демографии и человеческого капитала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; научный сотрудник факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (e-mail: juliazin@list.ru).

Иванов Вилен Николаевич — доктор философских наук, член-корреспондент и советник Российской академии наук; главный научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: vilen_ivanov@bk.ru).

Каира Юрий Владимирович — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и информационных технологий Среднерусского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: kaira@orel.ranepa.ru).

Крухмалева Оксана Валерьевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов; заведующая отделом центра стратегии развития образования Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (e-mail: kruhoks@yandex.ru).

Кублицкая Елена Александровна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: eakubl@yandex.ru).

Куропятник Марина Степановна — доктор социологических наук, заведующая кафедрой культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: kuropjatnik@bk.ru).

Кучмаева Оксана Викторовна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального

научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; профессор кафедры народонаселения экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (e-mail: kuchmaeva@yandex.ru).

Логинова Лариса Викторовна — доктор социологических наук, профессор кафедры истории, политологии и социологии Саратовской государственной юридической академии (e-mail: lvloginova66@mail.ru).

Мазаев Юрий Николаевич — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Российского государственного социального университета (e-mail: MazaevJUN@rgsu.net).

Назаров Михаил Михайлович — доктор политических наук, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: vy175867@yandex.ru).

Нарбут Николай Петрович — доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов; главный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: narbut-np@rudn.ru).

Овчинцева Любовь Александровна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: lovchintseva@gmail.com).

Попова Елена Павловна — кандидат социологических наук, доцент кафедры теории организаций департамента политики и управления Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: epporova@hse.ru).

Проказина Наталья Васильевна — доктор социологических наук, профессор кафедры психологии и социологии управления Алтайского филиала Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; заведующая кафедрой социологии и информационных технологий Среднерусского института управления — филиала РАНХиГС (e-mail: nvprokazina@mail.ru).

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, заместитель директора Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru).

Росьяди Хойрул — кандидат социологических наук, доцент факультета социальных наук и культурологии Университета Труножово Мадура (Индонезия) (e-mail: khoirul.rosyadi@trunojoyo.ac.id).

Ротман Давид Генрихович — доктор социологических наук, директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (e-mail: dgrotman@rambler.ru).

Семенов Максим Юрьевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и экономической социологии Тюменского государственного университета (e-mail: m.y.semenov@utmn.ru).

Суркова Ирина Юрьевна — доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом Поволжского института управления им. П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: irina_surkova@mail.ru).

Торкунов Анатолий Васильевич — доктор политических наук, академик Российской академии наук, ректор Московского государственного института международных отношений (e-mail: rectorat@inno.mgimo.ru).

Троцук Ирина Владимировна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru).

Цвык Владимир Анатольевич — доктор философских наук, заведующий кафедрой этики и декан факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (e-mail: tsvyk-va@rudn.ru).

Цвык Ирина Вячеславовна — доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского авиационного института; доцент очно-заочного отделения факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (e-mail: tsvykirina@mail.ru).

Шульгин Сергей Георгиевич — кандидат экономических наук, заместитель заведующего Международной лабораторией демографии и человеческого капитала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: sergey@shulgin.ru).

Щебланова Вероника Вячеславовна — доктор социологических наук, профессор кафедры истории, политологии и социологии Саратовской государственной юридической академии (e-mail: vsheblanova@mail.ru).

Щербина Вячеслав Вячеславович — доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: sherbina.vyacheslav@mail.ru).

Юдина Татьяна Николаевна — доктор социологических наук, заведующая кафедрой социологии Российского государственного социального университета (e-mail: JudinaTN@rgsu.net).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В журнале публикуются статьи по методологии, истории и теории социологии, статьи по результатам социологических и междисциплинарных исследований по широкому кругу вопросов социально-гуманитарного знания на русском и английском языках, а также реферативные обзоры и рецензии.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, оформленные в строгом соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи** — от 30 до 50 тысяч знаков (с пробелами) для статей, от 12 до 20 тысяч знаков — для рецензий. Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — полуторный, нумерация страниц не проставляется. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм слева, 20 мм справа, сверху и снизу. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», — на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников — [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).
2. Все **таблицы, схемы, графики и рисунки** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. Таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.
3. **Формулы** размечаются, поясняются и снабжаются библиографическими ссылками.
4. В рукописях необходимо приводить два списка ссылок на использованные в работе источники — «**Библиографический список**» и «**References**». Ссылки на источники в Библиографическом списке следует оформлять в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008; References — в стиле Vancouver в версии AMA. Требования к оформлению Библиографического списка и References приведены на сайте журнала: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. К статье обязательно прилагаются:
  - ♦ **аннотация** (резюме) объемом 250—300 слов на русском и английском языках;
  - ♦ **список 7—8 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;
  - ♦ **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность,

ученая степень, а также **данные для связи с автором** — адрес места работы, включая почтовый индекс, номер телефона (служебный, мобильный), электронный адрес; в статье **допускается не более четырех соавторов**.

Срок рассмотрения и принятия решения о публикации составляет не менее **шести** месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются. Редколлегия не вступает с авторами в переписку в случае отказа от публикации их материалов.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения редколлегии.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редколлегии.

С содержанием вышедших номеров и аннотациями статей можно ознакомиться на сайте журнала в сети Интернет: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

Для отправки статьи в редакцию необходимо заполнить форму на сайте журнала <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, где также приведена подробная информация для авторов.

AUTHORS' GUIDELINES

The journal publishes articles on the methodology, history and theory of sociology, articles on the results of sociological and interdisciplinary studies covering a wide range of issues in social sciences and humanities written in Russian and English, as well as brief surveys and book reviews.

The editors will consider articles strictly complying with the following standards:

1. **The size of the manuscript** — from 30 to 50 thousand symbols for articles; from 12 to 20 thousand symbols for reviews. References are to be given in the text in square brackets, inside of which the first figure indicates the number of the source in the references list, the second one, following the capital letter “P”, indicates the page number in the source (for example, [1. P. 126]; references to several sources — [1. P. 126; 4. P. 43]). References to footnotes are to be given in round brackets, for example, (1).
2. All the **tables, diagrams, graphs, and drawings** are to be incorporated in the text of the article. They are to be numbered and supplied with a title. Tables are to be given a title placed above the table, drawings are to have captions. When several tables and/or drawings are used in the article, their numeration is obligatory.
3. **Formulas** are to be marked out, explained and provided with references.
4. The manuscript must include a list of references submitted in accordance with the Vancouver style of the AMA version. Requirements to ‘References’ can be found on the journal’s website: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. **It is obligatory to attach** the following to the manuscript:
  - ◆ **abstract (summary)** of 250—300 words in Russian and English;
  - ◆ **a list of 7—8 key terms** in Russian and English; each key term or word-combination is to be separated from another one with a semicolon;
  - ◆ **information about the author** in Russian and English, including: the author’s full name, the official name of the place of employment, position, scientific degree, as well as **the author’s contact data** — mailing address, telephone number (office, mobile), electronic address; **the number of co-authors cannot be more than four.**

The decision as to publication is made no less than within **six** months from the day the manuscript is registered at the editorial office. Materials which are not accepted for publication will not be returned. The editors will not enter into correspondence with the authors in case of refusal to publish the articles submitted by them.

The authors will bear full responsibility for the selection and authenticity of the given facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, geographical names and other information.

The published materials may not reflect the viewpoint of the editorial board and the editors.

The author, submitting a manuscript to the editors, undertakes not to have it published, either in full or partially, in any other publication without the editors' consent.

The published issues and abstracts of the articles are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

To send the article to the editors the author need to fill in a form on the website <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, which also provides the detailed information for authors.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
